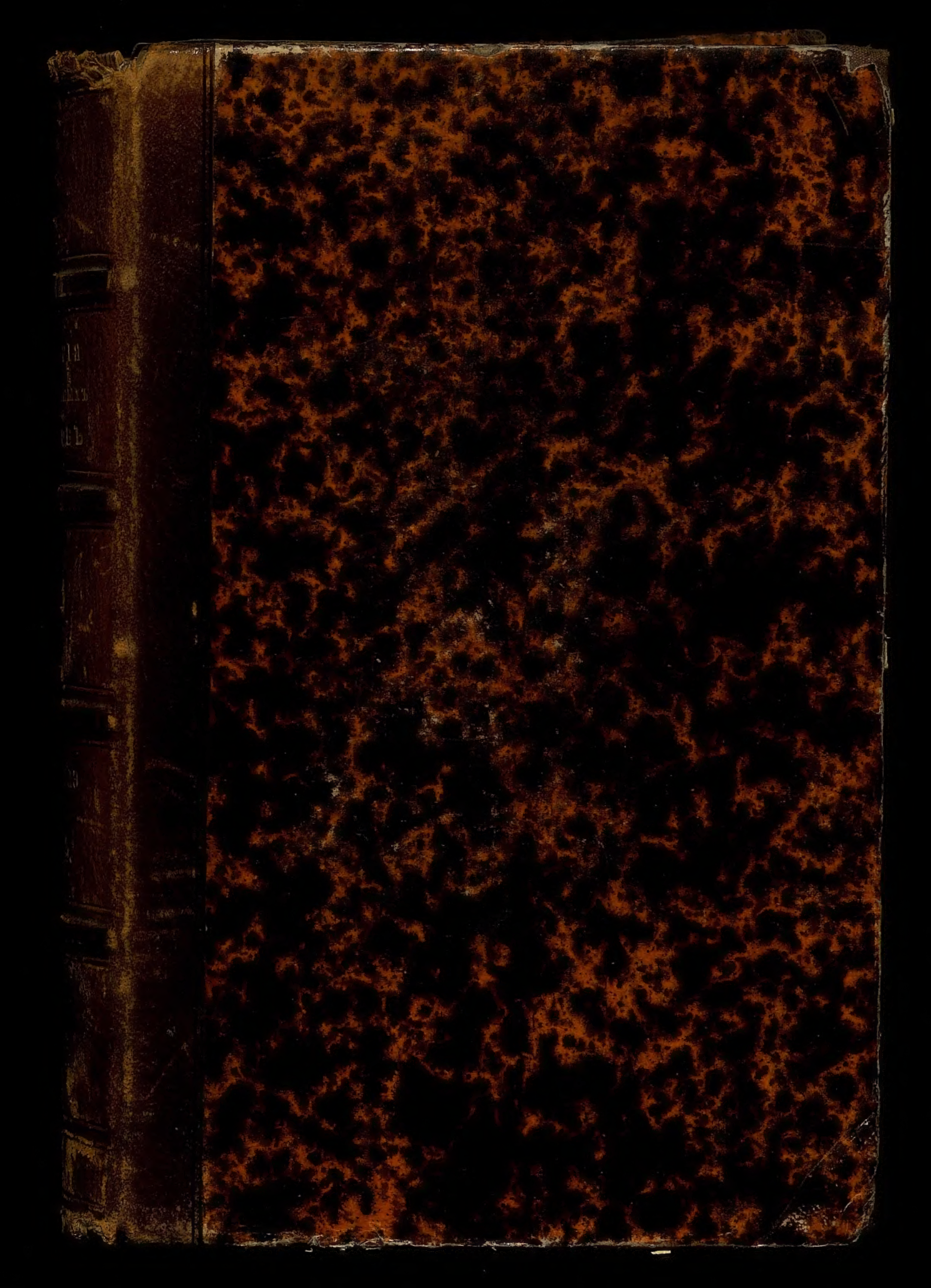
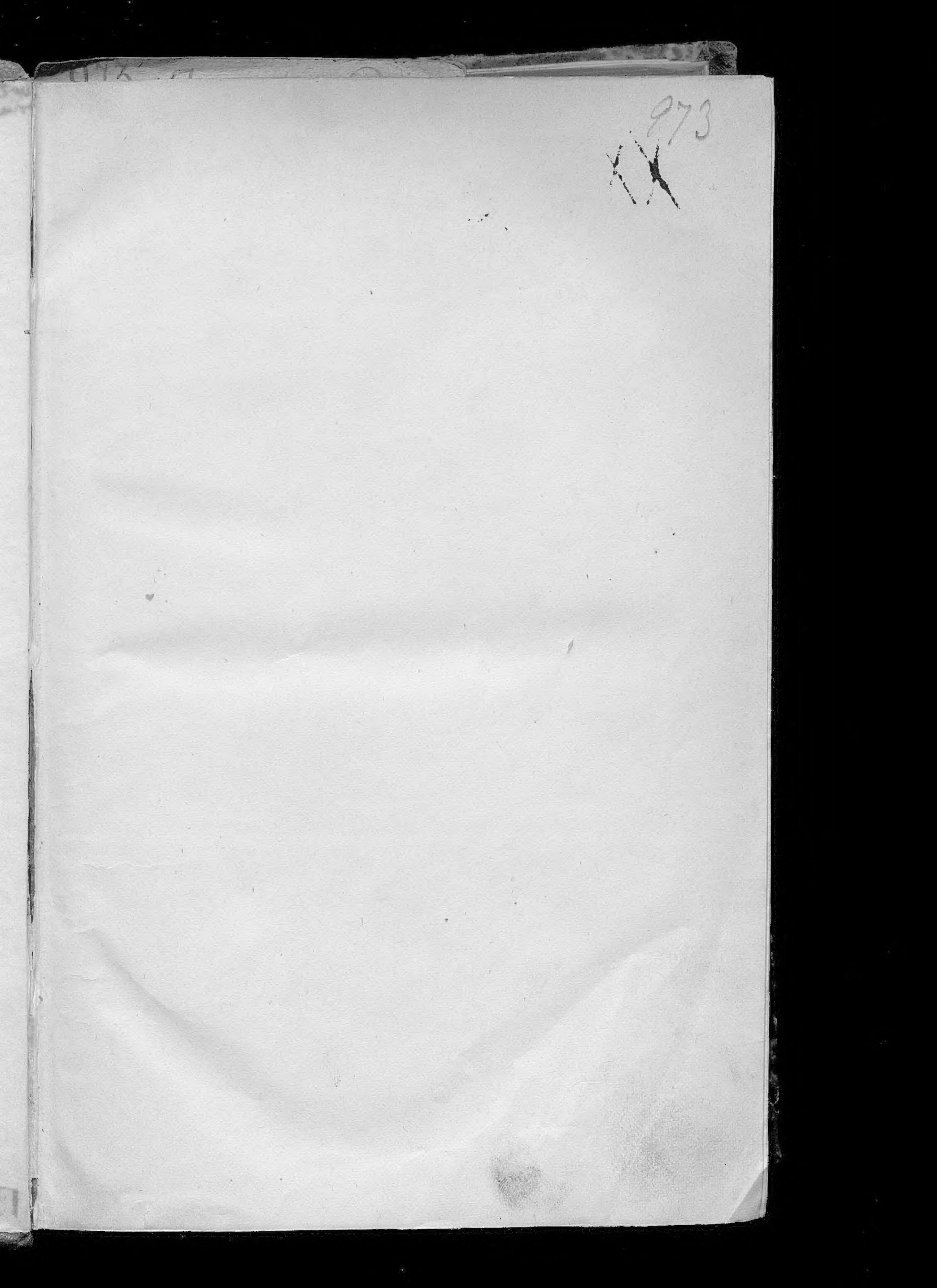
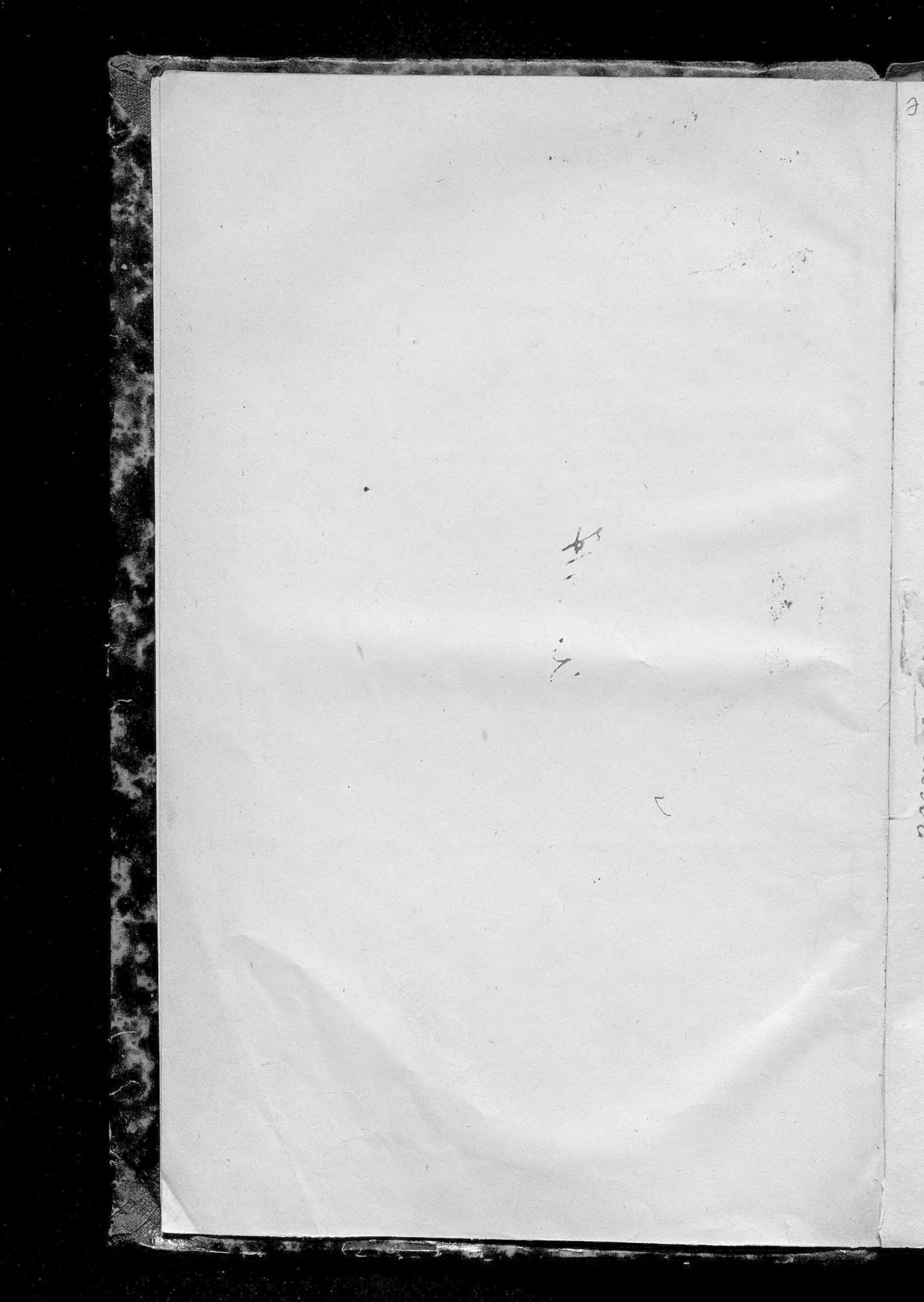

ИСТОРІЯ

СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТОВЪ

сочинение профессора

ЭДУАРДА ЛАБУЛЭ

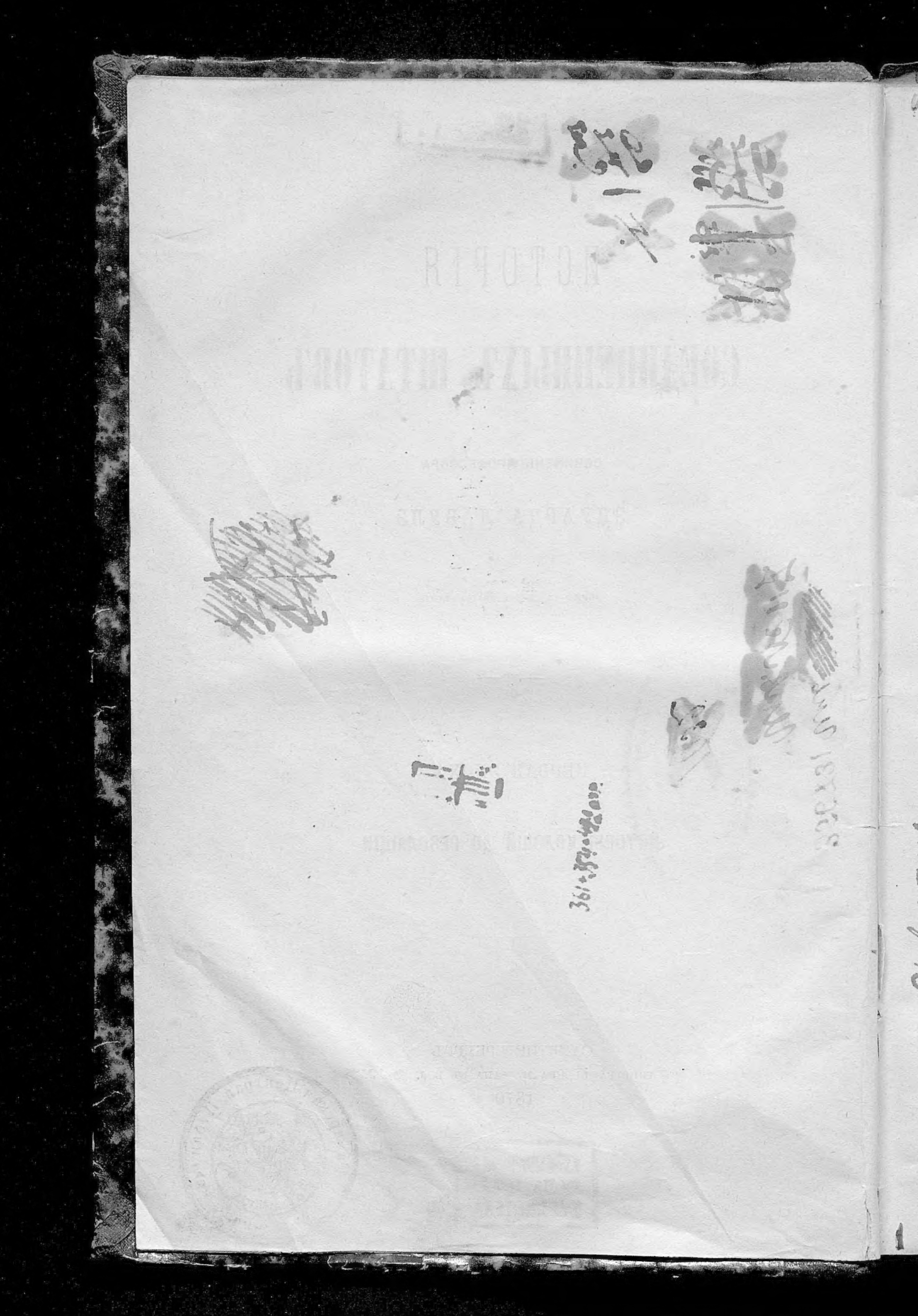
ПЕРЕВОДЪ СЪ ТРЕТЬЯГО ИЗДАНІЯ

ПЕРВАЯ ЭПОХА

ИСТОРІЯ КОЛОНІЙ ДО РЕВОЛЮЦІИ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ Д-РА М. ХАНА ВЪ БОЛ. УЛ., № 5
1870

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Нѣтъ книги, которая не сохранила бы отпечатокъ того времени, когда написана, но этотъ отпечатокъ еще болѣе чувствителенъ, когда печатается не сочиненіе, а лекція или чтеніе; если и возможно писателю изолироваться отъ своего вѣка и изучать прошедшее, не внося въ это изученіе современной идеи и страсти, то отъ професора даже нельзя и требовать подобнаго равнодушнаго и отвлеченнаго отношенія къ своему предмету. Всякій, кто говоритъ передъ живыми слушателями, долженъ усвоить себѣ ихъ взглядъ, иначе его не будутъ слушать; его обязанность броситься въ самую средину водоворота не для того, чтобы подло слѣдовать за толпой, но чтобы побороть заблужденіе и защитить истину. Я печатаю теперь курсъ чтеній или лекцій, читанныхъ при обстоятельствахъ уже очень отдаленныхъ; потому, перечитавъ свой трудъ, я невольно боюсь, чтобы тонъ его во многихъ мѣстахъ не удивилъ читателя, забывшаго минувшее, чтобы поддерживаемыя мною идеи не показались бы устарѣлыми. На этомъ основаніи читатель проститъ меня, если въ нѣсколькихъ чертахъ я представлю исторію книги, которая, по несчастью, имѣетъ уже свою исторію и рождается на свѣтъ старой.

Въ 1849 г. я былъ почтенъ назначеніемъ професоромъ въ Collège de France, и первой моей мыслію было достойно отвѣтить довѣрію правительства, выбравъ такой предметъ моего курса, который позволилъ бы мнѣ, въ одно и тоже время, изложить тѣ идеи, которымъ я посвятилъ всю свою жизнь, и, по мѣрѣ моихъ силъ, послужить на благо отечества въ минуту опаснаго кризиса. Франція тогда какъ вѣроятно вспомнятъ читатели, страдала отъ

золъ непрактической конституціи и съ ужасомъ смотрѣла на будущее, подготовленное ея законодателемъ. Выйдти изъ бездны, которую ежедневно все болѣе и болѣе расширяли общее безпокойство и страсти—вотъ чего требовала вся нація, и я хотѣлъ приложить руку къ этому общему дѣлу. Какъ професоръ я не намѣревался нападать на конституцію, которую я осуждалъ какъ гражданинъ, я не желалъ возбуждать ненависти противъ дурнаго закона, нѣтъ, слава Богу, я имѣю другое понятіе о своемъ долгѣ; но я хотѣлъ изслѣдовать при безпристрастномъ свѣтѣ исторію внѣ общественнаго волненія: въ чемъ именно заключаются прочныя условія свободы, и какъ страна, страдающая анархіей, можетъ пересоздать свои учрежденія, не пріостанавливая своей національной жизни и не бросаясь впередъ очертя голову. Это величайшая задача политики, а въ то время для Франціи это былъ вопросъ жизни и смерти. Какой великолѣпный предметъ для изученія, для размышленій! И какая радость, еслибъ исторія представила средство для исцѣленія отъ такихъ тяжкихъ недуговъ!

Послѣ февральской революціи я обратился къ книгамъ, затѣмъ,— въ чемъ книги никогда не отказываютъ безпристрастнымъ изслѣдователямъ истины — за утѣшеніемъ и совѣтомъ. Я предлагаю и это правило нравственной гигіены всѣмъ честнымъ людямъ, когда обстоятельства уничтожатъ всѣ ихъ самыя задушевныя и законныя надежды. Вмѣсто того, чтобы озлобляться въ уединеніи, пускай они слушаютъ торжественный и безпристрастный голосъ прошедшаго; бываютъ минуты, когда чтеніе Тацита приносить добро, когда слова друга не такъ для васъ драгоцѣнны, какъ добродѣтельная горесть этого великаго человѣка, который не любилъ ничего, кромѣ свободы. Что касается до меня, то въ 1848 году я обратился за совѣтомъ къ исторіи Соединенныхъ Штатовъ. Меня побудили къ этому изученію тѣ общія свѣденія, которыя я имѣлъ объ американской конституціи и о тѣхъ трудностяхъ, съ которыми пришлось бороться свободѣ въ новомъ свѣтѣ прежде, чѣмъ она стала творить тамъ чудеса; и чѣмъ ближе я смотрѣлъ на это величественное зрѣлище, тѣмъ болѣе я былъ пораженъ какъ бы откровеніемъ. Я видѣлъ передъ собою наши же заблужденія, наши же страданія; но съ какимъ мужествомъ, съ какою мудростію аме-

риканцы вышли изъ опасности! Какъ различно съ нами они понимали и утверждали свободу! Наши современные Ликурги, казалось, нарочно въ своемъ проектѣ французской конституціи шли прямо противъ американскихъ идей, бросали перчатку мудрости Вашингтона и опыту вѣковъ. Тогда я почувствовалъ какое-то грустное, душевное безпокойство и написалъ въ іюлѣ 1848 г. *Размышленія о конституціи* ([1]); сознаніе же грозившей опасности побудило меня напечатать вмѣстѣ съ этимъ сочиненіемъ письмо, написанное къ генералу Каваньяку человѣкомъ, который, по несчастью, былъ слишкомъ неизвѣстенъ, чтобы на его слова обратили вниманіе посреди неистовыхъ криковъ партій.

Генералу Каваньяку, президенту исполнительной власти.

Генералъ!

„Отдавая въ ваши руки судьбу Франціи, событія поставили васъ въ положеніе подобное тому, въ которомъ находился Вашингтонъ. Уже въ военныхъ дѣйствіяхъ, гораздо страшнѣйшихъ, чѣмъ чужестранная война, вы выказали твердость и человѣчность, достойныя этого великаго человѣка. Для того, чтобы исторія окончила паралель, столь благородно начатую, вамъ остается создать вмѣстѣ съ нашими законодателями конституцію прочную, дѣйствительно свободную и дѣйствительно республиканскую. Пусть и въ этомъ отношеніи вамъ будутъ служить примѣромъ мудрость и здравый смыслъ героя Соединенныхъ Штатовъ! Вопросы, раздѣляющіе насъ нынѣ на враждебные лагери, тѣже самые, которые возбуждали борьбу и между основателями американской республики: — объявленіе народныхъ правъ, независимость исполнительной власти, ограниченіе законодательной власти въ тѣхъ предѣлахъ, перейдя которые она превращается въ нестерпимую тиранію. Разрѣшенія этихъ вопросовъ, представленныя Вашингтономъ и принятыя его современниками, составили величіе Америки; время произнесло надъ ними свой приговоръ и освѣтило ихъ своей неприложной печатью. Од-

---

([1]) Сначала напечатано въ Revue de Législation въ іюлѣ 1848 г., а потомъ отдѣльно.

нако, этотъ самый способъ разрѣшенія предстоящихъ намъ задачъ отвергается членами конституціоннаго собранія, которые, презирая вѣрный, проторенный путь, ведутъ Францію къ безднѣ, гдѣ погибнетъ ея свобода. Вы, генералъ, поставлены своимъ положеніемъ и характеромъ выше всѣхъ партій и вамъ слѣдуетъ размыслить о той отвѣтственности, которая падетъ на вашу голову передъ судомъ исторіи, если вы подъ именемъ республики дадите Франціи деспотизмъ собранія, не имѣющаго противовѣса. Вамъ слѣдуетъ спросить себя, можете ли вы въ томъ положеніи, въ какое поставлена исполнительная власть конституціей, управлять Франціей съ тою независимостью въ своихъ дѣйствіяхъ, безъ которой немыслимо правительство. Опытъ одного мѣсяца, проведеннаго вами во главѣ правленія, долженъ уяснить вамъ этотъ предметъ гораздо болѣе, чѣмъ могъ бы въ двадцать лѣтъ уединенныхъ трудовъ уяснить себѣ мыслитель.

Когда страна, какъ разбитый корабль, носится по водамъ, всякій имѣетъ право, если не вмѣшиваться въ управленіе кораблемъ, то, по крайней мѣрѣ, указать, гдѣ, по его соображенію, находится сѣверъ; на этомъ основаніи, генералъ, я и позволяю себѣ высказать вамъ свое мнѣніе. Это мнѣніе завтрашняго республиканца, но вчерашняго демократа, который никому не уступитъ въ любви отечеству."

Имѣю честь быть, генералъ,
съ глубочайшимъ уваженіемъ
вашъ преданный согражданинъ Эдуардъ Лабулэ.

Назначенный профессоромъ, я видѣлъ ясно, въ чемъ состоялъ мой долгъ. Я долженъ былъ познакомить Францію съ Америкой и почерпнуть изъ исторіи послѣдней примѣръ и средство спасенія отъ наступавшей грозы. Я приступилъ потому съ жаромъ къ изученію этого предмета и не жалѣлъ труда, чтобы представить полный очеркъ событій, имѣвшихъ для насъ такой животрепещущій интересъ. Сочиненіемъ Банкрофта я руководствовался для исторіи колоній, которая составляетъ предметъ перваго тома моей книги, а трудъ Стори далъ мнѣ главнѣйшіе матеріалы для исторіи конституціи; но кромѣ этихъ двухъ авторовъ, моихъ постоянныхъ руко-

водителей, и которымъ я одолженъ всѣмъ, что есть только хорошаго въ моей книгѣ ([1]), я пользовался еще всѣми оригинальными документами и біографіями, такъ что у меня вскорѣ составилась довольно значительная библіотека, и я вполнѣ имѣлъ основаніе предполагать, что ничего не ускользнуло отъ моего вниманія, и я могу исполнить первую обязанность професора передать слушателямъ одну истину.

Аудиторія была не велика и професоръ молодъ и неопытенъ, но предметъ былъ такъ величественъ и обстоятельства столь серьезны, что слушатели слѣдили за курсомъ, мнѣ казалось, съ удивительнымъ вниманіемъ. Что касается до меня, то я горячо пристрастился къ моему предмету; я, право, не знаю что научило меня большему: исторія колоній, или исторія революціи, или исторія о томъ, какъ образовалась великолѣпная конституція, доставившая Соединеннымъ Штатамъ безпримѣрное благоденствіе и послѣ шестидесяти-лѣтняго существованія отличающагося еще больше, чѣмъ когда, юностью и популярностью.

Исторія колоній ввела меня въ совершенно новый міръ. Америка понимаетъ свободу совершенно иначе, чѣмъ Франція; въ сущности эта свобода англійская, но такъ какъ въ Соединенныхъ Штатахъ нѣтъ ни аристократіи, ни готическихъ формъ, которыя застилали бы свободу, то лучше и яснѣе видишь все ея величіе и простоту.

Во Франціи свобода находилась только въ хартіи, и полагали, что все дѣло заключалось въ двухъ палатахъ, избирательномъ правѣ и въ свободѣ печати. Громадная централизація, чисто император-

---

([1]) Я не цитировалъ Банкрофта такъ часто, какъ бы слѣдовало. Я долженъ былъ бы поставить его имя подъ каждой страницей, но я не всегда отмѣчалъ цитаты къ тѣмъ запискамъ, которыя служили основаніемъ моихъ чтеній, и потому часто не былъ въ состояніи указать именно откуда я заимствовалъ приводимый фактъ. Но я нисколько не уменьшаю значенія для меня Банкрофта, «исторіи» котораго, повторяю, я почти вездѣ изслѣдовалъ. Даже повѣрка, которой я въ нѣкоторыхъ случаяхъ подвергалъ этотъ великолѣпный трудъ, только еще болѣе выказала его достоинство.

ская администрація, государственная религія, воспитаніе, сосредоточенное въ рукахъ правительства—никогда не пугали политиковъ лѣваго центра (когда Франція была лѣвый центръ); они во всемъ этомъ не видали ничего несогласнаго съ свободой.

Напротивъ, въ Соединенныхъ Штатахъ политическую свободу не превращали въ простое увѣнчаніе зданія; тамъ знаютъ, что свобода нѣчто столь тяжелое, что подъ нею все зданіе рушилось бы и что выдержать не можетъ ничего, кромѣ ея самой. Поэтому свободу поставили въ основу всего общества. Тамъ хартія значитъ не что иное какъ листъ бумаги, и если свобода не есть душевная потребность и ежедневная привычка каждаго гражданина, то всякая самая совершенная и либеральная конституція только опасная химера; достаточнымъ примѣромъ этого служитъ Испанская Америка. Съ помощію религіи, воспитанія, общинной организаціи и національной милиціи вкореняется свобода въ душѣ каждаго гражданина; это четыре столба, поддерживающіе конституцію. Церковь, независимая отъ государства и слѣдовательно полное отсутствіе всякой междоусобной войны и всякихъ симоническихъ союзовъ; воспитаніе, независимое отъ правительства, но обязательное для общинъ и служащее для всей республики вопросомъ жизни и смерти, національная милиція, отдающая въ руки гражданъ всю внутреннюю и внѣшнюю охрану государства, и уничтожающая всякую мысль честолюбивой или воинственной политики; община, единственная распорядительница своими интересами, отвѣтственная за всѣ свои ошибки и заблужденія—вотъ каковы въ Соединенныхъ Штатахъ четыре основныхъ условія свободы, въ которыхъ у насъ всегда былъ недостатокъ. Тамъ политическая жизнь появляется припадками, какъ болѣзнь, а это одинъ изъ обычныхъ видовъ ежедневной жизни. Всякій человѣкъ тамъ гражданинъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что онъ адвокатъ, промышленникъ или земледѣлецъ. Всякій, занимаясь своими собственными дѣлами, занимается вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣлами своей церкви, школы и общины. Дѣла эти столь же для него близки, какъ и его собственныя, ибо онъ самъ накладываетъ, собираетъ и расходуетъ налоги, самъ пользуется мудростью своихъ согражданъ и несетъ на себѣ ихъ ошибки. Такимъ образомъ, мы находимъ въ Соединенныхъ Штатахъ ту общественную жизнь, блестящіе примѣры

которой представили намъ Греція и Римъ; община служитъ тамъ взаимной школой свободы; съ перваго дня своей жизни каждый гражданинъ научается любить государство, какъ свою собственность, и въ душѣ его является то законное чувство гордости, которое составляетъ силу и достоинство республикъ.

Но не слѣдуетъ полагать, чтобъ эта просвѣщенная любовь была бы новой идеей въ Соединенныхъ Штатахъ; философія восемнадцатаго вѣка не имѣетъ никакой роли въ этомъ великомъ дѣлѣ: вся честь его скорѣе принадлежитъ религіи. Вольтеръ, Руссо, Мабли могутъ требовать отъ французской революціи признанія своихъ заслугъ, но американская конституція имъ ничѣмъ не одолжена; и когда читаешь исторію колоній, то понимаешь всю справедливость словъ Джона Адамса, друга и преемника Вашингтона. — „Вообще, писалъ онъ въ 1782 г., теорія правительства понимается въ Америкѣ не хуже, чѣмъ въ Европѣ, и многіе у насъ понимаютъ гораздо лучше все, что касается до свободной конституціи, чѣмъ абатъ Мабли и Тюрго, хотя эти господа чрезвычайно любезны, умны и знающи“ (¹). Адамсъ былъ правъ, свобода въ Соединенныхъ Штатахъ не чужестранка, къ которой вдругъ пылаютъ страстью и которую потомъ бросаютъ въ минуту каприза, пожертвовавъ ей сначала всѣмъ; свобода прибыла въ Америку съ первымъ эмигрантомъ, какъ жена, какъ мать, и въ продолженіи двухъ вѣковъ ничто не нарушило, не запятнало этого священнаго союза.

Исторія революціи еще болѣе изумила меня; я никогда не ожидалъ найти того, что я нашелъ. Если есть имя, часто повторяемое въ наше время, то, конечно, это имя Вашингтона, но какъ мало и дурно знаютъ его тѣ, которые не изучили этого великаго человѣка вблизи, въ его дѣйствіяхъ и писаніяхъ! Странное дѣло, нѣтъ основателя государства, о которомъ бы всѣ говорили съ такимъ уваженіемъ, но какъ-то холодно всѣ смотрятъ на эту величественную фигуру. Въ его жизни, столь блестящей своимъ однообразіемъ, ничто не поражаетъ нашего воображенія. Мы бережемъ свои восторги

(¹) См. примѣчаніе къ чтенію X и XI.

для завоевателей, обагрившихъ міръ кровью и втоптавшихъ въ грязь свободу; мы обожаемъ великій эгоизмъ этихъ людей, а для Вашингтона намъ остается только уваженіе; мы еще не понимаемъ, что величіе бываетъ только въ самоотверженіи. О, какъ правъ былъ Байронъ, восклицая въ концѣ своей *оды къ Наполеону*:

Where may the wearied eye repose
When gazing on the great,
Where neither guilty glory grows
Nor despicable state?
Yes! one—the first—the last—the best,
The Cincinatus of he west,
Whom envy dared not hate,
Bequeath'd the name of Washington
To make man blush there was but one (¹).

Дѣйствительно ли Вашингтонъ такъ великъ, какъ его изображаетъ Байронъ? Да, его величіе ясно выказывается въ сравненіи съ самыми величайшими героями. Возьмемъ напримѣръ Цезаря, который до того ослѣпилъ своей славой, что историки спѣшатъ одинъ передъ другимъ простить ему всѣ его преступленія и преклониться передъ всѣми его злодѣйствами. Звѣзда Вашингтона не поблѣднѣетъ передъ этимъ героемъ Римской Имперіи. Конечно, американскій полководецъ не имѣлъ ни ума, ни способностей фарсальскаго побѣдителя; онъ жилъ въ бѣдномъ, скромномъ обществѣ, и его сограждане скорѣе походили на современниковъ Цинцината, а не Цицерона, но какое нравственное различіе между этими людьми и въ отношеніи даже политическаго генія: какъ одинъ великъ, а другой мелокъ!

Если мы взглянемъ на тотъ элементъ въ дѣятельности этихъ соперниковъ, который принадлежитъ не человѣческой природѣ, не окружающей средѣ, а индивидуальному человѣку—на силу во-

---

(¹) Гдѣ отдохнуть уставшимъ очамъ отъ зрѣлища міра сего, гдѣ найдти славу непреступную и величіе непрезрѣнное? Да! есть одинъ—первый—послѣдній—лучшій, Цинцинатъ запада, котораго и зависть не смѣла ненавидѣть. Онъ завѣщалъ имя Вашингтона человѣчеству, которое должно стыдиться, что это имя одно, единственное.

ли, то Вашингтонъ въ этомъ отношеніи не уступитъ Цезарю. Оба они, однажды вступивъ на свой путь, не сдѣлали ни шага назадъ или въ сторону. Цезарь хотѣлъ подчинить своей волѣ весь міръ и изгнать изъ него самое слово свободы; ничто его не удержало, онъ убилъ милліонъ людей, чтобы достигнуть своей цѣли. Вашингтонъ хотѣлъ охранить и упрочить свободу своей родины; ничто также не удержало его на этомъ пути; угроза казни и позора не остановила его въ дѣлѣ освобожденія своей родины; онъ съ отвращеніемъ отвергъ предложеніе арміи принять верховную власть, хотя никто за подобное дѣйствіе не упрекнулъ бы его въ честолюбіи. Диктаторъ, онъ заботился только о свободѣ и любилъ только республику. Оба они успѣли въ своемъ предпріятіи; оба они основали могущественныя государства и завѣщали потомству свой примѣръ и идею; ихъ дѣла,—лучшіе ихъ судья.

Деспотизмъ, основанный Цезаремъ, предалъ всю власть въ руки одного властелина и подвергъ цѣлый народъ жить волею одного человѣка. Это минутное царствованіе создало Имперію, стоившую міру пять вѣковъ непреодолимаго упадка. Императорская администрація, одна изъ самыхъ сложныхъ и великолѣпныхъ системъ, когда либо придуманныхъ политикой, до того изнурила и развратила римское общество, что даже и христіанство не могло его поднять; необходимы были новыя расы для возстановленія истощенной крови.

Вашингтонъ учредилъ республику, мудрую и хорошо устроенную; онъ оставилъ потомству не роковой примѣръ торжества преступленія, а благодѣтельный примѣръ патріотизма. Въ продолженіи не болѣе пятидесяти лѣтъ, благодаря могучей закваскѣ, развилось, къ изумленію всего свѣта, государство, основанное не на завоеваніяхъ, а на мирномъ трудѣ,—государство, которое до окончанія нынѣшняго столѣтія сдѣлается величайшимъ государствомъ всего міра. И если оно будетъ вѣрно слѣдовать мысли своихъ основателей, если честолюбивые замыслы не пріостановятъ его быстраго хода, то оно представитъ тогда міру необычайное зрѣлище республики въ сто милліоновъ людей, болѣе счастливой, богатой и блестящей, чѣмъ монархія стараго свѣта. Вотъ дѣло Вашингтона!

Не смотря на весь геній Цезаря, онъ оставилъ исторіи роко-

вое имя, означающее деспотизмъ. Имя Вашингтона не только имя основателя громаднаго государства. Вашингтонъ открылъ новую эру въ исторіи: превосходя величіемъ Цезаря, онъ уничтожилъ дѣло гордаго римлянина, онъ прекратилъ роковой разладъ, введенный Цезаремъ на землѣ, онъ примирилъ человѣчество съ свободой!

И Вашингтонъ не одинъ въ Америкѣ; себялюбивый геній Цезаря не могъ терпѣть вокругъ себя никого, кромѣ слѣпыхъ орудій и холоповъ; вокругъ него всѣ преклонялись передъ волей властелина. Благородная душа Вашингтона и любовь его къ свободѣ должны были окружить себя всѣми честными людьми и пробудить во всѣхъ патріотизмъ и самоотверженіе. Дѣйствительно, какая плеяда славныхъ гражданъ! Патрикъ Генри, Ганкокъ, Самуилъ Адамсъ, Франклинъ, Джонъ Адамсъ, Джефферсонъ, Джей, оба Мориса, Мадисонъ и впереди всѣхъ прекрасная, кроткая личность Гамильтона, которому Америка выказала неблагодарность и котораго мы напрасно не знаемъ, ибо этотъ юноша былъ правой рукой и совѣтникомъ Вашингтона, достойнымъ Ефестіономъ этого мирнаго Александра! Только испытавъ самъ роковыя грозы революціи, видя самъ эту борьбу страстей и животныхъ инстинктовъ, понимаешь настоящую цѣну этихъ благородныхъ людей, которые въ самой опасности видѣли только еще большій поводъ къ защитѣ справедливости и свободѣ, этихъ двухъ неразлучимыхъ близнецовъ, противъ каприза и безумія ослѣпленной толпы. Славное было время, когда дѣйствовали эти люди, тяжелы были испытанія, сомнителенъ былъ завтрашній день, но всякій надѣялся на Вашингтона, поддерживавшаго всѣхъ своимъ примѣромъ, величіемъ своей добродѣтели.

Исторія конституціи не менѣе поучительна, чѣмъ исторія колоній и революціи, а въ 1849 г. она имѣла еще особый, живо-трепещущій интересъ. Какъ Франція, Америка страдала отъ анархіи, и это зло происходило отъ двухъ причинъ: отъ отсутствія твердой, исполнительной власти и отъ всемогущества одного законодательнаго собранія. Аналогія была поразительная, всякій съ этимъ согласится. Измѣняя своему прошедшему и увлекаясь иллюзіей, которую раздѣлялъ и Франклинъ, Америка вручила все управленіе въ руки одной палаты; этого было достаточно, чтобы впасть тотчасъ въ анархію и дрожать отъ страха возмущенія въ ту са-

мую минуту, когда миръ дѣлалъ ее владычицей своихъ судебъ. Тогда-то безсмертный Гамильтонъ, Джей, Мадисонъ и всѣ истинные друзья свободы собрались для спасенія отечества и избрали конвентъ 1787 г., который составилъ конституцію.

Сколько мудрости высказано въ преніяхъ конвента! Сколько честнаго желанія основать свободу на справедливости и на уваженіи правъ всѣхъ и каждаго! И впослѣдствіи какое мужество выказали эти люди, побуждая принять эту конституцію всѣ тринадцать штатовъ, раздѣленныхъ тысячами противоположныхъ страстей. Эта самоотверженная преданность своему дѣлу и свободѣ издала конституцію, одну изъ самыхъ совершенныхъ, извѣстныхъ когда либо исторіи, одну изъ тѣхъ, которая удержалась всего долѣе. Двѣ палаты, обѣ немногочисленныя, сенатъ благоразумно принимающій участіе въ администраціи, президентъ, имѣющій немного правъ, но свободный въ своихъ дѣйствіяхъ и, наконецъ,—чего мы никогда не знавали,—судебная власть поистинѣ независимая и достаточно сильная, чтобъ принудить самыя палаты исполнять свой долгъ, не дозволяя имъ нарушать конституціи—вотъ главныя черты этой хартіи, которую мы такъ мало знаемъ и которая можетъ быть для насъ такимъ полезнымъ урокомъ.

И рядомъ съ этимъ мудрымъ и основанномъ на долгомъ опытѣ раздѣленіемъ властей, законодательной, административной и судебной, какое вниманіе обращено на индивидуальную человѣческую личность, какое уваженіе къ тѣмъ правамъ и гарантіямъ, безъ которыхъ политическая свобода только пустое слово! Свобода религіи, свобода личности, свобода печати, народная милиція, судъ присяжныхъ,—все это поставлено въ ряду самыхъ святыхъ, незыблемыхъ правъ человѣка; повсюду замѣчается ревностная забота предохранить страну отъ зла, могущаго произойти отъ слабости палатъ или отъ злоупотребленія ими своей власти.

Но не эти постановленія меня поражали; мы все это часто повторяли въ нашей конституціи и, однако, эти права остались мертвой буквой. Но въ Соединенныхъ Штатахъ нравы и обычаи поддерживаютъ законы; ихъ предписанія потому и имѣютъ жизненную силу, что каждый гражданинъ сознаетъ ихъ цѣну и готовъ ихъ защищать. Къ тому же есть никогда не дремлющій стражъ, ко-

торый не даетъ народу заснуть и во снѣ потерять свою свободу— эта печать, вѣрная хранительница всѣхъ правъ общественныхъ и индивидуальныхъ. Во Франціи легко нападать на печать. Мы много перенесли по ея милости, и ея злоупотребленія ослѣпляютъ насъ на счетъ тѣхъ заслугъ, которыя она можетъ принести. Но человѣкъ не злоупотребляетъ ли всѣмъ, что ему доступно, и прежде всего не злоупотребляетъ ли онъ драгоцѣннѣйшимъ изъ всѣхъ земныхъ даровъ—жизнью? Печать—жизнь, одушевляющая общественное тѣло; какъ бы ей ни злоупотребляли, нельзя уничтожить ея необходимости. Это хорошо поняли въ Америкѣ, и такъ какъ эта страна юная и полная жизни, то нигдѣ печать не пользовалась такой свободой и нигдѣ она не принесла такой большой пользы. Тамъ всѣми признается, что невѣжество бичь демократіи, что одна печать увѣнчиваетъ образованіе народа, что она одна доставляетъ преемство свободнымъ странамъ, ибо, образуя умъ, она путемъ личной свободы приводитъ къ благосостоянію и богатству; все это старыя аксіомы, но въ Америкѣ онѣ еще не измѣнились.

Таковъ былъ предметъ моего курса; такова была картина, которую я старался набросать передъ моими слушателями. Не разъ мнѣ казалось, что аудиторія съ сочувствіемъ слѣдила за моими изслѣдованіями; что же касается до меня, то я жилъ этой работой; мнѣ казалось, что въ то время ничего не могло быть полезнѣе изданія книги, въ которой Америка говорила бы Франціи и передала бы ей свою опытность. Тутъ не былъ необходимъ талантъ писателя, а главное вѣрная передача сущности американскихъ идей; для этого необходимъ былъ только трудъ, и я былъ увѣренъ, что могу вполнѣ удовлетворить слушателя.

Я уже собирался напечатать свою книгу, какъ въ 1851 г. вопросъ о пересмотрѣ конституціи сталъ занимать всѣхъ во Франціи. Наученый опытомъ Америки, я одинъ изъ первыхъ обратилъ вниманіе страны на этотъ щекотливый вопросъ (¹), и я предлагалъ заимствовать у Соединенныхъ Штатовъ разрѣшеніе этой задачи.

(1) La Revision de la Constitution, lettres à un ami par Edouard Laboulaye, Paris. Février. 1851. Durand.

Это было единственное средство избѣгнуть насилія, отъ котораго всегда страдаетъ свобода, какъ бы ни рукоплескало общественное мнѣніе. Изучивъ Америку, страну практическую и здравомыслящую, я задалъ себѣ вопросъ: въ чемъ именно заключался недостатокъ конституціонныхъ собраній, которыя у насъ всегда въ концѣ концевъ обманываютъ надежды, возбужденныя въ началѣ? И я пришелъ къ тому убѣжденію, что эти конституціонныя собранія, въ рукахъ которыхъ мы сосредоточиваемъ всю власть въ государствѣ, ни что иное, какъ химера; въ медицинѣ это была бы система, прекращающая на время жизнь больнаго для возстановленія его изнуреннаго организма. Когда нашлось бы средство къ излеченію его недуга, больной былъ бы давно уже мертвъ. Конституціонныя собранія, которымъ мы вручаемъ деспотическую власть для твердаго основанія свободы, нѣчто столь же безумное, какъ квадратура круга. Въ Америкѣ, напротивъ, эта задача разрѣшена; тамъ пересматриваютъ конституцію, не измѣняя ничего въ ежедневной правительственной дѣятельности, не поручая палатамъ чрезвычайной власти, не смущая умовъ, не останавливая хода дѣлъ; и вмѣстѣ съ тѣмъ не проходитъ ни одного года, чтобы въ какомъ нибудь мѣстѣ Соединенныхъ Штатовъ не собирался конвентъ. Это роковое слово тамъ имѣетъ совершенно невинное значеніе, ибо американцы всегда умѣютъ удержать свои законодательныя собранія въ предѣлахъ опредѣленнаго ихъ назначенія.

Я не знаю, могла ли моя брошюра, въ которой я ссылался, напримѣръ, къ Америкѣ — произвести впечатлѣніе, но въ одинъ день и одной книгой нельзя открыть глаза народу, безпокойному и недовольному. Страждущій народъ не читаетъ, и пока я подготовлялъ изданіе *исторіи Соединенныхъ Штатовъ*, которая должна была окончательно убѣдить читателей въ справедливости моихъ идей, Франція произвела новую революцію и измѣнила снова форму правленія.

Эта перемѣна была такого рода, что я отложилъ изданіе своей книги, не потому, чтобъ мои убѣжденія поколебались событіемъ, которое было слишкомъ легко предугадать (1), не то, чтобъ я сталъ

(1) Историческая школа, писалъ я въ 1848 г., полагаетъ, что она

менѣе уважать генія Вашингтона и патріотизмъ его друзей, нѣтъ я никогда не сознавалъ въ такой степени ихъ величія, но я полагалъ, что никто не станетъ меня слушать въ первую минуту такого переворота. Франція—нація страстная, все въ ней дѣло моды и увлеченія. На другой день, послѣ 24 февраля, я увидѣлъ на лѣво отъ себя толпу людей, которыхъ я такъ долго видѣлъ на правой сторонѣ, что и не подозрѣвалъ въ нихъ республиканцевъ; сегодня они снова возвратились на свое прежнее мѣсто, вѣчно вѣрные своей идеѣ служить правительству и поддерживать его. Нѣкоторые осуждаютъ ихъ, но я удивляюсь имъ, ибо они разрѣшили самую щекотливую задачу, сочетавъ свой долгъ съ своими интересами.

Что касается до меня, который по волѣ судьбы всегда былъ простымъ зрителемъ политическихъ событій, то я желаю только одного,—видѣть Францію счастливой, спокойной, свободной; у меня есть недостатокъ, и большой въ нашей странѣ, не довѣрять теченію, увлекающему толпу, сомнѣваться во всемъ, чему міръ рукоплещетъ. Какъ гражданинъ, я съ безпокойствомъ смотрю на то, что происходитъ вокругъ меня. Въ томъ, что такъ громко восхваляютъ, я по видимому узнаю тѣ разрѣшенія государственной задачи, которыя были уже испробованы и надоѣли Франціи, какъ многое другое. Въ политикѣ ужъ нѣтъ болѣе тайнъ; легко можно опредѣлить результатъ извѣстныхъ учрежденій. Конечно, отъ Франціи не скрыли, сколько горя и преступленій внесетъ съ собою демагогія; но Франція не хотѣла ничего слышать, желая сама испытать это на

довела политику до положительной науки, и если ея принципы вѣрны, то она смѣло предсказываетъ, что идя въ разрѣзъ преданіямъ и навязывая намъ революціонную конституцію, противную нашимъ идеямъ и обычаямъ, насъ по необходимости ведутъ къ демагогической диктатурѣ. Я не перестаю утверждать и я хотѣлъ бы, чтобъ мой голосъ былъ слышенъ всей Франціей, что или наука ложна (а я доведенъ до подобнаго желанія), или насъ ведутъ къ безднѣ. Вводя новую конституцію губятъ республику; тогда какъ нѣтъ ничего легче, какъ утвердить ее на прочныхъ основахъ—и т. д. «(Considération sur la constitution, p. 79.— La Révision de la constitution, p. 115—116).

дѣлѣ, и какой дорогой цѣной она купила этотъ опытъ; нынѣ полагаютъ, что достигли гавани, но я вижу впереди много грозныхъ опасностей, которыхъ, однако, есть возможность избѣгнуть. Вотъ почему я печатую свою книгу и не измѣняю въ ней ничего. Она написана во время республики, въ эпоху, когда я надѣялся доказать республиканцамъ, что какъ для свободы, такъ и для правительства, нѣтъ спасенія иначе, какъ въ той формѣ правленія, которая уравновѣсила бы эти два элемента и не дозволила бы свободѣ погибнуть черезъ анархію, а власти ослабить свою силу злоупотребленіемъ ея. Нынѣ преклоняются въ противоположную сторону, задача стала обратная, но она не измѣнилась, долгъ гражданина, любящаго свою страну, остается все тотъ же. По этому я печатаю свой курсъ въ такомъ видѣ, въ какомъ читалъ его въ 1849 г., не сдѣлавъ никакихъ значительныхъ перемѣнъ. Какъ бы онъ ни устарѣлъ, я полагаю, все же онъ наведетъ на полезныя мысли безпристрастныхъ читателей, а къ нимъ-то я и обращаюсь, ибо я не пишу для партій.

Что же касается до политиковъ, смотрящихъ самоувѣренно на будущее, то я не намѣренъ смущать ихъ спокойствіе и къ тому же разсуждать съ ними въ настоящее время — дѣло не легкое; я позволю себѣ только привести одинъ мало извѣстный, но не лишенный интереса анекдотъ. Я заимствую его изъ *воспоминаній* генерала Матье Дюма ([1]). Дѣло происходитъ во времена имперіи, наканунѣ Ваграма, и герой исторіи Наполеонъ.

„Я остался въ Эберсдорфѣ, разсказываетъ Дюма, для наблюденія за переходами войска; 4 іюля съ разсвѣтомъ я отправился въ императорскій лагерь съ рапортомъ въ штабъ, какъ вдругъ императоръ вышелъ изъ своей палатки и позвалъ меня.

„Я отдалъ ему отчетъ въ переходахъ различныхъ корпусовъ и въ приближеніи италіянской арміи. — „Хорошо, сказалъ онъ: — мы дѣйствуемъ согласно; эрцъ-герцогъ Іоаннъ долженъ былъ бы сдѣлать на лѣвомъ берегу тоже движеніе, что Евгеній на правомъ берегу, и такимъ образомъ очутиться завтра въ битвѣ съ трид-

([1]) Souvenirs du général Mathieu Dumas, tome 3. p. 362. Paris. 1839.

цатью тысячами людей; но вы увидите, что онъ не успѣетъ.“ — Потомъ онъ началъ ходить взадъ и впередъ по травѣ, заложивъ руки на спину и задавая мнѣ различные вопросы. Между прочимъ онъ спросилъ: — „Скажите мнѣ, что вы думаете о Нарбонѣ, котораго я послалъ командовать въ Раабъ?“ — „Ваше величество, отвѣчалъ я: — я полагаю, что этотъ человѣкъ способенъ на все, съ благороднымъ сердцемъ и рѣдкимъ мужествомъ.“ — „Хорошо, но онъ никогда не нюхалъ пороха.“ — „Ваше величество, я не полагаю, чтобы ему нужно было этому учиться.“ — Перемѣнивъ вдругъ предметъ разговора, императоръ сказалъ: — „Генералъ Дюма, вы принадлежали къ числу тѣхъ глупцовъ, которые вѣрили въ свободу?“ — „Да, ваше величество, я принадлежалъ и теперь принадлежу къ ихъ числу.“ — „И вы поддерживали революцію, какъ другіе, изъ честолюбія?“ — „Нѣтъ, ваше величество, я теперь рѣшительно въ томъ же положеніи, въ какомъ былъ въ 1790 г.“ — „Вы не вполнѣ сознавали вашихъ тайныхъ побужденій, вы не можете составлять исключеніе; личный интересъ руководитъ всѣми. Посмотрите на Массена, кажется, онъ довольно пріобрѣлъ славы и почестей; нѣтъ, онъ недоволенъ, ему непремѣнно хочется быть принцемъ, какъ Мюратъ и Бернадотъ, и онъ съ радостью завтра умретъ, чтобъ быть только принцемъ. Это двигатель, одушевляющій всѣхъ французовъ; эта нація по преимуществу честолюбивая и завоевательная.“

Говоря это, императоръ имѣлъ основаніе предполагать, что Франція раздѣляла страсти его повелителя; но прошло пять лѣтъ, и Франція возвратилась къ идеямъ Матье Дюма. Восторженно рукоплескала она конституціоннымъ теоріямъ и съ энтузіазмомъ привѣтствовала въ хартіи великіе принципы 1789 г.; эта страсть продолжалась тридцать лѣтъ и продолжалась бы и до нынѣ, еслибъ анархія не заимствовала маску и имя свободы, чтобъ опозорить ее.

Боецъ за независимость Америки, мужественный защитникъ истинной свободы въ законодательномъ собраніи, изгнанникъ послѣ Фруктидора, Матье Дюма, былъ одинъ изъ тѣхъ честныхъ и твердыхъ людей, которые съ отвращеніемъ смотрятъ на безпорядокъ и любятъ правильно устроенную власть. Искренно преданный

императору, онъ сожалѣлъ о свободѣ не изъ пустаго сожалѣнія о прошедшемъ, а потому, что онъ видѣлъ въ свободѣ единственную узду, могущую удержать власть отъ опасныхъ злоупотребленій этой самой властью. Можно основательно полагать, что свободная трибуна и свободная пресса избавили бы Францію отъ многихъ несчастій, а императора отъ многихъ ошибокъ, столь жестоко имъ искупленныхъ.

Такимъ образомъ въ концѣ своей долгой и вполнѣ заслуживающей уваженія жизни, Матье Дюма имѣлъ счастье видѣть, что событія оправдали убѣжденія его молодости, и онъ умеръ, твердо вѣря, что свобода обезпечена во Франціи на всегда.

Вѣроятно, общій недостатокъ всѣхъ конституціоналистовъ быть неисправимыми по крайней мѣрѣ, я замѣтилъ, что между ними находятся всегда люди, достаточно нелѣпые для того, чтобъ никогда не измѣняться. „Якобинцы министры," писалъ Мирабо Людовику XVI, — „никогда не будутъ министрами якобинцами." Онъ не сказалъ бы того же о конституціоналистахъ. Лафаэтъ, Матье Дюма, Малуэ и ихъ друзья оказывались въ 1814 г. тѣмъ же, чѣмъ они были въ 1789 г.; революція не внушила имъ отвращенія къ свободѣ. Я имѣлъ несчастіе быть воспитаннымъ въ подобной школѣ и изученіе исторіи столько утвердило во мнѣ чувства и понятія, внушенныя мнѣ въ юности. Я былъ вмѣстѣ со всею Франціей и теперь остаюсь вмѣстѣ съ нѣкоторыми вѣрными друзьями одинъ изъ тѣхъ глупцовъ, которые вѣрятъ только въ одну свободу. Моя вѣра въ свободу такъ тверда и живуча, что не только я не краснѣю своему ослѣпленію, но горжусь имъ и не желаю другой рекомендаціи моей книги или другой славы моему имени.

Парижъ,
15 іюля 1855 года.

ИСТОРІЯ ОСНОВАНІЯ СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТОВЪ АМЕРИКИ.

(1620—1763)

ЧТЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Американская конституція и польза ея изученія.

Милостивые Государи!

Предметъ нашихъ занятій въ настоящемъ году будетъ исторія конституціи Соединенныхъ Штатовъ. Но подъ именемъ конституціи мы познакомимся не только съ великой хартіей 1789 г., которая основала могущество конфедераціи и служитъ понынѣ самымъ твердымъ ея основаніемъ, но и съ внутренней организаціей каждаго отдѣльнаго Штата Союза, ибо эта организація по своей формѣ и духу ежедневно все болѣе и болѣе приближается къ федеральному устройству, дополняетъ его, объясняетъ и, съ своей стороны, для полнаго обсужденія требуетъ, чтобы и не отдѣляли отъ ея образца. Такимъ образомъ, мы изучимъ всецѣло, во всемъ ихъ объемѣ, тѣ политическія учрежденія, подъ сѣнью которыхъ по ту сторону океана развилось государство, которое во времена нашихъ отцовъ ничего не значило въ политическомъ равновѣсіи, но которое, если оно останется вѣрнымъ идеямъ своихъ основателей и если человѣческія страсти не погубятъ его, разорвавъ на клочки, достигнетъ до окончанія нынѣшняго столѣтія такой силы и могущества, что никакая европейская монархія не будетъ въ состояніи сравниться съ Соединенными Штатами.

Очевидно, что изученіе причинъ, приведшихъ страну къ такому изумительному развитію, причины этого необычайнаго благосостоянія заслуживаютъ живѣйшаго интереса; и если между этими причинами первое мѣсто занимаетъ конституція, то изученіе этой конституціи получаетъ для насъ особенную важность и въ настоящихъ обстоятельствахъ должно сосредоточить все наше вниманіе и принести громадную пользу.

Кто можетъ сомнѣваться въ важности подобнаго изученія? Могутъ ли не имѣть мѣста въ исторіи законодательства тѣ учрежденія, которыя царятъ на громадной территоріи и играютъ столь важную роль въ новомъ свѣтѣ? А полезность этого изученія чувствовалась ли когда нибудь такъ ясно, какъ въ настоящую минуту, когда Франція, сдѣлавъ громадный шагъ на демократическомъ пути, останавливается въ нерѣшительности и ищетъ ощупью основы своего новаго правительства? Можетъ ли быть зрѣлище болѣе поучительное и примѣръ болѣе трогательный, какъ зрѣлище и примѣръ европейской расы, раздѣляющей наши идеи и наши нужды, и которая разрѣшила вѣковую политическую задачу въ 1789 г., въ ту самую минуту, когда мы французы начали преслѣдовать туже задачу, разрѣшеніе которой, не смотря на десять революцій, не дается намъ до сихъ поръ? Быть можетъ, это разрѣшеніе и близко, у насъ подъ руками, но мы упорствуемъ, какъ говоритъ Монтескье, строить Халкидонъ, когда передъ нашими глазами берегъ Византіи [1].

И такъ, историческая научная важность съ одной стороны и практическая полезность для Франціи съ другой — вотъ главныя двѣ причины, побуждающія насъ подробно и основательно изучить американскую конституцію, съ цѣлью понять ея настоящій характеръ, проникнуться ея духомъ, не изъ чисто-научнаго интереса, но чтобъ извлечь изъ этого прямую, непосредственную для Франціи пользу, незыблемое правило жизни.

Прежде всего отдадимъ себѣ отчетъ въ исторической и научной важности этого изученія; не остановимся на поверхностныхъ данныхъ, а заглянемъ въ самую сущность предмета.

---

[1] Montesquieu, Esprit des Lois, liv. XI, chap, VI.

Французская революція, конечно, самое поразительное зрѣлище, которое видѣлъ міръ со времени реформаціи. Одни съ ужасомъ смотрятъ на нее, какъ на начало всеобщаго разложенія, другіе съ восторгомъ, какъ на зарю лучшаго времени; и такъ или иначе, великое движеніе до сихъ поръ продолжается, возбуждая повсюду въ Европѣ безпокойство и удивленіе. Но всякій, кто покинетъ старый континентъ, отрѣшится отъ національныхъ предразсудковъ и трезво взглянетъ на дѣло, тотъ долженъ признать, что въ исторіи человѣчества, американская революція—событіе гораздо важнѣе французской. Не столь поразительная, не столь драматичная, не столь страшная, и я готовъ бы сказать, не столь великая развитіемъ характеровъ, еслибъ не являлся передо мною величественный образъ Вашингтона, американская революція по истинѣ далеко превосходитъ французскую важностью своихъ настоящихъ результатовъ, и особливо будущихъ. Не далекъ тотъ день, если онъ уже не насталъ, когда исторія запишетъ это событіе какъ самое значительное міровое явленіе, окончившее восемнадцатый вѣкъ и начавшее эру новаго времени.

„Намъ ставятъ въ примѣръ Америку, писалъ въ 1796 г. человѣкъ, не любившій республикъ и довѣрявшій болѣе прошедшему, чѣмъ будущему, графъ Жозефъ де-Местръ (1):—но я не знаю ничего досаднѣе, какъ хвалы, расточаемыя младенцу въ колыбели, дайте же ему вырости!..."

Младенецъ выросъ, съ быстротою сверхъестественнаго чуда, и можно разсчесть въ какое ограниченное число лѣтъ Соединенные Штаты, если какое либо непредвидѣнное обстоятельство, не остановитъ ихъ развитія, сдѣлаются самымъ могущественнымъ государствомъ всего міра.

Народонаселеніе тринадцати колоній не превышало въ 1790 г. трехъ милліоновъ душъ; въ 1810 г. было уже семь милліоновъ, въ 1830 г.—двѣнадцать, а въ 1840 г.—болѣе семнадцати; другими словами, народонаселеніе удвоивается менѣе, чѣмъ въ тридцать

---

(1) Considération sur la France.

лѣтъ ([1]). Такимъ образомъ по самому умѣренному расчету, не взявъ въ соображеніе ежедневно увеличивающуюся эмиграцію, Сѣверная Америка въ концѣ настоящаго столѣтія, хотя и не въ половину населенная, будетъ считать болѣе восьмидесяти милліоновъ жителей (2), соединенныхъ между собою расой, языкомъ, геніемъ, формой правленія, географическимъ положеніемъ страны, развитіемъ торговли, промышленности и средствъ сообщенія. Весь этотъ громадный народъ, сдѣлавшій, какъ мы увидимъ, съ 1776 г. такіе значительные шаги по пути союзной дѣятельности, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе сплачивается и слишкомъ хорошо сознаетъ то, что ожидаетъ его въ будущемъ, чтобы мечтать о раздѣленіи прежде, чѣмъ вполнѣ исполнить свое назначеніе, а опредѣлить этотъ день—не дано человѣку.

Повторяю, черезъ пятьдесятъ лѣтъ Соединенные Штаты сдѣлаются самой значительной, могущественной и твердо сплоченной республикой, когда либо видѣнной на землѣ и впервые придется

---

(1) По переписи 1850 г. народонаселеніе достигло 23 милліоновъ, а по переписи 1860 г.—30 милліоновъ.

Прим. Автор.

Въ 1868 году—жителей въ С. Ам. Штатахъ было уже 38,000,000 чел.—*Message of President Johnson — 24-e s. 1868.*

Прим. Переводч.

(2) Этотъ разсчетъ принадлежитъ Туккеру, профессору политической экономіи въ университетѣ Виргиніи. Въ 1843 г. онъ разсчитывалъ, что народонаселеніе въ Соединенныхъ Штатахъ будетъ рости въ слѣдующей пропорціи: въ 1850 г. будетъ 22.400,000 (что и подтвердилось), въ 1860 г.—29.000,000, въ 1870 г.—38.000,000, въ 1880 г.—49.000,000, въ 1890 г.—63.000,000, въ 1900 г.—80.000,000. Надо еще замѣтить, что Туккеръ писалъ до завоеванія Калифорніи (Frogress of the United States in population and wealth in fifty years, by Georges Tucker. New-York, 1843, p. 106).

Прим. Автор.

Какъ видно изъ предыдущаго примѣчанія цифра народонаселенія въ 1860 г. достигла 30,000,000, а въ 1870 г должна превзойти предсказанную Туккеромъ, ибо въ 1868 г. уже достигло 38,000,000.

Прим. Переводч.

Европѣ имѣть дѣло съ этимъ новымъ народомъ, который уже теперь оспариваетъ у нея владычество надъ морями.

Вы видите, какіе громадные размѣры приметъ черезъ какіе-нибудь десятки лѣтъ это славное событіе, американская революція; вы видите, какъ зданіе, основанное ею растетъ и крѣпнетъ съ каждымъ днемъ. Это событіе въ исторіи съ политической точки зрѣнія будетъ столь же знаменательно, сколько и открытіе новаго континента; это также появленіе новаго міра, сразу занявшаго мѣсто рядомъ со старымъ.

Можетъ ли быть поэтому что либо любопытнѣе изученія причинъ этого изумительнаго неостановившагося ни на минуту развитія? Что можетъ быть полезнѣе изслѣдованія того участія, которое принимали въ этомъ развитіи политическія учрежденія?

Но не будемъ забѣгать впередъ, хотя мы почти уже касаемся этого будущаго и полезно предвидѣть его, если мы не желаемъ отдавать въ руки Америки свѣточа цивилизаціи. Какой драгоцѣнный предметъ наблюденій! Какой рядъ полезнымъ примѣровъ представляютъ намъ и нынѣ Соединенные Штаты!

Это не только республика, владычествующая по ту сторону атлантическаго океана, ибо слово республика слишкомъ неопредѣленное понятіе и подразумѣваетъ правительственныя системы самыя противоположныя, это демократія самая обширная, самая совершенная, которая когда либо являлась въ новыя времена и, прибавлю, одна уцѣлѣвшая.

Это не правительственная система, искуственно созданная человѣческими руками, это не слѣпокъ съ древняго образца, сдѣланный учеными революціонерами, учениками Монтескье или Мабли; это естественный плодъ двухвѣковаго труда, двухвѣковой свободы; это, какъ чувствовалъ Вашингтонъ, единственное правленіе, которое могло удовлетворить этой могучей расѣ эмигрантовъ, этой націи пуританъ, которые, оставивъ своей родинѣ-мачихѣ феодальную аристократію и аристократическое духовенство, унесли съ собою, какъ два драгоцѣннѣйшія сокровища, свою религію, существенно республиканскую, и всѣ вольности старой Англіи.

Отъ этого именно и происходитъ та особая печать, которая отличаетъ американскую республику отъ всѣхъ республикъ древ-

пости, и отъ тѣхъ, которыя сочинены въ новое время людьми, слѣпо слѣдовавшими древнимъ образцамъ; къ этимъ людямъ я отношу почти всѣхъ дѣятелей нашихъ революціонныхъ учредительныхъ собраній.

Соединенные Штаты разрѣшили задачу, объявленную неразрѣшимой всѣми публицистами, задачу основанія республики на обширной територіи съ громаднымъ народонаселеніемъ, государства, въ которомъ равенство совершенное, абсолютное, существуетъ одинаково въ законахъ и въ обычаяхъ. Однимъ словомъ, эта республика не мечта, а фактъ существенный, живой, созданный людьми нашего времени и нашей расы; эта республика, въ которую ежегодно прибываетъ до 200,000 европейцевъ, англичанъ, французовъ, нѣмцевъ (¹), не производящихъ ни малѣйшаго измѣненія въ общемъ ходѣ дѣлъ; наконецъ эта республика, конституція которой до того широка и эластична, что впродолженіи полувѣка вполнѣ удовлетворила громадному развитію націи и быстрому прогресу въ цивилизаціи, торговлѣ и промышленности.

Въ нашу эпоху, когда сила общественнаго мнѣнія преобладаетъ надъ всѣмъ и вполнѣ заслуживаетъ названія, даннаго ей Паскалемъ—владычицы міра, Соединенные Штаты представляютъ намъ примѣръ государства, основаннаго уже давно на полнѣйшемъ политическомъ равенствѣ и на полнѣйшемъ, дѣйствительнѣйшемъ проявленіи верховной власти народа. Дѣйствительно, верховная власть народа въ Америкѣ, не отвлеченная теорія, отрицаемая практикой, ни сила, которой пользуются для утвержденія новаго правительства и которую потомъ сковываютъ цѣпями, какъ опаснаго врага, до той минуты, пока она снова не заявитъ себя міру кровавыми ужасами. Верховная власть народа въ Соединенныхъ Штатахъ—великій двигатель правительства, регуляторъ, никогда не останавливающійся (2); тамъ народъ самъ управляетъ

(¹) Въ 1848 г. всего эмигрировало въ Америку 229,492 человѣка, изъ нихъ 148,212 англичанъ и ирландцевъ, 58,018 нѣмцевъ и 7,748 французовъ (American almanach 1850. p. 247). Въ 1849 г. число эмигрантовъ возрасло до 299,610. (American almanach 1851. p. 209).

(2) См. послѣднее чтеніе.

и распоряжается своими дѣлами, чрезъ свободно и непосредственно избираемыхъ представителей, вдвойнѣ обязанныхъ уважать верховную власть народа, благодаря отвѣтственности передъ своими избирателями и частымъ выборамъ. Американская конституція, не имѣетъ демагогическаго характера. Существуютъ законныя средства для испытанія, очищенія и отрезвленія народной воли, но эта воля правильно выражаемая, составляетъ безусловное руководящее правило всей правительственной дѣятельности. Повиноваться этой волѣ народа—долгъ каждаго гражданина, ослушиваться ея—преступленіе. Всѣ рѣшенія большинства принимаются безъ малѣйшаго сопротивленія всей націей, которая давно привыкла уважать волю и сужденіе большаго числа. Такимъ образомъ правительственная система въ Соединенныхъ Штатахъ вполнѣ демократическая; правительство по своей организаціи необходимо отожествляется съ интересами народа, и долговѣчность его не имѣетъ другой гарантіи, какъ привязанность народа къ своимъ учрежденіямъ.

Эта форма правленія насъ удивляетъ и мы ей мало довѣряемъ, ибо во Франціи она часто превращалась въ демагогію и губила республику, уничтожая свободу. Но отчего же въ Америкѣ она дала только хорошіе результаты? Происходитъ ли это отъ естественныхъ, мѣстныхъ условій или, какъ я надѣюсь доказать, отъ достоинства и мудрости конституціи, даровавшей прочность такой политической системѣ, которая по своей природѣ кажется самой непрочной и которая, однако, уцѣлѣла въ новомъ свѣтѣ, тогда какъ во Франціи столько разъ погибала монархія? Это по истинѣ предметъ изслѣдованія, достойный всякаго человѣка, любящаго свое отечество.

Но мудрость конституціи не одинъ примѣръ, не одинъ урокъ, который Соединенные Штаты могутъ представить старой Европѣ. Что можетъ быть замѣчательнѣе государства, принявшаго основаніемъ своей политики—миръ и невмѣшательство? Америка не знаетъ той военной системы, которая пожираетъ ежегодно 400.000,000 фр. и держитъ въ праздности 400,000 людей, цвѣтъ молодости и рабочей силы; поэтому Америка, по счастью, не вѣдаетъ тяжкаго бремени государственнаго долга, происходящаго отъ несоотвѣтственности богатства страны съ учрежденіемъ, стоющимъ много,

но безплоднымъ по результатамъ; Америка не вѣдаетъ необходимаго слѣдствія государственнаго долга, налога на собственность и промышленность, который, увеличивая дороговизну производительности, съ тѣмъ вмѣстѣ уменьшаетъ ее. Американцы вынесли изъ Англіи ненависть къ постояннымъ арміямъ, ненависть, выражавшуюся съ особенной энергіей въ метрополіи въ XVII вѣкѣ, и силу, которой въ новомъ свѣтѣ ни мало не убѵвилось. Войско въ Америкѣ наемное и немногочисленное—не болѣе 10,000 человѣкъ (1), расположенныхъ на границахъ для безопасности отъ индѣйцевъ. Излишне кажется упоминать, что въ Америкѣ, какъ въ Англіи, конскрипція неизвѣстна; вербовка волонтеровъ единственная военная система, которую могъ признать народъ, ревностно отстаивающій свою свободу.

Я не вхожу теперь въ разсужденіе, можетъ ли Франція и въ какой степени принять эту героическую систему, довѣряющую гражданамъ защиту отечества и сохраненіе мира; я говорю только, что въ нашу эпоху, когда промышленность, земледѣліе и торговля, однимъ словомъ —трудъ играетъ главную роль въ жизни народовъ, невозможно, чтобы Франція и старый континентъ съ громадными военными бюджетами, уничтожающими производительность страны —могли долго выдержать соперничество съ такой страной, какъ Америка, которую природа одарила всѣмъ и которая борется съ нами такимъ неровнымъ оружіемъ. Европа по необходимости, если она не желаетъ достигнуть униженія въ богатствѣ и цивилизаціи, будетъ обязана принять американскій принципъ и сдѣлать миръ основой своей политики. Теперь это всѣми чувствуется, но Вашингтонъ заявилъ этотъ принципъ шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ и на этомъ принципѣ, благодаря его мудрости и опытности сената, основана вся американская политика, которая славится, и вполнѣ основательно, что она никогда не вѣдала пораженія. Тайна этой политики проста и, однако, непреложна—это миръ, нейтралитетъ,

(1) Со времени войны съ югомъ армія С. Ам. Штатовъ конечно увеличилась и въ мирное время, теперь ея цифра достигаетъ 41,247 человѣкъ. *Прим. Переводч.*

невмѣшательство. Освобожденные отъ борьбы за политическое вліяніе, не возбуждая ни зависти, ни подозрѣнія, американскіе дипломаты заботятся только объ увеличеніи рынка, о распространеніи торговли, другими словами заботятся только объ умноженіи богатства обѣихъ странъ, заключавшихъ между собою трактатъ. При такихъ условіяхъ дипломатическая наука становится очень легка; и однако она служитъ, тѣмъ не менѣе, средствомъ связать народы не узами честолюбія и благодарности, обычными орудіями нашихъ западныхъ дипломатовъ, но узами общей пользы и общаго благосостоянія.

Если изъ области государственнаго права мы перейдемъ въ область частнаго права, то нашимъ глазамъ представится зрѣлище не менѣе любопытное и не менѣе заслуживающее изученія.

Личная свобода въ Америкѣ, какъ въ Англіи, обезпечена самымъ дѣйствительнымъ образомъ. Законъ habeus corpus, эта твердыня, эта вторая великая хартія британской свободы, существуетъ въ полной силѣ въ Соединенныхъ Штатахъ. При всякомъ простомъ заявленіи о незаконномъ арестѣ кого бы то ни было, всякій судья обязанъ распорядиться о приводѣ обвиняемаго. Значительный штрафъ (¹) обезпечиваетъ немедленное повиновеніе этому распоряженію всякаго, незаконно лишившаго свободы своего согражданина, и такимъ образомъ каждый гарантированъ въ быстромъ разрѣшеніи своего дѣла, ибо послѣ немедленнаго допроса онъ или освобождается, или законно предается суду.

Кромѣ доказанныхъ уголовныхъ преступленій, въ каждомъ дѣлѣ обвиняемый имѣетъ право требовать отдачи себя на поручительство, и условія поручительства не должны быть очень тягостны. Такимъ образомъ въ Соединенныхъ Штатахъ не вѣдаютъ грустнаго факта предварительнаго заключенія, которое часто своей продолжительностію превышаетъ тотъ срокъ заключенія, къ которому обвиняемый подлежалъ бы въ случаѣ признанія его виновнымъ. Благодаря этимъ излишнимъ строгостямъ, этой подготовительной пыткѣ, правосудіе у насъ не правосудіе, а месть, поэтому когда день суда настаетъ, весь интересъ сосредоточивается на преступникѣ, ко-

(¹) Въ штатѣ Нью-Іоркъ этотъ штрафъ равняется 1000 доларамъ.

торый является на скамьѣ подсудимыхъ блѣдный, изнуренный, какъ бы искупившій свою вину и уплатившій свой долгъ обществу всѣми страданіями долговременнаго заточенія. Такимъ образомъ, преувеличивая средство, не достигаютъ цѣли, и ослабляютъ кару, стараясь ее усилить. А самая истина, которую мы преслѣдуемъ, какъ затрудняемъ мы ея открытіе, запугивая обвиняемаго, заточая его, отдѣляя отъ защитниковъ, друзей и необходимыхъ бумагъ, вынуждая его бѣжать изъ тюрьмы и дожидаться за границей впродолженіе многихъ лѣтъ сомнительныхъ результатовъ заочнаго разбирательства, тогда какъ при его присутствіи нѣсколько словъ, быть можетъ, могло бы обезоружить обвиненіе и уничтожить клевету! Подобные примѣры не рѣдки; и еслибъ партіи, достигая власти, не забывали прошедшаго и не переставали думать о будущемъ, то уже давно, въ наше время революцій, изъ одного чувства осторожности, заимствовали бы у Англіи и Америки эти либеральныя формы судопроизводства.

Я не буду говорить о свободѣ промышленности, о свободѣ труда, которая и значительнѣе, и лучше понята въ Соединенныхъ Штатахъ, чѣмъ во Франціи. Хотя политическая экономія и входитъ въ область нашего предмета, такъ какъ съ каждымъ годомъ она занимаетъ все большее и большее мѣсто въ законодательствѣ, но я не хочу себѣ присвоивать право, принадлежащее человѣку, талантъ и смѣлость котораго придаютъ столько блеска каѳедрѣ и политической экономіи. Мишель Шевалье объяснитъ вамъ, какъ свобода, не только сила политическая, но и экономическая, и какъ, при не слишкомъ неравномѣрныхъ природныхъ условіяхъ, та страна будетъ богаче, которая свободнѣе. Но между предметами, достойными размышленія, которые представляютъ намъ Соединенные Штаты, я укажу еще на одинъ предметъ чрезвычайнаго, животрепещущаго интереса,—на свободу вѣроисповѣданія.

Въ Соединенныхъ Штатахъ свобода вѣроисповѣданья безусловная. Тамъ не только, какъ у насъ, отдѣлили или, лучше сказать, пытались отдѣлить свѣтскую власть отъ духовной, но тамъ государство не знаетъ расходовъ по церкви; вѣрующіе члены каждой отдѣльной церкви платятъ на содержаніе своего храма и своего священника. Американцы считаютъ тиранствомъ заставлять людей поддерживать

своими деньгами ту религію, въ которую они не вѣрятъ, ибо, такимъ образомъ, они дѣлаются противъ своей воли участниками заблужденій и предразсудковъ. Это совершенное, безусловное отдѣленіе церкви отъ государства началось съ американской революціи и считается побѣдой не менѣе драгоцѣнной, чѣмъ самая независимость. Джеферсонъ, одинъ изъ самыхъ пламенныхъ проводниковъ этой мѣры, бывшій два раза президентомъ, просилъ, чтобъ на его надгробномъ камнѣ начертали, для прославленія его памяти, перечень его высокихъ званій, слѣдующею надписью, гласившею о величайшихъ дѣйствіяхъ его жизни, дѣйствительно величайшихъ, если судить по послѣдствіямъ:

Здѣсь покоится прахъ Томаса Джеферсона, написавшаго декларацію американской независимости и статутъ о религіозной свободѣ въ Виргиніи и основавшаго Виргинской университетъ.

Но разрѣшили ли Соединенные Штаты эту задачу лучше насъ? Освободивъ церковь, не поработили ли они служителя алтаря? Не поставили ли они его въ безусловную зависимость паствы? Достаточно ли защищены права бѣдныхъ, которымъ нищета не дозволяетъ обращаться за духовной помощью? Я не буду разбирать здѣсь этого важнаго вопроса: но вы понимаете, какого заслуживаетъ онъ основательнаго изученія. И какое обширное поле для подобнаго практическаго изученія представляетъ намъ страна, гдѣ, впродолженіи многихъ лѣтъ, столько различныхъ, религіозныхъ сектъ живетъ и развивается на свободѣ.

Я бы могъ еще указать, какъ на предметъ любопытныхъ и важныхъ сравненій для науки, также на свободу и распространеніе образованія, на муниципальную организацію, на систему банковъ и государственнаго долга. Но я не хочу исчерпать сразу свой предметъ; все что уже сказано мною, достаточно доказываетъ, какой богатый предметъ изученія представляетъ намъ американская правительственная система и какую пользу можетъ намъ принести это изученіе.

Напрасно невѣжество и самодовольство приписываютъ благоденствіе Соединенныхъ Штатовъ естественнымъ условіямъ страны, именно богатству дѣвственной почвы и выгодному положенію кон-

федераціи, изолированной отъ всего міра на громадномъ континентѣ. Безъ сомнѣнія, эти причины и нѣкоторыя другія дали большія преимущества американскому правительству; но исторія научаетъ насъ, что такія же условія и преимущества не ведутъ непремѣнно къ такимъ же результатамъ. Напримѣръ испанскія колоніи, находящіяся въ такихъ же выгодныхъ условіяхъ, почти всѣ чахнутъ и близки къ паденію; ихъ погубила эта же самая свобода со всѣми ея бурями и непогодами, тогда какъ американская раса, съ своей любовью къ порядку и съ своей привычкой къ свободѣ, постоянно развивается и распространяется повсюду, ибо повсюду она правильно организуется.

Нѣтъ, благоденствіе народовъ не есть дѣло слѣпой судьбы: народы возвышаются силой характера, терпѣніемъ, энергіей; и политическія учрежденія имѣютъ цѣлью поддержать эти качества въ ихъ слабыхъ сторонахъ и сдержать въ ихъ крайностяхъ. Безъ своей конституціи Америка распалась бы давно; духъ независимости ее до крайности ослабилъ бы и раздѣлилъ, и я вамъ докажу, съ документами въ рукахъ, что Америка одолжена своимъ величіемъ людямъ, которые въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ угадали, какія учрежденія соотвѣтствуютъ духу народа, и спасли свободу, основывая союзъ. Не думайте, чтобъ американцы съ перваго раза и безъ малѣйшахъ усилій разрѣшили великую задачу организаціи демократіи. Они прошли чрезъ испытанія столь же тяжелыя, какъ и наши, испытанія, за исключеніемъ гильотины, напоминающія злополучія нашей первой революціи. Тамъ также начали съ одного законодательнаго собранія, съ правительства, въ главѣ котораго стоялъ комитетъ, тамъ также стали выпускать бумажныя деньги, и какъ во Франціи презрѣніе къ политическимъ и экономическимъ законамъ довело правительство до того горестнаго положенія, что общественное мнѣніе возстало противъ этой власти, не имѣвшей ни силы, ни кредита. Великое сердце Вашингтона стало даже сомнѣваться въ будущности Америки ([1]); освобожденная и торжествующая надъ своимъ врагомъ, Англіей, она погибала отъ анархіи.

---

(1) См. письмо Джона Джея, отъ 18 мая 1786 года, Life of John Jay. p. 243.

„Какая удивительная перемѣна можетъ произойти въ нѣсколько лѣтъ, пишетъ онъ, въ 1786 г., къ Джону Джею, его другу и въ послѣдствіи одному изъ творцовъ конституціи: я слышу, что теперь уже многіе почтенные люди говорятъ объ американской монархіи безъ ужаса и отвращенія. О монархіи думаютъ и говорятъ, а отъ слова до дѣйствія одинъ только шагъ,—но какой страшный, невозвратимый! Какое торжество для сторонниковъ деспотизма, что мы не въ состояніи управлять сами собою и что правительственная система, основанная на равенствѣ и свободѣ, оказывается химерой и обманомъ! Дай-то Богъ, чтобъ во-время приняли мудрыя мѣры для предупрежденія тѣхъ послѣдствій, которыхъ мы слишкомъ въ правѣ опасаться!“ (1)

Въ такомъ-то затруднительномъ положеніи, по окончаніи разорительной войны, посреди страстей воспламененныхъ революцій, которыя, какъ морскія волны, долго клокочатъ по затишьѣ бури, посреди общаго разнузданія честолюбія и зависти людей,—предприняли спасти отечество нѣсколько людей, не уступающихъ по любви къ родинѣ, твердости своихъ убѣжденій, мудрости и силѣ воли самымъ знаменитымъ героямъ древности. Вашингтонъ, Гамильтонъ, Франклинъ, Джей, Мадисонъ — имена, безсмертныя для исторіи Америки, для исторіи всего человѣчества! Основавъ, силою своего ума, мужества и терпѣнія, народное правительство и остановивъ дальнѣйшій ходъ революціи, Вашингтонъ и его друзья спасли вторично отечество; и это торжество, хотя не столь блестящее, какъ первое, выказываетъ еще лучше въ настоящемъ свѣтѣ ихъ возвышенный характеръ. Чтобъ даровать Америкѣ ту конституцію, которую теперь обожаетъ всякой американецъ, имъ надо было рисковать своей популярностью, бороться противъ клеветы и несправедливости, надо было каждый шагъ брать съ боя и впродолженіи семнадцати мѣсяцевъ, не терять ни на минуту своей энергіи и вѣры въ свои принципы. Но когда была одержана побѣда, то мужественные борцы какъ бы предвидѣли все величіе того зданія, возведеніе котораго имъ стоило столькихъ трудовъ. Въ послѣднее

(1) Письмо отъ 15 августа 1786 г. Life of John Jay. p. 247.

засѣданіе, въ ту минуту, когда подписывался безсмертный актъ, Франклинъ, достигнувъ того возраста, въ который древніе считали человѣка пророкомъ, стоящемъ на границѣ между міромъ видимымъ и невидимымъ, Франклинъ какъ бы предвидѣлъ вѣщимъ окомъ все послѣдующее величіе Соединенныхъ Штатовъ. Въ послѣднюю минуту сессій, по словамъ историка конгресса, Франклинъ, устремивъ глаза на кресло президента, надъ которымъ на стѣнѣ было нарисовано восходящее солнце, замѣтилъ членамъ конгресса, стоявшимъ подлѣ него, что живописцы считаютъ очень труднымъ въ своемъ искуствѣ отличить восходъ отъ захода солнца. „Часто, очень часто, прибавилъ онъ, во время нашихъ собраній, во время тягостныхъ колебаній между сомнѣніемъ и надеждой о результатѣ нашихъ преній, я смотрѣлъ на это изображеніе, не умѣя сказать себѣ, восходило ли солнце или заходило; но теперь я со счастьемъ вижу, что дѣйствительно солнце восходитъ, а не меркнетъ!“ (1)

Франклинъ былъ правъ. Въ тотъ день занялась заря новаго міра, наступило торжество организованной демократіи, взошло солнце свободы на далекомъ берегу Атлантическаго Океана, чтобъ освѣтить, согрѣть и оплодотворить весь міръ!

И теперь, милостивые государи, долженъ ли я еще настаивать на пользѣ изученія подобнаго предмета? Не чувствуете ли вы какъ послѣдняя революція приблизила Францію къ Америкѣ и какъ опытъ одной словно созданъ для спасительнаго примѣра другой.

Съ 1789 года французская демократія находилась въ постоянномъ кризисѣ: то она не отступала даже передъ междоусобіемъ и пролитіемъ крови, то пользовалась уступками королевской власти для оспариванія послѣднихъ ея прерогативъ. Со времени учредительнаго собранія, мы боролись за соединеніе монархіи и свободы и старались примирить эти два принципа въ конституціонномъ правленіи; въпродолженіи шестидесяти лѣтъ борьба эта, десять разъ возобновляемая, всегда оканчивалась пораженіемъ власти; опозиція составляла всю жизнь страны и общественное мнѣніе всегда под-

---

(1) Madison. Papers, p. 162.

держивало тѣхъ, которые возбуждали неравномѣрный бой съ монархіей, съ каждымъ днемъ становившійся слабѣе и безоружнѣе.

Америка въ то время была для насъ примѣромъ слишкомъ отдаленнымъ, и положеніе американскаго и французскаго обществъ было не одинаково; идеи, нужды, желанія, цѣли были различны. Нынѣ демократія безусловная владычица въ Америкѣ; нѣтъ тамъ болѣе ни короля, ни привилегіи; страна принадлежитъ самой себѣ. Теперь уже необходима не борьба, а организація, нужно не уничтожать, а созидать. Это дѣло болѣе великое, болѣе громадное, и оно требуетъ людей новыхъ, возвышенныхъ. Рѣдко, дѣйствительно, люди, имѣвшіе успѣхъ въ опозиціи, пріобрѣтая власть, выказываютъ духъ организаціи. Точно также адвокаты, становясь судьями, съ трудомъ отдѣлываются отъ своей привычки смотрѣть на дѣло только съ критической точки зрѣнія и отыскивать слабыя стороны, съ трудомъ пріобрѣтаютъ широкій безпристрастный взглядъ судьи.

Но для людей новыхъ, одушевленныхъ благороднымъ честолюбіемъ основать прочное правительство, необходимо нѣчто-иное, чѣмъ быть теоретиками, т. е. самыми опасными государственными людьми, которые, съ справедливѣйшими убѣжденіями и искуснѣйшими соображеніями, ведутъ къ погибели свое отечество; для новыхъ людей необходимъ опытъ. И тутъ-то выказывается вся польза изучать конституцію народа, который прошелъ черезъ тѣ же трудности и испытанія, какъ мы, и который, старше насъ въ практическомъ примѣненіи демократіи, вышелъ невредимо изо всѣхъ опасностей лишь благодаря своей мудрости, храбрости и постоянству. Но члены учредительнаго собранія 1848 г. съ презрѣніемъ отвернулись отъ опыта Америки; они отбросили раздѣленіе законодательной власти и создали исполнительную власть по плану, который относится въ одно и тоже время и къ конституціонной монархіи и къ республикѣ. Можно ли сказать, чтобъ они успѣли въ своемъ предпріятіи? Вопросы, постоянно возбуждаемые, не говорятъ ли намъ ясно, что еще не поздно изучить, какъ американцы поняли эти задачи, разрѣшеніе которыхъ для насъ столь необходимо въ будущемъ.

Такимъ образомъ, напримѣръ, мы всѣ чувствуемъ, что исполни-

тельная власть должна необходимо пользоваться независимостію, но что въ тоже время страна имѣетъ право постоянно контролировать эту власть. Съ 1789 года, мы только успѣли или ослабить власть, или вовсе освободить ее отъ вліянія законодательныхъ собраній. Наша администрація была то безпомощной, то деспотической. Американцы разрѣшили эту задачу, сдѣлавъ президента независимымъ отъ конгресса, давъ ему право veto и возложивъ на него всю отвѣтственность,—но съ другой стороны, она гарантировала права народа на контроль сенатомъ, назначающимъ главнѣйшихъ чиновниковъ, въ томъ числѣ министровъ, и состоящимъ изъ самыхъ значительныхъ людей Америки. Подобное учрежденіе одно въ состояніи сохранять преданія, хотя оно и постоянно измѣняется относительно своего личнаго состава.

Сенатъ, противъ котораго мы всегда возставали изъ политической ревности и другихъ временныхъ причинъ, и который мы всегда считали лишь отраслью законодательной власти,—сенатъ составляетъ краеугольный камень американской конституціи, этотъ регуляторъ правительственной машины. Если республика держится въ Соединенныхъ Штатахъ, то это лишь благодаря сенату; безъ него уже давно произошла бы борьба на смерть между президентомъ и палатой представителей. Мы отвергли сенатъ, какъ учрежденіе слишкомъ аристократическое, а я не зналъ учрежденія болѣе республиканскаго, какъ то, которое въ Соединенныхъ Штатахъ столько разъ спасло республику.

Америка можетъ намъ служить примѣромъ въ вопросѣ, который въ теченіе года сталъ у насъ на первомъ планѣ. Теорія—что парламентъ, законодательная власть, всемогуща, теорія, заимствованная нами у Англіи, которая не имѣетъ хартіи, ставитъ насъ въ самое затруднительное положеніе; нельзя издать новаго закона, не подвергаясь упреку въ нарушеніи конституціи. Америка не захотѣла, чтобы обѣ палаты, даже когда съ ними согласенъ президентъ, были выше верховнаго закона. Судебная власть достаточно независима и сильна, чтобъ заставить обѣ палаты и президента не выходить изъ своей роли и уважать конституцію. Это одна изъ важныхъ чертъ американской конституціи, которая обязана ей своей силой и долговѣчностью. Поэтому, это дѣйствительное раз-

дѣленіе трехъ властей—законодательной, административной и судебной—встрѣчается точно также въ конституціяхъ отдѣльныхъ штатовъ, какъ и въ федеральной хартіи. Верховный судъ Соединенныхъ Штатовъ имѣетъ совершенно иную власть, чѣмъ французскій касаціонный судъ; онъ, путемъ косвеннымъ, но вѣрнымъ, можетъ пріостановить, какъ противный конституціи, всякій законъ, изданный отдѣльными штатами или конгрессомъ (1). Такимъ образомъ, каждый, претерпѣвающій вредъ отъ конституціи, можетъ найти себѣ законное удовлетвореніе; всякій мятежъ обезоруженъ, ибо у него отнятъ его послѣдній предлогъ.

Вы видите изъ этихъ двухъ примѣровъ,—къ которымъ я могъ бы еще прибавить организацію всеобщей подачи голосовъ и равенство избирательныхъ округовъ,—какіе уроки мы можемъ извлечь изъ опыта Америки. Первая попытка была произведена тамъ 60 лѣтъ тому назадъ, но съ тѣхъ поръ эта попытка постоянно возобновлялась; каждый изъ тридцати штатовъ, составляющихъ союзъ, создалъ для себя политическую хартію, добровольно подражавшую хартіи федеральной; всѣ конвенты, всѣ пренія и разсужденія ссылались на этотъ первоначальный образецъ. Изъ этого очевидно, какого онъ заслуживаетъ полнаго изученія; только слѣдуетъ изучать его старательно, чтобъ вполнѣ пропитаться его духомъ и перенести его въ наши французскія учрежденія.

Но слѣдуетъ ли изъ всего сказаннаго, что для полнаго нашего благополучія намъ стоитъ только заимствовать у Америки ея конституцію, какъ въ 1814 г. мы заимствовали англійскую конституцію? Нѣтъ, милостивые государи; и хотя въ настоящее время мы имѣемъ много сходнаго съ Соединенными Штатами, подобная мысль никогда не входила въ мою голову. Нельзя взять у одной страны ея обычаи и учрежденія и перенести въ другую; что полезно для Америки, то можетъ быть вредно для Франціи, но съ другой стороны, не будемъ отвергать опыта только потому, что онъ не нашъ, а другаго народа; будемъ отличать частное отъ общаго, то что составляетъ существо всякаго свободнаго правительства, отъ того,

(1) См. Исторію конституціи, Чтеніе XVIII.

что исключительно принадлежитъ Америкѣ; однимъ словомъ, не будемъ списывать для насъ американской конституціи, но воспользуемся ея уроками и, оставаясь французами, не будемъ краснѣть слѣдуя примѣрамъ и совѣтамъ такого человѣка, какъ Вашингтонъ.

Такимъ образомъ, съ чѣмъ я хочу васъ познакомить, не есть механизмъ какихъ нибудь политическихъ учрежденій, механизмъ, результаты котораго измѣняются, смотря по странѣ, и часто приводятъ къ самымъ неожиданнымъ послѣдствіямъ, какъ напримѣръ хартія 1814 г.; нѣтъ, я хочу вамъ указать на духъ, создавшій американскія учрежденія, на идею ихъ одушевляющую. Это идея ваша, коль скоро вы почувствовали ея пользу, это духъ вашъ, какъ только вы постигаете его могущество; намъ дѣла нѣтъ, какимъ образомъ эта идея войдетъ въ наши законы: это маловажная подробность. Не внѣшнія формы конституціи даютъ или поддерживаютъ свободу, но духъ, одушевляющій ихъ.

Я желалъ бы указать вамъ на то, какъ американцы, наслѣдовавъ практическій здравый смыслъ своихъ предковъ, сдѣлали свою конституцію легко исполнимой, такъ какъ политическіе вопросы поставлены въ должныя границы и отъ конституціи требуютъ только то, что она можетъ дать.

Во Франціи мы сводимъ всѣ нужды общества къ политическимъ вопросамъ. Соціалисты или нѣтъ, мы всѣ походимъ другъ на друга въ томъ отношеніи, что мы требуемъ отъ государства и отъ хартій такое разрѣшеніе этихъ вопросовъ, которое никакое государство, никакая хартія не могутъ представить. Но сколько бы мы ни громоздили республику на монархію, а соціализмъ на республику, все же это ни къ чему не послужитъ. Политическія учрежденія составляютъ только часть общественной жизни, форму, средства для гарантіи свободнаго развитія индивидуумовъ и законное удовлетвореніе общихъ требованій. Но государство не есть общество, оно не религія, не нравственность, не образованіе, не промышленность, не торговля; его роль обезпечить свободную дѣятельность этихъ различныхъ сферъ, но не заставить ихъ дѣйствовать въ свою пользу. Если государство слишкомъ впутывается во всѣ эти учрежденія, то оно мѣшаетъ и даже уничтожаетъ то, чему оно думаетъ покровительствовать. Американцы это отлично по-

няли и довели правительство до самой простой величины; они избавили его отъ всего посторонняго и тѣмъ обошли затрудненіе, котораго никогда не удалитъ никакое раздѣленіе власти, какъ бы оно искусно не было.

Впередъ! (go ahead) и *помогай себѣ* (help yourself):— вотъ девизъ американца. Этотъ девизъ объясняетъ не только всю его политическую жизнь, но и частную. Требуя отъ государства только того, что можно отъ него ожидать, и возбраняя его вмѣшательство тамъ, гдѣ оно безполезно или вредно, американецъ дѣлаетъ правительство нужнымъ и благотворнымъ; сложная задача, ключъ къ которой мы такъ давно тщетно ищемъ, разрѣшается ея упрощеніемъ. Такимъ образомъ, американская конституція не менѣе замѣчательна тѣмъ, въ чемъ она отказываетъ политическимъ силамъ, какъ и тѣмъ, что она имъ даруетъ; поэтому, ее надо изучать не только въ ея внѣшнихъ формахъ, но въ ея внутреннемъ духѣ. Конечно, это изученіе гораздо труднѣе, но богаче результатами, особенно при сравнительномъ методѣ.

Я приступаю къ сравнительному изученію моего предмета, вполнѣ сознавая всѣ опасности такого изслѣдованія, вводящаго насъ въ область современной политики. Во времена болѣе спокойныя я почелъ бы своимъ долгомъ отвлечь ваши взоры отъ современныхъ споровъ и безполезныхъ распрей честолюбцевъ. Высшее обученіе имѣетъ цѣлью увлечь мысль въ ту мирную область, куда не достигаютъ минутныя страсти. Я былъ бы счастливъ, если бы могъ направить ваши шаги къ неисчерпаемому и чистому источнику древности, познакомить васъ съ Римомъ, который всегда будетъ для законодательства тѣмъ, чѣмъ Греція для искуства, т. е. вѣчнымъ образомъ и идеаломъ; я также съ удовольствіемъ открылъ бы передъ вами любопытную, разнообразную и богатую сокровищницу среднихъ вѣковъ; но нынѣ, когда Франція, безпокойная, тревожная, призываетъ на свою помощь умъ и самоотверженіе всѣхъ своихъ гражданъ, когда дѣло идетъ о самыхъ принципахъ общественнаго порядка, то я не имѣю права избирать предметъ своего курса. Я обязанъ обратить ваше вниманіе на тѣ вопросы, отъ разрѣшенія которыхъ зависитъ судьба нашего отечества.

Въ такомъ положеніи, ни вы, ни я, не можемъ имѣть другой

цѣли, какъ достиженіе истины. Я буду излагать свой предметъ, обращаясь лишь къ вашему разсудку, и съ полною увѣренностію въ ваше безпристрастіе, съ полнымъ сознаніемъ, что и вы можете вѣрить моему безпристрастію. Я знаю, какъ трудно остаться безпристрастнымъ въ подобныхъ вопросахъ, но оставаясь во всю свою жизнь по характеру и убѣжденію чуждымъ всѣхъ партій, когда въ этой независимости не состояла, какъ теперь, моя прямая обязанность — я могу, по крайней мѣрѣ, обѣщать полное безпристрастіе въ отношеніи политическихъ страстей, обуревающихъ Францію въ настоящую минуту. Къ тому же, если бы я и заблуждался, то слишкомъ ограниченная область моихъ заблужденій уничтожила бы ихъ опасность; только въ сравненіи американскихъ учрежденій съ нашими, я могу ошибиться, но вы всегда въ состояніи провѣрить и исправить мои сужденія. Что же касается до самаго духа американской конституціи, то у насъ столько документовъ и матеріаловъ, что ошибка невозможна. Я собралъ всевозможныя свѣденія объ этомъ великомъ событіи и постараюсь воспроизвести театръ дѣйствія и воскресить передъ вами величественные образы знаменитыхъ дѣятелей; я сохраню, не измѣняя, всѣ ихъ мнѣнія и, на сколько возможно, ихъ собственныя слова. Я со счастьемъ стушуюсь передъ ихъ благородными голосами и тѣмъ поучительнѣе будетъ для насъ ихъ примѣръ и ихъ ученіе, что на нихъ будетъ лежать печать ихъ собственныхъ словъ.

Такимъ образомъ, милостивые государи, вы будете въ состояніи сами судить объ американской политической системѣ, съ полнымъ знаніемъ дѣла выслушавъ всѣ противуположныя мнѣнія и не стѣсняясь нисколько моимъ собственнымъ мнѣніемъ, которое ни прямо, ни косвенно, я никогда не буду вамъ навязывать. Моя роль — роль простаго докладчика; все мое честолюбіе заключается въ томъ, чтобы васъ научить думать о такомъ предметѣ, который насъ всѣхъ занимаетъ, и тѣмъ заслужить драгоцѣннѣйшую награду всѣхъ моихъ трудовъ — ваше уваженіе и, быть можетъ, вашу дружбу.

ЧТЕНІЕ ВТОРОЕ.

Программа и раздѣленіе курса.

Милостивые Государи!

Я указалъ вамъ кратко съ помощью нѣкоторыхъ примѣровъ, какой интересъ имѣетъ для насъ изученіе американской конституціи и какую пользу оно можетъ принести. Американская конституція, это основное законодательство народа, судьба котораго, благодаря своему необычайному благоденствію, призвана сдѣлаться прежде окончанія нынѣшняго столѣтія самой могущественной, обширной и однородной націей въ мірѣ. Это законодательство единственнаго демократическаго государства, которое удержалось въ новыя времена, единственнаго правительства, основаннаго на безусловномъ равенствѣ всѣхъ правъ и условій жизни, на дѣйствительной верховной власти всѣхъ гражданъ. Это законодательство, исключительно покровительствующее свободѣ и ревностно удаляющее все что безполезно стѣсняетъ личность каждаго человѣка. Оно разрѣшило самымъ положительнымъ и на нашъ взглядъ самымъ смѣлымъ образомъ всѣ занимающіе насъ вопросы, вопросы о свободѣ личности, промышленности, вѣроисповѣданія и обученія. Въ Соединенныхъ Штатахъ смотрятъ совершенно съ иной точки зрѣнія, чѣмъ мы, на администрацію, армію, дипломацію, государственный долгъ, банки и общественныя работы; и результаты того и другаго взгляда говорятъ гораздо болѣе въ пользу Новаго Свѣта, чѣмъ Стараго. Поэтому для всякаго, кто жаждетъ знанія, американская конституція составляетъ неизсякаемый источникъ изученія и богатый предметъ поучительныхъ сравненій.

Что касается до пользы подобнаго изученія, то она, кажется, очевидна. Для насъ французовъ, которые впродолженіе шестидесяти лѣтъ, десять разъ перемѣнили правительство и всегда безуспѣшно, не можетъ быть поучительнѣе примѣра конституціи, окон-

чившей въ Америкѣ эру революціи въ ту самую минуту, какъ она начиналась у насъ. Вопросы, которые мы постоянно подымаемъ съ 1789 г. и которые, какъ скала Сизиѳа, постоянно обрушаются на нашу голову—давно уже разрѣшены американцами. Они не разсуждаютъ болѣе объ организаціи законодательной власти, о независимости и единствѣ исполнительной власти, объ уваженіи конституціи, объ условіяхъ избирательнаго закона, о равенствѣ избирательныхъ округовъ; они лишь занимаются постоянными матеріальными и умственными усовершенствованіями, величіе которыхъ насъ невольно изумляетъ. Никто не мечтаетъ разрушить политическую машину для того, чтобъ ее пересоздать по новому образцу, который нисколько не будетъ лучше стараго; напротивъ, стараются всѣми силами заставить работать какъ можно успѣшнѣе существующую машину. Однимъ словомъ, пока мы находимся въ положеніи больнаго, который мечется на своемъ одрѣ, не находя себѣ покоя и который испытываетъ всѣ лекарства безъ малѣйшаго для себя облегченія, Америка пользуется всѣми благами своего правительства, какъ здоровый человѣкъ пользуется своимъ здоровьемъ и своею жизнью; она дѣйствуетъ, а не мечтаетъ.

Еслибъ мы находились въ такомъ положеніи, то задача была бы разрѣшена, и Франція была бы спокойна. Мы всегда забываемъ, что основная цѣль политики состоитъ не въ измѣненіи человѣческой природы, не въ преслѣдованіи невозможныхъ химеръ, не въ утомленіи ума и дѣятельности народа законодательными распрями, столь же нелѣпыми и безплодными, какъ богословскія пренія въ Византійской Имперіи, но въ томъ, чтобъ доставить каждому гражданину свободное пользованіе всѣми его способностями, ибо это свободное пользованіе какъ для отдѣльнаго человѣка, такъ и для государства главное условіе благоденствія и прогреса. Вотъ что поняли американцы и поэтому они требуютъ отъ государства только то, что политическая система можетъ дать— серьезную гарантію свободы, и ничего болѣе, ничего менѣе. Этой свободой они пользуются въ большей степени, чѣмъ какой либо народъ древній или новый; и въ этомъ-то заключается главная причина той пользы, которую можно извлечь изъ основательнаго изученія американскихъ учрежденій.

И такъ, доказавъ всю важность и пользу нашего изслѣдованія, мнѣ теперь только остается добавить, что цѣль этого изслѣдованія, очевидно, заключается въ томъ, чтобъ познакомить васъ, милостивые государи, въ полномъ и вѣрномъ очеркѣ, съ конституціей Соединенныхъ Штатовъ и, насколько это будетъ нужно, для сравненія съ хартіями отдѣльныхъ Штатовъ. Моя цѣль дать вамъ возможность оцѣнить вполнѣ духъ этихъ учрежденій, которыя имѣли такое громадное вліяніе на судьбу Америки, такъ взволновали Европу при самомъ своемъ зачаткѣ, чему можетъ служить доказательствомъ исторія нашей революціи и которыя, наконецъ, въ послѣднее время стали такъ близки намъ, благодаря все большему и большему сходству обѣихъ цивилизацій и утвержденію навсегда во французскомъ обществѣ демократіи.

Но, конечно, нельзя понимать и обсуждать конституцію, не зная идей, нравовъ и генія народа, создавшаго ее, иными словами, не зная исторіи этого народа. Мы уже не находимся въ тѣ времена,—когда полагали, что конституція выходитъ изъ головы человѣка, какъ Минерва во всеоружіи изъ чела Юпитера,—когда Томасъ Пейнъ увѣрялъ, что конституція не существуетъ, если ее нельзя положить въ карманъ. Мы же на горькомъ опытѣ убѣдились, что эти конституціи на бумагѣ—недолговѣчны. Для долговѣчности хартіи необходимо, чтобъ учреждаемое ею правительство вполнѣ отвѣчало идеямъ, нуждамъ и даже предразсудкамъ народа; ея достоинства не безусловныя, но, напротивъ, условныя. Самые совершенные законы для Аѳинъ, по словамъ Солона, были тѣ, которые аѳины могли переносить, и еслибъ я не боялся заслужить упрека въ слабости къ парадоксамъ я прибавилъ бы, что конституція тѣмъ лучше, чѣмъ она національнѣе, то есть чѣмъ исключительнѣе она приспособлена къ тому народу, который живетъ подъ ея сѣнью; другими словами, самая совершенная конституція та, которая во всемъ своемъ объемѣ была бы неумѣстна во всякой другой странѣ.

Англійская конституція строго англійская. Это неписанный законъ народа, любящаго свои преданія и который, производя даже необходимыя реформы, съ довѣріемъ обращается къ прошедшему и ищетъ наставленія въ исторіи, а не въ философіи. Это конечный

результатъ цѣлой жизни народа; потому перенесенная на континентъ, англійская конституція становится деревомъ, вырваннымъ изъ родной почвы, и которое, не смотря на первоначальную свою силу, на чужой почвѣ и въ чужомъ климатѣ даетъ плоды недоноски, а сама вскорѣ высыхаетъ и умираетъ. Точно тоже можно сказать и объ американской конституціи. Ея духъ болѣе общій, чѣмъ духъ англійскаго законодательства, и потому она болѣе подлежитъ подражанію и заимствованію; она гораздо ближе намъ, французамъ, какъ американское общество гораздо ближе нашей демократической націи, чѣмъ аристократическая Англія; но все же это плодъ американскаго генія, и мы непремѣнно подверглись бы самымъ нелѣпымъ заблужденіямъ, еслибъ вздумали судить объ американской конституціи и подражать ей, не зная ея исторіи и генеологіи.

Итакъ намъ необходимо познакомиться кратко съ политическимъ положеніемъ различныхъ Штатовъ Союза въ 1789 г. въ ту минуту, когда они приняли федеральную конституцію. Поэтому естественно мы должны прежде разсмотрѣнія конституціи изложить исторію революціи 1776 г. Намъ необходимо узнать, черезъ какія испытанія прошла конфедерація до того дня, когда слабость правительства довела страну до опасности, и штаты, отказавшись отъ своей безграничной независимости, приняли умѣренныя учрежденія, которымъ Америка обязана своимъ величіемъ и благоденствіемъ. Къ тому же для насъ очень поучительна эта исторія революціи и ряда попытокъ Америки создать свое правительство на прочныхъ основахъ; мы увидимъ какія неизбѣжныя трудности встрѣчаются на пути всякаго новаго учрежденія и сколько надо было благоразумія, энергіи, терпѣнія и рѣшимости для сооруженія такого великаго зданія. Эта исторія какъ бы живое зеркало, въ которомъ мы можемъ узнать себя; сравненіе тѣхъ средствъ, къ которымъ американскіе законодатели прибѣгли для пресѣченія революціи съ такими же средствами, которыя употреблялись у насъ во Франціи, составитъ также любопытную и полезную часть нашего изслѣдованія.

Но мы не можемъ остановиться тутъ, и я ни мало не удивлю людей, привыкшихъ къ историческимъ изслѣдованіямъ, что

намъ необходимо изучить и обстоятельства, предшествовавшія революціи 1776 г., если мы хотимъ ее вполнѣ понять. Нельзя принимать эту революцію за простую случайность, за мятежъ, возбужденный фискальной скупостью англійскаго правительства, нельзя предполагать, что послѣ побѣды американцы, удивленные своей ничѣмъ неподготовленной свободѣ, написали, какъ неожиданно освободившіеся рабы конституцію, совершенно новую, искуственную, импровизированную политиками, и не имѣющую никакихъ корней въ прошедшемъ. Подобныя предположенія привели бы насъ къ полному заблужденію на счетъ внутренняго духа изучаемыхъ нами учрежденій. Но достаточно самаго краткаго знакомства съ причинами американской революціи, чтобы не впасть въ подобное заблужденіе (¹).

Отчего произошла революція 1776 г.? Причинила ли ее тиранія Англіи? Нѣтъ, центральное управленіе колоніями было далеко не деспотическое; конечно, метрополія стѣсняла ложной системой торговлю и промышленность колоній, но она не ограничивала личной свободы, чему явнымъ доказательствомъ было постоянно возраставшее благоденствіе плантацій. Дѣйствительная причина революціи замѣчалась въ томъ, что американскій народъ, фактически распоряжавшійся своими судьбами, захотѣлъ быть своимъ владыкой и по праву, или, по крайней мѣрѣ, хотѣлъ признавать только номинальное владычество надъ собою Англіи, что, конечно, еслибъ Англія и согласилась, продолжалось бы не долго. Революція произведена изъ за принципа, и этотъ принципъ состоялъ въ вопросѣ верховной власти. Англія утверждала, что англійскій парламентъ, представлявшій всю британскую монархію, имѣлъ право накладывать налоги на колоніи; напротивъ, американцы стояли на томъ, что право налога и право представительства были не отчуждаемы другъ отъ друга, что такъ какъ колоніи не имѣли своихъ представителей въ парламентѣ, то онъ и не могъ распоряжаться ихъ собственностью подъ именемъ налога и что, слѣдовательно, однимъ мѣстнымъ собраніямъ въ самихъ колоніяхъ слѣдовало вотировать налоги.

(¹) Ed. Everett—Orations and Speeches. Boston. 1850. t. I, p. 105.

Эта главная причина революціи прямо указываетъ, какъ американскій народъ былъ практически знакомъ со свободой и какъ необходимо знать его исторію, чтобъ вполнѣ понять общій духъ его законодательства. Такимъ образомъ намъ необходимо изучить исторію колоній со времени ихъ основанія въ XVII и XVIII вѣкахъ и прослѣдить ихъ развитіе до самаго момента революціи. Эта исторія не обширна, а польза ея очевидна съ перваго взгляда.

Говоря о Соединенныхъ Штатахъ, обыкновенно находишься подъ вліяніемъ иллюзіи очень понятной, но противъ которой надо предостерегаться. Самое слово американецъ обманываетъ насъ новизной своего происхожденія; и такъ какъ страна новая, то мы легко воображаемъ, что и учрежденія одинаково новыя. Но это очевидное заблужденіе; никогда не надо забывать, что англичане переселились въ Америку, оставивъ въ своей старой родинѣ аристократію и духовенство, эти два остатка феодальныхъ временъ. Такимъ образомъ американскія учрежденія имѣютъ самые глубокіе корни, и происхожденіе ихъ теряется во мракѣ временъ. Первое начало имъ положено не въ 1776 г., а великой хартіей короля Іоанна; это древнія вольности Англіи, натурализованныя на дѣвственной почвѣ и которыя, освобожденныя отъ всѣхъ преградъ, развивались съ необычайной быстротой. Соединенные Штаты—государство новое, но народъ старый; это европейская нація, цивилизація которой считается не годами, а вѣками. То что мы считаемъ юностью націи, въ сущности ея зрѣлость, любовь къ свободѣ не родилась мгновенно въ 1776 г. на почвѣ Виргиніи; внуки пуританъ новой Англіи не изобрѣли демократіи. Они принесли съ собою эту демократію изъ старой родины; и прежде, чѣмъ Локкъ написалъ свое *Гражданское Правительство* и Руссо свой „*Соціальный контрактъ*,“ плимутскіе эмигранты основали настоящую республику подъ хладнымъ небомъ, гдѣ только могла жить одна свобода. Правительство, устроенное ими для своихъ нуждъ и требованій, было гораздо демократичнѣе, чѣмъ всѣ придуманныя умомъ передовыхъ людей Англіи. Мы увидимъ этому любопытный примѣръ, когда будемъ говорить о Каролинѣ, для которой Локкъ написалъ конституцію. Мы увидимъ,

какъ въ дѣлѣ политики опытъ—вѣрный руководитель и какъ въ этомъ отношеніи американскіе плантаторы были неизмѣримо выше философа, геній котораго они уважали, но отвергали всѣ его искусныя утопіи (1).

Политическая исторія колоній во время англійскаго владычества почти неизвѣстна во Франціи, но она имѣетъ интересъ хотя бы по своей новизнѣ. Исторія эта покажетъ вамъ, какъ свобода стара въ Америкѣ, какъ принципы, составляющіе основу конституціи и которые мы съ такимъ трудомъ стараемся ввести во Францію: парламентарное правительство, наложеніе налоговъ народными представителями, судъ присяжныхъ, народная милиція и свобода гражданская, религіозная и административная — были уже давно безспорными привилегіями, непреложными правами. Основатели союза соединили только всѣ эти права въ священномъ ковчегѣ американской конституціи. На другой день послѣ ихъ побѣды ничто не измѣнилось въ политическихъ учрежденіяхъ; все ограничилось созданіемъ центральной власти, которая соединила въ одну общую цѣпь всѣ колоніи и изъ тринадцати независимыхъ Штатовъ создала могучую федерацію. Мы увидимъ также, что для учрежденія федеральнаго правительства взяли примѣръ старыхъ колоніальныхъ партій и примѣнили къ новымъ потребностямъ и на большой ногѣ старыя учрежденія, глубоко впечатлѣвшіяся въ общественномъ сознаніи. Такимъ образомъ, все приводитъ насъ къ изученію первобытной исторіи американской колоніи, ибо нѣтъ федеральнаго закона, причина котораго не была бы скрыта въ прошедшемъ.

Это, впрочемъ, поняли всѣ американскіе историки и законовѣдцы, а во главѣ ихъ Маршалъ въ своей „*Жизни Вашингтона* и Стори, нашъ руководитель и образецъ въ своихъ *Коментаріяхъ на конституцію Соединенныхъ Штатовъ*.“ Оба они начинаютъ изложеніе своего предмета съ исторіи колоній. И дѣйствительно, безъ опредѣленнаго взгляда на происхожденіе англійскихъ колоній, такъ какъ это происхожденіе опредѣляетъ ихъ характеръ и судьбу, безъ краткаго очерка конституціонной исто-

---

(1) См. Чтеніе XIV:—Локкъ, законодатель Каролины.

ріи — невозможно объяснить себѣ причинъ, приведшихъ къ революціи и соединившихъ тринадцать колоній въ одинъ союзъ, оплотъ противъ англійскаго правительства (¹). Точно также безъ подобнаго знакомства первоначальной исторіи колоній, вы никогда не поймете причинъ, которыя, когда свобода была завоевана — подвергли опасности самое существованіе союза и на долго отсрочили учрежденіе федеральнаго правительства.

Эти причины разногласія между отдѣльными штатами, такъ глубоко пустили свои корни, что они существуютъ до сихъ поръ, хотя значительно ослаблены конституціей и ежедневными благами, расточаемыми союзомъ. Часто возобновляются старыя притязанія на независимость, которыя Вашингтонъ и его друзья старались напередъ побороть. Только зная исторію колоній, можно понять весь смыслъ и всю важность опозиціи между сѣверомъ и югомъ, и постоянныя угрозы штатовъ отдѣлиться отъ центральнаго правительства. Безъ знанія прошедшаго конституція была бы необъемлема въ нѣкоторыхъ своихъ главныхъ чертахъ; такъ, напримѣръ, была бы непонятна организація сената. Только исторія насъ можетъ научить, что не слѣдуетъ приписывать абсолютнаго значенія тѣмъ мѣрамъ, которыя составляютъ исключительную особенность американскаго народа и результатъ взаимныхъ уступокъ и необходимыхъ требованій данной минуты. Необходимо было не мало пожертвованій для примиренія противуположныхъ притязаній тринадцати самодержавныхъ штатовъ, отличающихся другъ отъ друга объемомъ, положеніемъ, богатствомъ, интересами и религіей; въ подобномъ дѣлѣ нельзя требовать теоретическаго единства.

„Я смотрю почти какъ на чудо, писалъ Вашингтонъ: — „что представители столькихъ штатовъ, различныхъ по правамъ, положенію и предразсудкамъ, соединяются для созданія системы національнаго правительства, противъ котораго можно привесть такъ мало основательныхъ возраженій. Однако, я не пристрастный и

(¹) Story.—Comm. on the Constitution. Boston 1851, second edition, 2 Vol.—Vol. 1, p. 1.

слѣпой поклонникъ и вижу, что въ этой системѣ есть нѣкоторые существенные недостатки, хотя они и не радикальные (¹).

Но значитъ ли изъ этого, что конституція Соединенныхъ Штатовъ совершенно мѣстная и не представляетъ намъ никакого интереса и никакого поучительнаго примѣра? Это было бы очевидное заблужденіе. Напротивъ, исторія, дозволяя намъ отдѣлить американскій элементъ и увидать во всей его чистотѣ то что я назову элементомъ политическимъ, что въ республикѣ составляетъ главную гарантію верховной власти народа. Такъ, напримѣръ, въ организаціи правительства мы укажемъ на тѣ условія, которыя чисто національныя и на тѣ, безъ которыхъ свобода лишь пустое слово и народное правленіе самая жестокая и тягостная тиранія. Такимъ образомъ исторія, т. е. опытъ жизни броситъ на политику свѣтъ вѣрный, безпристрастный; и отъ насъ будетъ зависѣть воспользоваться мудростью и смѣлостью Вашингтона и его друзей.

По примѣру превосходной книги Стори, нашъ курсъ раздѣлится естественнымъ путемъ на три части, изъ которыхъ первыя двѣ будутъ въ сущности предисловіемъ къ третьей.

Первая часть будетъ посвящена исторіи колоній отъ ихъ основанія и до мира 1763 г.; я постараюсь познакомить васъ тутъ съ основными хартіями колоній, съ характеромъ каждаго изъ поселеній, съ духомъ эмигрантовъ, съ учрежденіями, которыя они заимствовали у метрополіи или сами произвольно создали.

Во второй части мы изучимъ американскую революцію и ея правленіе. Мы укажемъ, какъ и почему были безуспѣшны первыя попытки федеральной организаціи.

Наконецъ третья часть и для насъ главная, будетъ заключать въ себѣ исторію американской конституціи. Разсмотрѣвъ дѣйствія общаго конвента, вотировавшаго актъ 1789 г. и конвентовъ отдѣльныхъ штатовъ, которые ратификовали этотъ актъ, мы изучимъ самую конституцію и прослѣдимъ всѣ измѣненія, произведенныя въ ней временемъ и обстоятельствами. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы сравнимъ фе-

---

(¹) Sparks.—Oeuvres de Waschington, t. 2, p. 243.

деральную хартію съ хартіями отдѣльныхъ штатовъ и съ тѣми конституціями, которыя такъ быстро смѣняли другъ друга въ послѣднія шестьдесятъ лѣтъ. Относительно одного изъ главнѣйшихъ вопросовъ, именно раздѣленія законодательной власти, будетъ очень любопытно сравнить теоріи учредительнаго собранія, повторенныя въ 1848 г. съ опытомъ Америки, побудившимъ ее измѣнить свои революціонныя учрежденія и вмѣсто одного конгреса—создать палату представителей и сенатъ. Организація исполнительной власти также представитъ намъ не менѣе достойный предметъ размышленія; другими словами, изучая конституцію Соединенныхъ Штатовъ, мы пройдемъ сравнительный курсъ конституціонной политики и смѣло коснемся тѣхъ задачъ, отъ разрѣшенія которыхъ зависитъ вся будущность Франціи, въ отношеніи которыхъ ни одинъ изъ нашего отечества не можетъ оставаться равнодушнымъ.

ЧТЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Первыя волненія англичанъ въ Америкѣ.—Ихъ права на владѣніе землею.

Мм. Гг.

Открытіе Америки Христофоромъ Колумбомъ въ концѣ XV вѣка возбудило вниманіе всѣхъ морскихъ государствъ въ Европѣ, побуждаемыхъ любовью къ славѣ, а еще болѣе корыстью и честолюбіемъ.

Испанцы и португальцы первые послѣдовали по блестящему пути, открытому Колумбомъ; для избѣжанія соперничества и для узаконенія своихъ побѣдъ, они обратились къ папѣ Алексадру VI, который съ тѣмъ большею щедростью, что это ему ничего не стоило, раздѣлилъ между ними новый, еще не открытый міръ. Знаменитая булла, изданная Александромъ VI въ 1495 г., предоставляла соединеннымъ коронамъ Кастиліи и Арагона всѣ земли,

уже открытыя и долженствовавшія быть открытыми по ту сторону воображаемой линіи, проведенной отъ одного полюса къ другому, въ ста миляхъ на западъ отъ Азорскихъ острововъ; всѣ земли на востокъ отъ этой линіи были признаны собственностью португальцевъ. Этотъ даръ, противъ котораго Гроцій возставалъ (¹) во имя Евангелія, былъ сдѣланъ не потому, чтобы папа признавалъ себя владыкою всего міра и считалъ себя въ правѣ раздавать земли новаго континента, нѣтъ,—какъ верховный глава католичества, папа располагалъ по своему усмотрѣнію народами, находившимися во тракѣ идолопоклонства. Поэтому уступка была сдѣлана, какъ говорится въ буллѣ, ut fides catholica et christiana religio noctris praesertim temporibus exaltetur etc. etc. ac barbarae nationes deprimantur et ad fidem ipsam reducantur.

Эта щедрость папы, располагавшаго страною, которая ему не принадлежала, въ пользу испанцевъ и португальцевъ, не имѣвшихъ на нее болѣе права, чѣмъ всѣ остальныя страны Европы, тогда безъ исключенія католической — была, по крайней мѣрѣ, очень странна, и потому, не смотря на буллу Александра VI, Англія, Франція и Голандія простерли свои открытія, завоеванія и колоніи далеко въ западной Индіи и выдержали упорную борьбу съ Испаніей и Португаліей, хотѣвшихъ удержать монополію на новый континентъ.

Въ 1496 г. Генрихъ VII, король англійскій, въ силу столь же почтеннаго права, какъ право папы, далъ предпріимчивому венеціанцу Іоанну Кабо, поселившемуся издавна въ Бристолѣ,—порученіе, сходное съ тѣмъ, которое получилъ Колумбъ отъ Фердинанда и Изабеллы, съ той только разницею, что англійскій король не слѣдовалъ примѣру испанскому въ щедрости и не принялъ на себя расходовъ экспедиціи. Кабо, его три сына и наслѣдники или представители получили право плавать на свой собственный счетъ по морямъ сѣвера, запада и востока на пяти судахъ, открывать острова, страны и государства языческія, не из-

---

(¹) Grotius, De Jure belli et pacis, lib. 3, cap. 22, de causis injustis, § 14.

вѣстныя еще христіанскому міру, водружать тамъ англійское знамя и завладѣвать ими въ качествѣ васаловъ англійской короны. Король предоставлялъ себѣ верховную власть и пятую часть съ чистаго барыша экспедиціи (¹). Вооруженный этимъ широкимъ, но спорнымъ правомъ, Кабо, въ сопровожденіи своего сына Себастіана, отправился въ невѣдомыя страны и, пройдя мимо Нью-Фаундленда, первый открылъ континентъ Америки, который Колумбъ увидѣлъ только нѣсколько позже, во время своего третьяго путешествія въ 1498 г. (2). Себастьянъ Кабо прослѣдилъ весь берегъ, нигдѣ не выходя на землю, отъ самаго Капа-Бретона до Флориды; таково происхожденіе права Англіи на первобытную територію Соединенныхъ Штатовъ.

Страна, открытая Кабо, была занята дикими племенами, гораздо болѣе имѣвшими право на владѣніе землею, чѣмъ англичане, которые только вскользь видѣли ее; но въ идеяхъ того времени это право было ничтожно. Богъ былъ Богъ христіанъ, а не общій отецъ всѣхъ вѣрующихъ и язычниковъ. Потому, какъ одинъ интересъ соединялъ всѣхъ государей, то ни одинъ голосъ не послышался въ пользу индѣйцевъ—и въ этомъ отношеніи государственное право европейцевъ было неизмѣнно. Страна, открытая Испаніей или Англіей, принадлежала, по праву верховной власти Англіи или Испаніи; право мѣстныхъ индѣйцевъ было ничто и они не могли продать другой націи то владычество, которое за ними никто не признавалъ. Можно было еще согласиться, что мѣстныя племена были владѣльцами лѣсовъ и луговъ, на которыхъ они охотились; такъ поступилъ Пенъ, купивъ у индѣйцевъ територію, на которой онъ основалъ свою колонію; тоже самое дѣлали и до него другіе эмигранты, не заслуживъ однако такой славы въ исторіи, какъ онъ. Но это право собственности, которое покупали переселенцы, было правомъ частной собственности и покупалось пользованіе землею, а не владычество надъ нею. Пенъ, въ силу концесіи Іакова II, имѣлъ право колонизировать провинцію,

(1) R. Hildreth, t. 1, p. 35.

(2) Въ первыя свои путешествія Колумбъ открылъ только Кубу, Сан-Доминго и подвѣтреные острова.

которой онъ далъ свое имя, и ни мало не полагалъ, чтобы право индѣйцевъ могло перевѣсить хартію короля; онъ просто покупалъ у индѣйцевъ пользованіе землею. Однимъ словомъ, англичане и испанцы тогда дѣйствовали такъ, какъ въ недавнее время дѣйствовали французы въ Африкѣ. Владычество Франціи было признано надъ землями, занятыми независимыми по имени племенами, поэтому и дозволялось французскимъ и иностраннымъ поселенцамъ покупать у арабовъ ихъ право собственности на землю, на которой пасутся ихъ стада; но мы никогда не признали бы, что арабы, уступая свое право на занимаемую ими землю, могли бы продать Англіи часть верховнаго владычества надъ Алжиромъ. Общественное право не измѣнилось въ этомъ отношеніи и если предполагается, что верховное владычество пріобрѣтено законнымъ образомъ, то, естественно, оно и не можетъ быть иначе.

Я нарочно настаиваю на этомъ пунктѣ, ибо говоря объ индѣйцахъ часто смѣшивали право владычества съ правомъ собственности; часто имъ отказывали во второмъ, потому что оспаривали первое. Это совершенно различные два вопроса, какъ показываетъ примѣръ Алжира. Теперь вездѣ уважаютъ собственность туземцевъ, тогда какъ въ Африкѣ эта собственность дѣйствительная, а не номинальная, и земля представляетъ или поля или пастбище; но право туземцевъ на верховную власть надъ землею точно также не признается, какъ въ былыя времена. Простая ли сила даетъ европейцамъ новые или обезлюдившіе континенты? Или цивилизація имѣетъ права, превосходящія права варварства? До какой степени народъ кочевой можетъ имѣть притязаніе на собственность той земли, по которой онъ только странствуетъ и которой онъ не занимаетъ? До какой степени можетъ онъ, останавливая земледѣліе и цивилизацію, слѣдующую за обработкой земли, помѣшать увеличенью и усовершенствованію человѣческой расы, что предписано Провидѣніемъ? Вы видите, это задача близко затрогивающая идею справедливости и общественный интересъ. Теперь не мѣсто обсуждать ее, но различіе между правомъ верховнаго владычества и правомъ собственности вамъ дастъ, можетъ быть, элементы для разрѣшенія этой задачи, не нарушая общихъ интересовъ.

Что ближе до насъ касается и что намъ необходимо разсмотрѣть, это правило, принятое европейскими державами для доказательства верховнаго владычества надъ землями слишкомъ обширными, чтобы возможно было дѣйствительное пользованіе ими или полное ихъ обработываніе. Съ перваго же шага мы встрѣчаемся съ вопросомъ международнаго права, съ вопросомъ, который можетъ явиться повсюду, гдѣ двѣ націи колонизируютъ одинъ континентъ и который игралъ большую роль въ исторіи міра, со времени открытія Колумба. Этотъ вопросъ составляетъ основу всѣхъ войнъ XVIII вѣка между Англіею и Франціею, войнъ счастливыхъ для нашихъ враговъ до той минуты, когда давъ помощь возставшимъ американцамъ, мы дорого заставили ихъ заплатить за несправедливыя притязанія, которыя до тѣхъ поръ всегда увѣнчивались успѣхомъ.

Правило, безмолвно принятое всѣми европейскими державами, законъ, признанный всѣми въ силу необходимости, состояло въ томъ, что всякая неизвѣстная страна, незанятая христіанской державой, собственность того, кто первый ее откроетъ. Открытіе страны давало право на владычество надъ нею. Правило это мудрое и трудно вообразить себѣ иное. Но что разумѣть подъ словомъ открытіе? Достаточно ли увидѣть страну? Или необходимо обозрѣть ее съ очевиднымъ намѣреніемъ занять ее? Или, наконецъ, необходимо было дѣйствительное пользованіе землей, дѣйствительный вводъ во владѣніе? Вотъ три совершенно различныя системы; первая предполагаетъ только намѣреніе пріобрѣсть, вторая желаетъ, чтобъ это намѣреніе было заявлено видимыми знаками, третья требуетъ, чтобъ это намѣреніе выразилось въ дѣйствительныхъ фактахъ. Было бы желательно, чтобъ международное право постановило по этому вопросу какой либо непреложный принципъ, но по несчастью этого сдѣлано не было и человѣческое честолюбіе не знало границъ.

Во Франціи законовѣды требовали фактическаго занятія страны (¹). „Необходимо,“ говоритъ Жераръ де Реневаль, для су-

---

(¹) Стори полагаетъ, что всѣ націи считаютъ простое открытіе страны достаточнымъ правомъ на владычество надъ нею. Испанія и Англія

ществованія права собственности, владѣніе дѣйствительное, физическое, сопровождаемое намѣреніемъ сохранить это владѣніе. Такимъ образомъ водруженный крестъ, поставленная колонна или надпись, слѣдъ мгновеннаго и скоропроходящаго завладѣванія, не могутъ быть признаны фактами владѣнія; для этого необходимо болѣе основательныя и постоянныя доказательства; необходимо, однимъ словомъ, занять жилищами и полями ту землю, которою мы хотимъ завладѣть; все внѣ этого отвергается здравымъ умомъ и не можетъ быть поддержано иначе, какъ силою" (¹).

Англія впослѣдствіи пользовалась французскимъ принципомъ противъ Испаніи, по никогда не признавала его во всѣхъ своихъ столкновеніяхъ съ Франціей на американской почвѣ. Она основывалась не разъ на простомъ правѣ открытія и въ силу предполагаемой рекогносцировки, сдѣланной издали Кабо, который даже не выходилъ на американскій берегъ, Англія оспаривала у насъ владѣніе Акадіей и Канадой. Верженъ, въ своемъ мемуарѣ о Луізіанѣ, патріотическомъ сочиненіи, о которомъ я не разъ буду говорить (²), побѣдоносно опровергаетъ эти болѣе, чѣмъ неосновательныя притязанія, еслибъ одинъ разумъ былъ руководителемъ международныхъ отношеній.

„Какъ, говоритъ онъ:—вы толкуете о путешествіи Кабо, когда за этимъ путешествіемъ не послѣдовало никакой попытки колонизаціи, никакого фактическаго завладѣнія землею? Спустя пятьдесятъ лѣтъ послѣ того, какъ Жакъ Картье именемъ Франциска I торжественно занялъ Канаду, англичане впервые въ царствованіе Елисаветы вздумали воспользоваться открытіемъ Кабо; и когда эмигранты новой Англіи выстроили Бостонъ въ 1630 г., то уже двадцать пять лѣтъ былъ построенъ французами Port-Royal на западномъ берегу Акадіи. Мы уже впродолженіи двадцати лѣтъ

дѣйствительно основывались на томъ принципѣ; но я не думаю, чтобы Франція когда либо слѣдовала ихъ примѣру.

(¹) Institution du droit de la nature et des gens.—Paris, 1803, p. 154.

(²) Mémoire historique et politique sur la Louziane par Mr. de Vergennes, ministre de Louis XVI. Paris 1802.

твердо стояли на Св. Лаврентіи, когда первый англійскій эмигрантъ ступилъ на сѣверный берегъ Америки, а насъ увѣряютъ, что мы не имѣемъ права на эту страну, въ которой до нашего занятія не появлялся ни одинъ европеецъ! И всѣ притязанія англичанъ основаны на томъ предлогѣ, что Кабо прошелъ вдоль американскаго берега въ 1496 г.

„Нѣтъ, прибавляетъ Верженъ:—Англія не можетъ основывать своего права на открытіяхъ этого путешественника, ибо всѣ историки согласны въ томъ, что онъ нигдѣ не выходилъ на берегъ континента и только видѣлъ издали Ньюфаундлендъ. Я не могу не сравнить притязанія Англіи съ притязаніями человѣка, который, идя по дорогѣ, увидалъ бы кошелекъ, но не потрудился бы его поднять, а потомъ узнавъ, что въ кошелькѣ было много денегъ и что имъ воспользовался другой болѣе дѣятельный прохожій, сталъ бы требовать этого кошелька какъ свою собственность на томъ основаніи, что онъ его первый увидѣлъ (1).“

Самый замѣчательный примѣръ этого чудовищнаго притязанія, лучше всего выказывающій всю его несправедливость—это война англичанъ въ 1664 г. съ голландцами за отнятіе колоніи, нынѣ Штатъ Нью-Іоркъ.

Послѣ экспедиціи Генри Гудсона, храбраго англійскаго моряка, который, плавая подъ флагомъ голландской Восточно-Индѣйской компаніи, открылъ въ 1608 г. рѣку, названную его именемъ, Голандія завела колонію въ этой богатой странѣ. Такимъ образомъ къ праву, которое давало ей открытіе страны, она присоединила еще гораздо уважительнѣйшее въ нашихъ глазахъ право—занятіе страны. Съ 1620 г. часть територіи была занята, обработана и колонизирована. Новыя Нидерланды (Новая Бельгія, какъ говорили наши предки) развивались очень успѣшно; Амстердамъ далъ свое имя главному городу не подозрѣвая, что кладетъ основаніе порту, который подъ именемъ Нью-Іорка станетъ богаче и могущественнѣе метрополіи; Альбани, второй городъ Штата Нью-Іоркъ, также былъ основанъ голландцами на берегу Гудсона, подъ назва-

(1) De Vergennes.—Mémoire sur la Louziane, p. 64.

ніемъ Оранскій портъ. Впродолженіе сорока одного года безспорно владѣли голландцы этой землей, какъ вдругъ послѣ второй реставраціи Карлъ II подарилъ своему брату герцогу Іоркскому и Албанскому эту страну, которую Англія признавала своею на основаніи открытія Кабо и неопредѣленныхъ границъ, означенныхъ въ хартіи Плимутской компаніи 1620 г.

Война рѣшила вопросъ между притязаніями обоихъ государствъ, и колонія осталась за Англіей не по праву открытія страны, но по праву сильнаго, это верховное правило, это ultima ratio международнаго права, нарушающее всѣ умозаключенія законовѣдцевъ.

Одно изъ послѣдствій французскаго принципа, доказывающее всю его справедливость то, что владѣніе, пріобрѣтаясь занятіемъ страны—теряется ея оставленіемъ, точно какъ въ гражданскомъ правѣ; на основаніи же другой системы приходъ англійскаго или испанскаго корабля служилъ достаточной причиной для закрытія провидѣнной издали страны отъ всякой европейской колонизаціи; достаточно было водрузить крестъ на берегу, чтобъ возбранить всему остальному человѣчеству разработать сокровища этой невѣдомой страны.

Напримѣръ, Миссисипи или, по крайней мѣрѣ, его устья были открыты въ 1539 г. испанцемъ Сото, однимъ изъ товарищей Пизаро, нашедшимъ смерть въ этой экспедиціи. На древнихъ картахъ эта рѣка носитъ названіе *Ріо-де-Сан-Еспирито*, данное ей смѣлымъ путешественникомъ; но страна была уже давно покинута, когда Ласаль снова открылъ ее въ 1682 г., водрузивъ французское знамя на устье Миссисипи, а Ибервиль въ 1697—1702 гг. началъ колонизацію, утвердившись на Мобилѣ. Что могли значить въ подобномъ случаѣ права Испаніи? Не составляетъ ли правило какъ международнаго, такъ и гражданскаго права тотъ простой принципъ, что оставленіе собственности равняется отказу отъ владѣнія и что, слѣдовательно, можно сдѣлаться законнымъ собственникомъ, законнымъ владыкой земли, покинутой тѣмъ, кто ее открылъ.

Право занятія, принципъ гораздо уважительнѣе, чѣмъ право открытія; первое право въ сущности—самое законное право вѣ-

нецъ труда, единственное право, соотвѣтствующее мысли Творца и приносящее пользу всему человѣчеству.

Но я еще не кончилъ съ правомъ открытія; достаточно вспомнить, сколько войнъ возбудилъ вопросъ о границахъ даже при неотрицаніи англійскаго принципа — чтобъ понять всѣ недостатки системы, поддерживавшей въ международномъ правѣ такое неопредѣленное правило.

Если и признать, что открытіе Кабо давало Англіи законное право собственности на берегъ, то какъ далеко во внутренность страны простиралось ея владычество?

Французы, поднявшіеся по св. Лаврентіи, первые изслѣдовавшіе долину, разстилающуюся между Алеганами и озерами, и перевозившіе по Огіо свои войска, въ войнѣ съ южными индѣйцами опредѣляли границу англійскихъ владѣній именно этими горами, которыя раздѣляютъ страну такъ же естественно, какъ Пиренеи отдѣляютъ Францію отъ Испаніи; но англичане, напротивъ, требовали Огіо, и, по ихъ словамъ, эта рѣка входила въ предѣлы, означенные въ хартіи Виргиніи. Эта хартія, служившая образцомъ всѣмъ другимъ колоніямъ, не есть концесія извѣстнаго и ограниченнаго количества земли, но ею даруется неопредѣленное пространство, столько-то градусовъ широты. Въ силу-то такой неясной концесіи, основанной на столь шаткой основѣ, какъ право открытія, т. е. на рекогносцировкѣ берега съ моря, англичане вели кровопролитную войну съ французами, прекратившуюся лишь въ тотъ день, когда французское знамя исчезло навѣки изъ Америки.

Это право открытія возбудило и въ недавнее время, вѣроятно, въ послѣдній разъ сильное волненіе въ Сѣверной Америкѣ; едва не вспыхнула война между Англіей и Соединенными Штатами изъ-за Орегона. Такъ называется обширная территорія, простирающаяся отъ Калифорніи до русскихъ владѣній. Эта страна, окаймленная Тихимъ океаномъ, пользующаяся климатомъ, сходнымъ съ англійскимъ и имѣющая въ проливѣ Жуана-де-Фука цѣлый рядъ лучшихъ въ мірѣ гаваней — была занята на половину англичанами и американцами. Каждый народъ основывалъ свое владѣніе на различныхъ правахъ; американцы ссылались на то, что они

наслѣдники испанцевъ и французовъ, ибо эти громадныя пространства земли входили въ неограниченные предѣлы Лузіаны. Впродолженіе долгаго времени притязанія на территорію, ненаселенную и слѣдовательно не имѣвшую цѣны—не очень энергично поддерживались; торговля мѣхами приносила достаточный доходъ обѣимъ компаніямъ, англійской и американской. Но когда народонаселеніе, не перешедшее восемьдесять лѣтъ тому назадъ за Алеганъ, почувствовало, что ему тѣсно въ долинѣ Миссисипи и распространилось по Мисури до его источниковъ и дошло до Скалистыхъ Горъ и береговъ Тихаго океана, тогда американцы поняли, что тутъ предстояло занять позицію, подобную, если не высшую, позиціи Лузіаны. Дѣло шло не только о томъ, чтобъ завладѣть торговлей долины Миссисипи, но торговлей всей Азіи посредствомъ Тихаго океана. Имѣя отличные порта на Тихомъ океанѣ и желѣзную дорогу изъ Сен-Луи, Нью-Іоркъ входилъ въ прямыя сношенія съ Азіей; опасное плаваніе вокругъ Мыса Горна совершенно уничтожалось и не было уже необходимости прорывать Панамскій перешеекъ и обращаться къ иностраннымъ державамъ съ просьбой объ устройствѣ переправы, которая въ концѣ концевъ никогда не была бы исключительно американской.

Золото Калифорніи на время пріостановило колонизацію Орегона, но когда горячка пройдетъ, то наплывъ поселенцевъ непремѣнно увеличится въ страну, которая представляетъ гораздо болѣе земледѣльческихъ и промышленныхъ богатствъ, чѣмъ Калифорнія; и уже въ газетахъ предлагаютъ проектъ гигантской, невозможной желѣзной дороги, которая изъ Сен-Луи на Мисури или съ озера Мичигана шла бы черезъ Скалистыя Горы не въ Калифорнію, а къ Пуджетской бухтѣ, лучшему пункту этого внутренняго моря, соединяемаго съ Океаномъ проливомъ Жуанъ-де-Фука. На этомъ пунктѣ суждено природой мѣстности возникнуть городу еще не существующему, но который сдѣлается складочнымъ мѣстомъ европейской и азіатской торговли, соперникомъ Нью-Іорка.

Важность этой позиціи, понятая съ первой минуты комерческимъ геніемъ американцевъ, объясняетъ ту пламенную энергію, съ которой они стояли за обладаніе Орегономъ.

Въ своемъ посланіи 1845 г., президентъ заявилъ твердое на-

мѣреніе поддержать ясныя и безспорныя права Соединенныхъ Штатовъ на Орегонъ, другими словами, рѣшимость сохранить Орегонъ, хотя бы съ оружіемъ въ рукахъ. Благодаря умѣренности Англіи, отказавшейся отъ части своихъ притязаній, и благодаря искуству лорда Ашбуртона (М. Берингъ), заключенъ былъ трактатъ между обѣими враждующими націями и такимъ образомъ отсрочена была борьба между двумя морскими державами, которыя рано или поздно вступятъ въ смертельный бой за владычество надъ морями.

Я не намѣренъ разсматривать здѣсь всѣхъ многочисленныхъ и сложныхъ вопросовъ, возникшихъ по поводу орегонской распри. Какъ только мы оставимъ принципъ фактическаго занятія страны, то по необходимости должны теряться въ мелкихъ подробностяхъ, провѣрка которыхъ невозможна; право на владычество надъ страною стараются тогда основать на слѣдахъ, оставляемыхъ охотникомъ въ его погонѣ за добычей. Но я не могу покончить съ этимъ предметомъ, не обративъ вашего вниманія на ту политику, которую открыто провозгласили американцы по поводу этой распри. Эта практика представляетъ принципъ, новый для Европы и который, быть можетъ, Европа не признаетъ такъ легко, какъ полагаютъ Соединенные Штаты. Этотъ принципъ, могущій возбудить опасныя столкновенія, состоитъ въ томъ, что американскій континентъ принадлежитъ американцамъ, и что, слѣдовательно, никакая европейская держава не имѣетъ права вступить на американскую почву, для учрежденія ли тамъ колоній, что положило бы конецъ всѣмъ распрямъ о преемствѣ и повело бы къ миру, или для поддержанія политическаго равновѣсія, что составляетъ серьезный вопросъ и можетъ послужить поводомъ къ всеобщей войнѣ между обоими континентами.

Этотъ принципъ, если онъ будетъ признанъ Европою, обезпечитъ владычество Соединенныхъ Штатовъ надъ всѣмъ американскимъ континентомъ, ибо ни одно изъ государствъ центральной или Южной Америки не въ состояніи остановить всемогущее развитіе Соединенныхъ Штатовъ. Этотъ принципъ, который изгонитъ въ одинъ прекрасный день Англію изъ Канады и Испанію изъ ея послѣднихъ владѣній, уже давно служитъ основой американ-

ской политики. Мадисонъ и Монро признавали этотъ принципъ, но торжественно провозглашенъ онъ былъ президентомъIlilkomъ въ 1845 г., наканунѣ войны, съ замѣчательной смѣлостью и опредѣленностью; это провозглашеніе, повторяю, было зародышемъ имперіи, величіе которой поражаетъ наше воображеніе.

Верженъ предвидѣлъ это, и вы мнѣ позволите привести его пророческія слова. Соглашаясь вступить въ войну съ Англіей за освобожденіе Америки, Верженъ не питалъ никакихъ илюзій на счетъ судьбы націи, которую мы шли освобождать.

„Не только мы не радуемся событіямъ, говорилъ онъ англійскому посланнику лорду Стормонту: „но мы смотримъ на нихъ съ нѣкоторою грустью. Что случилось съ вами въ Америкѣ не можетъ быть пріятно никому. Я вижу всѣ послѣдствія той независимости, къ которой стремятся ваши колоніи; онѣ захотятъ имѣть флоты и какъ онѣ не имѣютъ недостатка въ средствахъ, то будутъ въ состояніи вступить въ борьбу со всѣми европейскими флотами, будутъ въ состояніи завоевать всѣ наши острова. Я убѣжденъ даже, что онѣ на этомъ не остановятся, что онѣ со временемъ двинутся на югъ, подчинятъ себѣ или выгонятъ всѣхъ жителей тѣхъ странъ и не оставятъ во власти европейцевъ ни одной пяди американской земли. Конечно это будетъ не завтра; ни вы, милордъ, ни я, не увидимъ этихъ послѣдствій теперешнихъ событій, но хотя они и отдаленны, они непреложны. Узкая политика можетъ радоваться несчастью враждебной націи, не заглядывая далѣе сегодняшняго дня; но для всякаго, кто видитъ далеко и взвѣшиваетъ будущее, то что происходитъ нынѣ въ Америкѣ, составляетъ непріятное событіе для всякой націи, имѣющей владѣнія въ Новомъ Свѣтѣ. И, увѣряю васъ, милордъ, что я всегда такъ смотрѣлъ на настоящія событія.“

Такъ говорилъ Верженъ въ 1775 г., и вы можете судить, какъ безхитростна и несебялюбива была помощь, оказанная американской независимости Людовикомъ XVI, который зналъ, благодаря прозорливости своего искуснаго министра, что онъ основываетъ великую имперію. Черезъ семьдесятъ лѣтъ мы встрѣчаемъ торжественное подтвержденіе пророчества Вержена, если можно назвать пророчествомъ столь вѣрную политическую дальновидность. Мы слы-

шимъ повтореніе словъ французскаго министра въ устахъ президента Соединенныхъ Штатовъ, Полька, который въ кратковременное свое правленіе имѣлъ счастье и славу покончить орегонскую распрю и мексиканскую войну, давшую Америкѣ Калифорнію.

Говоря объ Орегонѣ въ своемъ посланіи 1845 г., президентъ Полькъ энергично излагаетъ слѣдующимъ образомъ основной принципъ американской политики:

„Быстрое распространеніе населенія въ нашихъ доселѣ незанятыхъ територіяхъ, присоединеніе новыхъ штатовъ къ тѣмъ, которые составляютъ союзъ (это говорится о Техасѣ), распространеніе принциповъ свободы, развитіе нашего величія какъ націи—все это обратило на себя вниманіе европейскихъ державъ, и въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ изъ нихъ заявлена теорія политическаго равновѣсія государствъ Америки для положенія предѣла нашему развитію. Соединенные Штаты истинно желаютъ сохраненія добрыхъ сношеній со всѣми націями, но они не могутъ своимъ безмолвіемъ признать за Европой право вмѣшательства въ дѣла Сѣверо-Американскаго континента. Если европейскія державы рѣшатся на такое вмѣшательство, то мы будемъ сопротивляться до послѣдней крайности.

„Извѣстно американцамъ и всѣмъ другимъ націямъ, что наше правительство никогда не вмѣшивалось въ дѣла другихъ государствъ. Мы никогда не принимали участія въ ихъ войнахъ и союзахъ, никогда не старались завоевать ихъ владѣнія, никогда не поддерживали одну партію противъ другой въ ихъ внутреннихъ междоусобіяхъ и, считая вполнѣ, что наша форма правленія лучшая, мы никогда не пытались навязывать ее другимъ государствамъ путемъ интригъ дипломаціи и военной силы. На основаніи этого мы имѣемъ право требовать подобнаго же невмѣшательства въ наши дѣла. Американскія націи такія же независимыя державы, какъ европейскія и потому имѣютъ такое же право оставаться внѣ всякаго чужеземнаго вмѣшательства, имѣютъ право вести войну, заключать миръ и распоряжаться внутренними дѣлами по своей доброй волѣ.

„И такъ, народъ Соединенныхъ Штатовъ не можетъ хладнокровно смотрѣть на попытки европейскихъ державъ вмѣшаться въ

дѣла независимыхъ націй американскаго континента. Система американскаго правительства совершенно отлична отъ европейской системы. Взаимная зависть различныхъ государей и страхъ, чтобъ одинъ изъ нихъ не сдѣлался могущественнѣе другаго, привело Европу къ созданію того, что называется политическимъ равновѣсіемъ; но не должно позволить, чтобъ этотъ терминъ имѣлъ какой либо смыслъ для сѣвернаго континента и особенно для Соединенныхъ Штатовъ. Мы должны всегда поддерживать тотъ принципъ, что народъ нашей части свѣта одинъ имѣетъ право рѣшать свою судьбу. Если часть этого народа, составляя независимое государство, хочетъ присоединиться къ нашему союзу, то это вопросъ подлежащій разрѣшенію между этимъ народомъ и нами, безъ всякаго чужестраннаго вмѣшательства. Мы никогда не терпимъ, чтобы европейскія державы вмѣшались въ эти дѣла, съ цѣлью помѣшать такому союзу, подъ предлогомъ нарушенія того политическаго равновѣсія, которое онѣ желали бы ввести на нашемъ континентѣ.

„За четверть столѣтія передъ симъ одинъ изъ моихъ предшественниковъ Монро, въ своемъ посланіи ясно выразилъ тотъ принципъ, что европейскія державы не должны болѣе смотрѣть на американскіе континенты, въ виду завоеванныхъ ими свободы и независимости, какъ на открытое поле новыхъ колоній. Этотъ принципъ долженъ быть поддержанъ еще съ большею энергіею, еслибъ какая-либо европейская держава вздумала основать новую колонію въ сѣверной Америкѣ. При настоящихъ обстоятельствахъ какъ нельзя болѣе кстати вторично подтвердить принципъ, выраженный президентомъ Монро, и открыто заявить, что я вполнѣ признаю всю мудрость этой политики. Мы будемъ всегда уважать всѣ существующія права европейскихъ націй; но въ видахъ нашего интереса и нашей безопасности, покровительство нашихъ законовъ должно простираться надъ всей нашей страной, и мы должны громко заявить всему міру, какъ неизмѣнный принципъ нашей политики, что впредь никакая европейская колонія не будетъ основана съ нашего вѣдома ни въ какой части сѣверной Америки.“

Поймите всю важность этой политики, отдѣляющей новый континентъ отъ стараго и противоставящую Америку всему осталь-

ному міру. Это фактъ чрезвычайно важный для будущихъ временъ. До обнародованія независимости Соединенныхъ Штатовъ, Америка ничего не значила на политическихъ вѣсахъ; движеніе Европы было движеніемъ всего міра. Колоніи были только спутниками главныхъ свѣтилъ; на нашихъ поляхъ рѣшались битвы, отъ которыхъ зависѣла судьба колоній Франціи, Голандіи и Испаніи. Теперь же, когда Америка англійская, испанская и португальская одинаково завоевали свою независимость и заняли равное мѣсто между державами, всякое различіе происхожденія должно было бы исчезнуть между колоніями и метрополіями и необходимо чтобы былъ одинъ міръ и одна политика. Но европейцы или американцы, мы всѣ должны одинаково опасаться тираніи, откуда бы она ни грозила, а особливо тираніи морей, которая, не смотря на свою неуловимость, не менѣе опасна, чѣмъ тиранія завоевателей. И такъ, общій интересъ требуетъ, чтобъ не существовало на свѣтѣ слишкомъ большой державы, которая могла бы грозить опасностью общему миру. Конечно, Европа не имѣетъ болѣе права колонизировать въ свою пользу територіи, принадлежащія другимъ независимымъ державамъ; но это не имѣетъ ничего общаго съ притязаніемъ Соединенныхъ Штатовъ воспретить Европѣ всякое вмѣшательство въ американскія дѣла. Соединенные Штаты такимъ образомъ стоятъ не за нейтралитетъ, завѣщанный имъ Вашингтономъ, но за наступательную политику, за право завоевать Мексику, какъ они завоевали Калифорнію, и исполнить пророчество Верженa, замѣнивъ вездѣ испанскую расу англо-саксонской. Тутъ замѣчается серьезная опасность, и кажется невозможнымъ, чтобъ Европа согласилась на подобное отреченіе своихъ правъ. Міръ не европейскій и не американскій: онъ солидаренъ и долженъ бороться съ всеобщей монархіей, какъ въ старомъ свѣтѣ, такъ и въ новомъ, какъ бы ни назывался завоеватель, королемъ или республикой. Наше поклоненіе Америкѣ стоило бы намъ слишкомъ дорого, еслибъ оно мѣшало намъ видѣть опасность, предвидѣнную мудрымъ министромъ Людовика XVI, опасность, которая будетъ все болѣе и болѣе обнаруживаться, если Соединенные Штаты дозволятъ развиться въ своей средѣ тому злу, которое проявилось впервые во время мексиканской войны — честолюбію, жаждѣ завоеваній — непреложной

причинѣ паденія для республики, если вѣрить словамъ Монтескьѐ и еще болѣе опыту.

ЧТЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Первыя попытки колонизаціи—исторія Виргиніи.

(1606—1612)

Мм. Гг.

Много лѣтъ прошло послѣ открытія Колумба, и Англія выказывала полнѣйшее равнодушіе къ судьбамъ той страны, которую ей суждено было населить и процвѣтаніе которой должно было дать англо-саксонской расѣ преобладающее вліяніе.

Генрихъ VII, союзникъ короля Фердинанда Арагонскаго, искусный и завистливый политикъ, не смѣлъ, конечно, посягать на буллу Александра VI. Генрихъ VIII также не былъ болѣе расположенъ въ пользу колонизаціи. Въ началѣ своего царствованія онъ весь былъ поглощенъ внѣшней политикой, заботами о поддержаніи Карла V и Франциска I. Въ послѣдующіе же года распря съ Римомъ и реформація, держали всю націю въ такомъ волненіи и безпокойствѣ, что не было ни время, ни охоты на отдаленныя экспедиціи.

Къ тому же, нѣкоторыя попытки, сдѣланныя въ это царствованіе и при Маріи Тюдоръ, чтобъ проложить дорогу въ Индію черезъ сѣверный полюсъ (мечта того времени), были слишкомъ неудачны и не могли вселить довѣріе въ короля и частныхъ людей. Одно изъ этихъ путешествій, однако, имѣло замѣчательный результатъ, и мы не можемъ на него не указать. Идя на сѣверовостокъ съ цѣлью открыть новый путь въ Индію, англичане открыли архангельскій портъ; это было почти что открытіе Россіи.

Быть можетъ, вамъ странно покажется, что наши предки такъ мало знали міръ, въ которомъ они жили. Но достовѣрно, что Ричардъ Чанслуръ былъ первый европейскій мореплаватель, вошедшій въ Бѣлое Море и открывшій торговыя сношенія съ Россіей въ 1553 г. Такимъ образомъ не болѣе трехъ столѣтій протекло съ тѣхъ поръ, какъ Европа узнала русскую имперію и едва прошло два вѣка со времени появленія въ Америкѣ первыхъ европейскихъ поселеній. Почти въ одно и тоже время вступили на сцену образованнаго міра двѣ имперіи, которымъ, по ихъ быстрому развитію, по видимому, суждено играть главную роль въ будущемъ столѣтіи.

Только въ царствованіе Елисаветы, въ эпоху мира, когда испанскія открытія воспламеняли всѣ головы, и жажда золота побуждала всѣхъ искателей приключеній добиваться мечтательнаго Эльдорадо, превосходящаго всѣ богатства Перу—только тогда стали думать о томъ, какъ воспользоваться открытіями Кабо. Никто не думалъ о колонизаціи, но всѣ искали золота, вездѣ, во льдахъ сѣвернаго полюса, подъ солнечными лучами тропика; все, что намъ разсказываютъ о золотопромышленной горячкѣ, увлекающей въ Калифорнію цѣлыя народонаселенія, только слабый отблескъ того страстнаго движенія, которое увлекало по окончаніи великихъ войнъ всѣхъ праздношатающихся Европы въ Новый Свѣтъ, гдѣ невѣдомыя сокровища манили ихъ корысть и честолюбіе.

Первый опытъ серьезной колонизаціи былъ сдѣланъ въ 1584 г. серомъ Вальтеромъ Ралей, однимъ изъ самыхъ блестящихъ, смѣлѣйшихъ и способнѣйшихъ царедворцовъ Елисаветы. Почти что соперникъ графа Эсекса въ милостяхъ королевы, Ралей ни въ чемъ не уступалъ ему, ни какъ военоначальникъ, ни какъ царедворецъ; конечно, всѣмъ извѣстно, что онъ однажды бросилъ на грязь свою золотомъ шитую мантію, чтобъ королева могла перейти черезъ улицу; вообще онъ былъ рыцарь какъ въ мирное, такъ и въ военное время, совершенный образецъ всѣхъ добродѣтелей и недостатковъ его времени. При томъ положеніи, которое Ралей занималъ при дворѣ, ему легко было получить уступку невѣдомыхъ земель; кромѣ того, у него была особая причина, дававшая ему какъ бы право на эту уступку. Нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ,

серъ Гумфрей Джильбертъ, получивъ такой же подарокъ отъ Елисаветы, погибъ на берегахъ Сѣверной Америки, поэтому въ предпріятіи Ралея было не одно честолюбіе, но и набожная мысль принять наслѣдіе брата, что какъ бы освѣщало его право на дарованную ему землю.

Концесія, данная Ралею, была самая широкая. Правда, подобная щедрость ничего не стоила Елисаветѣ, не очень щедрой по природѣ, а, напротивъ, экономной, какъ всѣ великіе государи. Самая форма дара была вполнѣ феодальная. Ралей былъ сдѣланъ лордомъ-собственникомъ всѣхъ земель, почти съ неограниченными правами. Онъ долженъ былъ считать англійскую королеву своимъ сувереномъ, но дань, платимая имъ, была самая ничтожная—именно пятая часть найденнаго золота и серебра. Что же касается до эмигрантовъ, то хартія не опредѣляла ихъ правъ, а предоставляла все взаимному уговору между ними и лордомъ-собственникомъ. Ралей имѣлъ полную, абсолютную власть надъ всѣми данными ему землями; отъ него зависѣло отдавать кому и когда хочетъ эти земли.

Въ первое свое путешествіе Ралей посѣтилъ берегъ Каролины, и до того блестящи были описанія почвы, климата и произведеній страны (¹), сдѣланныя первыми поселенцами, что Елисавета, хотя и отказалась содѣйствовать экспедиціи—захотѣла сдѣлаться крестной матерью новой провинціи. Она назвала ее *Виргиніей*, чтобъ обезсмертить царствованіе королевы—дѣвственницы, при которой сдѣлано было открытіе, долженствовавшее, по видимому, привести къ блестящимъ результатамъ. Но на дѣлѣ оказалось совершенно иное; три экспедиціи, веденныя подъ начальствомъ и на счетъ Ралея, кончились ужасными несчастьями. Голодъ и индѣйцы унесли на тотъ свѣтъ тѣхъ эмигрантовъ, которые не спаслись въ Англію, и въ концѣ царствованія Елисаветы, въ 1603 г., не было ни одного англійскаго поселенія въ Сѣверной Америкѣ; отъ всѣхъ этихъ смѣлыхъ предпріятій остались однѣ могилы несчастныхъ.

(¹) Эта экспедиція привезла впервые въ Англію табакъ, маисъ и картофель (C. Andrew—North-America, p. 11).

Въ царствованіе Іакова I, звѣзда Ралея поблекла, и онъ не могъ возобновить исполненіе своихъ плановъ, столь жестоко неудавшихся. Всѣмъ извѣстна его трагическая судьба, гораздо несчастнѣе судьбы его соперника Эсекса, котораго онъ погубилъ. Іаковъ I, другъ Эсекса, сталъ мстить за него. Ралей былъ лишенъ всѣхъ занимаемыхъ имъ мѣстъ и обвиненъ въ государственной измѣнѣ; хотя генералъ Кокъ, знаменитый законовѣдъ, обвинялъ его только въ необъявленіи извѣстнаго ему заговора, онъ былъ признанъ виновнымъ въ государственной измѣнѣ присяжными, низкими или подкупленными. Это былъ смертный приговоръ, но онъ не былъ исполненъ; и Ралея заточили въ Лондонскую башню, гдѣ онъ пробылъ двадцать лѣтъ. Въ этой тюрьмѣ его геній развился съ новой силой, и онъ сталъ служить перомъ дѣлу колонизаціи, которому онъ посвятилъ свою жизнь; и онъ служилъ этому дѣлу съ такимъ талантомъ, что совершенно понятны восторженныя похвалы, расточаемыя Спенсеромъ въ его поэзіи тому, котораго онъ называетъ: *великимъ пастыремъ океана*. Цѣлый рядъ его сочиненій по военнымъ и морскимъ наукамъ, по географіи и особливо по всемірной исторіи, одно изъ замѣчательнѣйшихъ сочиненій того вѣка, составлявшее любимое чтеніе Кромвеля и доселѣ не потерявшее цѣны—не дозволяли общественному мнѣнію охладѣть къ новому континенту и къ мысли о необходимости его заселенія.

Наконецъ Ралей получилъ свободу, хотя и не помилованіе. Онъ отправился тотчасъ въ Гіану за поисками того Эльдорадо, которое такъ упорно никому не давалось. Не найдя того, чего онъ искалъ, онъ возвратился въ Англію и по дорогѣ, согласно обычаю того времени, разорилъ испанское поселеніе Св. Ѳомы. Хотя пиратство въ то время признавалось войной, и Дрэкъ прославилъ себя поимкой испанскихъ галіоновъ, не смотря на миръ между Испаніей и Англіей, но Іаковъ, недовольный выходкою Ралея, которая могла его поссорить съ Испаніей, рѣшился подвергнуть его наказанію. Но вмѣсто того, чтобы, какъ слѣдовало по всей справедливости, отдать его подъ судъ за совершенное имъ дѣйствіе, Іаковъ прибѣгнулъ къ низкой мести, которую мы теперь, скажемъ съ гордостью, не можемъ и постигнуть. Онъ велѣлъ воскресить

послѣ пятнадцати лѣтъ старое обвиненіе и старый приговоръ. Ралей, призванный въ судъ Королевской Скамьи, ссылался на помилованіе, которое онъ получилъ, если не открыто, то подразумѣваемо; но судъ оставилъ въ своей силѣ прежній приговоръ, и на другой день, 26 октября 1618 г., Ралей, семидесяти лѣтъ отъ роду, положилъ голову на плаху. Онъ умеръ съ мужествомъ и твердостью, вполнѣ достойными всей его прежней жизни, и его смерть служитъ однимъ изъ самыхъ страшныхъ примѣровъ злоупотребленія правосудіемъ, которыхъ только себѣ позволяла тиранія.

Однако, при этомъ же королѣ было основано въ Америкѣ первое прочное поселеніе. Іаковъ былъ очень расположенъ въ пользу отдаленныхъ экспедицій и хотя его вмѣшательство въ дѣло колонизаціи не всегда было счастливо, но ему надо отдать справедливость, что онъ всегда обращалъ энергію своихъ подданныхъ на мирныя предпріятія и поощрялъ такимъ образомъ распространеніе промышленности и цивилизаціи. Въ 1606 г. онъ раздѣлилъ на два большіе, почти равные отдѣла ту часть Америки, которая впослѣдствіи вмѣстила въ себя тринадцать колоній и которая тогда вся вообще называлась Виргиніей. Первый изъ нихъ, который впослѣдствіи сохранилъ имя Виргиніи, былъ названъ Первой или Южной колоніей; второй названъ Сѣверной или Плимутской колоніей, а впослѣдствіи Новой Англіей, подъ которымъ именемъ мы и знаемъ эти земли въ настоящее время. Эти двѣ колоніи, Виргинія и Новая Англія, были ядромъ Соединенныхъ Штатовъ. На этихъ двухъ территоріяхъ образовались штаты, которые впослѣдствіи, отдѣлившись отъ главной колоніи, приняли особое имя и учредили особое правительство. Новая Англія была раздѣлена на восемь отдѣльныхъ штатовъ:—Нью-Плимутъ, Масачусетъ, Родъ-Айлендъ, Провиденсъ, Конектикутъ, Нью-Гевенъ, Нью-Гамширъ, Мэнъ. На счетъ Виргиніи въ силу королевскихъ концесій, противъ которыхъ Виргинія возставала до самой революціи—образовались двѣ Каролины, Мариландъ, Пенсильванія и Георгія. Только при началѣ революціи, Виргинія утвердила уже давно совершившееся на фактѣ отдѣленіе штатовъ, что̀ въ то время уже не имѣло большой важности, ибо Союзъ соединялъ въ гораздо болѣе сомкнутое цѣлое разъединенные штаты.

Исторія Виргиніи и Новой Англіи—вотъ основа исторіи Америки. Колонизаціи этихъ двухъ провинцій не были произведены одними и тѣми же людьми, подъ вліяніемъ однѣхъ и тѣхъ же идей. Различіе, существовавшее съ самаго начала между людьми сѣвера и юга, различіе, впослѣдствіи усложненное рабствомъ, не зависѣло только отъ климата. Поэтому совершенно естественно раздѣлить изученіе колоній и сначала разсмотрѣть двѣ первоначальныя концесіи, а потомъ уже говорить о новыхъ штатахъ, отдѣлившихся отъ первыхъ поселеній. Такъ какъ почти всѣ хартіи сходны и что ихъ можно отнести или къ типу сѣверному или къ южному, то это раздѣленіе облегчитъ наше изслѣдованіе.

Начнемъ съ Виргиніи, первой колоніи по времени.

Концесія Виргиніи, хартія новой колоніи, была дана Лондонской компаніи, въ главѣ которой стояли серъ Томасъ Гэтсъ, серъ Джоржъ Сумерсъ, и Ричардъ Гаклюитъ. Гаклюиту Англія обязана колонизаціей Америки; онъ посвятилъ всю свою жизнь на собраніе разсказовъ англійскихъ путешественниковъ, на переводъ свѣденій, сообщаемыхъ испанцами, и во время царствованій Елисаветы и Іакова I, онъ былъ центромъ, куда стекались всѣ извѣстія и откуда распространялись всѣ инструкціи. Его собраніе путешествій составляетъ до сихъ поръ самый любопытный и полный матеріалъ о первыхъ американскихъ колоніяхъ.

Хартія Виргиніи заслуживаетъ наше вниманіе по тому свѣту, который она разливаетъ на гражданское и политическое состояніе колоніи, и по свѣденіямъ, сообщаемымъ ею объ экономическихъ идеяхъ и колоніальной системѣ XVII вѣка; ибо то, что дѣлала Англія, ни мало не отличалось отъ дѣйствій другихъ странъ. Прежде всего замѣтимъ, что концесія сдѣлана компаніи. Феодальный вѣкъ кончился, и уже новыя владѣнія не даютъ въ даръ одному вельможѣ, какъ Ралею, но съ другой стороны, и государство не принимаетъ на себя колонизацію отдаленныхъ странъ. Вѣкъ компаній, не окончившійся еще доселѣ, составилъ переходную эпоху между феодальнымъ даромъ земли и прямымъ вмѣшательствомъ государства; Голландія, Франція и Англія имѣли свои компаніи Восточно-Индѣйскія и Западно-Индѣйскія; и если наши компаніи рушились, то другія были счастливѣе, какъ, напримѣръ, Англій-

ская Остъ-Индская компанія, завоевавшая и управлявшая цѣлой имперіей. Въ настоящее время я обращаю ваше вниманіе только на одинъ пунктъ хартіи, именно на особенный характеръ, придаваемый колоніямъ самой формой концесіи; это обстоятельство объяснитъ намъ многое въ послѣдующихъ нашихъ изслѣдованіяхъ. Іаковъ I не хотѣлъ дозволить нѣсколькимъ купцамъ основать новое государство; онъ только дозволялъ компаніи торговать, рыбу ловить и разводить плантаціи въ отдаленныхъ странахъ. Онъ основывалъ не особое правительство, а общество съ директоромъ, собраніемъ акціонеровъ и управляющими въ отдаленныхъ странахъ. Колонія была не провинція метрополіи, но нѣчто въ родѣ нынѣшнихъ желѣзныхъ дорогъ, т. е. особенная администрація, которая, если она только не нарушаетъ государственные законы, можетъ организоваться какъ хочетъ. Поэтому понятно, что духъ свободы и независимости развился въ колоніяхъ за долго до тѣхъ поръ, какъ англійское правительство обратило вниманіе на владѣнія, только косвенно ей принадлежавшія. Мы увидимъ впослѣдствіе, какъ эти колоніи, совершенно частныя учрежденія, не стоившія ничего метрополіи, сочли себя въ правѣ отказаться отъ признанія того отечества, которое, не сдѣлавъ для нихъ никакой жертвы, не имѣла права и требовать отъ нихъ благодарности.

Хартія опредѣляла положеніе поселенцевъ и земель самымъ выгоднымъ и поощряющимъ эмиграцію образомъ. Компанія имѣла право вербовать въ поселенцы всѣхъ англичанъ, желавшихъ ѣхать въ Америку. Эти эмигранты и ихъ дѣти получали полное право пользоваться всѣми вольностями и привиллегіями англійскихъ гражданъ въ ихъ отечествѣ. Компанія владѣла землями какъ лэномъ короля, но на самыхъ широкихъ основаніяхъ и безъ всякихъ феодальныхъ обязанностей. Въ Англіи, какъ извѣстно, сохранилась еще феодальная кора, и свобода всегда скрывается тамъ подъ старинными готическими формами. Компаніи было предоставлено дѣлать поселенцамъ такія концесіи, какія она считала удобными, на срокъ и подъ условіями, опредѣленными колоніальнымъ совѣтомъ.

Въ началѣ колоній, когда еще поселенцы почти что стояли лагеремъ на чужой землѣ, угрожаемой постоянными набѣгами ин-

дѣйцевъ, они старались вести жизнь военную, общинную. По этому предмету позвольте мнѣ сдѣлать небольшое отступленіе или позвольте забѣжать немного впередъ. Сначала поселенцы не раздѣлили между собою землю, а очищали ее, обработывали и собирали плоды сообща. Вся жатва была собираема въ общую житницу и каждую недѣлю выдавали необходимое всякому семейству, смотря по числу и потребностямъ ея членовъ. Этотъ опытъ оказался гибеленъ: трудъ не можетъ быть исполненъ съ жаромъ и энергіей, если работникъ не видитъ передъ собою личной награды, поэтому никто изъ поселенцевъ не хотѣлъ трудиться, боясь, чтобъ излишній его трудъ не поощрилъ лѣни и праздности сосѣда. Такимъ образомъ колонія находилась въ плачевномъ состояніи до тѣхъ поръ, какъ одинъ изъ губернаторовъ, болѣе прозорливый, чѣмъ остальные, назначилъ каждому поселенцу опредѣленный кусокъ земли; съ этого дня, по словамъ современниковъ, началось благоденствіе Виргиніи.

„Каждый, узнавъ тогда, что ему принадлежитъ, и увѣренный, что его трудъ принесетъ ему личную пользу, говоритъ старинный историкъ Виргиніи — сталъ трудиться съ энергіей, и всякій старался превзойти другаго въ плантаціяхъ, постройкахъ и въ другихъ удобствахъ жизни. Никто уже болѣе не боялся нападенія индѣйцевъ, и были сдѣланы большія пожертвованія въ пользу церквей, школъ и обученія малолѣтнихъ индѣйцевъ. Однимъ словомъ, наши братья стали считать себя тогда наисчастливѣйшимъ въ мірѣ народомъ“ (¹).

Вы видите, Мм. Гг., что исторія обнаруживаетъ намъ извѣстные естественные законы или, лучше сказать, подтверждаетъ тѣ законы, которые открыты и признаны разумомъ. Когда маршалъ Бюжо разсказывалъ намъ о неудачѣ введенія имъ общиннаго труда въ Алжирѣ и распространялся о небрежности поселенцевъ къ общей жатвѣ, тогда какъ вся ихъ энергія была обращена на обработку ихъ собственнаго, маленькаго сада — то можно было обвинить маршала въ пристрастіи, въ несправедливости его замѣчаній

(¹) Beverly, Histoire de la Virginie, Paris, 1707, p., 55.

и въ неумѣніи распорядиться какъ слѣдуетъ; но, конечно, подобнаго упрека нельзя сдѣлать историкамъ, писавшимъ полтораста лѣтъ тому назадъ о неудачѣ попытокъ общиннаго владѣнія Виргиніи. Тоже самое было и въ первой колоніи Новой Англіи; и хотя поселенцы пуритане были соединены между собою пламенной вѣрой и христіанской любовью, подобная попытка привела къ такимъ же горькимъ послѣдствіямъ. Всѣ подобныя предпріятія, за исключеніемъ монастырей, всегда не удавались, доказывая тѣмъ общій фактъ и естественный законъ — что собственность составляетъ инстинктивную потребность человѣка и первое необходимое условіе труда семейства и общества. Эту истину въ прежнее время никто не отрицалъ, и она вполнѣ доказывается изученіемъ человѣка и исторіей, этимъ горниломъ всѣхъ теорій, этимъ подводнымъ камнемъ, о который разбиваются всѣ ложныя и неосновательныя теоріи, какъ бы онѣ ни казались блестящими издали.

Теперь возвратимся къ хартіи первыхъ колоній и разсмотримъ ея политическія распоряженія.

Колонія была дѣломъ и въ нѣкоторомъ отношеніи собственностью общества, образованнаго въ Лондонѣ, и поэтому въ Лондонѣ находилось правленіе, завѣдывавшее дѣлами правленія. Но такъ какъ нельзя было управлять колоніей иначе, какъ находясь на мѣстѣ, то она была вручена президенту и мѣстному совѣту, назначаемыхъ центральнымъ правленіемъ съ соизволенія короля. Эти два учрежденія дѣлили между собою всю власть исполнительную и законодательную. Всѣ распоряженія, сдѣланныя мѣстными властями въ колоніи, имѣли силу только, когда они не противорѣчили англійскимъ законамъ; центральное правленіе и король имѣли во всѣхъ дѣлахъ права верховнаго контроля. Мѣстная администрація не имѣла также права надъ жизнью и смертью поселенцевъ, и въ каждомъ серьезномъ преступленіи обвиняемыхъ приходилось посылать на судъ въ Англію. Относительно мелкихъ преступленій президентъ и мѣстный совѣтъ назначали виновнымъ тѣ наказанія, которыя они считали болѣе подходящими.

Что же касается до поселенцевъ, то имъ не было предоставлено никакихъ политическихъ правъ. Они были подчинены рас-

поряженіямъ торговой корпораціи, членами которой они не могли сдѣлаться, они были подвластны мѣстному совѣту, котораго они не избирали, контролю центральнаго правленія, не признававшаго за ними никакихъ правъ, и наконецъ неограниченной власти короля. Новѣйшіе, американскіе историки и Робертсонъ, начавшій въ прошломъ столѣтіи писать исторію англійскихъ колоній и, по несчастью, ее не окончившій — отказываются понять, какимъ образомъ при такой нелиберальной хартіи нашлись англичане, желавшіе переселиться въ Америку. Покинуть свою родину, чтобъ жить подъ сѣнью такихъ законовъ, не значило ли отказаться отъ всѣхъ правъ человѣка и гражданина? Но разсуждать такимъ образомъ значитъ ошибаться на цѣлое столѣтіе. Искатели приключеній, авантюристы, простые агенты торговой компаніи не могли имѣть притязаній англійскаго гражданина. Жить, обогатиться въ новой колоніи, вотъ, по всей вѣроятности, въ чемъ состояло все ихъ честолюбіе. Только впослѣдствіи, когда пріобрѣтеніе собственности пробудило чувство независимости, была сознана необходимость свободы.

Но возвратимся къ новорожденной колоніи. Первая экспедиція, предпринятая въ 1607 г. въ небольшихъ размѣрахъ и въ которой на одного работника приходилось четыре искателя приключеній, болѣе знаменита подвигами капитана Смита, чѣмъ своими результатами. Капитанъ Смитъ единственный романтичный герой американской исторіи, который слишкомъ недавняго происхожденія, чтобы представить тѣ прелестныя басни, которыя скрываютъ колыбель всѣхъ націй. Онъ самъ разсказалъ въ любопытной книгѣ свою бурную жизнь, борьбу съ турками, заключеніе въ тюрьмѣ, бѣгство черезъ Россію и наконецъ послѣдній эпизодъ его путешествій, плѣнъ у индѣйцевъ и освобожденіе отъ смерти юной дочерью начальника индѣйскаго племени Похатана, красавицей Покахантасъ. Прелестный разсказъ Шатобріана Атала ничто иное, какъ исторія Покахантасъ и Смита, съ тою только разницею, что молодая индѣянка была побуждаема не любовію, а чувствомъ состраданія, и что она впослѣдствіи, принявъ христіанство, вышла замужъ за одного изъ поселенцевъ, мистера Ральфа, и послѣдовала за нимъ въ Англію, гдѣ и умерла.

Колонія, обезпокоиваемая постоянными нападеніями индѣйцевъ, изнуренная общинной системой и состоящая изъ людей, привлеченныхъ жаждою золота и неспособныхъ къ земледѣлію, подвергнулась вскорѣ всѣмъ ужасамъ голода, нищеты и отчаянія. Тогда Смитъ своимъ мужествомъ спасъ послѣдніе остатки колоніи; онъ былъ ея истиннымъ руководителемъ и основателемъ. Онъ первый открылъ съ необыкновенной смѣлостью и храбростью Чезапикскую бухту, центръ будущихъ колоній. Брошенный безъ всякой помощи колоніальнымъ совѣтомъ и компаніей, онъ, однако, не пришелъ въ отчаяніе и отправился въ Лондонъ, гдѣ старался собрать двѣ экспедиціи въ Новую Англію, но, не успѣвъ въ своихъ намѣреніяхъ и изнемогая отъ стольких трудовъ и усталости, онъ посвятилъ остатокъ своей жизни на составленіе исторіи Виргиніи, отцомъ которой онъ, можетъ быть, названъ по справедливости.

Новыя компанейскія экспедиціи, подъ начальствомъ лорда Делавара, подняли немного колонію; но своимъ спасеніемъ и быстрымъ развитіемъ она обязана, по видимому, маловажной причинѣ, доказывающей какъ всѣ человѣческія событія зависятъ отъ случайностей; причина эта—производство табаку. Табакъ населилъ югъ сѣверной Америки и составилъ величіе Англіи въ новомъ свѣтѣ.

Употребленіе табаку было впервые введено въ Англіи, авантюристами первой экспедиціи Ралея. Во время своего кратковременнаго пребыванія въ Америкѣ, они научились у индѣйцевъ курить. Индѣйцы, не знавшіе ни вина, ни опіума, ни опьяняющихъ напитковъ, получаемыхъ черезъ броженіе или перегонку, находили въ табакѣ то возбуждающее нервную систему средство, къ которому прибѣгаютъ всѣ народы, на какой бы степени цивилизаціи они ни стояли. Употребленіе табаку быстро распространилось въ Англіи, не смотря на всѣ усилія короля Іакова, который даже написалъ цѣлую книгу противъ этого проклятаго зелья. Во всѣхъ англійскихъ комедіяхъ XVII вѣка мы видимъ курящихъ франтовъ и модниковъ; это продолжалось до царствованія Георга III, когда, въ подражаніе французскихъ маркизовъ, вошла въ моду набивать носъ испанскимъ табакомъ. Запросъ на это растеніе былъ такъ великъ и предлагаемая цѣна такъ выгодна (почти въ де-

сятеро болѣе настоящей), что поселенцы не успѣвали удовлетворять всѣ требованія; поэтому производство табаку велось съ такой энергіей, что всѣ улицы и площади Джемсъ-Тауна были засѣяны табакомъ, и поселенцы не разъ едва не умерли съ голода, оттого что, вмѣсто хлѣба, вездѣ разводили табакъ.

Долго табакъ былъ единственнымъ произведеніемъ и предметомъ вывоза Виргиніи, а такъ какъ деньги тамъ были рѣдки, какъ во всѣхъ новыхъ странахъ, табакъ служилъ ходячей монетой, общимъ мѣриломъ всѣхъ цѣнностей въ колоніи. Священники и чиновники получали жалованье табакомъ (¹), и когда въ 1620 г. компанія выслала поселенцамъ цѣлый грузъ женщинъ „цѣломудренныхъ и незапятнанныхъ", то ихъ продавали по 120 и 150 фун. табаку за штуку, что составляло около 75 дол. Черезъ годъ цѣна удвоилась (²). Этой денежной единицей платилась большая часть налоговъ, и такъ какъ цѣна табаку измѣнялась, смотря по обилію жатвы, то колоніальный совѣтъ назначалъ каждый годъ текущую цѣну табаку, чтобы можно было покупать на него хлѣбъ, говядину и другіе предметы потребленія. Такимъ образомъ, Виргинія представляетъ намъ въ своей исторіи подтвержденіе одной изъ самыхъ старыхъ экономическихъ истинъ, которою, однако, по несчастью, пренебрегаютъ. Именно, что деньги или монета нисколько не значатъ болѣе табаку, т. е. это простое средство мѣны, а не богатства, такой же товаръ, какъ всѣ другіе и подлежащій одинаковому повышенію или пониженію. Все подчинить обладанію деньгами, какъ дѣлала знаменитая система комерческаго баланса, или, напротивъ, требовать совершеннаго изгнанія денегъ съ рынка, для уничтоженія процентовъ на капиталъ—это значитъ преслѣдовать двойную химеру. Примѣръ Виргиніи вполнѣ доказываетъ это заблужденіе. Государство было бы безумно, еслибъ оно вздумало обогатиться, захвативъ въ свою руку весь табакъ и запре-

(¹) Въ 1758 г. еще платили духовенству подобной монетой. Бюджетъ англиканскаго духовенства въ 1748 г. былъ опредѣленъ въ 60,000 фун. табаку. Цѣна за фунтъ была 2 пенса, или 16 ш. и 8 пен. за центнеръ (Wirt, Life of Patrick Henry, p. 24).

(²) Hildreth—t. 1, p. 119.

тивъ его мѣну; а съ другой стороны, никто не вздумалъ бы требовать у плантатора, пустившаго табакъ въ оборотъ, чтобы онъ не извлекалъ изъ своего труда законной пользы или слѣдуемыхъ ему процентовъ. Такимъ образомъ измѣните постановку задачи, и разрѣшеніе ея сдѣлается легкимъ; во всѣхъ политико-экономическихъ вопросахъ, въ которыхъ вамъ трудно будетъ понять роль денежныхъ знаковъ, припомните только примѣръ Виргиніи, и все вамъ станетъ ясно.

Въ ту самую минуту, когда колонія стала энергично предаваться производству табаку, случилось печальное событіе въ лѣтописяхъ американской исторіи, событіе, имѣвшее громадное вліяніе на судьбу Виргиніи и характеръ ея жителей. Голландскій корабль, идя съ Гвинейскаго берега, зашелъ въ 1620 г. въ рѣку Сент-Джемсъ и продалъ поселенцамъ двадцать негровъ. Большая выгода, которую можно было извлечь изъ труда невольниковъ, легкость, съ которой они переносили климатъ, и высокая цѣна табаку давали плантаторамъ желаніе и средства покупать множество негровъ; однако, число ихъ не было такъ велико, какъ можно было бы предполагать, и причина этого явленія заслуживаетъ полнаго вниманія.

Въ XVII вѣкѣ, когда вы, вѣроятно, полагаете, что всякое рабство уничтожено, вѣкъ цивилизаціи и разума, въ самую блестящую эпоху царствованія Людовика XIV, Англія отправляла въ Америку своихъ нищихъ и преступниковъ (convicts) для подчиненія ихъ хотя и временному рабству, но, тѣмъ не менѣе, жестокому. Подонки тюремъ отправлялись такимъ образомъ на плантаціи и хотя это была малая часть всего населенія колоніи, но было достаточно, чтобъ возбудить въ Англіи презрѣніе къ обитателямъ новаго свѣта. Этимъ объясняются тѣ оскорбленія, которыми англичане преслѣдовали американцевъ во время войны за независимость; для нихъ это была раса преступниковъ, каторжниковъ.

Однако, не всегда преступленіе приводило къ изгнанію и рабству въ колоніяхъ. Гражданскія междоусобія служили также поводомъ къ ссылкѣ. Одна изъ послѣднихъ экспедицій такого рода была знаменитая экспедиція 1685 г., населившая рабами Ямайку.

Болѣе тысячи приверженцевъ герцога Монмутскаго, взятые въ плѣнъ королевскими войсками, были приговорены къ ссылкѣ и, что еще ужаснѣе, раздѣлены какъ стадо овецъ между придворными, которые продавали этихъ несчастныхъ торговцамъ человѣческаго мяса. Это была торговля бѣлыми со всѣми безчеловѣчностями торговли неграми ([1]).

Кромѣ преступниковъ, были еще служащіе по контракту (indented servants), что продолжалось до революціи и объясняетъ названіе *свободныхъ* (freemen), данное всѣми мѣстными конституціями американскимъ гражданамъ. Такъ какъ большинство эмигрантовъ не имѣло средствъ къ уплатѣ за проѣздъ, то хозяева брались ихъ перевезти на свой счетъ подъ условіемъ заслужить эти деньги; обыкновенно срокъ назначался пятилѣтній и при самыхъ человѣколюбивыхъ условіяхъ четырехлѣтній. Самъ по себѣ наемъ работниковъ не былъ предосудителенъ, но ненавистно было обращеніе съ этими наемными слугами. Торговцы покупали ихъ въ Англіи для перепродажи въ Америкѣ, и ихъ положеніе было не лучше положенія негровъ. Они находились въ полной зависимости отъ своихъ хозяевъ, которые обходились съ ними, какъ мы увидимъ далѣе, самымъ жестокимъ образомъ. Въ 1672 г. средняя цѣна этихъ несчастныхъ была десять фунтовъ, за пять лѣтъ службы. Негръ стоилъ двадцать и двадцать пять фунтовъ, но онъ служилъ всю жизнь. Обиліе этихъ слугъ бѣлой расы и пониженіе цѣны табаку уменьшило до того ввозъ невольниковъ, что въ 1671 г., судя по офиціальному отчету сера Вильяма Берклея, число наемныхъ слугъ было шесть тысячъ на сорокъ тысячъ жителей, а негровъ было двѣ тысячи. Впродолженіе семи лѣтъ прибыло въ Америку два или три груза негровъ, тогда какъ ввозъ бѣлыхъ слугъ достигалъ среднимъ числомъ до пяти сотъ человѣкъ въ годъ, между которыми по словамъ Берклея, было много англичанъ, менѣе шотландцевъ и еще менѣе ирландцевъ. Но со временемъ трудъ негровъ стали предпочитать труду бѣлыхъ; негровъ стоило дешевле кормить и одѣвать; ктому же они не считали

([1]) См. двѣнадцатое чтеніе—*Мэрилендъ*.

себя той же расы, какъ ихъ хозяева, и бѣгству ихъ было гораздо труднѣе. Естественная независимость этихъ слугъ и право ихъ жаловаться въ судъ на дурное обращеніе хозяевъ заставляли предпочитать негровъ, которымъ запрещались всякаго рода жалобы.

Колоніальное законодательство представляетъ многочисленныя доказательства того, какъ часты и легки были бѣгства наемныхъ слугъ; по строгости наказанія можно заключать о распространеніи проступка. Въ 1642 г. бѣглые слуги приговаривались, въ случаѣ рецидива, къ клейменію раскаленнымъ желѣзомъ на щекѣ, а пятнадцать лѣтъ спустя полагали уменьшить наказаніе, налагая клеймо лишь на одно плечо. Въ 1662 г. было постановлено, что въ случаѣ бѣгства срокъ обязательной службы, вмѣсто четырехъ или пяти лѣтъ, могъ быть продленъ по волѣ судьи, а хозяинъ имѣлъ право, кромѣ того, подвергнуть возвращеннаго бѣглеца умѣренному тѣлесному наказанію. Въ слѣдующемъ году многочисленный классъ людей, сосланныхъ послѣ реставраціи Карла II, пытался произвесть возмущеніе, но заговоръ былъ во время открытъ. Подобное населеніе, благодаря своей старинной привычкѣ къ свободѣ, естественно безпокоило колонію и въ 1670 г. губернаторъ и мѣстный совѣтъ взяли на себя не принадлежащее имъ право и запретили ввозъ преступниковъ, которыхъ они называли *тюремными птицами*. Недавній заговоръ слугъ, какъ нельзя болѣе оправдывалъ подобную мѣру.

Подъ вліяніемъ этихъ обстоятельствъ число негровъ стало такъ быстро увеличиваться, что въ 1732 г. Виргинія пыталась уменьшить ввозъ этого товара, наложивъ пошлину въ пять процентовъ, а нѣсколько позже десять процентовъ съ каждаго негра. Но эта пошлина нисколько не помѣшала торговлѣ неграми, развитой громаднымъ образомъ; съ 1671 по 1790 г., въ продолженіе 120 лѣтъ, число негровъ возросло отъ двухъ тысячъ до двухъ сотъ трехъ тысячъ четыреста двадцати семи, то есть, какъ одинъ къ ста сорока девяти, тогда какъ бѣлое населеніе возросло отъ тридцати восьми тысячъ до четырехъ сотъ пятидесяти тысячъ восьми сотъ восьмидесяти одного, то есть, какъ одинъ къ двѣнадцати. Съ тѣхъ поръ ввозъ негровъ былъ запрещенъ, и уве-

личеніе обоихъ народонаселеній было почти одинаково; бѣлые имѣли самое небольшое преимущество (1).

Здѣсь не мѣсто входить въ обсужденіе вопроса о невольничествѣ, этой язвѣ Америки, которая погубитъ ее, если Америка не освободится отъ нея съ тѣмъ непреодолимымъ мужествомъ, примѣры котораго она намъ столько разъ представляла; но здѣсь кстати упомянуть о вліяніи какъ негровъ, такъ и бѣлыхъ слугъ на колонизацію Виргиніи и на характеръ ея жителей. Не впервые въ этомъ случаѣ дурное учрежденіе дало непредвидѣнные результаты.

Въ началѣ колонизаціи легкость, съ которой добывались рабочія руки, поощряла къ переселенію людей зажиточныхъ и джентельмэновъ, которые жили въ Виргиніи, въ своихъ обширныхъ уединенныхъ и независимыхъ владѣніяхъ. Вся страна изрѣзана многочисленными рѣками, благодаря которымъ чрезвычайно удобны и легки пути сообщенія; на берегу этихъ рѣкъ поселились богатые плантаторы, настоящіе феодалы посреди своихъ негровъ и наемныхъ слугъ. Поселенцы не занимались никакими ремеслами и почти исключительно разводили одинъ табакъ, потому и не жили въ городахъ. Въ началѣ революціи въ Вильямсбургѣ, самомъ большомъ городѣ Виргиніи (а Виргинія была въ то время значительнѣйшей изъ колоній)--было не болѣе двухъ тысячъ жителей. Тщетно старались различными льготами поощрять поселенцевъ обитать города, тщетно требовали отъ каждаго графства постройки извѣстнаго числа домовъ въ Джемстаунѣ и Вильямсбургѣ; занятія и прелести плантаторской жизни отвлекали поселенцевъ, и ихъ городскіе дома оставались пусты. „Законы, по словамъ Джеферсона (2), говорили, на такомъ то мѣстѣ будетъ городъ, но природа говорила нѣтъ, и за природой оставалось послѣднее слово.“

Богатый плантаторъ, живя въ своихъ владѣніяхъ, гдѣ онъ

(1) Tucker.--Progress of the United States in population and wealth in fifty years.—p. 55.

(2) An Viriginia,—p. 157.

только видѣлъ своихъ гостей или слугъ, членъ мѣстнаго собранія, полковникъ и судья въ своемъ участкѣ — сохранилъ характеръ англійскаго сквайера. Онъ отличался тѣми же идеями, тѣми же стремленіями, тѣми же страстями; это былъ истый джентельмэнъ со всѣми достоинствами и недостатками аристократіи. Старая провинція (*old dominion*), какъ называли Виргинію, составляла вѣрный осколокъ англійскій; жили тамъ въ довольствѣ, оказывали самое широкое гостепріимство, и кто хотѣлъ, тотъ имѣлъ время для образованія своего ума. Этотъ-то досугъ и возможность образовать свой умъ объясняютъ, какимъ образомъ въ первое время революціи Виргинія дала Америкѣ всего болѣе государственныхъ людей, въ томъ числѣ четырехъ президентовъ изъ пяти—Вашингтона, Джеферсона, Мадисона и Монро. Нынѣ все измѣнилось. Досугомъ теперь пользуются сѣверныя провинціи, благодаря быстро развившемуся богатству; рабство, ослабляющее одинаково энергію, какъ хозяина, такъ и раба, представляетъ для Виргиніи одно лишь зло безъ малѣйшаго вознагражденія.

ЧТЕНІЕ ПЯТОЕ.

Продолженіе исторіи Виргиніи.

(1621 – 1688)

Мм. Гг.

Мы разстались съ Виргиніей въ ту минуту, когда раздѣленіе земли между поселенцами и разведеніе табаку обезпечивали ея существованія: побуждая, съ одной стороны, поселенцевъ къ труду, а съ другой, гарантируя имъ соразмѣрное вознагражденіе. Послѣ тринадцати лѣтъ подобнаго существованія, искатели приключенія превратились въ плантаторовъ, отцовъ семействъ и собственниковъ

значительныхъ владѣній; тогда воскресъ въ душѣ поселенцевъ старый англійскій духъ, колоніальная хартія стала для нихъ стѣснительна, съ губернаторомъ начали обходиться съ нѣкоторою независимостью; стали требовать, какъ законнаго своего права, тѣ привиллегіи вольности, которыми пользуется англійскій гражданинъ въ своей родинѣ.

Чтобъ усмирить волненіе, губернаторъ серъ Джорджъ Ярдлей созвалъ въ 1619 г. собраніе представителей различныхъ плантацій и дозволилъ имъ исполнять всѣ обязанности законодательной власти рядомъ съ губернаторомъ и законодательной властью. Это было первое представительное собраніе въ Америкѣ, и замѣтьте, что съ основанія колоніи прошло не болѣе тридцати лѣтъ. Это учрежденіе явилось такъ кстати и было, по видимому, такъ необходимо для процвѣтанія колоніи, что въ 1621 г. центральное правленіе, засѣдавшее въ Лондонѣ, своимъ знаменитымъ постановленіемъ даровало Виргиніи писанную конституцію, и обезпечивая ея свободу, обезпечило въ то же время и ея благоденствіе.

Система правленія, данная Виргиніи, была подражаніемъ англійской конституціи; она имѣетъ для насъ особый интересъ потому, что служила образцомъ для всѣхъ статутовъ колоній, прямо зависѣвшихъ отъ правительства. „Цѣль постановленія, сказано въ предисловіяхъ этого акта, даровать возможно большее спокойствіе и благосостояніе народу, охраняя его отъ несправедливостей и притѣсненій.“ Хартія эта немного сложна и чрезвычайно проста. Губернаторъ, избранный компаніей, постоянный совѣтъ, назначенный той же компаніей, и общее собраніе, которое должно быть собираемо ежегодно и которое состоитъ изъ членовъ совѣта и представителей народа, избранныхъ по два съ каждой плантаціи— вотъ всѣ власти колоніи, напоминающія въ общихъ чертахъ англійскую конституцію—короля, верхнюю палату и палату представителей. Собраніе имѣло полную законодательную власть; но за губернаторомъ сохранено право veto, и никакой законъ не имѣлъ силы прежде, чѣмъ его утверждала Лондонская компанія. Съ другой стороны (и эта справедливая мѣра заслуживаетъ особаго вниманія) ни одно изъ предписаній Лондонской компаніи не было

обязательно для колоніи, если его не утверждало собраніе представителей.

Что касается до судебной власти, то предписано было слѣдовать англійскимъ законамъ и формамъ; это значило возстановленіе суда присяжныхъ и уничтоженіе военныхъ судовъ, учрежденныхъ по совѣту Бэкона и которые защищалъ графъ Варвикъ, говоря, что нѣтъ суда благороднѣе военнаго, такъ какъ въ немъ произносятъ приговоръ храбрые воины. Но плантаторы, по видимому, желали, чтобъ съ ними обходились лучше какъ съ гражданами, чѣмъ какъ съ благородными. Такимъ образомъ, какъ только колонія почувствовала въ себѣ признаки жизни, ей тотчасъ стали необходимы права, которыми она пользовалась въ своемъ отечествѣ, двѣ привилегіи, составляющія славу и силу англійскаго гражданина, свободное правительство и судъ присяжныхъ. Съ той минуты виргинцы перестали быть агентами, слугами компаніи, но свободными людьми, англичанами, гражданами; съ той минуты благоденствіе колоніи могло быть возмущено внѣшними обстоятельствами, набѣгами индѣйцевъ, дурной политикой англійскаго правительства, но внутри оно было основано на слишкомъ твердыхъ основахъ, чтобъ пошатнуться на минуту.

Здѣсь я себѣ позволю сдѣлать два замѣчанія; одно изъ нихъ поможетъ намъ лучше понять американскую конституцію, а другое касается до нашихъ попытокъ колонизаціи и укажетъ намъ на главный недостатокъ французской колоніальной политики какъ въ наше время, такъ и во дни Людовика XIV; обѣ политики вполнѣ сходны по основной чертѣ или, лучше сказать, по основному недостатку, именно по преувеличенному вмѣшательству излишней опеки правительства.

Вы видите, что съ перваго дня англійская конституція была натурализована въ Америкѣ и что изъ этого первоначальнаго политическаго образа можно вывести всю систему федеральнаго правительства. Независимость исполнительной власти и его *veto*, обезпечивающее эту независимость, раздѣленіе законодательной власти, совершившееся въ ту минуту, когда почувствовали необходимость отдѣлить совѣтъ, занимавшійся администраціей, отъ собранія, вотировавшаго законы. Наконецъ независимость судебной власти—

все это были уже старыя права, когда вспыхнула революція. А когда послѣ гибельной попытки вручить всю власть въ государствѣ одному собранію, Вашингтонъ и его друзья предложили учредить президентство и сенатъ, то они только вернулись къ странѣ, къ тѣмъ учрежденіямъ, которыя пользовались въ Америкѣ успѣхомъ впродолженіе цѣлаго столѣтія. Счастлива та старина, которая, вспоминая свое прошедшее, находитъ въ немъ только такіе примѣры и которая пріобрѣла долгимъ опытомъ способность обращаться съ тѣмъ могущественнымъ, но опаснымъ орудіемъ, которое часто ранитъ непривычную руку, впервые употребляющую его— его свободой!

Что касается до англійской колоніальной системы, то вы видите, что основная ея черта съ самаго начала была свободная администрація или, по крайней мѣрѣ, свободный контроль плантаторовъ. Виргинія въ 1621 г. была колоніей слабой, немноголюдной, населенной только горстью людей, едва утвердившихся на этой землѣ и угрожаемыхъ постоянными нападеніями индѣйцевъ; намъ казалось бы всего естественнѣе, чтобъ вся власть была отдана въ руки правительства и чтобъ губернатору было поручено покровительствовать поселенцамъ и распоряжаться всѣми ихъ дѣлами. По всей вѣроятности, подобное предпріятіе рушилось бы. Отчего? Оттого, что какъ общества, такъ и отдѣльныя лица дѣйствуютъ въ силу однихъ и тѣхъ же законовъ. Возьмите на себя распоряжаться судьбою человѣка, заставлять его работать, кормить его, однимъ словомъ, не оставлять его ни на минуту его собственнымъ силамъ, и отнять у него всякую отвѣтственность; вы, конечно, сдѣлаете изъ этого человѣка празднаго лѣнивца. Напротивъ, свобода и отвѣтственность сдѣлаютъ для него всякій трудъ легкимъ, и у него явится энергія, которой онъ никогда въ себѣ не подозрѣвалъ. Тоже самое явленіе происходитъ и въ обществахъ; свобода и отвѣтственность даютъ имъ жизнь и могущество. Отчего греческія колоніи такъ быстро достигли богатства и величія? Оттого, что онѣ всегда были свободны. Какъ только рой улеталъ на новое мѣсто, онъ тотчасъ самъ распоряжался своей судьбой и ничто не мѣшало его дѣятельности. Эмигранты не были слугами, а естественными союзниками метрополіи. Оба народа го-

ворили однимъ языкомъ, имѣли однихъ боговъ, слѣдовали однимъ обычаямъ, но каждый былъ полнымъ хозяиномъ своихъ правъ и интересовъ. Свобода, возбуждая энергію въ зарождающихся колоніяхъ, дозволила имъ распространиться вдоль всего Средиземнаго моря; никогда монополія не знавала такихъ плодотворныхъ результатовъ.

Въ новѣйшія времена возьмемъ въ примѣръ Сѣверную Америку. Въ то время, какъ Канада, основанная ранѣе Виргиніи и въ которой поселенцамъ давали землю, скотъ и деньги, чахла подъ покровительствомъ французскихъ королей, Виргинія, предоставленная своимъ собственнымъ средствамъ, слабая, немощная, не знающая, что она можетъ разсчитывать только на себя и что каждое ея усиліе принесетъ ей прямую пользу, Виргинія свободно организовалась и развилась. Когда, перейдя Алеганы, она стала оспаривать у французовъ долину Огіо, эта свободная колонія, никогда ничего не просившая у метрополіи, была богата, населена и могла выставить гораздо сильнѣйшее войско, чѣмъ королевская колонія, стоившая Франціи столько громадныхъ и безполезныхъ пожертвованій.

Тоже самое можно сказать объ Алжирѣ; не три представителя, которые исчезнутъ въ толпѣ членовъ палаты, могутъ доставить ему благоденствіе, но независимая мѣстная администрація, свобода и отвѣтственность. Какая опасность грозила бы Франціи, еслибъ по примѣру, данному Виргиніей двѣсти лѣтъ тому назадъ, мы дозволили бы Алжиру имѣть свое собственное, представительное собраніе, дозволили бы колоніи составлять свои законы, сохранивъ за метрополіей права *veto* и не исполнять предписаніе центральнаго правительства безъ согласія колоніальнаго собранія?

Никто болѣе меня не убѣжденъ въ пользѣ обладать столь хорошо расположенной колоніей для отвлеченія въ нее горячихъ соковъ, грозящихъ опасностью во Франціи и могущихъ сдѣлаться ея славой въ Алжирѣ. Однако, съ исторіей въ рукахъ легко предсказать полнѣйшую неудачу всѣхъ усилій, не смотря на столько израсходованныхъ милліоновъ, они будутъ упорствовать въ той ложной политикѣ, которая держитъ колоніи въ постоянной опекѣ. Особливо теперь, когда свобода привлекаетъ къ себѣ всѣ народы, по-

нявшіе, что она приводитъ не только къ политическому, но и экономическому благоденствію, если эмиграція, направляющая въ Соединенные Штаты или въ Монтевидео, не обращается въ Алжиръ, то лишь по недостатку тамъ свободы. Когда въ Алжирѣ можно будетъ найдти не военный лагерь, а отечество, когда, послѣ кратковременнаго испытанія, поселенецъ, откуда бы онъ ни явился, станетъ не чужестранцемъ, а гражданиномъ и членомъ правительства, тогда успѣхъ колонизаціи будетъ несомнѣненъ. До тѣхъ поръ всегда можно будетъ бояться, что Франція, уставъ поддерживать разорительное завоеваніе, потеряетъ въ одинъ прекрасный день колонію, которую однимъ декретомъ она могла бы сдѣлать общимъ отечествомъ латинской расы. Повторяю еще разъ, что тайна необычайнаго успѣха англійскихъ колоній заключается ни въ чемъ иномъ, какъ въ свободѣ.

Но возвратимся къ Виргиніи. Полученная ею свобода, конечно, была элементомъ процвѣтанія, но ей оставалось пройдти не одно испытаніе. Нападеніе индѣйцевъ довело новую колонію до совершеннаго разоренія, а въ послѣдовавшей затѣмъ войнѣ англичане соперничали съ дикарями въ жестокости и въ вѣроломствѣ. Болѣе, чѣмъ когда плантаторамъ была необходима помощь компаніи; но въ это самое время она возбудила негодованіе короля; онъ задумалъ ее уничтожить и успѣлъ въ этомъ.

Компанія пріобрѣла гораздо большую важность, чѣмъ сначала; число членовъ было значительно и собранія отличались самымъ бурнымъ характеромъ. Такъ какъ король рѣдко собиралъ парламентъ, то опозиція избрала полетъ своей дѣятельности общія собранія компаніи. Тамъ они возставали противъ королевскихъ прокламацій и распоряженій Тайнаго Совѣта по дѣламъ колоній. „Собранія сѣвернаго общества есть разсадникъ мятежнаго парламента“, говорилъ испанскій посланникъ королю Іакову, который всегда старательно оберегалъ свои права и боялся общественнаго мнѣнія. Но надо было имѣть предлогъ, чтобъ покончить съ компаніей, ибо она не соглашалась отказаться отъ колоніи, стоившей ей дорого и ничего еще не принесшей; въ деспотическомъ правительствѣ, когда повелитель захочетъ чего нибудь, то никогда нѣтъ недостатка ни въ средствѣ, ни въ людяхъ. Избіеніе плантаторовъ

индѣйцами взволновало общественное мнѣніе, акціонеры были недовольны, что громадныя суммы были издержаны, а дѣла компаніи ни мало не подвинулись впередъ; этого было достаточно для того, чтобъ Іаковъ приказалъ произвесть строгое слѣдствіе на мѣстѣ. На основаніи этого слѣдствія, король призналъ недѣйствительность компанейской хартіи, она была уничтожена, и Виргинія сдѣлалась королевской провинціей и оставалась ею до 1776 года.

Компанія пала, и, какъ всѣ несчастныя компаніи, ее никто не пожалѣлъ, даже парламентъ не заступался за нее. Въ колоніи это событіе также не возбудило никакого горестнаго чувства; Виргинія ничего не значило перемѣнить господина, если она только сохранитъ свои права, о которыхъ она только и заботится. Единственный пунктъ, на которомъ настаивали поселенцы передъ комисарами, производившими слѣдствіе, заключался въ томъ, чтобъ губернатору не была дана неограниченная власть и не уничтожено было представительное собраніе, такъ какъ, по ихъ словамъ, *„ничто не могло служить лучше къ пользѣ и удовлетворенію общества.“*

Взвѣсивъ всѣ обстоятельства, надо прійдти къ тому заключенію, что паденіе компаніи было благодѣяніемъ для Виргиніи. Компанія самая худшая изъ властей; она только думаетъ, какъ лучше эксплуатировать своихъ подданныхъ. Если колонія дурно управляется, то поселенцевъ грабятъ корыстные агенты; если она хорошо управляется, то поселенцы служатъ лишь орудіемъ для обогащенія членовъ компаніи. Когда управляетъ всѣмъ одинъ человѣкъ, то можно надѣяться на его геній, на его любовь къ славѣ, на его доброту; при свободномъ правительствѣ очевидно, что общій интересъ въ концѣ концевъ восторжествуетъ надъ всѣми преградами; но компанія, не знающая состраданія и стыда, не отвѣтственная даже предъ общественнымъ мнѣніемъ, жертвуетъ всѣмъ въ пользу своей корысти. Примѣромъ можетъ служить Остъ-Индская компанія, управляемая такими людьми, какъ Варенъ Гестингсъ, которыхъ даже не рѣшился бы поддержать самый ограниченный король въ виду общественнаго мнѣнія.

Іаковъ назначилъ совѣтъ для управленія изъ Лондона дѣлами

Виргиніи; онъ предоставилъ себѣ составить кодексъ основныхъ законовъ для колоніи, но смерть помѣшала коронованному законодателю предаться дѣлу, которое, конечно, льстило его самолюбію, но на врядъ ли принесло бы пользу колоніи.

Первымъ актомъ Карла I было подтвердить монополію табачнаго производства, которую Іаковъ далъ Виргиніи для обезпеченія ея процвѣтанія; не только былъ запрещенъ испанскій табакъ, который по качеству былъ гораздо выше, но не дозволено было разводить новое растеніе въ Англіи и въ Валисѣ; гдѣ же табакъ уже производился, тамъ его уничтожали. Карлъ понялъ, что въ табачной монополіи заключался источникъ богатства для казны и съ перваго дня своего царствованія онъ старался сдѣлаться черезъ своихъ агентовъ единственнымъ факторомъ колоніи. Онъ не обращалъ вниманія на тѣ законы, которыми управлялись плантаторы, а обращалъ все свое вниманіе на захватъ въ свою пользу всѣхъ плодовъ ихъ дѣятельности. Такимъ образомъ сохранились политическія права Виргиніи; онѣ сохранились по обычаю, благодаря счастливому равнодушію короля (¹).

И такъ, пока Англія была раздираема междоусобіями, Виргинія привыкала къ свободному правленію; мѣстное представительное собраніе объявляло войну индѣйцамъ, заключало миръ, пріобрѣтало новыя территоріи. Въ 1648 г. было уже двадцать тысячъ поселенцевъ и это число значительно увеличилось послѣ погибели англійской аристократіи, послѣдовавшей за смертью короля. Люди вліятельные въ аристократической партіи, пораженные ужасомъ и отчаяніемъ успѣхомъ революціи и не хотѣвшіе помириться съ побѣдителями, искали новаго отечества по ту сторону океана. Они всѣ поселились въ Виргиніи, ибо находили тамъ, не какъ въ Масачусетѣ, пуританъ, походившихъ на ихъ враговъ, но англійское общество съ его правами, идеями и предразсудками, страну землевладѣльческой аристократіи, гдѣ всякій домъ былъ для нихъ открытъ и всякій плантаторъ другъ.

(¹) Справедливость этого взгляда доказалъ Банкрофтъ въ опроверженіи Робертсона, который полагалъ, что всѣ вольности были уничтожены.

Поэтому аристократическій духъ и роялистскія чувства чрезвычайно распространились въ Виргиніи, тѣмъ болѣе, что губернаторъ серъ Вильямъ Берклей былъ одинъ изъ самыхъ преданныхъ Стюартамъ людей. Благодаря ему, Виргинія была послѣдней провинцій, признавшей республику, и первой провозгласившей Стюартовъ по смерти Кромвеля и до реставраціи.

Сдѣлавшись протекторомъ, Кромвель послалъ эскадру, чтобъ заставить колонію признать новое правительство. Роялизмъ виргинцевъ не шелъ до открытаго сопротивленія, и съ другой стороны, посланный протектора имѣлъ инструкцію оставить плантаціи полное независимое управленіе своими судьбами, только бы она признала республику. Потому вскорѣ сошлись на извѣстныхъ условіяхъ, отличавшихся духомъ свободы, одушевлявшимъ всѣ требованія поселенцевъ и еще болѣе человѣчной инструкціей, данной Кромвелемъ. Было рѣшено, что народъ въ Виргиніи сохранитъ всѣ права и вольности англійскаго народа; что представительное собраніе будетъ собираться по прежнему и руководить дѣлами колоніи; что виргинцы будутъ повсюду пользоваться свободой торговли, какъ Англія, что безъ согласія представительнаго собранія нельзя будетъ налагать налога, взимать подати, строить форты и держать армію. Независимость была полная; между колоніей и метрополіей существовала лишь связь внѣшняго владычества послѣдней надъ первой.

Вѣсть о реставраціи и вступленіи на престолъ Карла II была встрѣчена общею радостью, но эта радость была не долговременна. Новый король былъ щедръ только на словахъ въ отношеніи своихъ вѣрныхъ слугъ и оказалъ колоніи черную неблагодарность. Слѣдуя примѣру всѣхъ реставрацій, онъ забылъ и покинулъ тѣхъ, которые его любили, чтобъ привлечь на свою сторону противниковъ. Онъ обращался гораздо лучше съ пуританскими провинціями Масачусетъ и Родъ-Айландъ, чѣмъ съ своей вѣрной Виргиніей. Законный король отнялъ у нихъ тѣ права, которыя уважалъ Кромвель. При протекторѣ Виргинія была почти столь же независима и самодержавна, какъ нынѣ; десять же лѣтъ послѣ реставраціи ея вольности были ограничены, ея права уменьшены. Вмѣсто ежегодно собиравшагося собранія, члены котораго, избирае-

мые на два года, постоянно сознавали свою зависимость отъ избирателей, теперь явилось собраніе безсрочное, какъ англійскій парламентъ и который распустить имѣлъ право только губернаторъ; и впродолженіе болѣе пятнадцати лѣтъ, губернаторъ ни разу не воспользовался этимъ правомъ. Законодательная власть, такимъ образомъ установленная, не могла энергично стоять за право народа, а напротивъ, были приняты самыя непопулярныя мѣры и прежде всего было ограничено избирательное право, въ виду тѣхъ волненій и безпорядковъ, которые сопровождали подачу голосовъ. Вездѣ и всегда свободу ограничиваютъ и уничтожаютъ во имя общественнаго порядка!

Губернатору было назначено большое постоянное жалованье, тогда какъ до тѣхъ поръ онъ прямо зависѣлъ отъ колоніи, ибо собраніе вотировало ему ежедневно содержаніе; члены мѣстнаго управленія были избавлены отъ налоговъ, а представительное собраніе, не забывая себя, вотировало своимъ членамъ громадное содержаніе, достигавшее до двухъ сотъ пятидесяти одного фунта табаку. Но это еще не все; англиканской церкви предоставили монополію вѣроисповѣданій, назначено было жестокое наказаніе диссидентамъ, которые и переселились въ Каролину, наконецъ было положено значительное жалованье священникамъ господствующей церкви. Однимъ словомъ, это была Англія въ миніатюрѣ.

Что же касается до правъ человѣческаго разума, то, конечно, они нисколько не были уважены такимъ правительствомъ, которое заботилось только о крупныхъ землевладѣльцахъ. Это всего лучше видно изъ слѣдующихъ словъ губернатора Берклея, человѣка благонамѣреннаго, но съ предразсудками своей касты и инстинктивно ненавидѣвшаго пуританъ сѣвера и новыя идеи.

„Пасторы, – говорилъ онъ въ 1671 г.,—должны болѣе молиться, а менѣе проповѣдывать. Слава Богу, у насъ нѣтъ ни школъ, ни типографій, и я надѣюсь, что, по крайнѣй мѣрѣ, въ продолженіе ста лѣтъ мы ихъ не увидимъ, ибо наука ввела въ міръ ослушаніе, ересь и секты, а типографія ихъ распространила и оклеветала лучшее правительство. Избави насъ Богъ отъ этихъ двухъ бичей.“

Серъ Вильямъ Берклей былъ старый роялистъ, отсталыя понятія котораго скорѣе походили на идеи, царившія при дворѣ Тюдоровъ, чѣмъ на идеи, распространенныя Карломъ II. Духъ реакціи свирѣпствовалъ въ обществѣ уставшемъ и потому соглашавшемся терпѣть все; такъ всегда бываетъ при реставраціяхъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, Бэконъ, поддерживаемый общественнымъ мнѣніемъ, открыто обвинялъ правительство и громко спрашивалъ, какія науки и искуства оно поощрило, какія школы основало? Но при возвращеніи Стюартовъ все было возможно; обыкновенныя слѣдствія революціи—сдѣлать свободу ненавистной слабымъ умамъ. Послѣ тяжелыхъ ударовъ, перенесенныхъ англійскимъ обществомъ, эмигранты думали только о покоѣ и о личныхъ своихъ интересахъ.

По несчастью, они были очень чувствительно поражены въ этомъ отношеніи актомъ англійскаго парламента, знаменитымъ въ лѣтописяхъ англійской исторіи—навигаціоннымъ актомъ Кромвеля, который Англія считала впродолженіе двухъ вѣковъ основаніемъ своего величія и отъ котораго она отказалась только недавно. Кромвель, завидуя морскому величію голландцевъ, которые, по словамъ Вильяма Темпла, завладѣли большой дорогой океана и вели уже большія дѣла съ англійскими колоніями [1], рѣшился создать для Англіи навигаціонную монополію съ цѣлью ослабить Нидерланды и вручить Англіи владычество надъ морями и всемірной торговлей. Ему нужны были во что бы то ни стало корабли и моряки; интересы торговли должны были стушеваться предъ интересами политики. Для увѣнчанія успѣхомъ этого предпріятія нужно было обезпечить Великобританіи исключительную привилегію. Съ этою цѣлью въ 1651 г. парламентъ издалъ навигаціонный актъ. Этотъ законъ опредѣлилъ, что вся торговля Англіи съ ея колоніями и со всѣми странами свѣта не должна производиться иначе какъ на корабляхъ, выстроенныхъ, принадлежащихъ и снаряженныхъ англичанами; иностранцамъ дозволялось привозить въ Англію

[1] Изъ сорока кораблей, торговавшихъ съ колоніями, тридцать восемь было голландскихъ.

только свои собственные продукты, но вся международная торговля была исключительно предоставлена англичанамъ.

Англійскіе купцы недовольствовались этою милостью, данною имъ изъ политическихъ видовъ; они просили полной монополіи колоніальной торговли; это желаніе не осуществилось, благодаря сопротивленію Виргиніи, которая получила отъ Кромвеля тѣ же привилегіи, которыми пользовалась Англія; но послѣ реставраціи парламентъ возобновилъ навигаціонный актъ, и не только одобрилъ всѣ комерческія идеи Кромвеля, но довелъ ихъ до самыхъ преувеличенныхъ крайностей. Вся привозная и вывозная торговля между Англіей, Азіей, Африкой и Америкой была, подъ опасеніемъ конфискаціи, исключительно предоставлена судамъ, выстроеннымъ въ Англіи или колоніяхъ; собственникъ корабля, шкиперъ и три четверти экипажа должны были быть англичане; никто кромѣ англичанина по рожденію не имѣлъ права вести торговлю на плантаціяхъ. Наконецъ, колоніи имѣли право продавать только въ одну Англію сахаръ, табакъ, хлопчатку, индиго,—и, чтобъ обезпечить исполненіе этой тягостной для колоній мѣры, было постановлено, что прежде отправки каждаго корабля изъ Америки необходимо было представить залогъ въ томъ, что грузъ будетъ проданъ исключительно въ Англіи.

Это еще не все; въ 1663 г. навигиціонный актъ былъ сдѣланъ еще тягостнѣе для плантацій и измѣненъ въ пользу англійской монополіи. Наказанія за нарушенія акта были усилены и въ предисловіи къ этому закону объяснены тѣ принципы комерческой политики, которые царствовали въ то время въ Англіи. Въ этомъ предисловіи объявлялось, что плантаціи были населены англійскими подданными и, слѣдовательно, метрополія имѣла право поддерживать съ ними самый тѣсный союзъ и пользоваться ихъ произведеніями для развитія англійской торговли и мореходства. Такимъ образомъ можно было Англію превратить въ рынокъ не только колоній, но и всего міра, ибо, очевидно, всѣ другія націи должны были получать отъ Англіи колоніальные товары. Впрочемъ, спѣшили прибавить, всѣ прочія государства Европы всегда держались этой политики и сосредоточивали въ своихъ рукахъ всю торговлю колоній.

Вскорѣ парламентъ, увлеченный этими идеями и поддерживаемый общественнымъ мнѣніемъ, сдѣлалъ еще болѣе рѣшительный шагъ въ этомъ направленіи. Навигаціонный актъ, не смотря на всю свою строгость, дозволялъ колоніямъ вести торговлю между собою, и подъ эгидой этого закона Новая Англія сдѣлалась, благодаря своему промышленному характеру, рынкомъ, хотя и не очень значительнымъ, всѣхъ плантацій юга; Бостонъ высылалъ корабли въ Филадельфію, въ Балтиморъ и Ямайку. Этого было достаточно, чтобъ возбудить зависть англійскихъ купцовъ, и въ 1672 г., съ цѣлью изгнать своихъ соперниковъ изъ юга, они отняли у колоній право свободной торговли и наложили на товары, которыми мѣнялись между собою колоніи, такую же пошлину, какую взимали въ Англіи съ иностранныхъ товаровъ (1).

Мало по малу скупость и корысть англійскихъ торговцевъ становились все сильнѣе и сильнѣе и наконецъ новымъ парламентскимъ актомъ было запрещено не только производить тѣ предметы, которые могли бы конкурировать съ англійскими произведеніями на иностранныхъ рынкахъ, но и снабжать самихъ себя необходимыми продуктами для мѣстнаго потребленія. Такимъ образомъ американская промышленность была совершенно уничтожена ради развитія англійскихъ мануфактуръ. Берклей писалъ королю въ 1671 году:

„Этотъ строгій парламентскій актъ, запрещающій намъ всякую торговлю, исключая съ Англіей, до того громадная или большая преграда для нашей торговли и мореплаванья, что мы не можемъ разводить на своихъ плантаціяхъ самые естественные имъ продукты — оливы, хлопчатку, виноградники; мы не можемъ пріобрѣсть ни одного искуснаго человѣка для развитія шелковаго производства, подающаго столько надеждъ. По этому акту беззаконно вывести малѣйшій кусокъ дерева или четверть хлѣба въ Европу, исключая владѣнія Вашего Величества. Еслибъ это служило на пользу короля или его подданныхъ, то мы не жаловались бы на наши страданія, но, говоря отъ души, результатъ совершенно про-

(1) Bancroft, chap. IX.

тивоположный, и по этой причинѣ здѣсь не строятъ ни большихъ, ни малыхъ судовъ. Дѣло въ томъ, что мы слушаемся закона, а Новая Англія не обращаетъ на него вниманія и торгуетъ вездѣ, гдѣ находитъ для себя выгоднымъ. Я не вижу возможнаго улучшенія въ нашихъ дѣлахъ, если намъ не дадутъ права продавать наше дерево и нашъ хлѣбъ въ другихъ странахъ, кромѣ владѣнія короля."

Тридцать лѣтъ спустя Беверли посвятилъ цѣлую главу своей *Исторіи Виргиніи* малому попеченію, обращаемому въ Виргиніи на мануфактуры, не отдавая себѣ отчета, что виновные въ этомъ были не плантаторы, а англичане, и не мало не подозрѣвая, что онъ пишетъ самую жестокую сатиру колоніальной системы.

Виргинія получаетъ изъ Англіи, говоритъ онъ, всѣ предметы туалета, полотна, шерстяныя и шелковыя матеріи, шляпы и кожу. Однако, нѣтъ мѣстности на свѣтѣ, гдѣ бы лучше росли ленъ и конопля; овцы чрезвычайно распространены и имѣютъ хорошую шерсть, но ихъ стригутъ только для облегченія животныхъ. Тутовыя деревья, листьями которыхъ питаются шелковичные черви, растутъ здѣсь безъ всякой естественной помощи и шелковичные черви процвѣтаютъ какъ нельзя болѣе. — По всей вѣроятности, шкуры, изъ которыхъ дѣлаютъ шляпы, вывозятся отсюда, и потомъ уже обработанныя снова возвращаются. Громадное количество кожъ гніетъ безъ всякаго употребленія, и ими только покрываютъ нѣкоторые сухіе продукты... Не смотря на громадные лѣса, покрывающіе всю страну, изъ Англіи получаются мебель, столы, стулья, ящики, сундуки, телѣжныя колеса, однимъ словомъ, всевозможные деревянные предметы и даже, что едва вѣрится, половыя щетки" (1).

Такова была колоніальная политика въ Великобританіи. Этой монопольной системы, заимствованной у Испаніи, строго держался парламентъ впродолженіе цѣлаго столѣтія. Долго считали навигаціонный актъ совершенствомъ въ политическомъ отношеніи, и идеи, имъ проповѣдуемыя, были подтверждены двадцатью девятью парла-

(1) Beverly - p. 383.

ментскими статутами. Адамъ Смитъ говорилъ прямо, что это *настоящее нарушеніе всѣхъ правъ человѣчества*, но съ политической точки зрѣнія онъ одобрялъ его: „Такъ какъ безопасность государства важнѣе его торговли, говоритъ онъ, навигаціонный актъ быть можетъ самый мудрый изъ всѣхъ комерческихъ регламентовъ Англіи“ (¹).

Здѣсь не мѣсто разсматривать, на сколько основательно мнѣніе Адама Смита; а не трудно было бы доказать, что эта ложная система, изолировавшая націи и дѣлавшая ихъ врагами вмѣсто того, чтобъ соединить узами взаимной мѣны—была причиною большей части войнъ въ послѣднія столѣтія. Эта система поочередно ссорила Англію съ Голландіей, Франціей и, наконецъ, съ Испаніей, той самой Испаніей, которую Лондонскій кабинетъ, злоупотребля своей силой, заставлялъ смягчать строгія колоніальныя мѣры и допускать въ своихъ заатлантическихъ владѣніяхъ то, что Англія не терпѣла въ своихъ владѣніяхъ.

„Теорія запретительныхъ законовъ, говоритъ Готривъ, начертана кровавыми буквами въ исторіи всѣхъ войнъ, которыя впродолженіе послѣднихъ четырехъ вѣковъ ставятъ вездѣ промышленность въ соперничество съ силою, притѣсняютъ первую, развращаютъ вторую, унижаютъ политическую нравственность, заражаютъ общественную нравственность и истребляютъ человѣчество. Колоніальная система, рабство, ненависти, происходящія отъ чувства зависти и называемыя почему-то національными, войны, возбуждаемыя также завистью и называемыя почему-то коммерческими, наводнили весь міръ изъ этого ящика Пандоры заблужденіями, ложными теоріями, излишними, развращающими и несправедливо надѣленными богатствами, нищетой, невѣжествомъ и преступленіями, которыя придали человѣческому обществу въ извѣстной эпохѣ новѣйшей исторіи такой ужасающій, отталкивающій видъ, что невольно отворачиваешься отъ этого ненавистнаго зрѣлища, чтобъ не

(¹) Adam Smith. liv. IV. chap. 2. Напротивъ, Франклинъ понималъ всѣ недостатки и несправедливость этой системы. См. его Прусскій Эдиктъ въ моей Исторіи Американской Революціи—Чтеніе IX.

быть принужденнымъ возстать противъ развитія промышленности и самой цивилизаціи" (¹).

Ограничиваясь одной Америкой, я долженъ засвидѣтельствовать, что результатъ этой политики былъ самый гибельный; это было торжество силы и несправедливости надъ правомъ, присущимъ каждому человѣку, надъ правомъ свободной купли и продажи. Поселенцы не могли покупать европейскія произведенія иначе, какъ у англійскихъ купцовъ, которые, конечно, извлекали огромную пользу изъ этой монополіи. Такимъ образомъ, въ противность всѣмъ понятіямъ справедливости, жителей Америки разоряли для обогащенія нѣсколькихъ лондонскихъ или бристольскихъ купцовъ. Въ продажѣ своихъ собственныхъ произведеній поселенцы терпѣли не менѣе; цѣна на табакъ понижалась въ виду малаго количества покупателей, а цѣна на привозные товары постоянно увеличивалась въ виду малаго количества продавцевъ; слѣдовательно, поселенцы терпѣли двойной убытокъ. Поэтому мы видимъ, что плантаторы Виргиніи, Каролины и Мэриланда не разъ пытались забрать рынокъ въ свои руки, уменьшивъ производства табаку; но эти попытки никогда не удавались отъ провинціальныхъ ненавистей, хотя постоянное возвращеніе къ нимъ доказываетъ вполнѣ, сколько терпѣла Америка отъ навигаціоннаго акта.

Что касается до метрополіи, то она ничего не выигрывала отъ монополіи, обогащавшей нѣсколькихъ отдѣльныхъ лицъ на счетъ несчастныхъ плантаторовъ; напротивъ, она потеряла все свое вліяніе на колонію. Прочныя отношенія между двумя сторонами только тѣ, которыя приносятъ взаимную и равную пользу обѣимъ. Здѣсь, напротивъ, законъ былъ написанъ одной стороной, чтобъ связать по рукамъ и по ногамъ другую сторону. Принципъ, провозглашаемый парламентомъ, былъ несправедливый и основанный на правѣ сильнаго; онъ могъ только удержаться силой. Онъ превратилъ торговлю, этотъ постоянный элементъ мира, въ поводъ нескончаемыхъ волненій и посѣялъ первыя сѣмена междоусобной войны. Навигаціонный актъ имѣлъ своимъ послѣднимъ результатомъ независимость Америки.

(¹) Précis d'Economie Politique par M. d'Hauterive.

Исторія Виргиніи съ этой минуты въ сущности ничто иное, какъ разсказъ о попыткахъ сопротивленія колоніи, о преслѣдованіяхъ и жестокостяхъ метрополіи. Какъ только навигаціонный актъ сдѣлался извѣстенъ въ Америкѣ и плантаторы почувствовали его гибельныя послѣдствія, они тотчасъ обратились съ просьбой къ королю; но Карлъ II и его министры вполнѣ раздѣляли мнѣніе парламента и вмѣсто того, чтобъ выслушать жалобу плантаторовъ, они думали только о томъ, какъ привести въ исполненіе монополію со всевозможною строгостью. Однако дѣло не легкое привести въ исполненіе законъ, подчиняющій интересы цѣлаго народа интересамъ другаго народа, живущаго на разстояніи восьми сотъ миль по другую сторону океана. На главнѣйшихъ рѣкахъ построили форты, у береговъ вездѣ крейсеровали корабли — что̀ однако не мѣшало быстро развиться контрабандной торговлѣ. Впослѣдствіи введены были адмиралтейскіе суды; однимъ словомъ, Виргиніи пришлось испытать всѣ жестокости той системы, которую вѣроятно изъ сарказма называютъ покровительственной.

Но Виргинія не исчерпала еще всей чаши своихъ бѣдствій; парламентъ разорилъ страну, уменьшилъ ея производительность и ограничилъ права мѣстнаго представительнаго собранія; король вздумалъ отдать всю колонію на поживу своимъ царедворцамъ. Девять лѣтъ послѣ реставраціи, въ 1669 г., онъ отдалъ значительныя земли лорду Кульпеперу, и эта концессія была тѣмъ несправедливѣе и отяготительнѣе для колоніи, что она распространялась на земли, уже давно обработанныя и принадлежавшія плантаторамъ. Но онъ пошелъ еще далѣе и въ 1673 г. отдалъ двумъ своимъ любимцамъ, правда, не на всегда, а на тридцать одинъ годъ — *всѣ владѣнія на землѣ и на водѣ, называемыя Виргиніей*, то есть всю колонію. Первый изъ этихъ счастливцевъ былъ тотъ же самый лордъ Кульпеперъ, членъ колоніальнаго совѣта, хитрый и корыстолюбивый царедворецъ; второй — лордъ Генри Арлингтонъ, разорившійся и обремененный долгами вельможа, но который имѣлъ право на уваженіе короля, отдавъ руку своей дочери побочному сыну короля отъ лэди Кастельмэнъ. Такова была королевская

награда за вѣрноподданническую преданность заатлантическихъ провинцій (1).

Поселенцы, угрожаемые въ своихъ правахъ и въ своей собственности этими королевскими милостями, послали въ Лондонъ депутатовъ умолять Карла II принять вновь надъ ними ту верховную власть, отъ которой онъ такъ безумно отказался.

„Мы не хотимъ, говоритъ благородный адресъ, вотированный представительнымъ собраніемъ: — и мы чувствуемъ, что не должны подчиняться тѣмъ лицамъ, которымъ Ваше Величество, вслѣдствіе, вѣроятно, неправильнаго доклада, уступили верховную власть надъ нами, которые съ радостью платимъ Вашему Величеству болѣе того, что остается намъ за всѣ наши труды. Работая на пользу королевства и желая быть еще болѣе полезными королю и націи, мы смиренно просимъ Ваше Величество не подчинять насъ людямъ, которые такіе же подданные, какъ мы, просимъ Васъ, обезпечить насъ въ будущемъ отъ всякой боязни быть обреченными на рабство.“

Депутатамъ, посланнымъ въ Лондонъ, было поручено требовать для Виргиніи всѣ привиллегіи корпораціи, что, доставивъ колоніи законное существованіе, обезпечивало бы ее отъ новыхъ посягательствъ на ихъ свободу и въ тоже время дозволило бы имъ покупать и распространять права концессіонеровъ. Депутаты не только исполнили данную имъ инструкцію, но еще защищали естественную свободу поселенцевъ, требовали освобожденія ихъ отъ неправильныхъ налоговъ и настаивали на неотчуждаемомъ правѣ всѣхъ англичанъ — пользоваться вездѣ національнымъ представительствомъ. Но вѣсти изъ Виргиніи парализовали всѣ ихъ усилія (2).

Пока депутаты тщетно требовали въ Лондонѣ признанія правъ колоніи, ложная политика правительства привела къ открытому возмущенію. 4 іюля 1676 г., ровно за сто лѣтъ день въ день до объявленія независимости, плантаторы, выведенные изъ терпѣнья, возстали подъ начальствомъ Натаніеля Бэкона, полковни-

(1) Bancroft. — Chap. XIV.
(2) Bancroft. — Chap. XIV.

ка милиціи, человѣка смѣлаго, краснорѣчиваго, пользовавшагося довѣріемъ всей колоніи, не смотря на свой недавній пріѣздъ въ нее, и который, впродолженіе семи мѣсяцевъ, съумѣлъ распоряжаться неограниченно всѣми дѣлами возмущенія. Съ первыхъ дней мятежа, старикъ Берклей потребовалъ отъ короля солдатъ, чтобъ усмирить бунтовщиковъ, поднявшихъ всю страну; онъ писалъ, что Виргинія была такъ недовольна преградами, наложенными англійскимъ правительствомъ на ея торговлю, что нетерпѣливо ждетъ минуты стряхнуть иго метрополіи. Карлъ тотчасъ послалъ войска, но когда они прибыли въ Америку, то все уже было кончено. Болѣзнь унесла Бэкона и съ нимъ прекратилось возмущеніе.

Берклей жестоко отомстилъ за ослушаніе своей власти; тюрьмы наполнились несчастными и двадцать два человѣка были повѣшаны. „Старый безумецъ, говорилъ Карлъ II, сердце котораго было по природѣ очень доброе и недоступное чувству мести:—онъ отнялъ жизнь у бòльшаго числа людей въ этой несчастной странѣ, чѣмъ я за убійство отца.“ Онъ говорилъ правду, ибо онъ взвелъ на плаху только шесть цареубійцъ. Въ обнародованной повсюду прокламаціи король открыто осуждалъ дѣйствія губернатора, какъ противныя его приказу и оскорбительныя для его милосердія; вскорѣ за этимъ и самъ Берклей былъ отозванъ. Но уже колоніальное собраніе успѣло предупредить короля и вотировало адресъ губернатору, въ которомъ оно просило не проливать болѣе крови.“ „Еслибъ мы ему позволили, говорилъ одинъ изъ членовъ собранія, онъ перевѣшалъ бы половину всѣхъ поселенцевъ.“

Пролитая кровь, вотъ первый результатъ колоніальной системы для Виргиніи. Вмѣстѣ съ жизнію многихъ изъ своихъ гражданъ, она потеряла и не одну изъ своихъ вольностей. Типографіи были запрещены; дурно отзываться о губернаторѣ или о его партіи подвергало виновныхъ штрафу и тѣлеснымъ наказаніямъ; говорить о причинахъ возмущенія считалось государственной измѣной. Ничего не было напечатано объ этомъ народномъ движеніи и только въ наше время сдѣлались извѣстны подробности событія, знаменитаго въ лѣтописяхъ колоніи подъ названіемъ великаго возстанія полковника Бэкона.

Мятежъ доставилъ королю достаточный поводъ къ отказу въ

просимой либеральной хартіи, и права Виргиніи съ тѣхъ поръ основывались только на терпимости властей. Все что превосходило покровительство гражданскихъ законовъ, которымъ пользуется каждый англичанинъ, зависѣло отъ одной милости короля. Королевскія инструкціи установили форму правительства, и представительное собраніе уже собиралось только разъ въ два года и то каждая сессія не могла продолжаться болѣе пятнадцати дней. Что же касается до ограниченія торговли, то она стала примѣняться съ большею строгостью и духъ монополіи развился съ новою силою. Такимъ образомъ въ 1698 г. губернаторъ Никольсонъ въ поданной парламенту запискѣ предлагалъ запретить поселенцамъ дѣлать себѣ одежду, хотя и признавалъ тутъ же, что со времени навигаціоннаго акта цѣна табаку часто понижалась до того, что поселенцамъ не на что было купить одежды (1).

Послѣдствія этой эгоистичной системы не заставили себя долго ждать. Тотъ же Никольсонъ жаловался, что обитатели Виргиніи отличаются республиканскими стремленіями, и совѣтовалъ принять чрезвычайныя мѣры для сохраненія королевской власти и уничтоженія вредныхъ идей. Предлагаемое имъ средство было очень любопытное; оно состояло въ томъ, чтобы соединить подъ однимъ правительствомъ вицъ-короля всѣ англійскія колоніи Сѣверной Америки и содержать тамъ постоянную армію для уничтоженія королевскихъ враговъ (2). Англійское правительство конечно не послѣдовало этому совѣту, ибо союзъ, указавъ колоніямъ тайну ихъ силы, ускорилъ бы ихъ освобожденіе.

Мы прослѣдили исторію Виргиніи до революціи 1688 года, которая открыла для колоніи новую эру. Парламентъ замѣнилъ неограниченную королевскую власть и подчинилъ плантаціи одному общему правилу. Но эта перемѣна ни мало не улучшила участь Америки. Парламентъ еще гораздо ревностнѣе короля стоялъ за свою верховную власть и комерческую монополію; онъ считалъ себя въ правѣ обращаться съ плантаторами не какъ съ сограждa-

(1) Beverly, p. 142.
(2) Beverly, p. 143.

нами, а какъ съ подданными, и подчинилъ права колоній интересамъ метрополіи. Эта парламентская политика вызвала событія 1776 г. и была причиной освобожденія американскихъ колоній отъ англійскаго владычества.

ЧТЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Исторія Колоній Новой-Англіи.

1. Колонія Нью-Плимутъ.

Мм. Гг.

Въ самомъ началѣ исторіи англійскихъ колоній мы видѣли, что въ 1696 г. король Іаковъ I. раздѣлилъ американскій континентъ между двумя компаніями: южной, имѣвшей сосредоточіе въ Лондонѣ, и сѣверное, составленное бристольскими и плимутскими купцами. Мы разсказали исторію первой компаніи, колонизировавшей Виргинію, теперь разсмотримъ колонизацію сѣвера.

Конечно, въ томъ обстоятельствѣ, что центръ каждой изъ этихъ компаній былъ опредѣленъ въ первомъ случаѣ на западѣ Англіи, а во второмъ на востокѣ, кроется политическая мысль. Король надѣялся распространить промышленность, предоставивъ нѣсколькимъ различнымъ городамъ вести торговлю съ Америкой; но въ эту эпоху одинъ Лондонъ имѣлъ достаточно капиталовъ и торговыхъ сношеній, чтобы пуститься на такія смѣлыя предпріятія. Сѣверная компанія съ небольшими средствами и, слѣдовательно, не имѣя возможности смѣло дѣйствовать съ самаго начала, погибла, не смотря на энергію своихъ двухъ руководителей, сера Джона Попама, верховнаго судьи Англіи, и сера Фердинанда Жоржа, губернатора Плимута, друга и товарища Ралея; оба эти человѣка безъ всякаго сомнѣнія доставили бы успѣхъ своему предпріятію, еслибъ онъ зависѣлъ отъ ихъ доброй воли.

Первый корабль, посланный компаніей, былъ захваченъ испанцами, имѣвшими притязаніе на монополію Новаго Свѣта. Въ 1607 году пытались основать колонію въ Сагахадокѣ (нынѣ штатъ Мэнъ), но суровость климата заставила поселенцевъ оттуда удалиться и въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ они довольствовались немногими рыболовными экспедиціями на мысъ Кодъ (¹) и несчастной торговлей масломъ и мѣхомъ съ туземцами.

Но въ 1614 году капитанъ Смитъ, имя котораго уже намъ извѣстно по его подвигамъ въ Виргиніи и который первый понялъ съ рѣдкой прозорливостью и энергично отстаивалъ, что колонизація Америки была истинной политикой Англіи, капитанъ Смитъ снарядилъ два корабля вмѣстѣ съ четырьмя лондонскими купцами. Въ концѣ апрѣля онъ явился на берегахъ Мэна и, недовольствуясь мѣною съ туземцами, онъ изслѣдовалъ сѣверозападный берегъ, начиная съ рѣки Пенобскотъ до мыса Кода, и нарисовалъ карту страны, какъ онъ уже прежде сдѣлалъ для Чезапикскаго залива.

Преувеличивая всѣ блага новой страны, что извинительно открывателямъ странъ и объясняется тѣмъ, что онъ увидалъ впервые Америку въ самую лучшую пору года, Смитъ представилъ свое открытіе въ такомъ блестящемъ свѣтѣ, что юный принцъ, впослѣдствіи Карлъ I, назвалъ страну, карту которой представилъ ему Смитъ, Новой-Англіей. Это имя вскорѣ затмило имя Виргиніи и стало неизъяснимо драгоцѣннымъ для обитателей этого суроваго, но здороваго климата.

Это названіе Новой-Англіи, которое постоянно будетъ встрѣчаться въ нашемъ изслѣдованіи, означило всю страну на западъ отъ Нью Іорка, т. е. въ составъ Новой-Англіи входятъ штаты Мэнъ, Нью-Гампширъ, Вермонтъ, Масачусетъ, Родъ-Айлендъ и Конектикутъ. Это названіе произвольное, ибо никогда не существовало ни провинціи, ни штата Новой-Англіи; но это названіе удобно тѣмъ, что оно обнимаетъ цѣлый рядъ колоній, отличаю-

---

(¹) Кодъ (Cod) по англійски значитъ треска, слѣдовательно, самое названіе этого мыса указываетъ на удобное мѣсто для рыбной ловли.

щихся однѣми общими чертами отъ всей остальной Америки (¹).

Не смотря на лестные отзывы Смита и на успѣхъ его экспедиціи, компанія не послѣдовало его планамъ; надо было побужденіе сильнѣе личнаго интереса, чтобъ заставить людей переселиться въ страну, не представлявшую ни соблазнительныхъ сокровищъ Виргиніи, ни богатыхъ средствъ родины. Суровый климатъ, не слишкомъ плодородная почва, покрытая вѣковыми лѣсами и занятая дикими племенами—вотъ главнѣйшія черты Новой-Англіи.

По этому ни промышленныя предпріятія торговой корпораціи, ни привилегіи короля Іакова населили сѣверъ американскаго континента, но религія. Вѣра, воспламеняемая гоненіями, дала переселенцамъ мужество, побѣждающее всѣ преграды, твердое постоянство, не исчерпаемое ни войной, ни разореніемъ, ни смертью, наконецъ ту энергію, которая дѣлаетъ человѣка способнымъ на сверхъестественные подвиги, ибо, твердо вѣря въ помощь Бога, онъ не сомнѣвается въ себѣ и ничего не ждетъ отъ другихъ.

Чтобъ понять, какимъ духомъ были одушевлены эти поселенцы, нисколько не походившіе на колонистовъ Виргиніи, намъ надо сказать нѣсколько словъ объ исповѣдуемой ими вѣрѣ и о религіозныхъ гоненіяхъ, побудившихъ ихъ искать убѣжища въ Новомъ-Свѣтѣ.

Все что мы скажемъ по этому предмету не будетъ излишнимъ отступленіемъ, ибо всякій, изучающій основательно американское общество, долженъ признать ту истину, что религія создала это общество такимъ, какимъ оно нынѣ существуетъ. Свобода политическая въ Америкѣ произошла отъ свободы религіозной; духовный строй первыхъ переселенцевъ былъ республиканскій и съ

(¹) Типъ поселенца Новой-Англіи сохранился въ первоначальныхъ провинціяхъ до сихъ поръ, и янки въ наши дни отличаются отъ всѣхъ другихъ американцевъ. Янки (такъ индѣйцы выговаривали слово English, англичанинъ) это поселенецъ Новой-Англіи со всѣми его достоинствами и недостатками, т. е. съ его суровымъ, смѣлымъ, но религіознымъ и нравственнымъ характеромъ, налагающимъ на эту республиканскую расу своеобразную, неизгладимую печать.

самаго начала ихъ правительство стало республиканскимъ. Въ Англіи пуританизмъ привелъ къ республикѣ, какъ къ естественному своему послѣдствію. Правда, республика не устояла отъ сопротивленія общества, вѣра котораго не была вѣрой Мильтона; но въ Америкѣ обстоятельства были другія. Можно положительно сказать, что въ Новой-Англіи, гдѣ пуритане царили безгранично, учрежденія и нравы должны были быть демократическими по естественному закону вещей; этого требовала религія. И такъ необходимо изучить эту религію. Невозможно понять англійской революціи и смерти Карла I, отстранивъ вопросъ о реформѣ; точно также невозможно составить себѣ правильнаго понятія о Новой-Англіи, не зная догматовъ пуританизма. Пуританскій духъ создалъ ее и этимъ духомъ она живетъ доселѣ.

Извѣстно, какое волненіе повсюду произвело дѣло Лютера; какъ во всякой революціи, реформаторы не остановились на идеяхъ перваго преобразователя; границы, поставленныя имъ, были низвергнуты. Кальвинъ, отличавшійся еще болѣе строгой логикой, измѣнилъ безжалостно всѣ догматы, всѣ обряды, весь строй церкви. Лютеръ подчинялъ религію свѣтскимъ государямъ, изъ которыхъ онъ создавалъ внѣшнихъ свѣтскихъ епископовъ съ властью, превышавшей власть католическихъ государей; напротивъ, Кальвинъ основалъ строгую теократію, въ которой свѣтская власть совершенно исчезала, и церковь имѣла верховное господство надъ всѣми человѣческими дѣйствіями. Теорія Кальвина имѣла громадный успѣхъ; женевская республика, созданная и руководимая имъ самимъ, стала образцомъ правительства для всѣхъ протестантскихъ церквей. Строгость кальвинистскихъ учрежденій, составлявшихъ еще болѣе разительный контрастъ, чѣмъ лютеранство съ римскими обычаями, побудило всѣ пламенные умы принять кальвинизмъ; Женева послужила образцомъ церквамъ голландской, шотландской и французской.

Совершенно иначе поведено было дѣло реформы въ Англіи, тамъ руководилъ реформой король, скорѣе врагъ папства, чѣмъ католической вѣры. Генрихъ VIII возставалъ противъ главенства папы, а не противъ вѣры; онъ хотѣлъ быть папой въ своихъ владѣніяхъ, вотъ и все. Этотъ нечестивый государь, отвер-

гаемый протестантами, какъ католикъ душой, и католиками какъ глава ереси, сохранилъ большею частью и основы, и формы католичества. Духовная іерархія была оставлена, какъ учрежденіе религіозное и гражданское; архіепископы, епископы и пасторы сохранили свой санъ, свое званіе и свою юридикцію. Точно также уважены были нѣкоторые древніе обычаи, къ которымъ народъ привыкъ и которыхъ время освятило. Напримѣръ, одежду духовенства во время богослуженія, стихарь, колѣнопреклоненіе при Св. Причастіи, крестное знаменье при крещеніи, преклоненіе при имени Іисуса Христа, употребленіе колецъ при вѣнчаніи и другіе столь же невинные обряды, однимъ словомъ, по остроумному выраженію Іакова I, воспитаннаго въ догматахъ шотландской пресвитерьянской церкви, которую онъ считалъ за самую чистѣйшую и святѣйшую: англиканское богослуженіе было ничто иное, какъ католическая месса, но не столь блестящая (1).

Англійскій парламентъ предписалъ соблюдать всѣ эти обряды подъ страхомъ жестокихъ наказаній; но когда вступленіе на престолъ Елисаветы открыло доступъ въ Англію протестантамъ, бѣжавшимъ отъ преслѣдованій Маріи Тюдоръ, общественное мнѣніе потребовало новой, болѣе строгой реформы. Изгнанники, возвратясь изъ Франкфурта, Страсбурга, Базеля и Женевы, принесли съ собою уваженіе къ кальвинистскимъ суровымъ догматамъ и съ пламенной энергіей возстали противъ идолопоклонства англиканской церкви, которую они сравнивали съ современнымъ Вавилономъ, т. е. съ католическою церковью. Елисавета не раздѣляла этихъ идей; какъ Генрихъ VIII, она возставала болѣе противъ власти папы, чѣмъ противъ католическихъ доктринъ. Удаляясь отъ католиковъ изъ государственныхъ видовъ, Елисавета любила ихъ за ихъ повиновеніе и смиреніе; ей нравилась старинная дисциплина и она ни мало не желала ввести простоту и строгость въ богослуженіе, а, напротивъ, хотѣла затмить католическую церковь блескомъ и торжественностью обрядовъ.

Первымъ дѣйствіемъ парламента въ царствованіе Елисаветы

---

(1) Bancroft.—1,—294.

было провозгласить главенство свѣтскаго правительства въ духовныхъ дѣлахъ и ввести единство литургіи (1). Тогда возникъ религіозный споръ, доселѣ не прекратившійся. Обряды, сохраненные отъ старой вѣры, не имѣли священнаго характера и въ глазахъ ихъ защитниковъ; вѣра тутъ была ни при чемъ, а уваженіе, которымъ они пользовались столько столѣтій, и вліяніе ихъ на воображеніе и чувства дѣлали ихъ, по мнѣнію многихъ, способными растрогать сердце и возбудить набожныя чувства. Благоразуміе требовало ихъ сохраненія, ибо нечѣмъ было лучшимъ ихъ замѣнить (2).

Пуритане (такъ называли тѣхъ, которые по убѣжденію сопротивлялись церковному единству) мечтали совершенно объ иномъ и не соглашались перемѣнить иго Рима на иго домашнее; они считали, что всѣ эти сочиненные человѣкомъ обряды лишь нечестиво усложняютъ простое и разумное богослуженіе, установленное священнымъ писаніемъ. По ихъ мнѣнію, одна библія составляла законъ какъ для догматовъ вѣры, такъ и для духовной дисциплины. „Въ религіозныхъ дѣлахъ, говоритъ Картрайтъ, — одинъ изъ первыхъ пуританскихъ писателей:—должно только слѣдовать слову Божію и болѣе ничего. Недостаточно, что священное писаніе ничего не говоритъ противъ какого нибудь обычая, оно должно его устанавливать и оправдывать.“ — „Въ виду излишнихъ попеченій о вводѣ церковнаго единства, прибавляли пуритане, толпа получитъ такое уваженіе къ обрядамъ, что броситъ религію и увлечется ея тѣнью; она будетъ считать, что внѣшность вполнѣ замѣняетъ внутреннюю святость. Къ чему сохранять обряды, которыми развращенная католическая церковь такъ долго старалась прикрыть свое нечестіе и обмануть человѣчество? Отъ нихъ надо отречься, какъ отъ остатковъ суевѣрія недостойныхъ церкви, именующейся реформатской!

Таковъ предметъ распри между общими врагами католицизма,

(1) I. Elisab. Cap. 2.

(2) Эту систему защищалъ Гукеръ въ знаменитомъ сочиненіи: The laws of Eclesiastical Polity; London, 1592 г.

между установленной англійской церковью и пуританами. Эти споры намъ кажутся безъинтересными и безплодными; но углубимся въ сущность вещей и мы увидимъ, что подъ этими отжившими формами обсуждались вопросы, и понынѣ животрепещущіе; подъ пуританиномъ мы найдемъ республиканца.

Что значитъ притязаніе не признавать ничего, кромѣ библіи, какъ законъ вѣры и духовной дисциплины, а въ то же время предоставлять себѣ право ея толкованія? Что значитъ отказывать въ этомъ правѣ королю, парламенту, духовнымъ властямъ, если не требованіе полной свободы мнѣнія и абсолютное отрицаніе не только духовнаго господства, требуемаго королевской властью, но и господства свѣтскаго, ибо библія была верховнымъ закономъ всѣхъ человѣческихъ дѣйствій, передъ которымъ всякая власть должна была преклониться.

Въ эпоху, когда церковная каѳедра была единственной трибуной, открытой для желающихъ говорить съ народомъ, когда проповѣдники касались всѣхъ животрепещущихъ вопросовъ со свободой, не существующей нынѣ, ибо политическіе вопросы имѣютъ свою собственную трибуну, въ эту эпоху что̀ значила свобода проповѣди, требуемая пуританами, какъ не то, что нынѣ называется свободой собранія и свободой прессы, въ такой формѣ, въ какой лишь республика можетъ ихъ допустить?

Никто въ этомъ отношеніи не ошибся; народъ, всегда легко слѣдующій за крайними партіями, ибо его соблазняетъ простота, бѣжалъ толпами къ пуританамъ, тѣмъ болѣе, что онъ живо помнилъ кровавыя гоненія Маріи Тюдоръ и ненавидѣлъ все, что походило на папизмъ; такимъ образомъ съ каждымъ днемъ увеличивались число и смѣлость пуританъ. Епископы обвиняли диссидентовъ въ желаніи ввести народное правленіе; Елисавета, испуганная опасностью, грозившею ея власти, рѣшила, что настало время остановить распространеніе секты, одинаково опасной для государства и для религіи. По несчастью, надо сознаться къ стыду прошедшаго и въ поученіе настоящаго, что тогда не понимали священныя права совѣсти и разума. Терпимость, которая, обвиняя заблужденіе, терпитъ заблуждающихся, милосердіе, не останавливающееся передъ невѣріемъ, кротость, составляющая основ-

ный духъ христіанства—были добродѣтели, невѣдомыя въ Европѣ въ XVI столѣтіи, и, какъ замѣтилъ Робертсонъ, идея терпимости была еще такъ чужда всѣмъ, что самое слово еще не существовало. Въ этомъ отношеніи не было никакого различія между католиками и протестантами. Ошибка полагать, что реформаторы явились для освобожденія совѣсти и для дарованія ей той свободы, которой она пользуется нынѣ. Признаніе правъ человѣческаго разума далеко не была причиною, заставившей отдѣлиться отъ Рима, и это былъ только одинъ изъ послѣднихъ плодовъ реформы. Лютеръ былъ еще догматичнѣе своихъ противниковъ, хотя его возвышенная душа не дозволяла ему прибѣгать къ насильственнымъ мѣрамъ. Кальвинъ, открытый врагъ всякаго, думавшаго не такъ, какъ онъ, велѣлъ сжечь несчастнаго Серве, виновнаго въ ереси; Генрихъ VIII возводилъ на костеръ всѣхъ осмѣливишихся отрицать догматъ пресуществленія, а Эдуардъ VI казнилъ всѣхъ, осмѣливавшихся вѣрить въ этотъ догматъ. Если инквизиція преслѣдовала въ Римѣ всѣхъ отрицавшихъ непогрѣшимость папы, то Елисавета вѣшала въ Тибурнѣ всѣхъ, не признававшихъ ея духовнаго главенства.

Ни одна изъ сектъ не сомнѣвалась въ непогрѣшимости своихъ догматовъ и обрядовъ; можно сказать, что каждая церковь имѣла притязаніе быть въ общеніи съ Богомъ только для того, чтобъ имѣть право отлучить изъ церкви всѣхъ остальныхъ христіанъ. На людей противуположнаго мнѣнія смотрѣли не какъ на слѣпцовъ, достойныхъ сожалѣнія, но какъ на идолопоклонниковъ, святотатцевъ и враговъ общества, которыхъ слѣдовало истребить огнемъ и желѣзомъ, какъ евреи истребили мадіанитовъ. Терпѣть заблужденіе, — какъ зло меньшее, чѣмъ насиліе надъ совѣстью, было дѣломъ политика, атеиста, подчиняющагося презрѣннымъ земнымъ соображеніямъ. Ересь считалась такимъ же великимъ преступленіемъ, какъ убійство; уничтожить ее было первой обязанностью всѣхъ властей.

По глубокомысленному замѣчанію Юма, рѣдкіе мученики, перенеся пытку, не согласны подвергнуть ей и другихъ. Борьба сектъ въ Англіи вполнѣ подтверждаетъ слова Св. Павла, что можно отдать свое тѣло на сожженіе, не будучи милосердымъ. Религіоз-

ныя гоненія, насилующія наше чувство человѣчности, нашли защитниковъ между людьми самой святой жизни; толпа съ восторгомъ рукоплескала имъ, ученые защищали ихъ, власти способствовали. Слѣпая ревность сектаторовъ поддерживала гоненіе. Что я говорю сектаторовъ? Нѣтъ, ревность самихъ мучениковъ; пуританинъ, умирая, оправдывалъ свою казнь, онъ обвинялъ своего палача только въ заблужденіи и болѣе ни въ чемъ.

„Еретиковъ, говоритъ Картрайтъ, слѣдуетъ предавать смерти. Если вы считаете такое поведеніе крайнимъ и кровожаднымъ, то я очень счастливъ раздѣлять это обвиненіе вмѣстѣ со Св. Духомъ. Я отрицаю, чтобъ раскаяніе влекло за собою прощеніе и освобожденіе отъ смертной казни. Судьи, карающіе за убійство и допускающіе безнаказанно нарушать первую заповѣдь, начинаютъ не съ того конца."

Это ослѣпленіе насъ удивляетъ, и однако измѣните предметъ человѣческихъ страстей, поставьте вмѣсто религіи политику—и эта исторія будетъ наша исторія. Необходима была вся кровь, пролитая во время революціи, и рѣзкіе переходы въ судьбѣ націи и въ общественномъ мнѣніи, чтобы поколебать нашъ фанатизмъ, чтобы цѣною страшныхъ испытаній привести насъ къ той терпимости, которая означаетъ зарю новаго вѣка, конецъ той эпохи, когда обращали все вниманіе на правительственныя формы. Что такое Робеспьеръ, какъ не политическій пуританинъ, вѣрящій въ непогрѣшимость своего узкаго, ревниваго ума. Что означаетъ обвиненіе въ умѣренности, которымъ клеймили робкіе, равнодушные умы? Революція и реформа представляютъ одно и то же зрѣлище. Въ этихъ лихорадочныхъ припадкахъ человѣчества существуютъ только крайнія партіи: гонители и гонимые, палачи и жертвы. Это святая борьба, въ которой сражаются, чтобъ побѣдить или умереть; въ пылу сѣчи никто не чувствуетъ ни полученныхъ, ни нанесенныхъ ударовъ до той минуты, когда пройдетъ кровавое опьяненіе и тогда только всѣ чувствуютъ ужасъ и укоры совѣсти.

Нигдѣ нетерпимость не была такъ велика, какъ въ Англіи. Установленная церковь требовала энергично истребленія ереси; она съумѣла переманить на свою сторону и королевскую власть, которую пуритане оскорбили, отрицая ея безграничное господство.

Іаковъ I всегда говорилъ, что интересы монархіи и церкви одни и тѣже. „Нѣтъ епископа, нѣтъ короля (no cross, no crown), было его любимымъ выраженіемъ. Эта аксіома составляетъ еще и по нынѣ основу англійской конституціи. Законы государства дали въ руки Елисаветы могучія орудія, воспользоваться которыми она была вполнѣ готова. Конфискаціи, тюремныя заключенія, смерть, были удѣломъ предводителей пуританъ, и какъ всегда, преслѣдованія, вмѣсто того, чтобъ уничтожить, только раздували пламя. Пуритане, внѣ себя отъ отчаянія, довели свои мнѣнія до послѣднихъ крайностей; ненависть къ англиканской церкви заставила ихъ отворачиваться и отъ всякой церковной власти; пресвитеріане, сохранившіе нѣкоторую духовную іерархію, казались холодными политиками. Пуритане не хотѣли терпѣть никакихъ правилъ, никакой подчиненности, они требовали полной свободы въ церковномъ управленіи. Однимъ словомъ—это была республика въ религіи прежде, чѣмъ она проявилась въ управленіи страной.

Мученическій вѣнецъ, *эта неотразимая сила слабости*, какъ говорилъ Мильтонъ (¹), удвоилъ число пуританъ. Въ 1593 г., въ парламентѣ было упомянуто, что 20,000 человѣкъ стекаются на пуританскія собранія, и было предложено изгнать ихъ изъ Англіи, какъ изгнали мавровъ изъ Испаніи. Только изгнаніе непокорныхъ могло доставить побѣду церковному единству, ибо вся злоба преслѣдователей была безполезна, не смотря на всю ревность верховной комиссіи, для духовныхъ дѣлъ, чрезвычайнаго трибунала, ни мало не уступавшаго по жестокости и коварству испанской инквизиціи, которую ненавидѣли, хотя ей и подражали. Въ палатѣ общинъ нѣсколько членовъ подали голосъ въ пользу умѣренности; но королева заставила ихъ замолчать, ибо этотъ предметъ зависѣлъ только отъ королевской прерогативы. Парламентъ, всегда покорный, принялъ законъ, по которому каждый человѣкъ, не бывшій въ церкви впродолженіи мѣсяца, подвергался штрафу и тюремному заключенію. Правительство имѣло право, какъ инквизиція, допрашивать подъ присягою каждаго гражданина о

(¹) Of reformation in England.—book I.

его вѣрѣ. Всѣ пуритане, узнанные такимъ образомъ, обязаны были въ теченіе трехъ мѣсяцевъ или отречься отъ своего заблужденія, или оставить предѣлы государства; если они не отрекались отъ своей ереси, или возвращались изъ изгнанія, то ихъ казнили, какъ преступниковъ, только безъ церковнаго покаянія.

Восшествіе на престолъ Іакова I, воспитаннаго Букананомъ въ пресвитеріанскихъ идеяхъ, не измѣнило къ лучшему положеніе пуританъ. „Я не хочу этой свободы, говорилъ онъ: — я хочу твердыхъ доктринъ и твердой дисциплины, религію въ догматахъ и въ обрядахъ. Не касайтесь болѣе этого предмета, я вамъ запрещаю.“ Пуритане просили по крайней мѣрѣ права собираться и свободно обсуждать духовныя дѣла; но король тотчасъ сообразилъ, что такая уступка приведетъ къ политической свободѣ, и потому отвѣчалъ: — „Вы хотите шотландскаго пресвитеріанизма, также мало согласующагося съ монархіей, какъ Богъ съ чертомъ. Тогда Джакъ, Томъ, Виль и Дикъ имѣли бы право собираться, толковать и открыто порицать мои дѣйствія и моихъ совѣтниковъ. Виль встанетъ и скажетъ: такъ должно быть; а Дикъ отвѣтитъ: нѣтъ, мы хотимъ иначе. А я вамъ повторяю, что это дѣло одного короля и онъ распорядится.“ Потомъ, обращаясь къ епископамъ, онъ объявилъ, что духовная іерархія самая твердая опора престола. „Что же касается до пуританъ, прибавилъ онъ: — то я ихъ или сдѣлаю *конформистами*, или выгоню всѣхъ изъ страны. Хуже того, пускай ихъ перевѣшаютъ, тогда дѣло будетъ кончено.“

Такимъ образомъ, нечего было ожидать отъ Іакова, столь же ревностно хранившаго свою власть, какъ Елисавета, и который съ королевской прозорливостью видѣлъ, что подъ религіознымъ вопросомъ скрывался политическій. И однако, по странному случаю, именно благодаря нетерпимости короля, заселена была Америка и основана первая колонія Новой-Англіи. Религіознымъ гоненіямъ обязана Великобританія этими колоніями, дающими нынѣ главенство англійской расѣ и подготовляющими ей блестящую будущность.

Между пуританами, приведшими свои идеи въ систему, одинъ изъ самыхъ смѣлыхъ былъ Робертъ Браунъ, который въ 1580 г.

основалъ секту или церковь, называвшуюся впродолженіи нѣкотораго времени его именемъ. Браунъ шелъ далѣе первыхъ пуританъ. Они считали англиканскую церковь Божьимъ храмомъ; алтарь требовалъ очищенія, но на немъ можно было поклоняться Христу. Напротивъ, Браунъ и его ученики, получившіе поэтому названіе сепаратистовъ, отвергали всякій союзъ съ англиканской церковью. Та доля истины, которая оставалась въ этой церкви, была порабощена и осквернена прикосновеніемъ невѣрныхъ; это былъ святой ковчегъ въ рукахъ филистимлянъ.

Браунъ училъ, что англійская церковь была развращена и антихристіанская, что священники ея не были правильно посвящены, что ея законы и таинства не имѣли никакого значенія, и потому онъ защищалъ всякое съ ней общеніе. Въ тоже время онъ утверждалъ, что внутренній строй церкви такъ же неизмѣнимъ, какъ и самая вѣра; и то, и другое основывается одинаково на словѣ Божіемъ. Но какое устройство церкви видѣлъ онъ въ Библіи? Оно состояло въ слѣдующемъ:

Въ церкви нѣтъ ни епископовъ, ни іерархіи, форма ея республиканская. Всякое общество христіанъ, соединяющихся для поклоненія Богу, составляло, по его мнѣнію, независимую церковь, имѣющую полное право распоряжаться своими внутренними дѣлами и независящую ни отъ какого посторонняго главы, свѣтскаго или духовнаго. Отъ этого и произошло названіе *независимыхъ*, *„индепендентовъ"*, которые часто давали послѣдователямъ Брауна. Великая христіанская республика состояла такимъ образомъ изъ федераціи мелкихъ самостоятельныхъ республикъ, соединенныхъ только вѣрою (¹). Вы видите тутъ первые зачатки современной демократіи.

(¹) Въ 1619 г. Робинсонъ напечаталъ въ Лейденѣ свою Apologia pro exulibus anglis qui brownistae vulgo appellantur и въ ней очень ясно опредѣляетъ независимость каждой церкви: — «Caetum quemlibet particularem, esse totam, integram et perfectam Ecclesiam, ex suis partibus constantem, immediate et independenter (quoad alias Ecclesias) sub ipso Christo.» (Apologia, cap. v. p. 22, приводимая Мосгеймомъ, Eccles. Hist.,—vol. V, p. 388).

Но это не все; Браунъ прибавлялъ, что духовенство не есть особая каста въ церкви вѣрующихъ и не имѣло неизмѣняемаго характера. Это была просто должность. Всякій способный и набожный человѣкъ могъ быть назначенъ пасторомъ по выбору всѣхъ братьевъ и по наложенію на него рукъ; тѣмъ же образомъ и той же властью онъ могъ быть лишенъ своего званія и обращенъ снова въ простаго христіанина. Такимъ образомъ вся власть находится въ рукахъ членовъ церкви. Чтобъ быть членомъ церкви необходимо было только публично заявить свою вѣру и объяснить, что благодать Божія снизошла на васъ; однимъ словомъ—были извѣстныя условія избранія; но сдѣлавшись однажды членомъ церкви, всякій былъ себѣ господиномъ и все рѣшалось *общимъ голосованіемъ всей конгрегаціи Христа.* Послѣднія слова я заимствую у Мильтона.

Очевидно, что въ этой пуританской теоріи были зародыши республики. Достаточно было примѣнить къ политической жизни правила духовной, чтобы получить чистую демократію; и не надо забывать, что идеи управляютъ міромъ и что всегда въ концѣ концевъ вѣра беретъ перевѣсъ и преобразуетъ общество и правительство. Переходъ отъ религіи къ политикѣ былъ такъ легокъ, что писатели и люди дѣйствія не останавливались на этомъ скользскомъ пути. Откройте сочиненіе Мильтона, этого великаго памфлетиста пуританъ, и вы увидите на каждой страницѣ, что христіанская республика ведетъ къ политической демократіи; ничто не можетъ намъ дать лучшаго понятія о томъ, какія сѣмена должны были посѣять на американской почвѣ религіозныя гоненія.

Секта браунистовъ, самая крайняя изъ всѣхъ сектъ и всего болѣе враждебная установленной церкви, навлекала на себя презрѣніе блестящихъ умовъ и самыя жестокія гоненія (1). Для увеличенья наказанія этимъ ненавистнымъ еретикамъ были изданы особые чрезвычайные законы; конфискаціи и смерть безжалостно сыпались на головы враговъ установленной церкви. Браунъ съ легкомысліемъ и слабостью, рѣдко встрѣчаемыми въ основателяхъ сектъ, но очень

(1) Бэконъ и Шекспиръ очень ядовито издѣвались надъ пуританами,— Everett, Speeches and orations, t. 2, p. 486.

обыкновенными въ людяхъ съ пламеннымъ воображеніемъ, Браунъ, вынесшій тюрьму и всевозможныя гоненія, не могъ выдержать долгаго изгнанія и примирился съ англиканской церковью и даже принялъ пасторское мѣсто. *Онъ покинулъ Господа и Господь покинулъ его*, говорили его ученики; но его измѣна не ослабила этой секты и она продолжала распространяться между народомъ и среднимъ классомъ. *Индепенденты* играли значительную роль во время Кромвеля и нынѣ подъ именемъ индепендентовъ или конгрегаціоналистовъ составляютъ одну изъ многочисленнѣйшихъ церквей Соединенныхъ Штатовъ.

Однако, гражданскіе и духовные суды съ такой энергіей преслѣдовали этихъ еретиковъ, что пребываніе въ Англіи имъ стало невыносимо, и въ 1607 году самые пламенные изъ браунистовъ, подъ предводительствомъ пастора Джона Робинсона, человѣка замѣчательныхъ способностей, бѣжали на континентъ въ Лейденъ, въ Голландіи, „гдѣ, какъ они слышали, свобода вѣроисповѣданія принадлежала всѣмъ людямъ.“ Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ они оставались тамъ и жили мирно, невѣдомые никому, мужественно борясь съ нуждою, такъ какъ людямъ, привыкшимъ къ полевымъ работамъ, было трудно найдти себѣ пропитаніе въ промышленной странѣ. Но съ каждымъ днемъ ихъ число уменьшалось и браки молодыхъ людей, вступавшихъ въ голландскія семьи, ослабляли немногочисленную церковь, которая не пополнялась ни новыми выходцами изъ Англіи, ни вновь обращенными лейденцами. Рѣшившись остаться англичанами и распространить вѣру, которую они считали одной истинной, изгнанники пришли къ тому убѣжденію, что для охраненія сокровища, бывшаго въ ихъ рукахъ, имъ необходимо было перебраться на такую англійскую землю, гдѣ они нашли бы убѣжище отъ преслѣдованій епископовъ и въ тоже время пользовались бы всѣми гражданскими правами. Они жаждали основать городъ, въ которомъ могли бы наконецъ на свободѣ учить и распространять свою вѣру.

Америка, гдѣ Англія начинала заводить колоніи, обратила на себя ихъ вниманіе; ихъ братья, французскіе кальвинисты, уже пытались, но безуспѣшно, поселиться въ Бразиліи, Акадіи и въ будущей Каролинѣ. Пуритане рѣшились послѣдовать ихъ примѣру.

Всѣ опасности эмиграціи, всѣ опасности морскаго плаванья не пугали людей, привыкшихъ къ изгнанію, поддерживаемыхъ пламенной вѣрой, привыкшихъ къ страданіямъ и не ожидавшихъ уже ничего отъ своей родины-мачихи, оторвавшей ихъ отъ своей груди.

„Уже давно насъ отняли отъ нѣжной груди нашей матери-родины, говоритъ Робинсонъ:—давно мы привыкли ко всѣмъ трудностямъ жизни на чужой сторонѣ. Народъ мы работящій и умѣренный. Мы всѣ соединились въ одно тѣло, завѣтомъ, освященнымъ самимъ Богомъ; совѣсть не дозволитъ намъ его нарушить, и мы считаемъ себя обязанными печься о благосостояніи всей общины. Мы не походимъ на людей, которые могутъ прійдти въ отчаяніе отъ мелочей (1).“

Первымъ дѣломъ лейденскихъ изгнанниковъ было удостовѣриться, что имъ доставятъ свободу вѣроисповѣданія. Іаковъ милостиво принялъ ихъ проектъ колонизаціи, замѣтивъ съ своимъ всегдашнимъ педантизмомъ, что „ловить рыбу было честнымъ дѣломъ, и замѣтимъ даже апостоловъ;“ но онъ отказался формально обѣщать вѣротерпимость. Впрочемъ эмигранты по видимому добивались завѣренія, что ихъ не будутъ безпокоить, и удовольствовались этой неосновательной гарантіей, что вполнѣ рисуетъ тотъ вѣкъ, мало отличавшійся честностью. „Если впослѣдствіи, говорили они,—захотятъ насъ преслѣдовать, то имѣй мы патентъ короля, хоть съ печатью въ величину дома, все же всегда найдутъ средства отмѣнить его или уничтожить“ (2).

Не надѣясь болѣе ничего получить съ этой стороны, они вступили въ переговоры съ Виргинской или Южной компаніей насчетъ уступки имъ земли въ границахъ компанійскаго патента, на что, конечно, компанія тотчасъ согласилась, ибо она всячески старалась поощрять эмиграцію въ обширной странѣ, незначительную часть которой она только тогда занимала.

(1) Bancroft—1 vol.—305 p.
(2) Bancroft—1, 305.

ЧТЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Продолженіе исторіи колоній Новой-Англіи.

Нью-Плимутъ (продолженіе).

Мм. Гг.

Въ прошломъ чтеніи мы видѣли, какъ англиканская церковь, боясь республиканскихъ принциповъ пуританизма, пыталась отдѣлаться отъ него путемъ религіозныхъ гоненій; я разсказалъ, какъ самые пламенные сектаторы, браунисты, наскучивъ своимъ изгнаніемъ въ Голландіи, рѣшились переселиться въ Америку на основаніи неопредѣленнаго обѣщанія короля Іакова забыть о ихъ существованіи и не преслѣдовать.

17 сентября 1620 года, послѣ торжественнаго поста, эмигранты, отцы-странники (*fathers-pilgrims*), какъ называетъ ихъ благодарное потомство, въ числѣ ста человѣкъ вышли изъ Плимута на кораблѣ *Майскій цвѣтокъ* (*May-Flower*), болѣе знаменитый въ лѣтописяхъ Америки, чѣмъ когда либо былъ *Аргосъ* въ лѣтописяхъ Греціи.

Цѣль ихъ путешествія были берега Гудсона, то есть та великолѣпная мѣстность, гдѣ впослѣдствіи возникъ Нью-Іоркъ. Но капитанъ корабля, подкупленный, говорятъ, голландцами, желавшими основать колонію на этой чудной рѣкѣ, направился гораздо далѣе на востокъ и послѣ трехмѣсячнаго, труднаго плаванія присталъ къ мысу Коду, находившемуся уже не въ территоріи Виргиніи, а на землѣ, уступленной Сѣверной Компаніи.

Холода (было 22 декабря), усталость и болѣзни заставили эмигрантовъ выйдти на берегъ. Изслѣдовавъ его на довольно обширномъ разстояніи, они избрали мѣстность, называемую индѣйцами Патуксетъ и которую они окрестили именемъ новаго Плимута, Нью-Плимута, въ воспоминаніе того города, въ которомъ они распрощались съ Англіею. Нью-Плимутъ остался на всегда зна-

менитымъ мѣстомъ перваго поселенія въ Новой-Англіи, и до сихъ поръ хранятъ и показываютъ съ уваженіемъ тотъ утесъ, на который отцы-странники ступили впервые, принимая во владѣніе великій континентъ, который они должны были населить своимъ потомствомъ и прославить своими идеями.

За нѣсколько времени до выхода на землю переселенцы, боясь анархіи, тѣмъ болѣе, что они, по видимому, должны были поселиться на землѣ, на которую они не имѣли никакихъ правъ, связали другъ друга неразрывными узами слѣдующимъ актомъ:

„Да будетъ воля Господня. Аминь. Мы нижеподписавшіеся, вѣрные подданные нашего грознаго короля Іакова, Божіею милостью короля Англіи и Шотландіи и проч., предприняли для славы Божіей распространеніе вѣры христіанской и славы нашего короля и отечества путешествіе съ цѣлью основать первую колонію на сѣверѣ Виргиніи; симъ актомъ соединяемся мы въ одно политическое и гражданское тѣло для поддержанія порядка посреди насъ и достиженія предположенной цѣли. Въ силу настоящаго акта, мы установимъ тѣ справедливые и праведные законы, тѣ порядки, правила и конституціи, назначимъ тѣхъ властей, которыя мы сочтемъ нужными и полезными для общаго блага колоніи. На этомъ основаніи мы обязуемся быть покорными и повиноваться, въ чемъ и подписуемся въ лѣто Христово 1620 года, ноября 11 (стараго стиля).“

Этотъ торжественный актъ знаменитъ въ лѣтописяхъ Америки, которая представляетъ, однако, нѣсколько подобныхъ примѣровъ; эмигранты, основавшіе штатъ Родъ-Айлендъ, первые обитатели Нью-Гэвена, Конектикута и Провиденса, также начали съ того, что составили договоръ, подписанный всѣми заинтересованными лицами. Американскіе историки и юристы прославляютъ эту декларацію, какъ неслыханное событіе, какъ новую эру въ исторіи человѣчества.

„Прежде, чѣмъ выйдти на берегъ, говоритъ Стори (¹), отцы-странники составили и добровольно подписали договоръ о будущей формѣ правительства, который представляетъ въ лѣтописяхъ

(¹) Vol. I. p. 54.

міра, если не первый, то достовѣрнѣйшій примѣръ первоначальнаго общественнаго договора, имѣющаго цѣлью созданіе націи. Философы и юристы постоянно прибѣгаютъ къ ипотезѣ подобнаго договора для опредѣленія правъ и обязанностей правительствъ и подданныхъ, но по большей части въ этой ипотезѣ видятъ только плодъ воображенія, не поддерживаемый исторіей и практикой народовъ, который далеко не представляетъ твердой основы для требованій современной жизни. Никто не предполагалъ, что Америка представитъ примѣръ такого общественнаго договора въ его первобытной, патріархальной простотѣ."

Прошу извиненія у Стори, но восторженный патріотизмъ увлекъ его слишкомъ далеко. Въ этомъ актѣ, написанномъ пасажирами корабля, я не вижу общественнаго договора, какъ понималъ его Руссо, т. е. актъ, которымъ извѣстное количество людей, живя въ естественномъ, природномъ состояніи, безъ зависимости, безъ всякихъ правъ и обязанностей, соглашаются вступить въ союзъ между собою и создаютъ права и обязанности, или, другими словами, признаютъ что справедливо и что не справедливо, по одному добровольному соглашенію. Подобной конвенціи, въ силу которой общество возникаетъ изъ добровольнаго договора, никогда не существовало и невозможно найти такого примѣра, ибо общество раждается съ появленіемъ первой семьи. Это фактъ естественный, первичный, какъ языкъ, фактъ, который принимается наукой за точку отправленія, но не объясняется. Человѣкъ живетъ въ обществѣ, потому что онъ родился съ инстинктомъ общественности, а не потому, чтобъ ему вошла въ голову фантазія соединиться съ ему подобными, фантазія, которую онъ могъ бы замѣнить каждую минуту противуположнымъ желаніемъ и вслѣдствіе того возвратиться въ чащу лѣсовъ. И по той причинѣ, что человѣкъ родился съ инстинктомъ общественности, что его природа требуетъ жизни въ обществѣ, что только въ обществѣ онъ можетъ найти удовлетвореніе своимъ потребностямъ физическимъ, нравственнымъ и умственнымъ, можетъ довести до совершенства свои инстинкты и идеи—въ обществѣ существуютъ обязанности, отъ которыхъ человѣкъ не можетъ уклониться и права которыхъ онъ можетъ требовать.

И такъ декларація, написанная пасажирами „*Майскаго*

цвѣтка", не есть подлинная формула общественнаго договора. Это просто хартія, какъ всякая другая, по которой уже существующее общество, то есть собраніе людей и живущихъ вмѣстѣ подъ сѣнью признанныхъ обычаевъ и законовъ, соглашается установить власть, достаточно сильную, чтобъ заставить уважать законы, подъ покровительствомъ которыхъ это общество хочетъ жить. Поселенцы пуритане цѣнили выше всего обычаи своей родины, сохраненные ими доселѣ, и они учреждали не общество, а правительство.

Первое время жизни переселенцевъ было для нихъ чрезвычайно тягостно; стужа была невыносима, такъ какъ холодъ въ Америкѣ гораздо сильнѣе, чѣмъ въ Европѣ въ тѣхъ же широтахъ, напримѣръ, Квебекъ, въ Канадѣ, пользуется парижскимъ лѣтомъ и шестимѣсячной петербургской зимой, а въ Нью-Іоркѣ, находящемся подъ тѣмъ же градусомъ, какъ Неаполь, римское лѣто замѣняется копенгагенской зимой.

„Отцы-странники переплыли громадный океанъ, говоритъ историкъ колоніи: — и достигли цѣли своего путешествія, но они не нашли друзей, готовыхъ ихъ принять съ распростертыми объятіями, или жилищъ, въ которыхъ они могли бы отдохнуть отъ усталости. Была зима, и тѣ, которымъ знакома наша зима, знаютъ какъ она сурова и какіе страшные ураганы свирѣпствуютъ на нашихъ берегахъ. Въ эту негостепріимную пору трудно даже путешествовать по знакомымъ мѣстностямъ, тѣмъ затруднительнѣе основывать поселенія на новыхъ, невѣдомыхъ берегахъ. Вокругъ этихъ странниковъ разстилалась пустынная, безпредѣльная земля, кишившая дикими звѣрями и дикими людьми, свирѣпость и число которыхъ имъ было неизвѣстно. Земля была мерзлая, покрытая кустарниками и лѣсами. Вся мѣстность, разстилавшаяся передъ ихъ глазами, была мрачная, дикая, а за ними шумѣлъ океанъ, отдѣлявшій ихъ отъ образованнаго свѣта. Только поднявъ глаза къ небу, они могли утѣшать свои сердца надеждой (¹)."

(¹) Tocqueville, I. 53. — New-Englands Memorial, by Nathaniel Morton.

Ко всѣмъ тягостямъ климата необдуманность эмигрантовъ присоединила еще причину разоренія, которая едва не погубила колонію. Они вздумали такъ же какъ въ Виргиніи ввести общинный трудъ и общинную собственность. Результатъ этого заблужденія былъ не менѣе пагубенъ на сѣверѣ, чѣмъ на югѣ; первые поселенцы едва не погибли отъ нищеты и голода. Но какая причина заставила ихъ принять эту тяжелую и безплодную систему? Банкрофтъ полагаетъ, что ихъ обязала къ этому Лондонская компанія, заинтересованная въ доходахъ плантаціи; но Робертсонъ приписываетъ это религіозному побужденію, именно желанію слѣдовать примѣру первыхъ христіанъ. Какъ бы то ни было, и какъ велика ни была энергія колонистовъ, вскорѣ стало очевидно въ Нью-Плимутѣ, точно такъ же какъ въ Виргиніи, что община насилуетъ человѣческую природу, требуя отъ нея двухъ взаимно уничтожающихся качествъ: совершенное отреченіе отъ личнаго интереса и ревностное преслѣдованіе интересовъ другихъ.

Философы могутъ рисовать въ своемъ воображеніи процвѣтающія общины, но опытъ и разумъ ясно доказываютъ, что все это мечта и даже не мечта, слишкомъ прекрасная для нашей бѣдной человѣческой природы (хотя и то уже большая ошибка, если теорія не примѣнима къ людямъ, а только къ ангеламъ), но полное невѣденіе человѣка и свободы, дающей ему величіе. Безъ права личной собственности человѣкъ не совершенно принадлежитъ самому себѣ; онъ только рабъ или животное, вполнѣ зависящее отъ руки, кормящей его. Собственность первое условіе свободы и такъ присуща природѣ человѣка, что страна образованнѣйшая, счастливѣйшая и всего лучше управляемая непремѣнно та, которая имѣетъ бо́льшое количество собственниковъ. Америка, если нужно, можетъ служить сама блестящимъ доказательствомъ этой истины. Къ тому же въ Нью-Плимутѣ, какъ и въ Виргиніи, раздѣленіе земли между поселенцами тотчасъ возбудило ихъ дѣятельность и воскресило ихъ мужество. Какъ только они начали работать на себя, такъ за дѣло принялись женщины и дѣти, и плантація, которая при общинномъ владѣніи умирала съ голода, теперь стала производить торговлю зерномъ, достаточно значительную для прокормленія сосѣдей.

Обратимся теперь къ управленію колоніи. Чѣмъ могло быть

правительство, установленное главами сорока семействъ, подписавшихъ приведенный нами актъ, братьями по вѣрѣ и страданіямъ, равными по положенію и состоянію, какъ не чистой демократіей. Тутъ не было воинственнаго предводителя, раздѣляющаго завоеванную землю между своими сподвижниками соразмѣрно ихъ достоинству и подвигамъ. Тутъ не было также важнаго барина, купившаго на свои деньги землю, которую онъ раздѣляетъ между колонистами по взаимнымъ условіямъ. Среди отцевъ-странниковъ царило абсолютное равенство; они купили его дорогою цѣпою гоненій, нищеты, изгнанія. Не было никакого различія въ званіи, происхожденіи и богатствѣ; почти всѣ были средняго сословія. Такимъ образомъ возникла демократія изъ феодальнаго общества, и политическая свобода восторжествовала рядомъ съ религіозной. Эти два великіе принципа современной жизни были провозглашены въ одно время и положили основу неимовѣрному благоденствію Америки.

Губернаторъ, назначаемый всеобщей подачей голосовъ, содѣйствующій ему совѣтъ изъ пяти членовъ и общее собраніе всѣхъ совершеннолѣтнихъ плантаторовъ, вотъ первоначальная форма конституціи Нью-Плимута; представительная система введена гораздо позже, въ 1639 году, когда народонаселеніе колоніи было уже слишкомъ разбросано по обширной територіи, такъ что невозможно было собирать всѣхъ колонистовъ. Тогда ежегодные выборы назначали депутатовъ, составлявшихъ представительное собраніе колоніи.

Поселившись на землѣ, не принадлежавшей имъ ни на какомъ основаніи, эмигранты почувствовали прежде всего необходимость признанія ихъ поселенія какъ владѣтелями територіи, такъ и отъ англійскаго правительства. Въ 1629 году, они получили патентъ отъ Плимутскаго Совѣта, дозволявшій концесіонеру Вильяму Бредфорду и его товарищамъ составить корпорацію подъ приличнымъ названіемъ и пользоваться всѣми привилегіями торговыхъ компаній. По формѣ это была простая, комерческая концессія, но въ сущности за ними признавалось право на свободное управленіе колоніей; и этимъ правомъ они пользовались безъ всякихъ преградъ и ограниченій. Этотъ патентъ, данный одной компаніей, другой меньшей

и создававшей цѣлое государство, долженъ былъ бы, по видимому, получить утвержденіе короля, такъ какъ королевскія права и прерогативы не передаются, но кажется, никто не обратилъ вниманія на новую колонію до Карла II, который не призналъ законной данную ей концессію. Плантаторы тогда стали домогаться королевскаго патента, но дѣло это еще не было рѣшено, когда въ 1684 году Іаковъ II уничтожилъ всѣ колоніальныя хартіи. Нью-Плимутъ былъ подчиненъ непосредственно королевскому правительству до 1690 году, когда эта колонія вошла въ составъ провинціи Масачусетъ, согласно хартіи Вильгельма и Маріи. Съ этой минуты оканчивается ея независимое существованіе и самостоятельная исторія.

Вѣроятно, вамъ кажется страннымъ, что я, по примѣру американскихъ историковъ, придаю такую важность дѣятельности горсти людей, никогда не игравшихъ значительной роли; но память отцевъ-странниковъ безсмертна не по ихъ дѣйствіямъ, но по тому новому духу, который они внесли въ Новый Свѣтъ, потому что этотъ духъ составилъ величіе Соединенныхъ Штатовъ.

„Принципы, царившіе въ Новой-Англіи, краснорѣчиво говоритъ Токвиль (1):—распространились сначала по сосѣднимъ штатамъ, а потомъ мало по малу достигли до самыхъ отдаленныхъ и наконецъ, если можно такъ выразиться, проникли повсюду въ конфедерацію. Нынѣ они простираютъ свое вліяніе, даже внѣ этихъ предѣловъ, по всему американскому континенту. Цивилизація Новой-Англіи, какъ костры, разведенные на высотахъ, распространивъ теплоту вокругъ себя, освѣщаетъ своимъ блескомъ отдаленный горизонтъ.“

Одна мысль привела этихъ поселенцевъ въ Новый Свѣтъ, мысль основать чистую христіанскую церковь. Одна эта мысль дала имъ силы основать колонію посреди такихъ преградъ, которыя наполнили бы ужасомъ обыкновенныхъ людей, посреди голода, холода, болѣзни, индѣйцевъ, дикихъ звѣрей. Если они обработали неблагодарную почву и открыли путь эмиграціи, не остановившейся ни

(1) De la démocratie en Amérique, t. I. p. 50.

на минуту въ продолженіе двухъ вѣковъ, то это лишь потому, что вѣра поддерживала ихъ среди всѣхъ опасностей и лишеній и дала имъ ту силу, которая передвигаетъ горы и заселяетъ пустыни. Подъ именемъ религіи они перенесли въ Америку, насадили и взлелѣяли то сѣмя демократіи, которое воспрянуло величественнымъ древомъ, долженствующимъ покрыть весь міръ своими вѣтвями. Они одолжены всѣмъ своимъ мужествомъ и добродѣтелью одной мысли, что, принося въ жертву свою жизнь на этихъ пустынныхъ утесахъ, они трудятся во славу Бога и христіанства.

„Великія дѣла, говоритъ Бредфордъ, одинъ изъ первыхъ губернаторовъ колоніи:—произошли отъ слабыхъ начинаній, и какъ малымъ свѣточемъ можно зажечь тысячи другихъ, такъ и свѣтъ, исходящій отсюда, будетъ свѣтить большому количеству людей, а быть можетъ, и всей нашей націи.“

„Братья, писали эмигрантамъ пуритане, оставшіеся въ Англіи:—братья, не горюйте, что Провидѣніе избрало васъ орудіемъ для проложенія пути другимъ. Это послужитъ вамъ въ честь до окончанія міра.“ Они были правы. Пока Соединенные Штаты не забудутъ своего происхожденія, они всегда съ сыновнимъ уваженіемъ будутъ хранить память этихъ апостоловъ цивилизаціи, этихъ христіанскихъ героевъ, которымъ ихъ новое отечество обязано своимъ неимовѣрнымъ благоденствіемъ. Они, цѣною тысячи страданій, посѣяли и утвердили на неблагодарной почвѣ серьезные принципы и строгіе нравы, эти истинныя основы и необходимыя условія свободы и демократіи, ибо безъ этихъ умѣряющихъ якорей свобода переходитъ въ своеволье и народное правительство, извращенное пагубными страстями, превращается въ анархію.

2. КОЛОНІЯ МАСАЧУСЕТЪ.

Вторая колонія пуританъ въ Новой-Англіи была основана на берегахъ массачусетской бухты. Изъ всѣхъ колоній эта самая важная; съ самаго начала она была во главѣ политическаго и религіознаго движенія въ Соединенныхъ Штатахъ и до сихъ поръ со-

хранила свою первенствующую роль. Нѣкоторые города, какъ, напр., Нью-Іоркъ и Новый Орлеанъ ведутъ большую торговлю, чѣмъ Бостонъ, но нѣтъ города въ Америкѣ, который бы имѣлъ болѣе вліянія на общественное мнѣніе страны. И дѣйствительно, съ самаго своего существованія, Бостонъ, вѣрный древнему пуританскому духу, былъ важнѣйшимъ городомъ Америки по образованію, нравственности, энергіи и набожности своихъ сыновъ. Бостонъ началъ свою войну за независимость и нынѣ его вліяніе руководитъ всѣми важнѣйшими вопросами въ Соединенныхъ Штатахъ, напр., въ великомъ вопросѣ рабства. И такъ Массачусетъ изъ всѣхъ восточныхъ колоній имѣетъ всего болѣе для насъ важности; другія поселенія были только его спутниками, слѣдовавшими по тому пути, который былъ указанъ Бостону. Повсюду одна и таже жизнь, одни и тѣ же законы, нравы и обычаи, потому мы можемъ скоро пройдти исторію этихъ колоній, не отличающуюся значительными событіями; исторія Массачусета въ сущности исторія всей Новой-Англіи.

Почти въ то самое время, когда пасажиры *Майскаго цвѣтка* достигли конца своего путешествія, Іаковъ I, видя, что Сѣверная компанія не приводитъ въ исполненіе своего проекта колонизаціи, выдалъ 3 ноября 1620 года новую хартію герцогу Леноксу, маркизу Букингаму и нѣсколькимъ другимъ вельможамъ. Эта хартія ограничивалась первой концессіей, но распространяла уступленную територію. Король отдалъ компаніи, принявшей названіе великаго Плимутскаго совѣта, всю страну, находящуюся между 40° и 48° с. ш. и простирающуюся отъ одного моря къ другому; въ хартіи было только оговорено, что если въ означенномъ пространствѣ земли найдутся владѣнія другихъ государствъ, то они конечно исключаются изъ владѣній компаніи; вѣроятно эта оговорка была сдѣлана въ виду французскихъ поселеній въ Канадѣ. Эта концессія, не смотря на свой объемъ, не привела ни къ какой серьезной экспедиціи; компанія, въ которой участвовали корыстолюбивые царедворцы, занималась болѣе продажей земель, чѣмъ ихъ колонизаціей и Новая-Англія долго осталась бы незаселенная, еслибъ причины, побудившія къ переселенію браунистовъ, не возбудили бы эмиграцію пуританъ въ гораздо большемъ количествѣ.

Индепенденты, число и энергія которыхъ увеличивались съ каждымъ днемъ, не смотря на гоненія, или, быть можетъ, благодаря этимъ гоненіямъ, уже совершенно отчаявались добиться отмѣны убійственныхъ для нихъ законовъ, и поощряемые разсказами о колоніи Нью-Плимутъ, какъ о прибѣжищѣ и святилищѣ ихъ вѣры, рѣшились также искать по ту сторону океана новой родины, гдѣ не мѣшали бы ихъ убѣжденіямъ и не преслѣдовали бы ихъ женъ и дѣтей (1). Поэтому они вошли въ переговоры съ великимъ Плимутскимъ совѣтомъ и въ 1627 году получили концессію значительнаго пространства земли, содержавшей въ себѣ территорію нынѣшнихъ штатовъ Масачусета, Конектикута, Нью-Гампшира, Родъ-Айленда и Мэна.

Первые концессіонеры не были достаточно богаты и многочисленны, чтобы предпринять на свой счетъ колонизацію отдаленной страны; они потому стали искать товарищей между своими единовѣрцами и вскорѣ нашли довольно большое число ихъ между купцами и зажиточными людьми, исповѣдовавшими открыто или втайнѣ пуританскіе догматы. Но эти послѣдніе, какъ люди практическіе, не захотѣли довольствоваться тѣми правами, которыя могла имъ передать компанія; она была въ состояніи передать имъ право собственности на землю, но не право управленія и суда въ уступленной землѣ. Потому они обратились съ просьбою къ королю, отъ котораго зависѣло отчудить отъ себя эту долю своей прерогативы. Карлъ I согласился на ихъ просьбу съ удивительною легкостью, въ виду его строгости относительно нонконформистовъ. 4 марта 1629 года онъ учредилъ изъ концессіонеровъ корпорацію подъ названіемъ *Правительства и компаніи Массачусетской бухты въ Новой-Англіи* и далъ имъ хартію,

---

(1) О жестокостяхъ и гоненіяхъ, которымъ подвергались пуритане, можно судить по одному слѣдующему примѣру: Въ дѣлѣ епископа Рена мы видимъ, что его обвиняютъ въ томъ, что впродолженіи двухлѣтняго управленія Норвичской епархіей онъ отрѣшилъ 50 пасторовъ за неисполненіе ими предписанныхъ обрядовъ и принудилъ 3000 человѣкъ покинуть государство (Everett. — Orations and Speeches, t. I., p. 222).

подобную той, которую имѣлъ отъ Іакова I великій Плимутскій Совѣтъ.

Эта хартія, подписанная Карломъ I и хранима болѣе полувѣка, какъ драгоцѣнная привилегія, учреждала не государство (этого никакъ не надо забывать), но просто корпорацію, центральное мѣстопребываніе которой было въ Англіи и которая была организована, какъ всѣ большія торговыя компаніи, въ то время распространяемыя монархической властью во всѣхъ странахъ. Внутренняя администрація была вручена по обычаю губернатору, при содѣйствіи вице-губернатора и совѣта, состоявшаго изъ шестнадцати членовъ, избираемыхъ ежегодно акціонерами компаніи или, какъ ихъ называли, freemen. Четыре раза въ годъ или чаще, если было необходимо, собиралось въ Англіи общее собраніе акціонеровъ, въ которомъ участвовали также губернаторъ и члены совѣта. Это общее собраніе назначало чиновниковъ въ колонію и составляло необходимыя правила мѣстнаго управленія, подъ единственнымъ условіемъ ничего не дѣлать противорѣчащаго законамъ королевства.

Ни въ одной статьѣ хартіи не требовалось утвержденія короля для законности правилъ и распоряженій, издаваемыхъ общимъ собраніемъ. Дѣйствительно, хартія учреждала торговую компанію, а не правительство отдѣльной страны. Всѣ дѣйствія этой корпораціи считались столь же некасающимися до государства, какъ и дѣятельность другихъ торговыхъ обществъ; и если за ней признавалось право извѣстной юридикціи въ Америкѣ, то это лишь въ виду того рода дѣлъ, которыми занималась компанія. Благодаря этой организаціи, внѣшній торговый видъ, который удалялъ всякій прямой правительственный контроль, колоніи Новой-Англіи пользовались большей внутренней свободой и политической независимостью, чѣмъ колоніи другихъ государствъ. Это послабленіе правительства и эта совершенная свобода были главной причиной ихъ процвѣтанія; и этого никогда не надо забывать.

Хартія не давала эмигрантамъ религіозной свободы, какъ иногда предполагаютъ; напротивъ, король приказывалъ губернатору приводить колонистовъ къ присягѣ вѣрности. Онъ не предчувствовалъ, какую силу пріобрѣтетъ ненавистный ему пуританизмъ отъ эми-

граціи. Но естественно пуританизмъ долженъ былъ господствовать въ Новой-Англіи, ибо только пуритане бѣжали туда изъ Англіи отъ религіозныхъ гоненій; а члены англиканской церкви, которыхъ никто не безпокоилъ, не имѣли ни малѣйшей причины переселяться въ страну, не славившуюся ни плодородіемъ, ни развитіемъ торговли. Такимъ образомъ религіозная свобода пуританъ не основывалась на послабленіи законовъ, но была результатомъ фактовъ жизни, такъ что въ 1662 году англійскій король, вѣроятно по просьбѣ Кларендона, объявилъ, что основа Массачусетской партіи была свобода совѣсти.

Какъ только полученъ былъ королевскій патентъ, тотчасъ составилась первая экспедиція, и 300 эмигрантовъ на пяти корабляхъ отправились въ свою новую родину. Это были большею частью пламенные пуритане, покидавшіе отечество не изъ самолюбія или корысти, но лишь потому, что, по ихъ мнѣнію, какъ говоритъ Мильтонъ, ничто не могло защитить ихъ отъ изступленія епископовъ, какъ безпредѣльный океанъ и необитаемыя пустыни Америки (¹). Значительные проповѣдники, проповѣдники секты, сопровождали эмигрантовъ, которые нисколько не походили на всѣхъ извѣстныхъ исторіи эмигрантовъ; это не были искатели приключеній, но главы семействъ, которые съ женами и дѣтьми бѣжали въ пустыню, чтобы тамъ на свободѣ молиться и распространять Евангеліе. Поэтому, какъ разсказываетъ одинъ изъ современниковъ, однимъ фактомъ охарактеризовавшій этихъ эмигрантовъ, они утѣшали себя во время долгаго, скучнаго пути тремя длинными проповѣдями въ день.

По прибытіи въ Америку, 29 іюня 1629 г., эмигранты нашли несчастный остатокъ первыхъ поселенцевъ, отправившихся въ предшествовавшемъ году подъ предводительствомъ энтузіаста Эндикота и поселившихся въ мѣстѣ, названномъ по тогдашнему обычаю Салемъ въ честь святаго города (2). Эти поселенцы и вновь при-

---

(¹) Milton. Of Reformation in England; edit. of Fletcher, t. I, p. 14.

(2) Салемъ нынѣ одинъ изъ главнѣйшихъ городовъ въ штатѣ Массачусетъ и производитъ значительную торговлю съ Индіей.

бывшіе ихъ товарищи были однихъ вѣрованій; это были самые строгіе пуритане. Для людей такого закала основаніе церкви должно было заглушить всѣ другіе интересы. Такимъ образомъ съ перваго дня и не обращая вниманія на хартію, которая требовала отъ нихъ подчиненія догматамъ англиканской церкви, они основали свою церковь согласно своимъ догматамъ.

Они всѣ соединились въ одно религіозное общество и составили объ этомъ торжественный актъ въ присутствіи Бога и другъ друга (это второй примѣръ договора, подобнаго тому, который заключили колонисты Нью-Плимута). Потомъ строго придерживаясь правиламъ Священнаго Писанія, какъ они его понимали, избрали пастора, проповѣдника и старѣйшину, которыхъ утвердили въ ихъ званіи всеобщимъ наложеніемъ рукъ. Всѣ принятые въ этотъ день членами церкви заявили согласіе признать исповѣданіе вѣры, составленное проповѣдникомъ, и отдали отчетъ въ основахъ своихъ христіанскихъ надеждъ; кромѣ того было заявлено, что впредь никто не будетъ принятъ въ лоно церкви прежде, чѣмъ всѣ братья не удостовѣрятся въ его вѣрѣ и достоинствѣ. Что касается до внѣшняго богослуженія, то установлены были формы, самыя простѣйшія, даже проще кальвинистскихъ: не было ни литургіи, ни причащенія, а все ограничивалось одной проповѣдью. И эти первые духовные порядки всегда впослѣдствіи уважались и остались на всегда основнымъ правиломъ протестантскихъ церквей Новой-Англіи.

Съ пламенной любовью основали эту давно желанную, чисто христіанскую церковь пуритане, впервые дѣйствовавшіе свободно. Однако, нѣсколько эмигрантовъ, испуганныхъ такимъ рѣзкимъ разрывомъ съ англиканской церковью, стали собираться отдѣльно для поклоненія Богу по обряду метрополіи. Отличаясь крайними мнѣніями, какъ всѣ партіи, остальные товарищи изъявили, что они не потерпятъ епископальныхъ обрядовъ въ своей средѣ. Боясь нарушенія своихъ правъ, они смотрѣли на партизановъ установленной церкви, какъ на шпіоновъ; они отвергали религію, причинившую имъ столько страданій, скорѣе какъ тиранію, чѣмъ какъ секту. „Вы теперь сепаратисты, говорили имъ противники, а скоро вы станете анабаптистами.“ —Мы отдѣляемся, отвѣчали пасторы,

не отъ англійской церкви, но отъ ея злоупотребленій. Мы покинули нашу родину, чтобъ не видать англиканской литургіи и обрядовъ, и много претерпѣли страданій за независимость нашихъ вѣрованій. Здѣсь мы нашли свободу и не можемъ, не хотимъ допустить идолопоклонство. Это значило бы самымъ преступнымъ образомъ нарушить истинное поклоненіе Богу. „Другими словами, обѣтованная земля должна была принадлежать однимъ пуританамъ [1]. Дѣло не ограничалось словами, и тѣ самые люди, которые незадолго передъ тѣмъ были преслѣдываемы, стали теперь преслѣдователями, что также часто случается въ религіи, какъ и въ политикѣ; и двухъ предводителей, недовольныхъ, требовавшихъ свободы совѣсти, на основаніи хартіи объявили врагами общественнаго спокойствія и отправили въ Англію. Это было только предисловіе тѣхъ гоненій, которыхъ возбудила нетерпимость пуритапъ, и страшные примѣры которыхъ мы увидимъ въ послѣдствіи.

Однако, директора компаніи въ Англіи заботились о поддержаніи колоніи, и такъ какъ въ это время архіепископъ Лодъ, извѣстный своею нетерпимостью, пользовался большимъ вліяніемъ на короля, то велико было число людей, рѣшавшихся искать убѣжища въ Новой-Англіи. Между ними были люди гораздо высшаго положенія и съ гораздо высшимъ состояніемъ, чѣмъ первые эмигранты. Но люди, рѣшившіеся рисковать своимъ состояніемъ и жизнью для колонизаціи Новаго Свѣта, не могли подчиниться правительству, которое вело дѣло издали изъ метрополіи, не могли подчиниться системѣ, которая погубила французскія колоніи. Англичане, уже тогда привыкшіе къ свободѣ, не хотѣли сдѣлаться слугами лондонской компаніи; они отказались признавать законы, составленные безъ нихъ и собраніемъ, которое, по причинѣ своей отдаленности, не могло знать общества, имъ управляемаго.

Мы видѣли, что въ подобномъ же положеніи Виргинія вытребовала себѣ нѣчто въ родѣ хартіи и что она стала истинно свободной только послѣ паденія компаніи. Эмигранты Новой-

(1) Bancroft. I—349.

Англіи приняли мѣру болѣе простую и энергичную. Они потребовали отъ корпораціи, такъ сказать, переселенія изъ Англіи въ Америку, т. е. передачи всего управленія колоніей въ руки тѣхъ членовъ асосіаціи, которые водворятся въ Новомъ Свѣтѣ. Компанія сначала колебалась въ законности такой мѣры, которая дѣйствительно превращала торговыя общества въ правительство независимой провинціи, однако она кончила тѣмъ, что согласилась въ виду блестящихъ предложеній новыхъ эмигрантовъ, перевозившихъ съ собою до 800 человѣкъ. Правители колоніи были избраны изъ числа концесіонеровъ, переселившихся также въ Америку. Джонъ Винтропъ, ревностный протестантъ, извѣстный своими способностями и честностью, былъ выбранъ губернаторомъ. Такимъ образомъ право внутренней администраціи было перенесено на ту сторону океана, и хартія торговой компаніи стала закономъ отдѣльнаго государства.

Имѣла ли право компанія переносить свое мѣстопребываніе въ Америку? Не смотря на утвердительный отвѣтъ нѣкоторыхъ европейскихъ юристовъ (1), можно сомнѣваться въ этомъ правѣ вмѣстѣ съ великимъ законовѣдцемъ Соединенныхъ Штатовъ, съ судьею Стори. Но какъ замѣчаетъ Робертсонъ, правда, не сочуствующій вообще эмигрантамъ, съ перваго дня массачусетскіе плантаторы выказали страсть къ нововведеніямъ точно также въ политикѣ, какъ и въ религіи; привычка отбросить всѣ принятые обычаи въ одномъ случаѣ подготовила ихъ къ тому же въ другомъ. И если въ Англіи они дѣйствовали какъ торговая компанія, нуждающаяся въ королевской хартіи для утвержденія своихъ правъ на землю, то однажды выйдя на берегъ Америки, они стали считать себя свободными людьми, соединенными добровольнымъ согласіемъ и имѣющими естественное право избирать себѣ правительство и законы, какіе имъ угодно.

Согласно этому принципу, согласно своему праву дѣйствовать независимо, они не взирая ни на свою хартію, ни на англійскіе законы, основали свою церковь, по совершенно иному образцу,

---

(1) Everett—Orations, 1—228.

чѣмъ установленная церковь и съ такою же независимостью учредили они свое правительство. Съ самаго перваго дня это стремленіе стало ясно высказываться. „Колонисты заявляютъ притязаніе на верховную власть въ своихъ дѣлахъ, писали Лоду, въ 1634 году; говорить, что законодательная власть зависитъ отъ короля, считается государственной измѣной.“ Во всякое другое время Карлъ I никогда не потерпѣлъ бы такого нарушенія своихъ правъ, но тогда онъ былъ слишкомъ занятъ и смущенъ своей распрей съ парламентомъ, чтобъ обратить вниманіе на первыя попытки республики, произведенныя въ отдаленной, невѣдомой колоніи.

Это новое государство, однако, имѣло особый характеръ, далеко не демократическій. Эмигранты, какъ мы видѣли, были скорѣе церковью въ пустынѣ, чѣмъ политическимъ обществомъ. Сохранить вѣру и допускать въ свою среду только людей праведныхъ— вотъ въ чемъ была ихъ главная цѣль. Поэтому они и учредили теократію. Закономъ 1631 г. было постановлено, что никто, кромѣ членовъ церкви, не могъ принимать участія въ правительствѣ, не быть судьею или присяжнымъ. Другими словами, всякій, кто не исповѣдовалъ признанныхъ церковью догматовъ и правилъ богослуженія, былъ лишенъ всѣхъ правъ гражданина и выключенъ изъ общества. Самъ Богъ, говорили эмигранты, долженъ управлять государствомъ черезъ посредство своихъ святыхъ. А такъ какъ пасторы и начальники каждой конгрегаціи имѣли безапелляціонное и безконтрольное право принимать или отказывать въ принятіи членами церкви, то слѣдовательно, самое званіе гражданина зависило отъ чисто религіозныхъ достоинствъ (¹). Такимъ

(¹) Вообще дѣло нелегкое было поступить въ члены церкви. Въ Англіи самое трудное было опредѣлить минуту возрожденія или обновленія, т. е. ту минуту, когда Богъ открылъ вѣрующему, что его имя внесено въ предопредѣленный списокъ блаженныхъ. Кто не могъ указать этой минуты, тотъ не имѣлъ права на званіе святаго. Въ Америкѣ необходимо было представить то же самое доказательство на четверговыхъ собраніяхъ, установленныхъ тотчасъ послѣ выхода на берегъ эмигрантовъ. Чтобъ сдѣлаться не только святымъ, но даже граждани-

*

образомъ верховная власть находилась въ рукахъ избранныхъ народомъ пасторовъ, т. е. въ рукахъ самыхъ крайнихъ энтузіастовъ и фанатиковъ. Вслѣдствіе этого всѣ приняли на себя тотъ внѣшній суровый видъ, который долго сохранился въ обычаяхъ Новой-Англіи и придавалъ лицемѣрный характеръ ея жителямъ. Но не надо ошибаться; подъ этой суровой внѣшностью, подъ этимъ строгимъ фанатизмомъ скрывалась пламенная любовь къ свободѣ. Это обнаружилось съ перваго дня.

Въ первые годы перенесенія внутренняго правительства колоніи въ Америку, эмигранты слѣдовали всѣмъ требованіямъ королевскаго акта; губернаторъ и его совѣтники избирались общимъ собраніемъ акціонеровъ. Точно также это собраніе по общему согласію принимало всѣ мѣры, необходимыя для благосостоянія колоніи. Но когда эмигранты распространились по обширной территоріи, то собраніе всѣхъ собственниковъ стало невозможно, и съ 1634 года плантаторы начали по своей собственной иниціативѣ посылать представителей въ собраніе. Эти представители смѣлымъ рѣшеніемъ превратили это собраніе акціонеровъ въ демократическое представительство. Они объявили съ самаго начала, что вмѣстѣ съ губернаторомъ и его совѣтниками они составляли верховную законодательную власть колоніи, что это общее собраніе должно собираться четыре раза въ годъ по распоряженію губернатора, но распускать его губернаторъ не можетъ безъ согласія большинства представителей, что наконецъ безъ общаго собранія не можетъ быть изданъ ни одинъ законъ, наложенъ ни одинъ налогъ, назначенъ ни одинъ чиновникъ, а равно ему же принад-

номъ, требовалось представить доказательства въ какую именно минуту снизошла на васъ благодать. Были еще и другія условія, какъ, напримѣръ, обязательная часовая рѣчь передъ собраніемъ всѣхъ вѣрующихъ. «Здѣсь, говоритъ одинъ современникъ (Lechford, Plain Dealing or Newes from New England), требуютъ такихъ частныхъ и публичныхъ исповѣдей отъ мужчинъ и женщинъ передъ принятіемъ ихъ въ лоно церкви, что три четверти жителей остаются внѣ ея и вскорѣ, если такъ будетъ продолжаться, большинство народонаселенія будетъ некрещенное.» (North American Review. October, 1849, p. 485).

лежало право распоряжаться общественными землями. Это была чисто республиканская хартія.

Сначала общее собраніе состояло изъ одной палаты; сами собственники и представители засѣдали рядомъ, но первые требовали право veto надъ рѣшеніями собранія. Споры, происшедшіе по этому предмету, продолжались долго и наконецъ, благодаря энергіи старцевъ, собственники восторжествовали. „Если народъ управляетъ, говорилъ Коттонъ Матеръ: — то кто же будетъ управляемъ!“ Однако, какъ бы то ни было, пришлось уступить; и въ 1644 г. рѣшено было раздѣлить собраніе на двѣ отдѣльныя, независимыя палаты, имѣющія право veto. Эта система правительства сохранилась до отмѣны хартіи въ 1684 г.

Такова была конституція, которую даровалъ себѣ народъ въ Новой-Англіи. Колоніи Родъ-Айлендъ, Конектикутъ и Нью Гампширъ, одолженныя своимъ существованіемъ Масачусету, послѣдовали его примѣру. И такъ менѣе, чѣмъ въ шесть лѣтъ существованія Масачусетская компанія привела въ исполненіе планъ, бывшій въ умѣ эмигрантовъ съ самаго перваго дня. Съ этой минуты колонія должна быть разсматриваема не какъ корпорація, права и дѣятельность которой опредѣлены уставомъ общества, но какъ независимое государство, которое по собственному желанію избрала себѣ конституцію, начертанную по образцу англійской.

Изъ всего этого мы видимъ, что въ Америкѣ политическая свобода существуетъ столько же, сколько и эмиграція; правильно говоря, эти республики Новой-Англіи, составляющія силу и славу Союза, не имѣютъ семьдесятъ лѣтъ существованія, но два столѣтія. Правда, съ перваго дня увѣряли, что демократія долго не проживетъ. „Эта избирательная система не можетъ долго существовать,“ говорилъ одинъ изъ современныхъ юристовъ (¹). Да послужитъ это урокомъ для тѣхъ, которые нынѣ полагаютъ, что зданіе Соединенныхъ Штатовъ непрочно и потому постоянно предсказываютъ погибель великой республикѣ.

(¹) Bancroft—1.—365.—

ЧТЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Продолженіе исторіи колоній Новой Англія.

Масачусетъ (продолженіе).

Мм. Гг.

Мы разстались съ Масачусетомъ въ то время, когда, благодаря одушевлявшему эмигрантовъ духу религіи и свободы, они основали національную церковь и народное правительство, одинаково возставая противъ тѣхъ, которые не исповѣдовали ихъ вѣры и которые осмѣливались ограничивать ихъ политическія права.

Религія была краеугольнымъ камнемъ, на которомъ зиждилось все зданіе основаннаго ими государства; это было звено, соединившее эмигрантовъ въ одну націю, поэтому они доводили принципъ религіозной нетерпимости до крайней степени, полагая, что этимъ они защищаютъ не только свою вѣру, но и отечество. Въ ихъ глазахъ диссиденты были не только люди противнаго мнѣнія, но враги, грозившіе опасности ихъ существованію. Если они бѣжали въ Америку, то для того лишь, чтобъ найдти тамъ землю, обѣтованную однимъ вѣрующимъ, и основать Новый Іерусалимъ, чтобъ мирно жить въ своей вѣрѣ далеко отъ еретиковъ и язычниковъ. Ихъ общество было не столько государство, какъ конгрегація, закрытая для всѣхъ, которыхъ они не признавали своими братьями. Въ этомъ обществѣ не было мѣста людямъ чуждымъ (¹).

Но эти самые люди, не признававшіе другой вѣры кромѣ своей, столь суровые и жестокіе къ мнѣнію другихъ, отличались самой крайней ревностью и требовательностью во всемъ, что касалось ихъ собственныхъ правъ и вольностей. Если въ религіозныхъ идеяхъ они не опередили своего вѣка, то въ политическихъ они,

(1) Ramsay, American Revolution, I, p. 9.

можно сказать, превосходили смѣлостью французскія теоріи 1789 года.

Мы видѣли, что въ 1634 году, шесть лѣтъ послѣ своего выѣзда, эмигранты, оставивъ въ сторонѣ компанейскую хартію, какъ шелуху, не могущую болѣе сдерживать зерно, проросташее со всѣхъ сторонъ, учредили представительное правительство; а въ 1644 году они учредили власть исполнительную и законодательную подъ именемъ губернатора, его совѣтниковъ и депутатовъ, разграничивъ при этомъ законодательную власть съ такимъ искуснымъ благоразуміемъ, что до сихъ поръ никакая система не превзошла этого раздѣленія. Не менѣе ревностно заботились они о поддержаніи гражданскаго равенства и о подчиненіи чиновниковъ обществу. Такъ въ 1639 году постановленъ былъ принципъ краткаго срока общественныхъ должностей, что въ Америкѣ называется круговоротомъ должностей. Помѣшать чиновнику утвердиться на своемъ мѣстѣ изъ боязни, чтобъ онъ не обратилъ противъ народа данную ему народомъ власть — идея республиканская, пользовавшаяся всегда популярностью въ Соединенныхъ Штатахъ. Когда одинъ изъ старѣйшинъ, опираясь на свое значеніе, предложилъ сдѣлать губернаторское мѣсто пожизненнымъ, имѣя въ виду Винтропа, основателя и отца колоніи, депутаты тотчасъ признали, что ни одно общественное мѣсто не могло быть занято болѣе однимъ и тѣмъ же лицомъ болѣе года; признавъ этотъ принципъ, они замѣнили новымъ лицомъ своего стараго, любимаго губернатора, какъ сдѣлали бы въ Римѣ съ консуломъ.

Гражданское равенство было имъ не менѣе дорого, чѣмъ свобода. Когда лордъ Сей и лордъ Брукъ, оба друзья пуританъ и концесіонеры значительной части Новой-Англіи, вздумали переѣхать въ Америку со всѣмъ своимъ состояніемъ, то потребовали учрежденія въ колоніи верхней палаты и признаніе за ними наслѣдственнаго права въ ней засѣдать. Пасторы и главнѣйшіе люди колоніи были чрезвычайно рады такимъ союзникамъ и предложили имъ всякія пожизненныя преимущества, но отказали на отрѣзъ въ наслѣдственной привилегіи, сохранивъ такимъ образомъ равенство именемъ религіи.

Когда Богъ, сказалъ Котонъ Матеръ, которому поручено было

передать отвѣтъ колоніи двумъ лордамъ:—благословитъ вѣтвь какого либо благороднаго рода, давъ ему умъ и способности, необходимыя для управленія людьми, то было бы недостойно скрывать такой свѣтильникъ подъ спудомъ; было бы грѣшно нарушать честь магистратуры, не избирая таких людей въ общественныя должности. Но если Богу не будетъ угодно одарить дѣтей этихъ лицъ тѣми же способностями, то мы скорѣе подвергнемъ ихъ и государство упрекамъ и опасностямъ, чѣмъ почтимъ, давъ имъ власть противъ воли Божьей (¹).“

И на этомъ принципѣ колонія отвергла всякую наслѣдственную привилегію.

Однако эти люди, столь ревностно охранявшіе равенство и свободу, тѣмъ не менѣе понимали существенныя условія правительства; нигдѣ не было столько любви къ порядку и уваженія къ закону. Винтропъ, котораго упрекали въ превышеніи власти, потому что онъ не хотѣлъ освободить безъ вѣрнаго поручительства нарушителя общественнаго спокойствія, произнесъ публично при всеобщихъ рукоплесканіяхъ слѣдующія слова:

„Вопросы, волновавшіе въ послѣднее время страну, касаются до власти государственныхъ дѣятелей и до свободы народа. Государственная власть конечно учреждена Богомъ, и я обращаю ваше вниманіе на то, что лицъ, въ рукахъ которыхъ она сосредоточена, вы избираете сами, что они люди и, слѣдовательно, могутъ поддаваться тѣмъ же страстямъ, какъ и вы. Мы клянемся управлять вами по законамъ Божескимъ и вашимъ, по силѣ нашего разума и способностей; и если мы дѣлаемъ ошибки ненамѣренно, по недостатку способностей, то вы должны это перенести вмѣстѣ съ нами.

„Не заблуждайтесь также на счетъ вашей свободы. Есть свобода дѣлать все, что намъ хочется не смотря на законъ и справедливость; но эта свобода не совмѣстна съ принципомъ власти. Свобода гражданская, нравственная и политическая заключается для каждаго гражданина въ пользованіи своей собственностью и

(1) Bancroft, I, 385.

въ покровительствѣ законовъ страны; эту свободу вы обязаны защищать даже цѣною вашей жизни; но она вполнѣ согласуется съ повиновеніемъ государственной власти и уваженіемъ того лица, въ рукахъ котораго она сосредоточена (1)."

„Главная цѣль власти, говоритъ онъ далѣе, это покровительство свободы, стремящейся ко всему доброму, честному и справедливому. Все, что мѣшаетъ этой свободѣ, не есть власть, а злоупотребленіе (2).

Благородныя слова, которыя черезъ два столѣтія не потеряли своей силы, ясно свидѣтельствуютъ, какъ эти пуритане далеко ушли отъ своихъ современниковъ въ практическомъ примѣненіи свободнаго правительства. Кто въ Европѣ, въ началѣ царствованія Людовика XIV, понялъ бы это вѣрное опредѣленіе власти:— *покровительство, гарантія свободы.*

3. ПРОВИДЕНСЪ, РОДЪ-АЙЛЕНДЪ (3).

Мы видѣли, что религіозныя преслѣдованія вызвали основаніе колоній Нью Плимута и Масачусета. Въ свою очередь пуританскія гоненія въ Америкѣ дали такой же результатъ, и небольшой штатъ Родъ-Айлендъ обязанъ имъ своимъ существованіемъ.

Въ 1631 году, т. е. въ самомъ началѣ учрежденія колоніи Масачусетъ, Роджеръ Вильямсъ, молодой пасторъ въ Салемѣ, требовалъ признанія религіозной свободы подъ названіемъ *святости совѣсти* (4). По его мнѣнію, свѣтская власть имѣла право предупреждать и наказывать преступленія, но не контролировать мнѣнія и нарушать свободу души. А чтобъ освятить эти

(1) Wynne. British Empire in America, I, 69.

(2) Bancroft, I, 436.

(3) John Callender.—An historical discourse on the civil and religious affairs of the Colony of Rhode-Island—въ 4-мъ томѣ Collections of the Rhode-Island historical Society.—Providence. 1838.

(4) Смотри изложеніе ученія Вильямса въ Collections of the Rhode-Island historical Society, t. IV, p. 190.

принципы практическими ихъ примѣненіями, Роджеръ Вильямсъ отказался отъ дальнѣйшаго общенія съ людьми, проповѣдывавшими нетерпимость, такъ какъ гоненіе за вѣру, очевидно, противорѣчитъ ученію Іисуса Христа.

Заставлять человѣка соединяться съ людьми противоположной съ нимъ вѣры, это въ глазахъ Роджера Вильямса было нарушеніемъ свободы и естественнаго права; привлекать насильно въ церковь невѣрующаго или нежелающаго въ нее идти — значило предписывать лицемѣріе. Никто, по его мнѣнію, не обязанъ былъ противъ своего желанія исповѣдовать вѣру или поддерживать церковь.—„Какъ! восклицали власти колоніи, изумленныя этими смѣлыми мыслями, столь много опередившими ихъ вѣкъ:—развѣ работникъ не заслуживаетъ своего жалованья?“ — „Конечно, отвѣчалъ Роджеръ Вильямсъ: — но тотъ лишь обязанъ платить жалованье, кто пользуется трудомъ работника.“

Прямымъ послѣдствіемъ великой и простой истины, проповѣдоваемой съ такимъ мужествомъ юнымъ пасторомъ, было то, что онъ сталъ требовать совершеннаго отдѣленія церкви отъ государства, вѣры отъ свѣтской власти. „Зачѣмъ, говорилъ онъ, выбирать правителей исключительно изъ служителей церкви? Это все равно, что назначить человѣка докторомъ или кормчимъ за его богословскія познанія или за исправное посѣщеніе церкви.“

Тщетно ему возражали, что правительство обязано охранять умъ народа отъ развращающаго его вліянія, что оно имѣло право останавливать и карать заблужденіе и ересь. Новый апостолъ вѣротерпимости двумя словами ясно доказывалъ, что этотъ аргументъ только софизмъ.

„Правительственныя лица, говорилъ онъ, только представители народа, которымъ онъ передалъ свою власть; но нельзя передать власть духовную, ибо совѣсть принадлежитъ человѣку, а не государству. Правительство не можетъ вмѣшиваться въ дѣла совѣсти и охранять церковь отъ ереси,—она имѣетъ власть лишь надъ тѣломъ, собственностью и внѣшними дѣйствіями человѣка.

„Освободить человѣческія души отъ этого угнетающаго ихъ ига (прибавлялъ онъ съ пророческою увѣренностью, которую время подтвердило), это не только дѣло справедливости и милосердія,

но такое дѣло, которое разовьетъ новую силу и побудитъ всѣ интересы, всѣ совѣсти хранить общій миръ и свободу" (¹).

Идеи Роджера Вильямса нынѣ драгоцѣннѣйшее наслѣдіе и слава Америки; но при его жизни, пуритане, фанатично преданные своей теоріи, видѣли въ этомъ новомъ апостолѣ вѣротерпимости человѣка безпокойнаго и опаснаго, такъ какъ онъ хотѣлъ замѣнить общей подачей голосовъ правительство привилегированной церкви. Изгнанный и угрожаемый казнями, Роджеръ бѣжалъ къ индѣйскому племени Нарагансетамъ; онъ былъ принятъ какъ сынъ двумя ихъ предводителями—Міантономой и Канониномъ. Для нихъ это не былъ обыкновенный посѣтитель, ибо Роджеръ, съ самаго своего прибытія въ Америку, постоянно выказывалъ себя ихъ другомъ и защитникомъ; онъ даже писалъ въ ихъ пользу и доказывалъ съ рѣдкимъ безпристрастіемъ, что концесія англійскаго короля не могла уничтожить право собственности первыхъ обитателей.

Такимъ образомъ внѣ територіи Масачусетской колоніи, въ округѣ индѣйцевъ нарагансетовъ и на землѣ, уступленной сахемами, Роджеръ Вильямсъ основалъ въ 1636 году городъ Провиденсъ. Твердо увѣренный въ Божьемъ покровительствѣ, онъ посвятилъ новый городъ на убѣжище для всѣхъ гонимыхъ за вѣру. Нѣкоторое число жителей Салема, оставшіеся вѣрными своему пастору, послѣдовали за нимъ и были первыми жителями Провиденса (²).

Нечего удивляться, что люди, избѣгнувшіе гоненій, только добровольнымъ изгнаніемъ такъ быстро дѣлаются сами гонителями; это вѣчная исторія всѣхъ партій въ политикѣ и религіи. Только вчера еще мы сознали принципъ терпимости, но еще не дошли до равноправности вѣроисповѣданія. Въ Америкѣ это уже фактъ совершившійся, идея, перешедшая въ нравы, но необходимо было болѣе вѣка на то, чтобъ *возмутительные* принципы Роджера Вильямса стали считаться благоразумными. Для но-

---

(¹) Bancroft, 1. 371.
(²) Bancroft, 1. 379.

выхъ истинъ нужны новыя поколѣнія, но этого никогда не понимаетъ нетерпѣніе реформаторовъ.

„Въ ту эпоху, когда явился Роджеръ Вильямсъ, писалъ въ 1739 году первый историкъ Родъ-Айленда (1), истинные принципы свободы совѣсти были неизвѣстны и не признаваемы ни одной христіанской сектой. Всѣ партіи полагали, что они одни владѣли истиной, и потому имѣли право, какъ только имѣли на то силу, уничтожать то, что они называли заблужденіемъ или ересью, т. е. всякое несогласное съ ними мнѣніе; только когда они чувствовали себя слабѣе другихъ, они требовали свободу совѣсти. Впрочемъ, уничтожая своихъ противниковъ, всѣ партіи одинаково отвергали мысль о насиліи совѣсти, дѣла столь несправедливаго и нелѣпаго, столь жестокаго и нечестиваго, что всѣ краснѣли отъ подобнаго обвиненія. Для оправданія этихъ дѣйствій, одинаково отрицаемыхъ законами естественными и законами Божескими, ссылались на необходимость охранить церковь Христову отъ оскверненія, на упорство еретиковъ, на нарушеніе общественнаго спокойствія. Роджеръ Вильямсъ и Джонъ Кларкъ, отцы колоніи, первые публично заявили, что Іисусъ Христосъ царь въ своемъ царствѣ и что никто другой не имѣетъ власти надъ его подданными въ дѣлахъ совѣсти и вѣчнаго спасенія. Въ то время не одинъ масачусетскій народъ считалъ себя обязаннымъ по совѣсти правительственною властью заставлять еретиковъ думать такъ, а не иначе, и изгонять изъ государства невѣрующихъ, осквернявшихъ церковь и нарушавшихъ общественное спокойствіе. Это не былъ первый народъ, воображавшій служить Богу, уничтожая своихъ братьевъ. Всѣ другія секты дѣйствовали точно также, вполнѣ убѣжденныя, что ни чѣмъ лучше нельзя было угодить Богу, какъ преслѣдованіемъ еретиковъ, и что это было лучшее средство распространять евангеліе мира и выказать себя истинными учениками Іисуса Христа—Іисуса Христа, который сказалъ,

(1) Джонъ Календеръ. Я не думаю, чтобъ во всей Европѣ въ то время можно было бы найдти публичное заявленіе такихъ либеральныхъ и христіанскихъ принциповъ.

что Его царство не отъ міра сего, который не приказалъ своимъ ученикамъ никого называть господиномъ и запретилъ насиловать совѣсть ближняго, который наконецъ повелѣлъ оставить плевела рости вмѣстѣ съ пшеницей до дня жатвы и указалъ намъ, какъ на символъ христіанской вѣры, на взаимную любовь, миръ, терпѣніе и кротость (¹).

Въ томъ же году, когда основанъ былъ Провиденсъ, въ Масачусетской колоніи произошли волненія гораздо серьезнѣе тѣхъ,

---

(¹) Франклинъ написалъ противъ религіозныхъ гоненій притчу, въ которой онъ съ своимъ обычнымъ умомъ искусно подражалъ языку Священнаго Писанія. Приводимъ ее здѣсь, такъ какъ она здѣсь совершенно умѣстна и не потеряла до сихъ поръ своего значенія:

«Во время оно сидѣлъ Авраамъ у дверей своей палатки.

«Вечерѣло; и подходитъ къ нему человѣкъ, согбенный отъ старости, шедшій изъ пустыни, опираясь на посохъ.

«И Авраамъ, вставъ, пошелъ къ нему на встрѣчу и сказалъ: войди, братъ, умой ноги и отдохни эту ночь; завтра утромъ ты встанешь рано и пойдешь далѣе.

«И старецъ отвѣчалъ:—Нѣтъ, я останусь здѣсь подъ деревомъ. Но Авраамъ такъ просилъ, что онъ наконецъ согласился, и они вошли въ палатку. Авраамъ приготовилъ опрѣснокъ и они оба ѣли.

«Когда же Авраамъ увидалъ, что старецъ не призывалъ имя Божья, онъ сказалъ:—отчего ты не поклоняешься истинному Богу, Творцу неба и земли?

«И человѣкъ отвѣчалъ:—я не поклоняюсь вашему Богу и не призываю Его имени, ибо я самъ себѣ создалъ бога, который живетъ въ моемъ домѣ и даетъ мнѣ все нужное.

«Ревность Авраама къ Богу была такъ сильна, что онъ всталъ и, схвативъ старца, изгналъ его изъ палатки, нанося ему удары.

«И Богъ позвалъ Авраама, говоря:—Авраамъ, гдѣ чужестранецъ?

«Авраамъ отвѣчалъ:—Господи, онъ не хотѣлъ поклоняться Тебѣ и призывать Твое Святое имя, я и изгналъ его отъ лица своего въ пустыню.

«И Богъ сказалъ:—Я терпѣлъ его триста девяносто шесть лѣтъ, кормилъ и одѣвалъ, не смотря на то, что онъ возсталъ противъ меня, а ты, грѣшникъ, не могъ потерпѣть одну ночь?

(Politicals Miscellaneous and Philosophical pieces written by B. Franklin, London, 1779, p. 72).

которыя ненамѣренно возбудилъ набожный Роджеръ Вильямсъ. Движеніе это произвела одна женщина, Анна Гучинсонъ, которую поддерживалъ молодой Генри Вэнъ, губернаторъ колоніи, впослѣдствіи игравшій роль въ англійской революціи и казненный во время реставраціи.

Анна Гучинсонъ принадлежала къ сектѣ антиномійцевъ; это были своеобразные квіетисты, доводившіе до крайности кальвинистскій принципъ, что одна вѣра оправдываетъ. Другими словами, по ихъ мнѣнію, святость жизни не служила доказательствомъ благодати Божіей; добрыя дѣла сами по себѣ ничего не значатъ, а самъ Богъ назначаетъ своихъ избранныхъ и путемъ внутреннихъ откровеній вѣщаетъ имъ свою Божественную волю. Съ перваго взгляда такой споръ кажется ничтожнымъ и не могущимъ нарушить спокойствіе государства, но въ эпоху, когда политика и философія принимали маску богословія, эта теорія скрывала опасный натискъ на пуританъ. Если вѣра оправдываетъ, то къ чему всѣ формальности, всѣ исповѣданія установленной церкви? Если Святой Духъ обитаетъ въ каждомъ вѣрующемъ, или откровеніе Духа выше священства, то все сводится къ индивидуальному сужденію. Эта теорія была прямымъ отрицаніемъ священства и, слѣдовательно, уничтоженіемъ въ то время всемогущаго въ государствѣ вліянія.

Вся колонія была въ смятеніи отъ этихъ религіозныхъ споровъ, кажущихся нынѣ столь нелѣпыми, точно также какъ нашимъ потомкамъ покажутся нелѣпыми споры нашихъ политическихъ собраній; въ политикѣ, какъ и въ богословіи, есть своя схоластика, это мохъ—паразитъ, отъ котораго глохнетъ и пропадаетъ та и другая. Сначала старались покончить дѣло миролюбно путемъ конференцій, потомъ назначали дни поста и молитвы, созвали общій соборъ и наконецъ послѣ долгихъ распрей, угрожавшихъ совершенно расторгнуть колонію, Анна Гучинсонъ въ 1638 году была изгнана и ея ученье признано ересью.

Она отправилась на югъ вмѣстѣ съ большимъ количествомъ ея приверженцевъ, оставшихся ей вѣрными; эти новые эмигранты намѣревались основать плантацію на Лонгъ-Айлендѣ или на берегахъ Делаварской бухты. Но Роджеръ Вильямсъ удержалъ ихъ

въ своемъ сосѣдствѣ, убѣдивъ Міантонома, предводителя индѣйскаго племени нарагансетовъ, уступить имъ прелестный островъ, названный ими Родъ-Айлендъ.

На новой територіи тотчасъ была основана колонія, и эмигранты подписали правительственный договоръ, какъ отцы-странники Нью-Плимута. Что касается до формъ администраціи, то ихъ заимствовали изъ древняго Завѣта. Вильямъ Кодингтонъ, одинъ изъ самыхъ пламенныхъ сторонниковъ пророчицы, былъ избранъ судьею Новаго Израиля, а для помощи ему даны три старѣйшины.

Спустя два года въ виду быстраго процвѣтанія колоніи стало необходимымъ основать конституцію; поэтому было рѣшено и единогласно принято всѣми собственниками:

„Что правительство будетъ демократическое (въ оригиналѣ буквально стоитъ это слово) или народное, т. е. оно будетъ въ рукахъ всѣхъ плантаторовъ (freemen), которые въ полномъ сборѣ или большинствомъ будутъ имѣть власть издавать справедливые законы для управленія страной и избирать между собою людей, которые будутъ ихъ вѣрно исполнять.

Кромѣ этого было постановлено, что никто не будетъ преслѣдуемъ за вѣру; свобода совѣсти была провозглашена навсегда, и наконецъ, какъ символъ христіанскаго милосердія, въ которомъ они видѣли единственное торжество своей теоріи, эмигранты избрали себѣ государственнымъ гербомъ связку змѣиныхъ жалъ съ девизомъ: Amor vincit omnia.

Таковы были законы, установленные Анной Гучинсонъ. Такъ какъ обѣ сосѣднія колоніи были одушевлены однимъ духомъ, то ихъ союзъ былъ неизбѣженъ. Это вскорѣ совершилось, и соединенная колонія получила общее названіе Родъ-Айленда. Но пуритане Масачусета не хотѣли терпѣть сосѣдство колоніи, проповѣдывавшей свободу совѣсти и потому постоянно безпокоили мирныхъ эмигрантовъ, на что они не имѣли никакого права. Боясь своихъ враговъ пасторовъ, обвинявшихъ ее въ чародѣйствѣ, что влекло за собою смертную казнь, Анна бѣжала въ територію Новой Бельгіи, гдѣ она была убита дикими; а Роджеръ Виль-

ямсъ отправился въ Англію просить покровительства метрополіи: это было въ 1643 году.

Роджеръ былъ принятъ въ Англіи, какъ святой мисіонеръ; Генри Вэнъ, возвратившійся между тѣмъ въ старую родину, выхлопоталъ ему отъ парламента (Карлъ I былъ тогда изгнанъ изъ столицы) хартію, обезпечивавшую колоніи свободное, независимое правительство. Этотъ актъ, освобождавшій Родъ-Айлендъ отъ всякаго вмѣшательства своихъ опасныхъ сосѣдей, былъ возобновленъ и расширенъ въ 1663 году, при началѣ реставраціи. Карлъ II всегда милостиво относился къ колоніямъ, отложившимся отъ Масачусета, ибо эта провинція была слишкомъ пуританская, чтобъ пользоваться расположеніемъ Стюартовъ.

Я не вхожу въ подробности этой хартіи, такъ какъ распредѣленіе властей то же самое, какъ и въ предыдущихъ случаяхъ: исполнительная власть ввѣрена губернатору и десяти совѣтникамъ, а законодательная одному собранію, состоящему изъ губернатора, его совѣтниковъ и депутатовъ, и которое въ извѣстное время раздѣляется на двѣ палаты (для Родъ-Айленда эта неизбѣжная перемѣна произошла въ 1696 году). Я только приведу изъ этого акта отрывокъ, касающійся до свободы совѣсти, ибо въ этомъ заключается слава Родъ-Айленда и если признать каждую колонію воплощеніемъ извѣстнаго принципа, то Родъ-Айлендъ раздѣлитъ честь съ католическимъ Мерландомъ введенія въ Новый Свѣтъ принципа вѣротерпимости. Этого достаточно, чтобы обезсмертить на вѣки самый меньшій штатъ въ Америкѣ.

Хартія начинается съ перепечатки петиціи Роджера Вильямса и его товарищей, просившихъ королевскаго патента.

„Въ ихъ вѣрноподданническомъ адресѣ, говоритъ король Карлъ II: — они чистосердечно заявили, что пламенно желаютъ доказать блестящимъ опытомъ, что цвѣтущее государство можетъ существовать въ средѣ англичанъ нашихъ подданныхъ при полной свободѣ въ дѣлахъ религіи и что истинная набожность, основанная на евангельскихъ истинахъ, дастъ королевской власти лучшую поддержку и вселитъ въ сердцахъ людей истинное чувство вѣрноподданническаго долга.

„По сему желая поощрить плодотворное предпріятіе любезныхъ

нашему сердцу вѣрноподданныхъ, желая обезпечить свободное пользованіе всѣми гражданскими, религіозными правами и сохранить имъ ту свободу совѣсти и вѣроисповѣданія, къ которой они стремились доселѣ съ такими усиліями, смиреніемъ и вѣрноподданнической преданностью;

„И имѣя въ виду, что въ колоніи находятся люди, которые по своимъ убѣжденіямъ не могутъ исповѣдовать свою вѣру, согласно догматамъ, формамъ и обрядамъ англиканской церкви, ни принять присягу и подписать религіозные пункты, установленные по этому предмету;

„И имѣя въ виду кромѣ того (это любопытно особенно какъ доказательство нелѣпости этого чудовищнаго святотатственнаго соединенія политики и религіи), что на основаніи отдаленія колоніи нечего бояться, чтобы такое исключеніе принесло вредъ единовѣрію, установленному и поддерживаемому въ нашемъ королевствѣ;

„Повелѣваемъ,

„Чтобы никто въ означенной колоніи впредь не былъ преслѣдуемъ или наказуемъ, за различіе въ религіозныхъ мнѣніяхъ, но чтобы, напротивъ, каждый имѣлъ полную совершенную свободу совѣсти и разума въ этомъ отношеніи, подъ однимъ лишь условіемъ вести себя мирно, не обращать эту свободу во зло, въ святотатство и не оказывать оскорбленія и безпокойства ближнимъ."

Конечно, этотъ актъ чрезвычайно благородный и трудно найти что нибудь подобное въ семнадцатомъ вѣкѣ, но грустно вспомнить, какъ мало соотвѣтствуетъ этотъ актъ тѣмъ преслѣдованіямъ, которыя дозволялъ этотъ монархъ въ свое распутное царство; точно также грустно вспомнить, какъ мало этотъ духъ вѣротерпимости распространился въ другихъ колоніяхъ Новой-Англіи.

Къ тому же, какъ всегда бываетъ съ людьми ослѣпленными духомъ партіи, поселенцы и особливо пасторы Масачусета не понимали развитія плантаціи, которая впродолженіи сорока лѣтъ имѣла счастье пользоваться совѣтомъ и нравоучительнымъ примѣромъ добраго и набожнаго Вильямса.

„Эта колонія, писалъ въ 1695 году пламенный апостолъ нетер-

пимости, Коттонъ Матеръ:—представляетъ скопище антиномійцевъ, фамилистовъ, анабаптистовъ, арминьянъ, антисабатистовъ, квакеровъ, трясучекъ, однимъ словомъ всѣхъ, кромѣ истинныхъ христіанъ; если человѣкъ потерялъ бы свою вѣру, то онъ непремѣнно нашелъ бы ее въ какомъ либо селеніи Родъ-Айленда: Bona terra, mala gens" (¹).

Въ самой колоніи судились совершенно иначе; эта маленькая демократія, собиравшаяся по барабанному бою подъ какимъ либо старымъ дубомъ на морскомъ берегу для обсужденія законовъ и избранія властей, гораздо болѣе, чѣмъ большая колонія Масачусетъ сознавала свое призваніе и всю важность той истины, которую ея основатель положилъ краеугольнымъ камнемъ своего зданія.

„Наше народное государство, говорится въ государственныхъ актахъ, не перейдетъ, какъ нѣкоторые полагаютъ, въ анархію, т. е. въ общественную тиранію, такъ какъ мы пламенно желаемъ сохранить свою личность, честь и собственность" (²).

Іаковъ II, нападая на колоніальныя хартіи, не пощадилъ и той, которую братъ его даровалъ Родъ-Айленду; колонія эта потеряла свою привилегію въ 1686 году, но снова пріобрѣла ее послѣ революціи 1688 года и сохранила ее до 1776 года. Въ эту послѣднюю эпоху, когда всѣ штаты, пользуясь вполнѣ независимостью, установили новыя конституціи или исправили старыя, конечно, Родъ-Айлендъ сохранилъ патентъ Карла II; и онъ сохранилъ его до 1842 года. Этотъ штатъ, послѣдній въ союзѣ, измѣнилъ свою конституцію; и дѣйствительно, что было измѣнять? Два вѣка передъ тѣмъ Роджеръ Вильямсъ основалъ государственное зданіе на общей подачѣ голосовъ и на совершенномъ отдѣленіи церкви отъ государства; философія и политика до сихъ поръ далѣе этого не пошли.

4. КОНЕКТИКУТЪ И НЬЮ-ГЭВЕНЪ.

Конектикутъ обязанъ своимъ происхожденіемъ также эмиграціи изъ Масачусета. По мнѣнію Робертсона, хотя и опровергаемому

(¹) Warden, description des Etats Unis. t. I, p. 519.

(²) Bancroft, I, 427.

Банкрофтомъ, соперничество двухъ главнѣйшихъ пасторовъ пуританской колоніи, Котона и Гукера, принудило послѣдняго переселиться въ 1636 году съ своими приверженцами въ плодородную долину Конектикута, куда уже проникли нѣкоторые голландскіе піонеры изъ Манхатана (нынѣ Нью-Іоркъ).

Для основанія колоніи пришлось выдержать борьбу съ индѣйскимъ племенемъ пекодомъ, и эта кровавая борьба прекратилась только съ истребленіемъ всѣхъ дикарей. Сдѣлавшись наконецъ обладателями територіи, принадлежавшей отчасти Масачусету, отчасти лорду Варвику, эмигранты не заботились о своихъ правахъ на владѣнія, а организовались по примѣру колоній Плимута и Родъ-Айленда, вступивъ между собою въ добровольный союзъ и подписавъ договоръ на счетъ формы правленія.

Эта конституція была совершенно пуританская и демократическая; духъ религіи и духъ свободы отпечатлены на самыхъ мельчайшихъ ея подробностяхъ. Избирательное право распространено на всѣхъ гражданъ, принявшихъ присягу въ вѣрности государству. Исполнительная и законодательная власти были избираемы ежегодно и депутаты были раздѣлены по округамъ (towns) пропорціонально народонаселенію.

Какъ вы видите, это была совершенная демократія, и потому Конектикутъ также, какъ Родъ-Айлендъ только черезъ два столѣтія приступилъ къ измѣненію своей конституціи и то лишь въ отношеніи религіозной свободы; а политическая свобода была такъ совершенна, что нечего было къ ней прибавлять. Что касается до религіозной организаціи и до строгости пуританскихъ идей и нравовъ, то законы колоніи Нью-Гэвенъ, основанной въ ту же эпоху и въ той же странѣ, гораздо болѣе объяснятъ намъ, чѣмъ всѣ разсужденія.

Въ 1638 году, пуританская эмиграція основала Нью-Гэвенъ, подъ предводительствомъ Джона Давенпорта и достойнаго Теофилія Итона, который впродолженіи двадцати лѣтъ до самой своей смерти былъ избираемъ ежегодно губернаторомъ.

Первое собраніе поселенцевъ было подъ большимъ развѣсистымъ дубомъ, и Давенпортъ произнесъ длинную проповѣдь, въ которой доказывалъ, что они, какъ сынъ человѣческій, были по-

*

ведены въ пустыню для соблазна. Послѣ цѣлаго дня поста, молитвы они основали свое правительство на простомъ торжественномъ заявленіи, что они будутъ управляться Евангельскими правилами. Въ хартіи Конектикута также было постановлено, что губернаторъ и его совѣтники должны творить судъ и расправу по законамъ колоніи, а въ случаѣ недостатка такихъ законовъ, по правиламъ, установленнымъ словомъ Божьимъ ([1]).

Годъ спустя, колонія увидѣла необходимость составить болѣе полную конституцію, и вѣрные слуги Того, который родился въ Дасляхъ, собрались въ житницѣ; тамъ, по предложенію пастора Давенпорта, было торжественно признано, что Священное Писаніе единственное, совершенное правило для государства, что чистота вѣры и поддержка духовной дисциплины составляли великую цѣль гражданскаго порядка и что поэтому только члены церкви могли имѣть права гражданъ. Потомъ избранъ былъ комитетъ изъ двѣнадцати членовъ, которые въ свою очередь должны были избрать имъ лицъ для организаціи правительства; итакъ, Давенпортъ и еще шестеро было избраны и назначены семью столбами новаго зданія премудрости въ пустынѣ.

Въ августѣ 1639 года, *семь столбовъ*, окончивъ свои занятія, созвали общее собраніе всѣхъ членовъ церкви, объясняли какой характеръ имѣли гражданскія власти по словамъ *священныхъ оракуловъ* и установили ежегодныя собранія. Слово Божіе снова было признано единственнымъ правиломъ, руководящимъ общественными дѣлами. Такимъ образомъ Нью-Гэвенъ принялъ библію за кодексъ, а святыхъ за избирателей.

Города, которые впослѣдствіи возникли въ сосѣдствѣ, организовались на томъ же основаніи; каждый изъ нихъ былъ домомъ премудрости, покоившемся на семи столбахъ и освѣщенномъ вѣчнымъ свѣтомъ. Поселенцы приготовлялись ко второму пришествію Мессіи, котораго они ожидали съ полною увѣренностью, съ тѣмъ вмѣстѣ распространяя колонизацію въ плодородной странѣ, гдѣ ничто не мѣшало ихъ успѣху.

---

(1) Story, I, 73.

Эта организація, заимствованная изъ Библіи и переносящая насъ за столько вѣковъ назадъ, гораздо чувствительнѣе въ новыхъ колоніяхъ Нью-Гэвенъ и Конектикутъ, чѣмъ въ штатѣ Масачусетъ; но въ Бостонѣ виталъ тотъ же духъ, тоже религіозное чувство, какъ въ Гартфордѣ и Нью-Гэвенѣ.

Такъ, напримѣръ, во всѣхъ трехъ колоніяхъ было принято, что сыновья наслѣдуютъ въ ровной части послѣ отца согласно англійскому обычаю относительно тибейскихъ земель, но старшему сыну назначалась двойная доля, не изъ аристократическаго принципа, но потому, что этого требовалъ еврейскій законъ.

Уголовные законы какъ въ Масачусетѣ, такъ и въ Нью-Гэвенѣ были буквально заимствованы изъ книгъ Левитовъ и Исхода. Идолопоклонство, чародѣйство, богохульство, измѣна, убійство, лжесвидѣтельство, прелюбодѣяніе, неповиновеніе къ родителямъ въ извѣстныхъ случаяхъ были караемы смертной казнью, потому что такъ приказалъ Моисей; что же касается до кражи, то Массачусетскіе законы не считали ее за уголовное преступленіе, не смотря на всѣ постановленія англійскихъ законовъ, на томъ только основаніи, что *„мы читаемъ совершенно иное въ Священномъ Писаніи.“*

Въ обществѣ, гдѣ Библія была закономъ государства, гдѣ судья и священникъ были одно и тоже лице, совершенно было естественно, что юридикція власти распространялась и на нравственность, которую не отдѣляли отъ религіи. Отсюда вытекаетъ цѣлый рядъ узаконеній, относящихся до частной жизни, которыя удивляютъ насъ своею строгостью и возмущаютъ жестокостью. Нѣтъ грѣха, который бы въ Новой-Англіи не былъ наказуемъ судомъ. Мы только что сказали, что прелюбодѣяніе влекло за собою смертную казнь, но это наказаніе не имѣло, какъ въ нашихъ законахъ, характера мести оскорбленнаго супруга, нѣтъ, это была еще кара за грѣхъ. Историкъ Масачусета Гучинсонъ разсказываетъ одно происшествіе, случившееся въ 1643 году и которое служитъ поразительнымъ примѣромъ этого смѣшенія понятій о нравственности и о правѣ [1].

---

[1] Tocqueville, 1, 61.

Одна замужняя женщина имѣла связь съ молодымъ человѣкомъ и, овдовѣвъ, вышла за него замужъ. Прошло нѣсколько лѣтъ мирной супружеской жизни, какъ вдругъ стали подозрѣвать, что эти супруги въ прежнее время были любовниками, ихъ предали суду, посадили въ тюрьму и они едва не поплатились жизнью за проступокъ, который конечно слѣдовало предать забвенію.

Законы Конектикута полны подобными постановленіями, которыя внося въ частную жизнь вмѣшательство суда, гораздо болѣе вредятъ обществу, чѣмъ тѣ поступки, которые они преслѣдуютъ. Простая связь между людьми не женатыми считалась преступленіемъ, наказуемымъ тремя различными образами: штрафомъ, тѣлеснымъ наказаніемъ и бракомъ. Въ любопытной книгѣ *Древности Нью-Гэвена* приведенъ любопытный разсказъ о женщинѣ, которая, за то, что она поддалась страстнымъ порывамъ ея возлюбленнаго, была приговорена прежде къ тѣлесному наказанію, а потомъ къ брачному союзу съ сообщникомъ своего преступленія (¹). Въ 1660 году, одна молодая дѣвушка была приговорена судомъ къ публичному выговору и штрафу за легкомысленныя слова и за то, что она позволила себя поцѣловать. Около того же времени въ Бостонѣ почтенную матрону, виновную въ произнесеніи неприличныхъ словъ, выставили на показъ съ завязаннымъ ртомъ у дверей ея дома. Другую отлучили отъ церкви за то, что она осуждала столяра за дороговизну его работы.

Лѣнь и пьянство такъ же строго преслѣдовались. Когда иностранецъ являлся въ одну изъ двухъ существовавшихъ тогда гостиницъ въ Бостонѣ, говоритъ одинъ писатель семнадцатаго вѣка, то къ нему приставляли особаго человѣка, который безъ малѣйшаго его согласія слѣдилъ за всѣми его движеніями. Если иностранецъ спрашивалъ вина или пива болѣе, чѣмъ, по мнѣнію приставленнаго къ нему чиновника, онъ могъ безъ всякаго вреда выпить, то послѣдній просто запрещалъ исполнять это приказаніе и не дозволялъ иностранцу выпить ни капли болѣе, чѣмъ сколько считалъ для него полезнымъ. За Санчо не было лучшаго присмотра въ его государствѣ Баратаріи.

(¹) Tocqueville I, 61.

На этомъ пути регламентаціи нѣтъ границъ, особливо когда общественное мнѣніе поддерживаетъ власть въ подобномъ направленіи. Въ прошломъ столѣтіи философы подымали на смѣхъ правила, изданныя іезуитами индѣйцамъ Парагвая, но конечно они были верхъ благоразумія въ сравненіи съ постановленіями пуританскихъ колоній.

Бостонское общее собраніе 1624 года занималось одеждой обоихъ половъ и предписало между прочимъ, чтобы никто, ни мужчина, ни женщина, не смѣли носить рукавъ болѣе, чѣмъ съ однимъ разрѣзомъ; золотыя и серебряныя цѣпи, а также пуховыя шляпы были запрещены, какъ преступная роскошь. Нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1639 году, было запрещено предлагать тосты подъ опасеніемъ штрафа. Въ тоже время былъ изданъ законъ, запрещавшій носить кружева. Точно также было запрещено носить дамамъ короткіе рукава, которые въ ширину должны были имѣть не болѣе полуаршина (1). Наконецъ возставали противъ слишкомъ широкихъ панталонъ, лентъ, бантовъ, воротничковъ, рукавичекъ и т. д., а самые рьяные пуристы составили въ Бостонѣ общество для преслѣдованія длинныхъ волосъ, какъ предосудительной роскоши.

Я вхожу во всѣ эти подробности не для того, чтобъ разнообразить нѣсколько сухой разсказъ о первоначальной исторіи американскихъ колоній (что было бы впрочемъ совершенно позволительно), но потому, что эта картина тогдашнихъ обычаевъ лучше всего даетъ понятіе о педантичномъ характерѣ пуританъ, а только зная этотъ характеръ, можно понять, какъ въ семнадцатомъ вѣкѣ въ Америкѣ и въ Голландіи въ основѣ правительства могъ лежать принципъ самой широкой политической свободы и общество все-таки ни на одну минуту не было подвергаемо волненіямъ и безпорядкамъ. Строгость нравовъ, акуратность обычаевъ и суровость религіозной нравственности оставляли свободѣ только ограниченное поле дѣйствія и, умѣряя свободу, дѣлали ее безопасной и плодотворной.

Конечно, ничего не можетъ быть нелѣпѣе, какъ законъ, запрещающій носить парики и длинные волосы или недозволяющій упо-

---

(1) North American Review, oct. 1849.

требленія табаку, какъ вещи нечистой. Ничто не можетъ быть страннѣе, какъ этотъ еврейскій маскарадъ, въ которомъ губернаторъ Конектикута становится судьею новаго Израиля, а судьи Нью-Гэвена семью столбами дома премудрости, но это была только внѣшняя форма, видимая одежда пуританской секты. Подъ этой же одеждой, возбуждавшей своимъ древнимъ допотопнымъ покроемъ смѣхъ поверхностнаго зрителя, скрывался истинный духъ свободы. Повторяю, этотъ внѣшній формализмъ, отражаясь на нравахъ, придавая всѣмъ обычаямъ особую строгость, преслѣдуя роскошь и распущенность, и обезоруживая въ нѣкоторой степени самолюбіе, дозволилъ всѣ крайности политической свободы, такъ какъ сама жизнь представляла ей постоянный противовѣсъ, который мѣшалъ вѣсамъ потерять равновѣсіе.

Обычаями или законами, но умъ человѣческій долженъ быть сдержанъ. Человѣкъ, выйдя изъ дѣтства, не нуждается въ посторонней власти, такъ какъ онъ самъ себѣ правило и власть. Точно тоже можно сказать и о политическомъ тѣлѣ; свобода и нравственность зависятъ другъ отъ друга. Въ политическомъ отношеніи обычаи имѣютъ второстепенное значеніе въ монархіи Людовика XIV и значатъ все въ республикѣ.

Этотъ формализмъ существуетъ еще до сихъ поръ въ Новой-Англіи и удерживаетъ за ней ея первоначальный характеръ. На югѣ рабство измѣняетъ нравы, а сѣверъ доселѣ свято хранитъ свои обычаи и потому онъ остался столбомъ, поддерживающимъ демократію. Уваженіе къ религіознымъ предметамъ, празднованіе воскреснаго дня и чтеніе Библіи еще доселѣ придаетъ жителю Бостона тотъ строгій видъ, по которому въ немъ можно тотчасъ узнать древняго пуританина; такимъ образомъ, не дозволяя даже во внѣшнихъ формахъ никакой роскоши или безпорядка, преданіе поддерживаетъ духъ равенства, безъ котораго немыслима республика.

Это однако слишкомъ легко забываютъ въ нѣкоторыхъ странахъ, гдѣ менѣе строгіе обычаи дѣлаютъ власть гораздо соблазнительнѣе и достижимѣе. Всѣ понимаютъ, что республика невозможна безъ равенства, но не одинакою сознаютъ, что нравы гораздо скорѣе, чѣмъ законы, обезпечиваютъ это равенство. Вотъ уже шестьде-

сятъ лѣтъ мы пользуемся равенствомъ передъ закономъ, но строгой общественной нравственности мы еще не дождались. Мы, я надѣюсь, приближаемся къ этому вожделѣнному времени и недалека та минута, когда общественное мнѣніе будетъ хотя не столь требовательное, какъ въ Новой-Англіи, но все же строже, чѣмъ въ прежнее время ([1]). Это легко замѣтить на театрѣ и въ обществѣ. Пьянство, игра, дуэль и нарушеніе супружеской вѣрности перестали считаться признакомъ хорошаго общества; роскошь послѣднихъ лѣтъ монархіи содѣйствовала ея паденію; очевидно, мы приближаемся, если не къ пуританской строгости, то, по крайней мѣрѣ, къ пуританской ревности. Намъ скажутъ, что общественная нравственность выиграетъ только во внѣшности, но внѣшность, поддерживаемая общественнымъ мнѣніемъ, кончаетъ тѣмъ, что становится истинной, а чрезвычайно желательно, чтобы личный интересъ и добродѣтель были бы во взаимномъ согласіи.

ЧТЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Продолженіе исторіи колоній Новой-Англіи.

4. КОНЕКТИКУТЪ, НЬЮ ГЭВЕНЪ (ПРОДОЛЖЕНІЕ).

Мм. гг.

Мы въ прошломъ чтеніи начали исторію колоній Нью Гэвена и Конектикута; теперь намъ остается только сказать нѣсколько словъ, чтобы покончить со всѣми замѣчательными событіями, записанными въ лѣтописяхъ этой страны.

([1]) Это было написано въ 1849 году, въ томъ предположеніи, что республика удержится или что, по крайней мѣрѣ, Франція сохранитъ свою общественную свободу. Пресса въ Англіи исполняетъ должность полиціи общественныхъ нравовъ и изъ этого происходитъ та строгость обычаевъ, которая немыслима при неограниченномъ правленіи.

Послѣ реставраціи Карла II, Конектикутъ, безпокоясь о законности своихъ правъ на владѣніе земель, отправилъ къ королю съ петиціей молодаго Винтропа, сына бывшаго губернатора Масачусета. Ему было поручено объявить королю, что плантаторы предпочли остаться безъ хартіи, чѣмъ просить ее у гнуснаго узурпатора. Благодаря выраженію этихъ вѣрноподданическихъ чувствъ и его личному усердію, Винтропъ добился въ апрѣлѣ 1662 года хартіи, которая обезпечивала територію колоніи и установляла ея правительство. Этотъ актъ точно также, какъ и хартія Родъ-Айленда, былъ начертанъ не столько изъ особаго расположенія короля къ колоніи, какъ изъ ревности, которую возбуждали въ королевской власти пуритане Масачусета (въ это самое время ихъ тщетно старались подчинить метрополіи); но какъ бы то ни было, этотъ актъ даровалъ поселенцамъ самыя широкія привилегіи и вполнѣ подтверждалъ демократическій порядокъ, скажемъ прямо республику, установленную эмигрантами.

Форма правленія была таже, что у другихъ колоній Новой-Англіи: губернаторъ, его совѣтники и собраніе представителей, избираемыхъ общей подачей голосовъ (1). Эта система намъ теперь близко знакома. Но хартія Конектикута имѣла одну своеобразную особенность—это что метрополія даже не оговорила себѣ права надзора. Хартія давала поселенцамъ абсолютное право управляться сами собою. Назначеніе губернатора и его совѣтниковъ, принадлежавшее въ королевскихъ провинціяхъ королю, какъ мы видѣли въ Виргиніи, было предоставлено въ Конектикутѣ самимъ плантаторамъ. За ними признано было право избирать своихъ чиновниковъ, постанавливать законы, имъ пригодные, творить судъ безъ апеляціи къ англійскому королю, другими словами, король даровалъ поселенцамъ верховную власть, законодательную и административную.

Карлъ II не только не сохранилъ за собою право veto надъ

---

(1) Сначала, какъ вездѣ, была одна палата, но вскорѣ поняли неудобство такой системы и въ 1698 г. собраніе раздѣлилось на двѣ палаты.

дѣйствіями колоніи, но даже не требовалъ, чтобъ представляли на его утвержденіе законы, постановленные общимъ собраніемъ плантаторовъ; никакой даже не было сдѣлано оговорки въ пользу вмѣшательства правительства въ какихъ либо обстоятельствахъ. Впрочемъ не надо ошибаться въ этомъ отношеніи; если Карлъ II выказалъ себя столь либеральнымъ или, лучше сказать, щедрымъ, то конечно скорѣе отъ пренебреженія къ горсти людей, поселившихся за океаномъ, чѣмъ по преднамѣренному плану или убѣжденію. Король также, какъ его министръ Кларендонъ, не полагалъ, что они оказываютъ помощь новому государству, а просто, что покровительствуютъ обыкновенной торговой корпораціи.

Относительно религіи хартія безмолвствовала, предоставляя всю власть колоніи, она какъ бы тайно позволяла всѣ пуританскія жестокости и преслѣдованія. Дѣйствительно, никто не могъ открыть церкви въ Конектикутѣ безъ дозволенія общаго собранія колоніи и сосѣднихъ церквей. Диссиденты не имѣли никакого права на покровительство законовъ, квакеры, адамиты и другіе завѣдомые еретики (такъ гласилъ законъ) подвергались тюремному заключенію или изгнанію изъ колоніи по распоряженію губернатора и его совѣтниковъ. Фанатическая ревность и нетерпимость процвѣтали до тѣхъ поръ, пока свобода совѣсти, принесенная изъ за моря, не была введена метрополіей въ колоніяхъ. Знаменитый статутъ въ первый годъ царствованія Вильгельма и Маріи положилъ конецъ этому гнусному духу нетерпимости.

Въ своемъ крестовомъ походѣ противъ колоніальныхъ хартій Яковъ II не пощадилъ и патента, даннаго его братомъ Конектикуту. Въ 1687 г. серъ Эдмундъ Андросъ, губернаторъ Нью-Іорка, извѣстный въ исторіи Америки, грустнымъ порученіемъ, возложеннымъ на него, прибылъ въ Гартфордъ, главный городъ Конектикута, и объявилъ отъ имени короля, что правительство распущено. Въ эту эпоху приписывали особенную важность хартіи, словно въ этихъ пергаментахъ и въ печати, ихъ скрѣплявшей, была какая-то таинственная сила, сохранившаяся и послѣ отмѣны самыхъ актовъ. „Королевскій патентъ подъ большой печатью, — самая вѣрная гарантія, которую только можно имѣть въ человѣческихъ дѣлахъ, говорилъ въ 1664 году, Масачусетъ, защищая

свою свободу противъ притязаній Карла II (1). Поэтому Андросъ потребовалъ, чтобъ ему отдали хартію; ее принесъ губернаторъ и въ присутствіи плантаторовъ долго защищалъ этотъ драгоцѣнный актъ, *освященный кровью мучениковъ* (онъ вѣрно говорилъ о жертвахъ, павшихъ подъ ударами индѣйцевъ), и которая принесла колоніи *алькіоновы дни*. Пока онъ говорилъ, наступилъ вечеръ и стемнѣло; толпа грубыхъ фермеровъ съ безпокойствомъ слѣдила за талисманомъ, который у нихъ хотѣли похитить; вдругъ всѣ свѣточи погасли и въ первую минуту смятенія хартія была вырвана и спрятана въ дуплѣ стараго дуба, который еще нынѣ показываютъ съ уваженіемъ.

Послѣ этого Андросъ приказалъ подать себѣ книги, въ которыхъ велись протоколы засѣданія колоніальнаго собранія и послѣ послѣдняго протокола собственноручно написалъ: *finis*. Однако, послѣ революціи, 1688 года, Конектикутъ снова возвратилъ себѣ свою хартію и свое правительство. Наслѣдники Стюартовъ терпѣли это молча. Колонія, подобно Родъ-Айленду, сохранила конституцію, данную ей Карломъ II, не только до революціи 1776 года, но гораздо позже. Только въ 1818 году подвергся нѣкоторымъ измѣненіямъ этотъ актъ, который съ 1662 года даровалъ Конектикуту всѣ привилегіи самодержавія и всѣ права республики; и еще многіе сомнѣвались, не потеряла ли демократія отъ этой перемѣны.

5. НЬЮ-ГАМПШИРЪ. МЭНЪ.

Для окончанія исторіи колоній Новой-Англіи намъ остается сказать нѣсколько словъ о двухъ провинціяхъ: о Ньюгампширѣ и Мэнѣ; этотъ разсказъ не имѣетъ большаго интереса, но необходимъ для полноты историческаго обзора.

Эти двѣ колоніи основаны, такъ сказать, на двойной эмиграціи. Съ одной стороны, король сдѣлалъ концессію большимъ землевла-

(1) Bancroft. 2. 81.

дѣльцамъ, которые предприняли колонизацію, вывозя изъ Англіи людей, побуждаемыхъ не религіей, а интересомъ къ переселенію за море и принадлежащихъ большею частью къ установленной церкви. Съ другой стороны, изъ Масачусета выѣхало много эмигрантовъ, занявшихъ пустынныя пространства и основавъ независимыя общины, впослѣдствіи присоединившіяся къ большой пуританской колоніи, вѣрованія, законы и обычаи которой они повсюду распространяли.

Эта вторая эмиграція, болѣе значительная, чѣмъ первая, дала этимъ провинціямъ ихъ настоящій характеръ и рѣшила ихъ судьбу; они всегда были спутниками, послѣдователями Бостона и составной частью Новой-Англіи.

Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ исторія концессій Нью-Гампшира и Мэна:

Говоря о первой плантаціи Масачусета, мы сказали, что большой Плимутскій совѣтъ, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ опытовъ колонизаціи, сталъ продавать свою территорію по мелочамъ. Между лицами, предпринявшими подобныя экспедиціи, самыя дѣятельныя и упорныя были капитанъ Масонъ и серъ Фердинандъ Джорджъ, оба члены большаго Плимутскаго совѣта. Соединившись съ другими товарищами подъ именемъ компаніи Лаконіи (такъ названа была новая територія), они пытались основать первыя поселенія въ Америкѣ. Такимъ образомъ въ 1622 году были заложены города Доверъ, Бристоль и Портсмутъ эмигрантами установленной церкви, и на этомъ основаніи сосѣдніе пуритане искоса на нихъ смотрѣли.

Въ 1635 году, большой Плимутскій совѣтъ раздѣлилъ провинцію Лаконію между Джорджемъ и Масономъ. Первому была дана часть територіи на востокъ отъ рѣки Пискатаки; эта мѣстность па туземномъ нарѣчіи называлась Сагадахокъ, а впослѣдствіи названа Мэномъ въ честь королевы Генріеты, дочери Генриха IV и жены Карла I ([1]). Вся страна на западъ была отдана Ма-

---

([1]) По всей вѣроятности королева имѣла какое нибудь феодальное право на французскую провинцію Мэнъ, но я не нашелъ нигдѣ свѣденій объ этомъ предметѣ.

сону, который назвалъ ее Ньюгампширомъ въ честь своего роднаго графства въ Англіи.

Масонъ умеръ на первомъ году своего предпріятія; его вдова, не имѣя возможности продолжать трудное дорогое дѣло, предоставила все работникамъ, послѣдовавшимъ за ея мужемъ въ Америку. Съ той поры ни король, ни собственники не безпокоились, по крайней мѣрѣ, долгое время о Нью-Гамширѣ, который былъ предоставленъ первому встрѣчному, вздумавшему тамъ поселиться.

Эмигранты явились изъ Масачусета. Послѣ распри и изгнанія антиномьянъ, послѣдователей Анны Гучинсонъ, Джонъ Вильрайтъ купилъ у индѣйцевъ значительный участокъ земли, на которомъ основалъ городъ Эксетеръ. Это была еще новая, небольшая республика въ пустынѣ, основанная, какъ и ея предшественницы, на взаимномъ договорѣ первыхъ поселенцевъ. Вскорѣ на этой территоріи, не имѣвшей законныхъ владѣльцевъ, помѣстились новыя независимыя общины поселенцевъ, каждая изъ нихъ управляясь сама собою по своимъ отдѣльнымъ законамъ; но такъ какъ онѣ были слишкомъ слабы для противодѣйствія индѣйцамъ или для сопротивленія притязаніямъ перваго концессіонера, они пришли присоединиться къ Масачусету, который, согласно съ своей не очень опредѣленной хартіей, считалъ собя законнымъ обладателемъ Нью-Гампшира.

Это предложеніе было принято, но послѣ продолжительныхъ совѣщаній; дѣйствительно, тутъ было одно обстоятельство очень затруднительное, именно различіе церквей. Крайняя, односторонняя система Масачусета была непримѣнима къ странѣ, обитаемой пуританами, англиканами и различными сектаторами. Наконецъ въ 1642 году, общее собраніе рѣшило присоединить Нью-Гампширъ къ Масачусету подъ тѣмъ условіемъ, что не отъ избирателей, не отъ депутатовъ Нью-Гампшира не потребуется принадлежности къ пуританской церкви. Такимъ образомъ между колоніями состоялся союзъ, но различіе происхожденій долго еще отличало одну провинцію отъ другой.

Это присоединеніе возбудило нескончаемые процесы между колоніей и наслѣдниками Масона, но они для насъ не имѣютъ никакого интереса. Все что намъ нужно знать, это то, что въ 1679

году, Карлъ II, желая возстановить права владѣтелей Нью-Гампшира и Мэна съ цѣлью распространить снова надъ колоніей свою власть и оказать содѣйствіе предпріятію герцога Монмутскаго, отдѣлилъ Нью-Гампширъ отъ Масачусета и въ тоже время объявилъ, что такъ какъ въ концесіи Масона ему не предоставлено верховной власти, то управленіе колоніей принадлежитъ одному королю.

Такимъ образомъ Нью-Гампширъ сдѣлался королевской провинціей. Это была первая провинція въ Новой-Англіи и она существовала до революціи 1776 года. Король назначилъ президента и совѣтъ, въ рукахъ которыхъ сосредоточилась и исполнительная власть. Чтоже касается до законодательной, то она была вручена президенту, совѣту и извѣстному числу представителей, избранныхъ колоніей. Впрочемъ королевское вліяніе было очень незначительно, такъ какъ постановленные колоніей законы и налоги имѣли полную силу, пока король не измѣнялъ ихъ или не уничтожалъ; а много прошло времени, пока въ Лондонѣ стали заниматься колоніями. Отдаленность и неизвѣстность упрочивали ихъ свободу.

Я ничего не говорю о законодательствѣ и обычаяхъ Нью-Гампшира; большинство народонаселенія было пуританское, слѣдовательно, отличалось тѣмъ же духомъ, тѣми же обычаями и учрежденіями, какъ Масачусетъ. Когда сторона эта стала королевской провинціей, первымъ дѣйствіемъ новаго собранія было выразить благодарность Масачусету и просить его молиться *о братьяхъ, отдаленныхъ отъ своихъ братьевъ*; вторымъ ихъ дѣйствіемъ была декларація правъ, отвергнутая въ Англіи, какъ неприличная и нелѣпая, такъ какъ первая статья, чисто республиканская, гласила:

„Никакой актъ, законъ или постановленіе не могутъ имѣть силы, если они не сдѣланы колоньяльнымъ собраніемъ, не одобрены народомъ.“

Единственное различіе, существовавшее между Нью-Гампширомъ и тѣмъ штатомъ, отъ котораго онъ произошелъ, говорило въ пользу королевской колоніи. Свобода совѣсти была обезпечена всѣмъ жителямъ. Исключеніе сдѣлали только относительно като-

ликовъ; они изъ всѣхъ дисидентовъ были всего менѣе опасны, но англиканская церковь преслѣдовала ихъ съ той особой ненавистью, которую питаетъ узурпаторъ къ законному наслѣднику; она словно боялась сосѣдства, могущаго выказать различіе между обѣими религіями.

Исторія Мэна была почти таже, что исторія Нью-Гампшира.

Въ то самое время, когда, по просьбѣ большаго Плимутскаго совѣта, король даровалъ Масону територію первой колоніи, онъ назначилъ сера Фердинандо Джорджа лордомъ палатиномъ провинціи Мэнъ со всѣми правами и преимуществами, принадлежащими епископу палатинскаго графства Дургама. Хартія была написана по общей формѣ, только было оговорено верховное право королевской власти и преимущество англиканской церкви.

Серъ Фердинандо Джорджъ послалъ своего племянника, Томаса Джорджа, для принятія на себя главнаго управленія колоніей; въ 1640 году, было созвано первое общее собраніе въ Сако подъ покровительствомъ лорда собственника, который составилъ на бумагѣ цѣлый планъ правительственной системы съ депутатами, совѣтниками, казначеемъ, чиновниками и всей королевской обстановкой для горсти поселянъ. Въ томъ же году мѣстечко съ тремя стами жителями сдѣлалось городомъ Джорджіаной (1) и ему была дарована также на бумагѣ организація Лондона: мэръ, ольдермэны, судъ казначейства и др. Требовалось столѣтія и не существовавшей еще эмиграціи для практическаго выполненія фантазіи старика. Междоусобная война вскорѣ уничтожила послѣдніе планы этого неусыпнаго распространителя американской колонизаціи. Взятый въ плѣнъ въ 1645 году, при сдачѣ Бристоля, парламентскимъ войскомъ, серъ Фердинандо вскорѣ умеръ, оставивъ въ наслѣдство своему сыну только безконечные процесы съ другими концесіонерами и особливо съ опаснымъ соперникомъ Масачусетомъ. Въ 1652 году, эта послѣдняя колонія заявила требованіе на бо̀льшую часть територіи Мэна, на томъ основаніи, что она находится въ границахъ Масачусета, опредѣ-

(1) Нынѣ этотъ городъ называется Іоркъ.

ленныхъ его патентомъ; и не смотря на протестъ губернатора и сопротивленія значительной части жителей, Масачусетъ распространилъ свою власть надъ только что возникавшимъ штатомъ. Въ 1665 году, послѣ реставраціи, комисары, посланные Карломъ II въ Новую-Англію, объявили, что король беретъ Мэнъ подъ свое покровительство и учредили временную администрацію; но не успѣли они уѣхать изъ Америки, какъ масачусетскіе пуритане, поддерживаемые меньшинствомъ колоніи, снова возстановили свою власть вооруженной рукой.

Тогда воскресили въ Англіи право перваго собственника и по просьбѣ Фердинанда Джорджа, внука основателя колоніи, провинція Масачусетъ была вызвана на королевскій судъ. Права Джорджа были формально признаны, но пуритане не хотѣли отказаться отъ Мэна, и ихъ агенты получили приказаніе войдти въ сдѣлку съ серомъ Фердинандомъ въ случаѣ благопріятнаго для него рѣшенія. Эти агенты ловко воспользовались случаемъ и купили у собственника всѣ его права за ничтожную сумму, за тысячу двухъ сотъ пятидесяти фунтовъ стерлинговъ. Это обстоятельство чрезвычайно не понравилось жителямъ Мэна, а также было не по нутру и королю, такъ какъ онъ думалъ изъ Мэна и Нью-Гампшира создать богатую область и цѣлую американскую имперію для герцога Монмутскаго, его незаконнаго сына [1], того несчастнаго Монмута, который изъ за безумнаго честолюбія сложилъ голову на плахѣ.

Послѣ этой покупки Масачусетъ, оставивъ въ сторонѣ свои прежнія притязанія и дѣйствуя только на основаніяхъ концессіи перваго феодальнаго собственника, установилъ особую администрацію для Мэна, который до тѣхъ поръ считался округомъ, частью государства. Масачусетъ былъ верховнымъ господиномъ Мэна, подобно тому ,какъ до 1789 года Бернъ господствовалъ надъ Водскимъ кантономъ. Пуритане назначали президента и совѣтъ, какъ это дѣлалъ бы король или другой феодальный господинъ; сами

---

[1] Bancroft, 2. 113.

поселенцы только сохранили за собою право избирать членовъ общаго собранія.

Въ 1691 году, въ силу новой хартіи, Масачусетъ сдѣлался королевской провинціей и Мэнъ уже былъ только графствомъ этой провинціи. Послѣ войны за независимость онъ продолжалъ составлять часть Масачусета, хотя древнія воспоминанія еще не совершенно исчезли, и только въ 1820 году онъ снова сдѣлался отдѣльнымъ штатомъ.

Мы кончили теперь разсказъ о мало интересныхъ фактахъ, окружающихъ колыбель восточныхъ колоній. Для окончанія всей исторіи Новой-Англіи намъ остается только довести Масачусетъ до революціи 1688 года. Мы оставили его на время для того, чтобы заняться тѣми колоніями, которыя возникли изъ его лона.

Но прежде, чѣмъ возвратиться къ этому изслѣдованію, укажемъ на результатъ нашихъ трудовъ, именно, что всѣ эти колоніи, одушевляемыя однимъ духомъ, поддерживаемыя одной вѣрой, воспитанныя въ однѣхъ идеяхъ и преданныя однимъ учрежденіямъ, составляютъ въ сущности одинъ своеобразный, рѣзко опредѣленный народъ. Не смотря на различные оттѣнки въ правительственной системѣ, одна и таже раса обитала въ Новой-Англіи. Вездѣ мы видѣли пуританъ, ревностно отстаивавшихъ свою религію и свободу, пуританъ, рабовъ своихъ обычаевъ, непризнающихъ властей, привыкшихъ съ перваго дня къ самоуправленію, не ожидавшихъ ничего отъ своего стараго отечества и даже издѣвавшихся надъ его покровительствомъ; мы видѣли, однимъ словомъ, народъ, совершенно республиканскій по обычаямъ и учрежденіямъ, и то болѣе ста лѣтъ прежде, чѣмъ стали произносить самое имя республики.

Если необходимо доказательство единства Новой-Англіи и въ тоже время того духа независимости, который съ перваго дня сдѣлалъ ее самостоятельной націей, соединенной съ метрополіей болѣе номинальными, чѣмъ существенными узами, то его можно найти въ замѣчательномъ фактѣ союза пуританскихъ колоній съ 1643 года (1).

---

(1) Bancroft I, 421.

Въ 1637 году послѣ побѣды, одержанной надъ индѣйцами пекодами, оспаривавшими у эмигрантовъ територію Конектикута, власти и старѣйшины этой колоніи, собравшись на соборъ въ Бостонѣ, толковали о конфедераціи. Эта мысль была очень знакома пуританамъ, ибо Голландія, откуда явились первые эмигранты, была въ это время предметомъ изученія и удивленія для всѣхъ, какъ церковь и государство. Отсутствіе депутатовъ Нью Плимута заставили отложить этотъ вопросъ. Въ слѣдующемъ году онъ снова былъ возбужденъ, но представители Конектикута, оскорбленные нѣкоторыми преимуществами, которыхъ требовалъ Масачусетъ, настаивалъ на томъ, чтобы каждой колоніи было предоставлено право veto надъ всѣми постановленіями конфедераціи. Въ этомъ было отказано, такъ какъ, очевидно, съ подобными ограниченіями ни до чего нельзя было дойти. Любопытно, что въ эту эпоху зависть маленькаго штата возбудила тѣже затрудненія, которыя суждено было встрѣтить союзу полтораста лѣтъ спустя. Извѣстно, что опозиція мелкихъ штатовъ едва не погубила всего союза въ 1787 году и что опасность была предотвращена только тѣмъ, что каждый штатъ получилъ своего представителя въ сенатѣ внѣ всякихъ соображеній народонаселеній и богатства. Тутъ виднѣлся все тотъ же духъ независимости, всегда живучій и безпокойный, который по нынѣ не потерялъ своей энергіи послѣ того, что шестидесятилѣтній опытъ доказалъ всѣ благодѣянія центральнаго правительства.

Безпокойное сосѣдство голландской колоніи на берегахъ Гудсона заставило плантаторовъ Конектикута возобновить переговоры о союзѣ съ Масачусетомъ, единственной провинціей, которая имѣла достаточно силы, чтобъ сопротивляться грознымъ соперникамъ, и въ 1663 году *соединенныя колоніи Новой-Англіи* (такъ начали онѣ называться) *стали все равно какъ одна колонія*, по выраженію современниковъ.

Сопротивленіе нападеніямъ голландцевъ и французовъ, защита отъ набѣговъ дикарей, поддержаніе во всемъ ея объемѣ и чистотѣ евангельской свободы — таковы были цѣли конфедераціи, существовавшей около полувѣка и оставившей по своемъ уничтоженіи въ

1686 году, при конфискаціи колоніальныхъ хартій—великія воспоминанія и надежду на новый, болѣе прочный союзъ. Эта конфедерація состояла изъ Масачусета, Нью Плимута, Конектикута и Нью Гэвена; но составленная въ виду общаго интереса, она нисколько не касалась мѣстной независимости, и права отдѣльныхъ штатовъ были признаваемы двѣсти лѣтъ тому назадъ также, какъ теперь.

Всѣ дѣла союза были сосредоточены въ рукахъ комиссіи, въ которой засѣдало по два депутата отъ каждой колоніи; Масачусетъ, превосходившій всѣ другіе штаты количествомъ земли, народонаселеніемъ и богатствомъ, не имѣлъ большаго числа голосовъ, чѣмъ только что рождавшаяся колонія Нью-Гэвена. Единственнымъ условіемъ для собранія была принадлежность пуританской церкви. Комисары, долженствовавшіе собираться однажды въ годъ, или чаще, если того требовали обстоятельства, имѣли право разсуждать о всемъ, что интересовало конфедерацію. Вопросы мира и войны, особливо индѣйскія дѣла, прямо зависѣли отъ нихъ; кромѣ того на нихъ была возложена обязанность быстраго и справедливаго суда надъ членами конфедераціи, гдѣ бы они ни были. Комисары также могли заниматься общественными преобразованіями и улучшеніями, относя издержки на счетъ всѣхъ штатовъ пропорціонально ихъ народонаселенію (¹). Однако надо замѣтить (и мы найдемъ тотъ же недостатокъ въ первой федеральной организаціи), что эти комисары могли только разсуждать, но не дѣйствовать. Если они могли объявлять войну, то однимъ штатамъ принадлежала власть осуществить такое предположеніе.

Въ актѣ Союза была сдѣлана оговорка на счетъ новыхъ членовъ, желающихъ поступить въ конфедерацію, но осталась безъ примѣненія. Эмигранты Нью-Гампшира и Мэна не были приняты, ибо *они шли по другому пути, чѣмъ пуритане, какъ въ церковной такъ и въ гражданской администраціяхъ*. Просьба Родъ-Айленда о присоединеніи къ союзу была от-

(¹) Bancroft 1. 421.—Story § 102.

вергнута, ибо Плимутъ предъявлялъ свои права на эту колонію, какъ входившую въ границы его територіи по королевскому патенту.

Эта конфедерація удержалась, не смотря на зависть парламента, и пользовалась покровительствомъ Кромвеля, а Стюарты ее терпѣли какъ орудіе защиты отъ внѣшнихъ нападеній или набѣговъ индѣйцевъ, и дѣйствительно въ этомъ заключалась ея главная цѣль. Къ тому же колоніи были такъ мало населены, что ихъ союзъ не могъ безпокоить Англію, слишкомъ занятую своей междоусобной войной, чтобъ думать о внѣшнихъ дѣлахъ. Въ 1641 году, въ минуту собранія *долгаго парламента*, число всѣхъ переселившихся эмигрантовъ не превосходило 24,000 человѣкъ. Но и этого числа было достаточно, чтобъ возбудить зависть епископа Лода и епископальной церкви. Въ 1637 г. онъ добился отъ короля указа о запрещеніи эмиграціи пуританъ.

Мы не упоминали бы объ этомъ указѣ, дѣйствіе котораго продолжалось только нѣсколько дней, еслибъ по этому случаю не приходилось исправить одного историческаго заблужденія общепринятаго, но не имѣющаго никакого основанія. Во всѣхъ историческихъ книгахъ мы читаемъ, что Кромвель и Гампденъ были въ числѣ тѣхъ эмигрантовъ, которыхъ прокламація 1637 года остановила уже на корабляхъ и не допустила до переселенія въ Америку, что такимъ образомъ несчастный король удержалъ своихъ враговъ въ ту самую минуту, когда онъ освобождался отъ нихъ навѣки. Истина заключается въ томъ, какъ вполнѣ доказалъ Банкрофтъ, что нѣтъ никакихъ достовѣрныхъ извѣстій о нахожденіи Гампдена и Кромвеля въ числѣ пасажировъ, задержанныхъ на нѣсколько дней на Темзѣ; къ тому же еслибъ Кромвель хотѣлъ эмигрировать, то никакая преграда не остановила бы человѣка, имѣвшаго девизомъ: *Nulla vestigia retrorsum*, и котораго не легко было испугать.

Справедливо только то, что Карлъ I, безпокоясь объ этой постоянной эмиграціи людей, соединенныхъ одной вѣрой и фанатической преданностью къ религіозной и политической независимости, возсталъ противъ масачусетской хартіи и началъ процесъ объ

отмѣнѣ ея. Еще справедливъ и крайне замѣчателенъ тотъ фактъ, что эта горсть людей, надѣясь на свое отдаленіе и замѣчая своимъ библейскимъ слогомъ, что изгнанный Давидъ говорилъ свободнѣе съ Сауломъ, благодаря раздѣлявшему ихъ большему разстоянію, отвергла съ угрозами всѣ притязанія короля.

„Отмѣна хартіи, говорили они, была бы обманомъ со стороны правительства и принесла бы только погибель имъ и ихъ сосѣдямъ. Отнимая всякую охоту у англичанъ къ будущимъ предпріятіямъ, этотъ актъ усиливалъ бы колоніи французовъ и голландцевъ.

„Наконецъ, прибавляли они, если хартія у насъ будетъ отнята, то народъ пойметъ, что его величество отъ насъ отказался и что отнынѣ онъ освобожденъ отъ всякаго вѣрноподданничества; онъ изберетъ себѣ новое правительство, для общаго блага и общей безопасности, что̀ будетъ очень опаснымъ примѣромъ для другихъ колоній и гибельнымъ для насъ, такъ какъ мы обратимъ на себя неудовольствіе его величества.“

Революція, произведенная въ пользу пуританъ, положила конецъ безпокойству колоній. Масачусетъ имѣлъ достаточно друзей въ Долгомъ парламентѣ, чтобъ быть въ состояніи добиться новыхъ привилегій; но боязнь нарушить независимость колоній сдѣлала предводителей эмигрантовъ чрезвычайно осторожными и они съ удивительнымъ благоразуміемъ не хотѣли выйдти изъ безизвѣстности, охранявшей ихъ свободу.

„Послѣ того, какъ король предоставилъ парламенту такую широкую свободу, писалъ Винтропъ (¹), нѣкоторые изъ нашихъ друзей предложили ходатайствовать за насъ передъ парламентомъ, обѣщая выхлопотать многое; но обдумавъ дѣло, мы отказались отъ этого предложенія на томъ основаніи, что ставя себя подъ покровительство парламента, мы тѣмъ самымъ подчиняемся всѣмъ законамъ, которые онъ можетъ издать, или по крайней мѣрѣ,

(¹) Bancroft 1. 416.

всѣмъ тѣмъ, которые ему вздумается намъ предписать: это могло бы намъ быть чрезвычайно вредно.“

Это мнѣніе перваго администратора колоніи очень замѣчательно, потому что, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, главная причина отпаденія колоній, была именно требуемая ими независимость въ отношеніи парламента.

Пуритане выказали не менѣе ревности въ отстаиваньи своей религіозной свободы и когда письма изъ Англіи приглашали колоніальныя церкви прислать депутатовъ на вестминстерскій соборъ, то они отказались, побуждаемые тѣмъ же благоразуміемъ. Даже самъ Гукеръ, основатель Гартфорда заявилъ, что онъ не любитъ шума и предпочитаетъ мирно оставаться посреди своего конектикутскаго народа, чѣмъ ѣхать въ Европу для пропаганды въ пользу церкви. Все что принялъ отъ парламента Масачусетъ было нѣсколько комерческихъ привилегій.

Эта умѣренность, внушенная довѣріемъ, лежала въ основѣ американскихъ идей. Масачусетскіе пуритане считали себя соединенными съ метрополіей такими же узами, какъ напримѣръ ганзатическіе города съ Германской имперіей; это было подвластное положеніе болѣе номинальное, чѣмъ дѣйствительное. Америка (это было одно изъ любимыхъ сравненій) зависѣла отъ метрополіи точно такъ, какъ герцогство Нормандское, когда оно было во владѣніи англійскаго короля, зависѣло отъ французскаго. Они до того считали себя независимыми, что въ 1652 году чеканили монету въ Бостонѣ именемъ провинціи, что всегда считалось однимъ изъ неотъемлемыхъ правъ королевской власти.

Однако духъ нетерпимости подвергъ опасности ту автономію, на которую колонія выражала претензію; дисиденты, исключенные изъ участія въ правительствѣ, обратились съ жалобой въ парламентъ, который сначала съ сочувствіемъ отнесся къ ихъ просьбѣ. Плантаторы выказали энергичное сопротивленіе притязанію, угрожавшему ихъ независимости. „Если англійскій парламентъ, говорилъ Эдмондъ Винсло, агентъ колоніи въ Лондонѣ, можетъ намъ предписывать законы, намъ, не имѣющимъ представителей въ палатѣ общинъ, чего и нельзя сдѣлать по причинѣ далекаго раз-

стоянія — то мы лишимся всѣхъ правъ и вольностей англійскаго гражданина."

Вотъ, впрочемъ, самое прошеніе, представленное парламенту; оно совершенно отличается своимъ тономъ отъ суроваго и грубаго отвѣта Карлу I; но оно заключаетъ въ себѣ много полезныхъ уроковъ, особливо для насъ французовъ, которые всегда держатся центральнаго правительства издалека, не смотря на то, что эта система помѣшала успѣху нашихъ старыхъ колоній и доселѣ не дозволяетъ Алжиру достигнуть полнаго развитія.

„Полученный изъ Англіи приказъ, говорятъ эмигранты въ этомъ прошеніи (¹), нарушаетъ свободу, дарованную намъ хартіей, и можетъ повредить нашему благосостоянію въ этой отдаленной части свѣта. Время можетъ измѣниться, ибо все на свѣтѣ преходящее; могутъ явиться новые короли, новые парламенты. Не давайте будущимъ поколѣніямъ жаловаться на васъ и говорить: — „Англія выслала нашихъ отцовъ съ счастливыми правами и вольностями, которыми они и пользовались въ продолженіи нѣкотораго времени, не смотря на ненависть епископальной церкви и другихъ могущественныхъ противниковъ, и однако эта свобода, эти права были потеряны въ ту самую минуту, когда Англія завоевала свою свободу." Мы поборели всѣ опасности на морѣ, неужели мы погибнемъ достигнувъ гавани?

„Мы никогда не признавали, чтобъ всѣ имѣли апеляціонную власть надъ нами; мы убѣждены, что подобное апелированіе было бы несовмѣстно съ свободой и правами гарантированными намъ хартіей и грозило бы погибелью всякому правительству. Эти соображенія не новость для верховнаго парламента; его лѣтописи свидѣтельствуютъ о мудрости и постоянствѣ нашихъ предковъ въ мрачныя времена: когда еще признавалось главенство римскихъ епископовъ, наши парламенты постоянно запрещали апелировать въ Римъ по церковнымъ дѣламъ.

„Мудрость и опытъ великаго совѣта англійскаго парламента дѣ-

(1) Bancroft 1. 441.

лаетъ его конечно гораздо способнѣе рѣшать дѣла и предписывать правительственныя мѣры, чѣмъ бѣдные плантаторы—дѣти пустыни; но обширное пространство, отдѣляющее Англію отъ нашей страны, уничтожаетъ дѣйствіе самыхъ могущественныхъ вліяній. Ваши совѣты и ваши сужденія не могутъ быть такъ хорошо обдуманы и примѣнимы, чтобы принести намъ пользу, а вамъ поставиться въ заслугу на страшномъ судѣ. Если напротивъ мы, имѣя все правленіе въ своихъ рукахъ, и сдѣлаемъ какую либо ошибку, то Англія не будетъ за насъ отвѣчать.

„Продолжайте быть милостивыми къ начинающимъ колоніямъ, дозвольте намъ процвѣтатъ по прежнему и благословлять Бога. Подтвердите наши права, обратите въ ничто нашихъ враговъ, возмущающихъ миръ и спокойствіе подъ предлогомъ нашей несправедливости. Доказательство вашей милости обяжетъ насъ и наше потомство."

Колонія нашла себѣ защитника въ лицѣ Генри Вэна, который много потерпѣлъ во время борьбы антиноміанъ; парламентъ, смотрѣвшій на масачусетскую республику, какъ на образецъ, отказалъ въ апеляціонной жалобѣ дисидентовъ.

Кромвель чрезвычайно сочувственно относился къ плантаторамъ Новой-Англіи: это были его единовѣрцы, имѣвшіе всѣ права на его сочувствіе, и съ которыми онъ находился въ постоянной перепискѣ. Два раза ему входила въ голову странная мысль побудить ихъ оставить колонію и переселиться въ лучшую мѣстность; при этомъ онъ въ первый разъ хотѣлъ ихъ перевести въ Ирландію, изгнавъ оттуда предварительно все кельтское народонаселеніе, а во второй разъ намѣревался отдать имъ Ямайку, только что тогда завоеванную. „Народъ Божій, говорилъ онъ, долженъ быть по божественному обѣтованію во главѣ, а не въ хвостѣ народовъ." Бостонскій общій совѣтъ отвѣчалъ на это предложеніе 24 октября 1650 года и пуритане рѣшительно отказались, считая избранное ими правительство самымъ мудрымъ и благодѣтельнымъ на всемъ свѣтѣ (¹).

(¹) Bancroft 1, 444.—Everett, Orations and Speeches 2, 122.

Реставрація совершенно иначе смотрѣла на эти колоніи, населенныя пуританами; она не могла сочувствовать этимъ суровымъ, гордымъ людямъ, предавшимъ смерти короля и основавшимъ республику. Ихъ притязанія на независимость были дурно встрѣчены какъ судами, такъ и парламентомъ, котораго власть и честолюбіе увеличивались съ каждымъ днемъ. Вестминстерскій судъ постановилъ, что согласно конституціи и обычному праву плантаціи были подчинены парламенту и что парламентскіе акты для нихъ обязательнѣе, все равно вошли ли они въ законъ, или только подразумѣваются. На этомъ-то юрисдиктѣ основывался лордъ Нортъ, налагая на колоніи тѣ налоги, которые возбудили революцію 1776 года. Что касается парламента, то навигаціонный актъ, подтвержденный и распространенный при Карлѣ II, былъ столько же непріятенъ Виргиніи и Новой-Англіи.

Тогда масачусетское собраніе, угрожаемое апеляціонными жалобами въ метрополію, обнародовало въ 1661 году декларацію правъ, въ которой оно говорило:

„Права и вольности колоніи, дарованныя ей Богомъ и хартіей, заключаются въ правѣ избранія губернатора (¹), вицъ-губернатора и депутатовъ, въ правѣ принимать плантаторовъ на опредѣленныхъ ею условіяхъ; въ правѣ назначать всякаго рода высшихъ и низшихъ чиновниковъ и опредѣлять ихъ власть и обязанности, въ правѣ отправлять черезъ ежегодно избираемыхъ властей и депутатовъ всѣ должности законодательныя, исполнительныя и судебныя, въ правѣ защищаться силою отъ всякаго нападенія и отвергать какъ нарушеніе своихъ правъ всякую мѣру, изданную парламентомъ или королемъ, и которая была бы вредна для страны и противна правильному акту колоніальнаго законодательства.“

Колонія протестовала съ большой энергіей противъ навигаціоннаго акта. Такимъ образомъ всѣ обязанности колоніи въ отношеніи колоніи были сведены къ очень немногимъ пунктамъ, которые не приносили королю ни пользы, ни славы.

(¹) Этого права не имѣли королевскія провинціи.

Въ 1664 году Карлъ II послалъ экспедицію противъ Голландской колоніи на берегахъ Гудсона и присоединилъ къ ней четырехъ комисаровъ, которымъ поручилъ изслѣдовать какимъ образомъ исполнялись хартіи Новой-Англіи, „съ полной властью умиротворить страну, согласно королевскимъ инструкціямъ и ихъ собственнымъ соображеніямъ.“

Колонія, болѣе чѣмъ когда испуганная, обратилась къ королю съ слѣдующимъ прошеніемъ: — (1).

„Грозный Государь! Первые основатели этой колоніи получили королевскій патентъ, дававшій имъ полную, абсолютную власть управлять народомъ этой мѣстности чрезъ избранныхъ между ними людей и согласно законамъ ими установленными. Королевскій патентъ съ государственной печатью — величайшая гарантія, существующая въ человѣческихъ дѣлахъ. Поощряемый и покровительствуемый королевской хартіей, народъ переплылъ океанъ на свой счетъ съ женами и дѣтьми, купилъ землю у туземцевъ, устроилъ колонію цѣною безчисленныхъ трудовъ и издержекъ, перенося въ продолженіи многихъ лѣтъ всѣ опасности и лишенія жизни въ пустыни. И всѣ эти тридцать лѣтъ народъ пользовался правомъ самоуправленія, какъ правомъ законнымъ, незыблемымъ въ глазахъ Бога и людей; ибо управляться избранными властями и своими собственными законами, — основная привилегія нашей партіи.

„Нынѣ указомъ, подъ государственной печатью, учреждена комиссія изъ четырехъ лицъ (между ними одинъ нашъ заклятый врагъ) съ полной властью разбирать и оканчивать всѣ жалобы и дѣла въ колоніи; подобная мѣра подчиняетъ насъ произволу чужестранцевъ и приведетъ къ совершенной погибели.

„Если цѣль всего этого дать возможность нѣкоторымъ лицамъ разбогатѣть, то она не будетъ достигнута въ виду бѣдности нашей страны. Еслибъ всѣ ежегодные доходы страны были бы удвоены и утроены, то все же не составилось бы значитель-

(1) Bancroft 2—79.

наго состоянія для одного изъ этихъ джентльменовъ. Нашъ народъ не въ состояніи ничего дать правительству, и трудно будетъ найти другой народъ, который былъ бы въ состояніи платить большія подати въ этой странѣ, такъ какъ на нашей землѣ можно существовать только тяжелымъ трудомъ и отказывая себѣ во всемъ.

„Богу извѣстно, что все наше честолюбіе заключается въ томъ, чтобъ жить спокойно въ этомъ отдаленномъ уголку міра. Мы удалились въ пустыню не для того, чтобъ нажить богатство, и если кто либо прибудетъ сюда съ этой надеждой, тотъ сильно обманется. Мы остаемся на нашемъ однажды избранномъ пути, и далека отъ нашего сердца мысль не признавать нашей законной зависимости подданства Вашему Величеству, согласно нашей хартіи. Мы охотно сдѣлаемъ все, чтобъ продолжить вашу милость къ намъ, но по несчастью отъ насъ не требуютъ другаго доказательства нашего вѣрноподданничества, какъ жертвы нашей свободы, которая намъ дороже жизни: ибо для достиженія ея мы тысячу разъ рисковали жизнью.

„Одно изъ достоинствъ Іова, что управляя своимъ народомъ, онъ былъ отцомъ бѣдныхъ. И нынѣ бѣдный народъ, лишенный всякой посторонней помощи, не имѣя ни богатства, ни имущества, взываетъ къ своему государю и господину: — Ваше Величество! соблаговолите милостиво разсмотрѣть наше дѣло и сохранить наши права, что доставитъ вамъ честь и славу на всѣ времена."

Встрѣтивъ повсюду только сопротивленія, комисары возвратились въ Англію, ничего не сдѣлавъ; Карлъ II, по своей обычной слабости, не обратилъ вниманія на нанесенное ему оскорбленіе и совершенно забылъ мятежную колонію. Быть можетъ она такимъ образомъ и избѣгла бы грозившую ей опасность, еслибъ интересъ англійскихъ купцовъ, страдавшій отъ неисполненія навигаціоннаго акта, не подстрекнулъ вновь ревность метрополіи.

Начатъ былъ процесъ для уничтоженія хартіи; тщетно Масачусетъ хотѣлъ сопротивляться, предлагая въ жертву Мэнъ, стараясь подкупить самого короля богатыми подарками, соглашаясь

наконецъ принять навигаціонный актъ, но не какъ англійскій законъ (это значило бы отказаться отъ своихъ привилегій), а какъ колоніальный законъ, добровольно вотированный общимъ собраніемъ; все было напрасно; король, побуждаемый могущественной партіей, требовалъ абсолютнаго подчиненія.

Въ этомъ подчиненіи колонія на отрѣзъ отказала, ибо отречься отъ свободы въ ея глазахъ было преступленіемъ.

„Права и вольности Новой-Англіи, восклицали они: — часть наслѣдства нашихъ отцовъ. Можемъ ли мы отъ нихъ отрѣчься?“ Намъ говорятъ, что мы подвергаемъ себя жестокимъ страданіямъ. Лучше страдать, чѣмъ грѣшить. Лучше возложить свою надежду на Бога отцовъ нашихъ, чѣмъ на князей міра сего. Если мы будемъ страдать за то, что мы не подчиняемся волѣ людей, противной волѣ Бога, то мы будемъ страдать за святое дѣло и насъ почтутъ мучениками всѣ грядущія поколѣнія и самъ праведный Судья на страшномъ судилищѣ.“

И вслѣдствіе этого въ архивѣ колоніи находится протоколъ общаго собранія, въ которомъ записано: „Депутаты несогласны и остаются при своемъ первомъ рѣшеніи (¹).“

Однако передъ верховнымъ приговоромъ пришлось преклониться и такимъ образомъ въ 1684 году была уничтожена хартія, принесенная Винтропомъ, драгоцѣнный актъ, сохраненный столько времени и не смотря на столько опасностей, актъ, на которомъ зиждилось все зданіе свободы Новой-Англіи. Съ этой минуты уже не было болѣе преграды, защищавшей масачусетскій народъ отъ произвола англійскаго двора, не было гарантіи для религіи, торговли и даже собственности.

Восшествіе на престолъ Іакова II сдѣлало положеніе колоніи еще хуже. Въ 1686 году управленіе колоніи было вручено особой комиссіи съ неограниченной властью и знаменитый Андросъ уничтожилъ послѣдніе остатки свободы. Народное представительство было отмѣнено, введена англиканская церковь и постановлены про-

---

(¹) Bancroft.—II, 127.

извольные налоги; плантаторы потеряли разомъ и свои привилегіи какъ колонисты, и свои права какъ англійскіе граждане. „Неужели вы полагаете, что англійскіе законы послѣдуютъ за вами на край свѣта?“ говорилъ судья обвиняемому, ссылавшемуся на habeus corpus.— „У васъ нѣтъ другихъ привилегій, какъ право не быть проданнымъ въ рабство“, отвѣчалъ одинъ изъ комисаровъ плантатору, требовавшему признанія своихъ правъ (1). Вотъ до чего реставрація довела Америку.

Страна, привыкшая впродолженіи тридцати лѣтъ къ независимости, не могла перенести такого положенія, и конечно вспыхнуло бы возстаніе, еслибъ неожиданно не явилась въ колонію вѣсть о второй англійской революціи. Новая-Англія возстала какъ одинъ человѣкъ и потребовала возвращенія хартіи. Это поведеніе колоніи было одобрено королемъ Вильгельмомъ, но все же она не получила своей прежней свободы. Вмѣсто деспотизма Стюартовъ ей пришлось имѣть дѣло съ верховной властью парламента и съ ревностью комерческой аристократіи; тогда-то началась между Америкой и метрополіей та борьба, въ которой Новой-Англіи суждено было играть главную роль и которая, менѣе чѣмъ въ сто лѣтъ, съ помощью Франціи привела къ славному освобожденію колоній и къ основанію могущественныхъ Соединенныхъ Штатовъ.

---

(1) Bancroft, 2. 420.

ЧТЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Общій характеръ Новой-Англіи.

РЕЛИГІЯ, ДУХЪ СВОБОДЫ.

Мм. Гг.

Мы посвятили четыре чтенія исторіи колоній Новой-Англіи, разсказу о тѣхъ немногихъ событіяхъ, которыя ознаменовали ея колыбель, и разсмотрѣнію общихъ формъ ея политической организаціи; конечно, намъ нечего сожалѣть о времени, употребленномъ на это изученіе, ибо нельзя судить о значеніи Новой-Англіи по тому пространству, которое она занимаетъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Народъ, населяющій Новую-Англію, во всѣ времена имѣлъ громадное вліяніе на характеръ и судьбу всей Америки; эта закваска Новаго міра. Если вѣрить приблизительно расчету, то треть современнаго населенія Соединенныхъ Штатовъ происходитъ отъ пуритан Новой-Англіи (¹). Въ штатахъ Нью-Іоркъ и Огіо, двухъ самыхъ значительныхъ провинціяхъ союза, они составляютъ болѣе половины жителей, и также изъ Масачусета и сосѣднихъ штатовъ вышло большинство эмигрантовъ, населившихъ пустыни запада, распространяя законы, идеи и обычаи Новой-Англіи. То, чѣмъ были нормандцы для саксонцевъ въ Великобританіи, пуритане были для другихъ поселенцевъ Америки. Они придали національному характеру его самыя рѣзкія, своеобразныя черты.

Поэтому, прежде, чѣмъ перейти къ исторіи другихъ провинцій, не играющихъ столь значительной роли въ политической исторіи Соединенныхъ Штатовъ, намъ слѣдуетъ исчерпать нашъ предметъ, изучивъ подробно и въ самыхъ его основахъ тотъ духъ свободы,

---

(1) Bancroft, 1.—468.

который придаетъ народу Новой Англіи такой своеобразный видъ: До сихъ поръ мы видѣли только внѣшность политическихъ учрежденій; взглянемъ же въ ихъ внутренность, изучимъ ту тайную силу, которая одушевляетъ ихъ и даетъ имъ жизнь.

Здѣсь мы касаемся одного изъ самыхъ деликатныхъ и всего менѣе изслѣдованныхъ вопросовъ; но вопросъ этотъ имѣетъ ежедневное примѣненіе въ политикѣ и потому не можетъ не возбуждать большаго интереса.

Спрашивали ли вы себя когда нибудь что такое политическая свобода и какъ можно даровать ее народу? Есть ли это нѣчто внѣшнее, абсолютное, какъ математическая истина, нѣчто такое, которое можно перенести изъ Франціи въ Китай, не измѣнивъ его значенія? Достаточно ли указать на пользу той или другой политической формы, чтобы ее въ ту же минуту приняли повсемѣстно безъ всякаго сопротивленія? Или, напротивъ того, не есть ли свобода результатъ извѣстныхъ обычаевъ, извѣстныхъ потребностей, которыхъ нельзя вселить въ народъ иначе, какъ постепенно, и не нужны ли безконечныя заботы и усилія для полнаго усвоенія свободы той націей, тѣмъ вѣкомъ и тѣмъ климатомъ, которые должны ею пользоваться?

Вся наука, вся политика раздѣляется между этими двумя школами: школой абсолютной или философской и школой опытной или исторической.

Если первая справедлива, и свобода истинно математическая, абсолютная, то достаточно перенести во Францію конституцію Англіи или Соединенныхъ Штатовъ, чтобы сдѣлать изъ французовъ такихъ же свободныхъ, привыкшихъ къ самоуправленію людей, какъ англичане и американцы послѣ вѣковаго опыта. Введя у насъ учрежденія Ликурга, насъ можно превратить въ спартанцевъ, и правъ былъ редакторъ конституціи 1793 года, Геро-де-Сешель, требуя въ библіотекѣ законы Миноса, чтобъ подарить ихъ Франціи; проблема, найденная Евклидомъ, не принадлежитъ ли всему человѣческому роду?

И если, напротивъ, свобода не есть результатъ хартіи, но нравовъ, обычаевъ и идей народа, если ее нельзя создать закономъ, если время одинъ изъ необходимыхъ ея элементовъ, или обучиться

свободѣ нельзя въ одинъ день, то не ясно ли, что конституціи, хартіи, писанные законы имѣютъ цѣну только для того народа, которымъ они управляютъ, и тѣмъ духомъ, который ихъ одушевляетъ и даетъ имъ жизнь? Заимствовать хартію сосѣдняго народа, даровать своему народу законы, составленные для другаго— это ни что иное, какъ заимствованіе простаго лоскута бумаги, если націю, которой хотятъ дать свободу, не одушевляетъ тотъ же духъ, какъ ту націю, которой подражаютъ, или если по крайней мѣрѣ, не съумѣютъ вдохнуть въ нее этотъ духъ. Испанскія колоніи взяли у Соединенныхъ Штатовъ ихъ конституцію, но она послужила лишь элементомъ постоянныхъ раздоровъ и погибели.

Изъ всего этого вы ясно видите, что сравнительное изученіе конституцій трудъ безплодный, если въ тоже время не изучаешь народовъ, для которыхъ эти законы составлены, и не усвоишь себѣ вполнѣ ихъ идей и характеръ. Это объясняетъ вамъ вмѣстѣ съ тѣмъ и почему мы останавливаемся быть можетъ долѣе, чѣмъ бы казалось необходимымъ, на исторіи происхожденія колоній и почему, указавъ на главнѣйшія черты пуританскихъ хартій, мы хотимъ еще указать вамъ на тѣ идеи, которыя царили въ Новой-Англіи, и на то обстоятельство, что политическая свобода была необходимымъ слѣдствіемъ положенія поселенцевъ. Она проистекала прямо изъ ихъ частной жизни.

Во первыхъ это былъ народъ, уже давно привыкшій къ самоуправленію. Здѣсь не мѣсто разсказывать исторію англійской конституціи и указать какъ, благодаря согласію между баронами и народомъ, Англія пользовалась съ давняго времени большей свободой, чѣмъ континентъ; достаточно сказать, что изо всѣхъ народовъ Европы въ XVII столѣтіи, англичане были самымъ передовымъ въ практикѣ свободнаго правленія. Этотъ духъ независимости, всегда отличавшій англійскую расу, былъ еще болѣе развитъ эмиграціей; пуритане, оставивъ въ своей старой родинѣ всѣ привилегіи, унесли съ собою политическое равенство, первую основу, главнѣйшее условіе свободы. Это были купцы, мѣщане и мелкіе собственники. Съ одной стороны, не было несчастныхъ безъ образованія и прикованныхъ нуждою къ тяжелому, ежедневному труду; съ другой стороны, не было и баръ, требующихъ феодальныхъ привилегій и преимуществъ,

даруемыхъ рожденіемъ. Точно также не было и епископовъ и духовенства, составляющихъ особую, привилегированную касту, не было правителей, которые захотѣли бы ввести въ новомъ свѣтѣ систему чужой страны; однимъ словомъ, не было ничего нарушающаго равенства. Напротивъ, однообразіе положеній, одинаковое удаленіе отъ нищеты и богатства, и отъ высокаго и низкаго происхожденія, единство цѣли, узы религіи, все вело къ установленію одного общаго уровня, тогда какъ мы только вчера уничтожили во Франціи неравенство (болѣе въ законахъ, чѣмъ въ обычаяхъ), и то цѣною кровавой революціи, которая, благодаря своимъ крайностямъ, часто теряла тѣ самыя учрежденія, которыя хотѣли установить.

Къ этому элементу независимости, политическаго равенства, котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ абсолютнымъ равенствомъ современныхъ теорій (эти теоріи привели бы къ уничтоженію всякой свободы и къ равенству животныхъ на скотномъ дворѣ), надо прибавить ту энергію, которую придавала индивидуальной свободѣ религія пуританъ. Я не говорю о чисто республиканскихъ формахъ ихъ церкви; объ этомъ уже достаточно мною сказано; но я иду выше и спрашиваю, гдѣ источникъ этого республиканскаго духа, преобразившаго все: вѣру, церковь и общество?

Я вступаю здѣсь на огненную почву и прошу всего вашего снисхожденія, если случайно мои слова зайдутъ далѣе моихъ мыслей и оскорбятъ въ васъ то, что всего уважительнѣе въ человѣкѣ, ваши религіозныя убѣжденія. Я питаю истинное, непритворное уваженіе къ католицизму; онъ сдѣлалъ много великаго, и я полагаю, что его поприще еще далеко не окончено, но я не считаю для него оскорбленіемъ, говоря прямо, что религія, основанная на авторитетѣ, требующая отъ вѣрующихъ абсолютнаго подчиненія разума въ дѣлѣ не только вѣры, но и духовной дисциплины, если она и умѣряетъ излишнюю гордость, то въ извѣстной степени сдавливаетъ мысли человѣка, и однимъ словомъ, по направленію, которое она даетъ уму, католическая религія можетъ скорѣе создать вѣрноподданныхъ для монархіи, чѣмъ развить энергичные инстинкты республиканца. Замѣчательно по крайней мѣрѣ, что всѣ великія монархіи новаго времени были католическія, а всѣ республики: Голландія, Швейцарія и Америка принадлежали по

преимуществу къ кальвинистскому вѣроисповѣданію. Дѣйствительно, легко понять, что человѣкъ, которому даютъ въ руки библію, какъ единственное правило жизни, и котораго дѣлаютъ лично отвѣтственнымъ за его религіозную судьбу, легко понять, что этотъ человѣкъ съ точки зрѣнія гражданскаго развитія уже находится на полпути: у него душа республиканская.

Впрочемъ, я не желаю придавать слишкомъ большаго значенія этому замѣчанію. Избави меня Богъ утверждать, что религія зависитъ отъ политическихъ формъ, что есть религія для монархій и религія для республикъ. Примѣръ католичества, процвѣтающаго въ Соединенныхъ Штатахъ, достаточно доказываетъ, что эта религія можетъ существовать въ республикѣ, и даже въ католической іерархіи есть нѣкоторыя формы, которыя, развиваясь въ духѣ свободы, могутъ приблизить религіозную организацію къ политической, безъ основныхъ измѣненій въ зданіи, освященномъ столькими вѣками. Такимъ образомъ, болѣе совершенная эмансипація церкви, предоставленіе прихожанамъ назначать или, по крайней мѣрѣ, представлять епископовъ, и болѣе частое созваніе соборовъ безъ разрѣшенія свѣтской власти, мѣры, конечно сочувственныя духовенству, ибо это былъ бы только возвратъ къ первобытной христіанской свободѣ, — поставили бы католическую церковь въ положеніе, болѣе соотвѣтствующее идеямъ нашего вѣка.

Я только хотѣлъ сказать и, полагаю, совершенно справедливо, что особливо въ эпоху, когда еще не существовало отдѣленія церкви отъ государства (и въ наше время нѣтъ государства въ свѣтѣ, кромѣ Америки, въ которомъ бы это отдѣленіе вполнѣ существовало), всякій естественно вносилъ въ внѣшній міръ идеи, почерпнутыя имъ въ своей религіи, и пуританинъ также естественно мечталъ о независимости, какъ католикъ о монархіи, каждый бралъ свою церковь въ идеалъ своихъ политическихъ воззрѣній и хотѣлъ создать земной градъ по образцу небеснаго. Такимъ образомъ пуританская теорія, побуждавшая человѣка къ независимости, къ признанію верховнаго права индивидуальнаго мнѣнія, и которая, какъ естественное слѣдствіе, вела къ организаціи церкви на основѣ всеобщей подачи голосовъ — были по своей природѣ энергичнымъ орудіемъ свободы. Какъ заставить принять абсолютныя, монархиче-

скія учрежденія людей, которые въ пламенной ревности къ своимъ новымъ вѣрованіямъ предпочитали умереть лучше, чѣмъ подчиниться авторитету установленной церкви, которые считали себя мучениками, защищая права индивидуальнаго сужденія, другими словами, защищая, хотя и безсознательно, права разума?

Замѣтьте роль, которую играла пуританская теорія, роль, совершенно противоположную той, которую игралъ у насъ католицизмъ, и вы поймете, почему религія сохранила такое важное мѣсто въ жизни американцевъ. У насъ во Франціи, когда разумъ началъ освобождаться, онъ встрѣтилъ въ испуганной церкви могучаго соперника. Съ обѣихъ сторонъ какъ въ нападеніи, такъ и въ оборонѣ дѣло доходило до самыхъ ужасныхъ крайностей; и лишь послѣ кровавой борьбы мы поняли, что вѣра и разумъ имѣютъ различныя области и что они могутъ жить рядомъ не только не уничтожая другъ друга, но оказывая взаимную поддержку. Напротивъ, въ Америкѣ роль пуританизма была совершенно иная; конечно, извнѣ онъ былъ также источникомъ жестокихъ преслѣдованій, но внутри и безсознательно онъ поощрялъ развитіе разума. Каждый видѣлъ въ библіи, какъ въ зеркалѣ, образъ своего ума, каждый читалъ священный текстъ такъ, какъ подсказывалъ ему его разсудокъ и даже иногда его страсти; и такимъ образомъ, въ виду ограниченій и запрещеній англиканской церкви, предписывавшей абсолютное повиновеніе, пуританизмъ былъ развитіемъ до опьяненія индивидуальнаго разума.

Вотъ замѣчательный примѣръ свободы пуританизма. При отплытіи первой эмиграціи, основавшей Нью Плимутъ, Робинсонъ, пасторъ маленькой Лейденской колоніи, проводилъ отцевъ-странниковъ до корабля *„Майскій цвѣтокъ,“* и словно предчувствуя, что смерть помѣшаетъ ему присоединиться къ нимъ, онъ произнесъ слѣдующія слова:

„Братья! мы вскорѣ разстанемся; одному Богу извѣстно, доживу ли я до новаго свиданія съ вами на землѣ. Но дозволитъ ли Онъ это свиданіе или нѣтъ, я умоляю васъ передъ Богомъ и Его святыми ангелами, не слѣдовать за мною далѣе, чѣмъ я слѣдовалъ за Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ. Если Богу угодно будетъ открыть свою волю черезъ уста какого либо другаго избранника, то примите эту истину съ тою же готовностью, съ которою

вы принимали все, что передавали вамъ мои уста, ибо я убѣжденъ, что Богъ еще откроетъ много невѣдомыхъ теперь истинъ изъ Своего святаго Слова. Что касается до меня, то я не могу достаточно оплакивать тѣ реформатскія церкви, которыя, достигнувъ извѣстной степени развитія, ни зачто не хотятъ идти далѣе, чѣмъ тѣ, которые произвели реформацію. Такъ вы никакими средствами не заставите лютеранъ идти далѣе Лютера, и они скорѣе умрутъ, чѣмъ признаютъ тѣ истины, которыя Богъ открылъ Кальвину. И кальвинисты также держатся того что имъ заповѣдалъ этотъ великій избранникъ Божій, который, однако, не все зналъ и не все видѣлъ. Это упорство чрезвычайно горестное, ибо хотя эти люди были блестящими, лучезарными свѣтилами, но они не проникли всѣ начертанія Бога, и еслибы они жили въ наше время, то съ такою же радостью приняли бы всякую новую истину, какъ ту, которую они сами внесли въ міръ, ибо не возможно, чтобы въ христіанскомъ мірѣ, выходящемъ такъ поздно изъ мрака антихристіанства, совершенное всезнаніе явилось бы вдругъ."

Такимъ образомъ, религія была для пуританъ въ XVII вѣкѣ тѣмъ, чѣмъ философія была для невѣрующихъ въ XVIII, но съ тою только разницею, вполнѣ говорящей въ ея пользу, что поле, открываемое библіею, какъ широко оно ни было, имѣло границы, и для множества вопросовъ, особливо нравственныхъ, обычай намѣтилъ границы, которыя никто и не думалъ преступать. Эту философскую роль религія исполняетъ до сихъ поръ въ Америкѣ. Въ Соединенныхъ Штатахъ мало раціоналистовъ и на нихъ дурно смотрятъ, но есть *унитарьяне*, которые исповѣдуютъ одного Бога, отвергаютъ Божество Іисуса Христа, первородный грѣхъ и вѣчность адскихъ мученій и видятъ въ Іисусѣ Христѣ, не Спасителя, умершаго за искупленіе рода человѣческаго, но образецъ, достойный подражанія. Такимъ образомъ пока у насъ деизмъ остается индивидуальнымъ мнѣніемъ, въ Америкѣ онъ основываетъ церковь, имѣетъ своихъ апостоловъ, свои догматы, свою нравственность, своихъ прозелитовъ. То, что у насъ философія, тамъ религія.

Но возвратимся къ первымъ временамъ колоніи. Вы, конечно, не забыли религіозную строгость первыхъ пуританъ, для нихъ государство было въ сущности только церковью; такъ нравственность, ко-

торая у всѣхъ вѣрующихъ народовъ составляетъ принадлежность религіозныхъ догматовъ и, слѣдовательно, зависитъ отъ духовенства, въ Америкѣ зависѣла отъ пасторовъ, правителей-судей; отсюда логическое, хотя, по видимому, странное послѣдствіе, что нравственные грѣхи превратились въ гражданскія преступленія, а послѣднія въ проступки противъ совѣсти. Вы помните законы Конектикута. Съ развитіемъ образованія, церковь отдѣлилась отъ государства въ Америкѣ болѣе, чѣмъ гдѣ либо, такъ какъ нынѣ церковь составляетъ частную асоціацію, поддерживаемую добровольными приношеніями; но общественная нравственность сохранила до сихъ поръ въ нѣкоторой степени свой первобытный характеръ, и въ этой странѣ, отличающейся такою ревностью къ свободѣ, государство имѣетъ гораздо большее вліяніе надъ нѣкоторыми частными, индивидуальными дѣйствіями, чѣмъ въ другихъ далеко не республиканскихъ странахъ.

Такъ въ наше время, въ Новой-Англіи воскресный день соблюдается съ гораздо большею строгостью, чѣмъ даже въ Англіи. Это очевидная непослѣдовательность, ибо если предписано святить день Господенъ на основаніи словъ Библіи, то это вмѣшательство государства въ область человѣческой совѣсти; если же просто рабочему классу обезпечивается день отдыха изъ политическихъ видовъ, то странно запрещать всякое удовольствіе, всякое честное препровожденіе времени. И такъ воскресный отдыхъ есть ничто иное, какъ старый обычай, сохраненный съ того времени, когда еще церковь пользовалась политическимъ вліяніемъ. Точно также сохранились и другіе обычаи, которые находятъ оправданіе сами въ себѣ, но корень которыхъ находится въ религіи. Напримѣръ, въ Бостонѣ и по нынѣ проституція и нарушеніе супружеской вѣрности считаются уголовными преступленіями, предусмотрѣнными и караемыми закономъ; противъ пьянства существуютъ также очень строгія мѣры и между прочимъ предупредительныя, что удивило бы насъ въ свободной странѣ, еслибъ мы не знали ея суровыхъ обычаевъ. Для открытія кабака требуется особая привилегія и во всѣхъ штатахъ Новой-Англіи, за исключеніемъ одного, продажа спиртныхъ напитковъ совершенно запрещена.

Подобное вмѣшательство государства въ частную жизнь не мо-

жетъ быть объяснено иначе, какъ первоначальною ролью государства-церкви. Конечно, нынѣ всѣ образованныя націи приписываютъ государству роль верховнаго попечителя, но это попечительство или опека у насъ имѣетъ характеръ совершенно политическій, но американцы смотрятъ на эту роль государства, какъ на нѣчто священное, религіозное и, слѣдовательно, подчиняются съ бо̀льшимъ уваженіемъ, чѣмъ во Франціи, гдѣ свобода часто ничто иное, какъ право каждаго дѣйствовать по своей фантазіи. Въ Новой-Англіи по нынѣ свободу понимаютъ такъ, какъ понималъ ее Винтропъ въ XVII столѣтіи. Это право каждаго на все, что полезно, прекрасно и справедливо, но ничего болѣе; и слѣдовательно этимъ самымъ признается вмѣшательство государства больше, чѣмъ мы съ перваго взгляда могли бы подозрѣвать.

Прибавьте къ этому, что такъ какъ общественная нравственность опредѣлена религіей, то общественное мнѣніе поддерживаетъ ее еще болѣе и строже, чѣмъ законъ. Нарушить законъ не есть только проступокъ или преступленіе, но святотатство; безнравственный человѣкъ считается безбожникомъ. Отсюда является строгость нравовъ въ отношеніи нѣкоторыхъ дѣйствій частной жизни, на которыя мы смотримъ гораздо снисходительнѣе. Такимъ образомъ, частная жизнь и индивидуальная свобода съуживаются опредѣленными границами, что̀ приноситъ прямую пользу гражданской свободѣ. Чѣмъ болѣе сжаты узы нравственныя, тѣмъ слабѣе политическія.

Понятно, что пуританская религія, предоставляя человѣческой мысли широкое поле и въ тоже время строго ограничивая жизнь гражданскую, избѣгла главную опасность философіи, которая часто, освобождая мысль, предаетъ сердце всей распущенности страстей. Легко понять, какъ это общество, столь правильно и строго организованное, было въ тоже время столь свободно и независимо, какъ согласно англійскому изреченію, нѣсколько извращенному въ его смыслѣ, пуритане были свободны по закону и рабы по обычаю, какъ наконецъ одни и тѣже люди требовали отъ закона какъ можно менѣе преградъ, а повиновались слѣпо установленному обычаю. Этотъ характеръ, отличавшій нѣкогда древній Римъ, доселѣ главная черта Новой-Англіи.

Если религія поощряла политическую свободу, то личный характеръ эмигрантовъ также во многомъ ей содѣйствовалъ. Вы знаете, какую главную черту приписываетъ Тацитъ германскимъ племенамъ, черту, тѣмъ болѣе его поразившую, что она прямо противорѣчила римскому генію—это индивидуальная независимость. Германецъ довольствовался самимъ собою и относился съ недовѣріемъ ко всему, что уменьшало свободу, регламентируя ее; потому Тацитъ указываетъ намъ, что германцы не жили въ селеніяхъ, но отдѣльно, гдѣ имъ казалось лучше, ut fons, ut nemus placuit. Эмигранты, принадлежавшіе не къ завоевателямъ нормандской расы, но къ саксонцамъ, перенесли въ Америку эту характеристическую черту своихъ предковъ, которая и по нынѣ встрѣчается въ Германіи. Этимъ вполнѣ объясняется, почему германская раса создана для колонизаціи уединенныхъ, пустынныхъ мѣстностей, тогда какъ наши южныя расы развиваются и дѣйствуютъ только въ массѣ, какъ арміи; уединеніе, пустыня, для насъ смерть.

Въ подобномъ положеніи дѣлъ, естественно значеніе индивидуума, семейства, дома, что̀ объясняетъ намъ то уваженіе домашняго очага, которое такъ развито у англичанъ, и то осо̀бое значеніе, которое они придаютъ слову: *at home* (дома). Въ Англіи каждый частный человѣкъ самъ себѣ верховный господинъ, онъ не рабъ государства, какъ въ древнихъ республикахъ, не онъ созданъ для государства, а государство для него. Точно также онъ не одно изъ колесъ сложной машины, какъ въ соціальныхъ системахъ; онъ существуетъ самъ собою и самъ для себя. Онъ обязанъ передъ обществомъ только тѣмъ, что, строго говоря, можетъ требовать отъ него общественный интересъ. Въ началѣ колоній каждое семейство составляло маленькую, независимую монархію; трудно было требовать многаго отъ фермеровъ, разсѣянныхъ по лѣсамъ и долинамъ, которые питались и одѣвались трудомъ своихъ рукъ, и для которыхъ часто деньги были вещь невѣдомая. Таково и нынѣ положеніе западныхъ штатовъ самыхъ демократическихъ; напримѣръ, Мичиганъ представляетъ намъ вѣрную картину того, чѣмъ были два столѣтія тому назадъ Нью-Гампширъ или Конектикутъ.

И такъ народный характеръ клонилъ американцевъ къ независимости, а образъ жизни содѣйствовалъ къ развитію этого горда-

го духа. Не меньше содѣйствовала этому и система городскихъ общинъ. Эта система, въ продолженіи двухъ вѣковъ составляющая силу Новой-Англіи, вполнѣ заслуживаетъ нашего вниманія, ибо это самая твердая основа американской свободы. Одно изъ главныхъ достоинствъ труда Токвиля заключается въ томъ, что онъ понялъ всю важность этого учрежденія и выказалъ его въ должномъ свѣтѣ.

Соединенные Штаты, какъ указываетъ самое ихъ названіе, составляютъ федерацію, т. е. центральная, верховная власть ограничена и не поглощаетъ мѣстной верховной власти. Кромѣ того, отдѣльные штаты сами организованы внутри какъ союзъ; каждый изъ нихъ можетъ быть названъ федераціей маленькихъ государствъ, самодержавныхъ и независимыхъ въ извѣстныхъ границахъ. Эти маленькія государства или республики носятъ названіе городовъ или городскихъ общинъ (*towns*, *townships*). Такая городская община составляетъ територьяльное дѣленіе какъ французскій кантонъ, и можетъ заключать въ себѣ нѣсколько общинъ. Въ Новой-Англіи она обыкновенно заключаетъ въ себѣ отъ пяти до шести тысячъ квадратныхъ миль и отъ двухъ до трехъ тысячъ жителей. Эти городскія общины нынѣ вполнѣ завѣдываютъ своими внутренними дѣлами и свободно управляются властями, избираемыми народомъ ежегодно, но въ началѣ, во время первой колонизаціи, когда центральная власть была еще слабѣе и общіе интересы еще не выработались, ихъ независимость была еще неограниченнѣе. Каждая изъ этихъ общинъ была маленькой республикой. Если она посылала своихъ представителей въ общій совѣтъ, то лишь для обсужденія немногочисленныхъ дѣлъ общаго интереса, какъ поступаютъ и нынѣ штаты, посылая своихъ депутатовъ въ Вашингтонъ. Съ того времени Америка была организована совершенно противуположно Франціи; у насъ жизнь идетъ отъ центра къ оконечностямъ и государство даетъ права и вольности общинамъ; а въ Новой-Англіи жизнь идетъ отъ оконечностей къ центру, а община уступаетъ государству нѣкоторыя изъ правъ своей верховной власти. Вы не найдете ни одного человѣка въ Америкѣ, который признавалъ бы за государствомъ право вмѣшиваться въ мѣстныя дѣла общинъ; то, что у насъ догматъ, тамъ было бы признано ересью.

Такимъ образомъ политическая свобода въ Новой-Англіи имѣетъ болѣе глубокіе корни, чѣмъ можно было бы заключить изъ чтенія ея конституцій, которыя немногимъ отличаются отъ нашихъ. Она не пользуется только косвеннымъ вліяніемъ на народное представительство, она не волнуется каждые три года общими выборами и, избравъ своихъ представителей, не отрекается отъ своей власти и не впадаетъ въ оцѣпенѣніе; она неусыпно печется и неустанно дѣйствуетъ, но раздѣльно въ ограниченномъ кругу и въ отношеніи интересовъ, понятныхъ каждому гражданину. Другими словами, для лучшаго указанія различія между двумя системами, мы французы стараемся сдержать потокъ либеральныхъ идей, часто наполняемый заблужденіями и злыми страстями и существующій въ каждой свободной странѣ, мы стараемся его сдержать плотиной, которую открываемъ только періодически, но которую часто сносятъ бури и непогоды, а американцы раздѣляютъ этотъ потокъ на множество ручьевъ, которые разносятъ повсюду плодородіе и даютъ новымъ поколѣніямъ только вкусить всѣ благодѣянія свободы.

ЧТЕНІЕ ОДИНАДЦАТОЕ.

Общій характеръ Новой-Англіи (конецъ).

ОРГАНИЗАЦІЯ ГОРОДСКИХЪ ОБЩИНЪ. ВОСПИТАНІЕ. МИЛИЦІЯ.

Мм. Гг.

Изучая общій характеръ Новой-Англіи, мы видѣли, какъ геній расы, условія эмиграціи, форма перваго поселенія, религія, нравственныя идеи, однимъ словомъ, все влекло ее къ развитію свободы и политическаго равенства. Можно сказать, что въ этомъ отношеніи влеченіе было роковое; первоначальное американское обще-

ство не могло быть ничѣмъ инымъ, какъ республикой, въ которой свобода долго должна была оставаться первой и единственной потребностью. Въ обществѣ, занятомъ матерьяльными заботами, безъ капиталовъ, безъ свободнаго времени, отъ ежедневныхъ трудовъ, въ обществѣ, которое своей религіей шло въ совершенный разрѣзъ съ своей старой родиной—не было мѣста для науки, искуства и литературы. Тамъ нечего искать того, что занимало образованные умы во Франціи въ царствованіе Людовика XIV и отвлекало отъ духа свободы, начинавшаго въ тайнѣ проявляться. Въ Америкѣ не могли существовать ни эта роскошь и великолѣпіе, ни удовольствіе и празднества; тамъ не было и войны, которая могла бы дать націи одну цѣль, одинъ интересъ. Колонія была собраніемъ бѣдныхъ, экономныхъ и набожныхъ фермеровъ, не видѣвшихъ ничего выше пріобрѣтенной ими независимости, не понимавшихъ потребностей французской цивилизаціи и, слѣдовательно, думавшихъ только объ удержаніи свободы и распространенія ея какъ въ государствѣ, такъ и въ церкви. Колонія въ то время была тѣмъ же, чѣмъ нынѣ западные штаты, только въ ней религіозное чувство было энергичнѣе и она отличалась меньшими стремленіями и самолюбіемъ.

Мы видимъ теперь тайну политическаго превосходства американскихъ колоній; онѣ перегнали насъ на два столѣтія, но я желаю обратить ваше особое вниманіе на это обстоятельство, чтобы избѣгнуть общаго заблужденія: по политическому превосходству нельзя заключить о высшей степени цивилизаціи.

Цивилизація слово сложное; оно заключаетъ въ себѣ различные элементы: законы, искуство, науку, промышленность, торговлю, извѣстный общественный вкусъ, извѣстные общественные нравы, которые могутъ существовать отдѣльно и въ различныхъ степеняхъ у различныхъ народовъ, и которые элементы каждый самъ по себѣ содѣйствуетъ тому, что называется образованностью даннаго вѣка или данной націи. Такимъ образомъ мы говоримъ, что греческая цивилизація была выше римской въ эпоху, когда римляне покорили грековъ, и, однако, политическія учрежденія Римлянъ были гораздо выше греческихъ. Точно также любовь къ свободѣ, наука и практика общественной жизни гораздо болѣе развиты въ Англіи, чѣмъ во Франціи, Германіи или Италіи; но кто посмѣетъ сказать, что Лондонъ болѣе цивилизованъ,

чѣмъ Парижъ или Флоренція? Тысячи иностранцевъ, стекающіеся ежегодно къ намъ, привлекаемые прелестями болѣе утонченнаго общества, протестовали бы противъ подобнаго предположенія.

Удалите это сравненіе на два столѣтія и вы поймете, что политическая организація пуританъ, бывшая неизмѣримо свободнѣе организаціи Франціи при Людовикѣ XIV или Англіи при Карлѣ II, еще не доказываетъ, чтобы общество въ Америкѣ было бы совершеннѣе или цивилизація развитѣе. Напротивъ, въ лѣтописяхъ Новой-Англіи мы встрѣчаемъ нѣкоторыя событія, доказывающія, что общество тамъ было гораздо менѣе образовано и развито, чѣмъ можно было бы предположить. Такъ, отъ 1688 до 1692 года, масачусетская колонія считала себя преданной дьявольскому наважденію и въ продолженіе четырехъ лѣтъ преслѣдовала колдуновъ, число которыхъ увеличивалось съ усиленіемъ въ судьяхъ вѣры въ колдовство или упрековъ совѣсти. Въ эту эпоху Европа начинала уже отвыкать отъ подобнаго кроваваго безумія, и хотя Монтескье полвѣка спустя говорилъ, что „надо быть очень осторожнымъ въ преслѣдованіи колдовства и ереси“ (¹), достовѣрно, что ни французское, ни англійское общество не представило бы такого страннаго зрѣлища, какъ представлялъ пуританскій фанатизмъ.

Одинаково достовѣрно, что народъ безъ искуства, безъ памятниковъ, безъ исторіи не могъ соперничать въ утонченномъ обращеніи съ французскимъ обществомъ временъ Людовика XIV. Это преимущество мы сохранили до сихъ поръ, благодаря тѣмъ же причинамъ, которыхъ слишкомъ долго было бы здѣсь поименовывать; укажемъ на богатство страны, скопленное вѣками, на досугъ, на классическую литературу, на то воспитаніе, которое передавалось старииннымъ обществомъ отъ отцевъ къ дѣтямъ, на воспоминанія и примѣры прошедшаго, однимъ словомъ, на все что хорошо въ старыхъ націяхъ и что, напримѣръ, въ продолженіи столькихъ вѣковъ удерживаетъ Италію, угнетаемую чужестранцами, на первой ступени между образованными націями.

(¹) Esprit des lois. Liv. XII, chap. V. Comp. chap. VI. «Можно доказать, говоритъ онъ иронически, что такого преступленія не существуетъ.»

Указать на это различіе между политическими учрежденіями и цивилизаціей было необходимо по многимъ причинамъ. Во первыхъ, чтобы не имѣть ложнаго мнѣнія о превосходствѣ Америки, и во вторыхъ, чтобы понять, какъ въ наши дни также какъ въ XVII вѣкѣ, Америка можетъ служить образцомъ Европѣ въ одномъ отношеніи и брать примѣръ съ Европы въ другомъ. Читая въ газетахъ разсказы о нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ и жестокостяхъ, которыя невольно вселяютъ въ насъ отвращеніе, слыша о дуэляхъ въ Арканзасѣ или въ другой новой територіи, куда еще не проникла цивилизація, слыша грустные разсказы о рабствѣ на югѣ, и что еще грустнѣе, слыша изъ устъ служителей Бога оправданіе этого ужаснаго злоупотребленія, вы поймете, что есть причины униженія, которыя не зависятъ отъ политическихъ формъ, и что несправедливо обвинять въ этомъ конституцію. Вы, конечно, вмѣстѣ съ тѣмъ поймете, сколько пользы можетъ принести обоимъ континентамъ взаимная мѣна, я не говорю о мѣнѣ матерьяльной, но нравственной, благодаря которой Франція могла бы заимствовать у Соединенныхъ Штатовъ ихъ политическій духъ, а сама перенесла бы въ Америку духъ общежитія, любовь къ искуствамъ и литературѣ, однимъ словомъ, европейскую цивилизацію.

Это отступленіе быть можетъ завело насъ слишкомъ далеко, но я не сожалѣю, ибо оно прямо относится къ нашему курсу. Я не нахожусь на этой каѳедрѣ для сравненія текстовъ законовъ, ибо если вы усвоили мои идеи, то понимаете, что законы сами по себѣ ничего не говорятъ. Надо узнать характеръ и геній народовъ, ибо они даютъ жизнь учрежденіямъ. Сравнивать обычаи, вкусы, цивилизацію и политическія идеи двухъ странъ — значитъ заниматься сравнительнымъ законодательствомъ въ истинномъ значеніи этого слова. Но возвратимся къ Новой-Англіи. Для удовлетворенія своей любви, своей потребности къ личной независимости, американцы основали свободныя учрежденія, такъ называемое self government (самоуправленіе). Этого слова нѣтъ во французскомъ языкѣ, такъ какъ мы не имѣемъ ничего подобнаго, и самая идея объ этомъ намъ чужда. Самоуправленіе это верховная власть каждаго индивидуума во всемъ, что касается его одного, это верховная власть общины во всемъ что касается ея отдѣльныхъ интересовъ. Чтобъ

защитить и поддержать это драгоцѣнное право, необходимо нѣчто иное кромѣ хартіи. Поэтому, американцы искали гарантіи свободы не только въ распредѣленіи общественныхъ властей; не говоря уже о религіи, два великія учрежденія утвердили свободу въ сердцахъ всѣхъ гражданъ; одно изъ этихъ учрежденій — организація городскихъ общинъ, другое народное воспитаніе.

Въ этихъ обоихъ учрежденіяхъ скрывается вся жизненная сила американской демократіи; въ нихъ надо изучать свободу, чтобы понять, какъ она сдѣлалась для гражданъ Соединенныхъ Штатовъ такою же необходимостію, какъ воздухъ, которымъ они дышатъ.

Мы сказали, что какъ нынѣ, такъ и въ старину каждая городская община была независимою республикою, управляемою выборными властями. Каждый годъ въ маѣ мѣсяцѣ община избирала извѣстное число выборныхъ (*selectmen*) для исполненія своихъ распоряженій. Если въ теченіе года надобно принять какую-либо важную мѣру, то выборные созываютъ общія собранія жителей. Вмѣстѣ съ этими выборными избираются многочисленные муниципальные чиновники: *асесоры* распредѣляютъ налоги; *сборщики* ихъ собираютъ (замѣтьте, что вмѣстѣ съ тѣмъ муниципальные чиновники собираютъ и государственные налоги, тогда какъ у насъ государство уступаетъ общинѣ своихъ сборщиковъ); *констабль* сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ всю полицію; *клеркъ* пишетъ всѣ законы и хранитъ архивъ; *казначей* хранитъ общественныя деньги; прибавьте къ этому еще большое количество комисаровъ (*trustees*), надзирающихъ надъ бѣдными, посѣщающихъ школы, смотрящихъ за дорогами, мѣрами и вѣсами и т. д., не говоря уже о присяжныхъ и полиціи. Вы такимъ образомъ имѣете цѣлое правительство, ежегодно возобновляемое какъ въ римской республикѣ. Замѣтьте при этомъ, что внутреннее управленіе этими мелкими государственными единицами, составляетъ чистую демократію, а не представительную, т. е. во всѣхъ важныхъ вопросахъ не полагаются какъ у насъ на муниципальный совѣтъ, но всѣ жители мужскаго пола и совершеннолѣтніе созываются въ общее собраніе и рѣшаютъ всѣ дѣла, касающіяся одной общины. Дѣла эти значительны: сюда относятся полиція, пути сообщенія, воспитаніе, призрѣніе бѣдныхъ. Однимъ словомъ, американскій муниципалитетъ имѣетъ

гораздо болѣе дѣла, чѣмъ французскій, ибо централизація не такъ сильна и число дѣлъ, относящихся до общихъ государственныхъ интересовъ, менѣе велико, чѣмъ у насъ; вообще община съ сомнѣніемъ и недовѣріемъ дозволяетъ вмѣшательство государства въ свои дѣла. Наконецъ во всемъ, что касается управленія своими дѣлами, община въ Америкѣ пользуется полной свободой, тогда какъ во Франціи права общины очень ограничены. Американская община продаетъ, покупаетъ, занимаетъ, тягается въ судахъ безъ всякаго малѣйшаго вмѣшательства государства; обогащается ли она или бѣднѣетъ, до этого никому нѣтъ дѣла. Однимъ словомъ, у насъ община находится подъ опекой государства; это малолѣтній, котораго опекаютъ, часто очень неудачно и подобно ребенку, которому не дозволяли бы ходить изъ боязни, чтобъ онъ не упалъ. Въ Новой-Англіи община совершеннолѣтняя, пользующаяся всѣми своими правами и отвѣчающая за всѣ свои дѣйствія, ея удѣлъ вся привилегія, но и всѣ опасности свободы.

Трудно себѣ вообразить систему болѣе противоположную нашей и также трудно предположить, чтобы двѣ такія противоположныя системы одинаково благопріятствовали свободѣ. Какъ бы различенъ ни былъ характеръ обоихъ народовъ, нельзя признать, чтобы любовь къ свободѣ была одинаково развита у націи, въ которой центральная власть дѣлаетъ все, пріучая гражданъ къ бездѣйствію, равнодушію и недовѣрію къ себѣ, и въ націи, въ которой каждый гражданинъ чувствуетъ себя отвѣтственнымъ не только за свои дѣйствія, но и за дѣйствія націи.

Наша централизаціонная система, разносящая жизнь отъ центра къ оконечностямъ, имѣетъ очень искусныхъ открытыхъ защитниковъ и еще болѣе тайныхъ партизановъ; она нравится нашему легкомыслію и съ руки всѣмъ честолюбцамъ и теоретикамъ. Это отличная система для крупныхъ интересовъ государства, для арміи, флота и дипломаціи; быть можетъ, она имѣла нѣкогда и смыслъ въ отношеніи администраціи городскихъ и сельскихъ общинъ. Наполеонъ основалъ ее при окончаніи революціи, въ эпоху реакціи противъ всѣхъ крайностей муниципалитетовъ, которые, отнявъ всю власть у центральнаго правительства, разъединили Францію и обратили въ

прахъ всякую тѣнь власти. Благодаря парижской общинѣ, свобода намъ опротивила и на долго.

Наполеонъ считалъ Францію за армію, которой онъ управлялъ по своему усмотрѣнію, и которую одушевлялъ своими идеями, своимъ геніемъ. Между его волей и исполненіемъ не должно было быть никакихъ преградъ; приказъ, изданный императоромъ, долженъ былъ исполняться во всей Франціи немедленно и безпрекословно. Эта система для завоевателя имѣетъ свою силу. Единство, быстрота дѣйствій, сосредоточіе въ рукахъ одного человѣка всѣхъ силъ Франціи — все это можетъ служить могущественнымъ средствомъ нападенія или защиты. Благодаря этому могучему средству можно заставить цѣлую націю служить одной идеѣ, одной страсти, можно заставить народъ отдать своего послѣдняго человѣка и свой послѣдній грошъ — но все это не свобода. Организація арміи можетъ быть организаціей имперіи, но никогда республики. При такой организаціи высоко стоитъ только власть, а для свободы нѣтъ мѣста. Въ арміи это непремѣнное условіе силы и успѣха; въ обществѣ это тиранія, угнетающая и парализирующая гражданъ.

Со времени хартіи 1814 г., Франція чувствовала, что при новыхъ условіяхъ общества и правительства необходимо дать большій просторъ свободѣ; но централизація такое удобное орудіе для правительства и общины такъ долго пребывали въ опекѣ и потеряли истинное сознаніе своихъ интересовъ и потребность свободы, что муниципальная свобода никогда не была дарована вполнѣ и безгранично. Государство всегда сохраняло за собою то право опеки, которое лишаетъ общины чувства отвѣтственности, а эта отвѣтственность первый залогъ свободы, единственная гарантія истиннаго, полезнаго пользованія ей. Конечно, было приступлено къ неизбѣжному освобожденію общинъ отъ правительственнаго гнета, и особливо съ 1830 г. въ томъ отношеніи замѣтенъ дѣйствительный прогрессъ, но съ одной стороны отворачивались отъ совершеннаго освобожденія муниципалитетовъ, а съ другой торговались въ количествѣ избирательнаго права, даруемаго народу, тогда какъ прямой интересъ требовалъ самаго широкаго его примѣненія. Послѣдствіемъ этой политики было то, что нація осталась чуждой своихъ собственныхъ дѣлъ и что нынѣ, когда общая подача голосовъ сдѣла-

ла всѣхъ французовъ гражданами, большая часть народа лишена той политической подготовки, которую даетъ лишь муниципальная жизнь.

Если мы не желаемъ подвергать опасности республику, то должны нынѣ же, не теряя ни минуты, вступить на совершенно новый путь; нельзя предположить, чтобы поселяне, которыхъ до сихъ поръ держали въ совершенномъ невѣжествѣ относительно ихъ собственныхъ мѣстныхъ интересовъ, будутъ разъ въ три года осѣнены небеснымъ наитіемъ для избранія своихъ представителей или главы государства. Въ Новой-Англіи не обманываютъ избирателя; община для него первоначальная школа свободы; благодаря ей онъ не только вкусилъ преимущество свободы, но и привыкъ съ нею обращаться, онъ знаетъ на опытѣ что такое администрація; онъ знаетъ какъ собираются налоги, гдѣ ихъ берутъ и куда ихъ расходуютъ. Онъ видѣлъ, въ чемъ состоятъ условія порядка и общественнаго спокойствія. Ничто не измѣняется, когда онъ переходитъ на болѣе обширную сцену; въ союзѣ, въ штатѣ, въ общинѣ затрагиваются одни и тѣ же вопросы и интересы. У насъ, напротивъ, чему нельзя увѣрить поселянина, который не знаетъ куда идетъ требуемый съ него налогъ, и сомнѣвается, не имѣетъ ли правительство другихъ сокровищъ, кромѣ денегъ гражданъ?

И такъ въ интересѣ республики намъ необходима муниципальная свобода. Она необходима еще ради того права, которое утверждено республикой; ибо республика есть ничто иное, какъ замѣна короля представительнымъ собраніемъ, т. е. замѣна одного государя семью стами пятьюдесятью государями (что представляетъ одну изъ самыхъ отвратительныхъ формъ деспотизма) или она какъ въ Америкѣ означаетъ признаніе всѣхъ правъ человѣка, утвержденіе возможно большей личной свободы и возможно меньшей правительственной власти.

Основной принципъ республики или свободнаго правленія состоитъ въ томъ, что государство не должно вмѣшиваться въ дѣла мѣстныя, а общины въ свою очередь не должны вмѣшиваться въ дѣла частныя. Намъ создаютъ какіе-то общіе интересы, которые не состоятъ изъ суммы интересовъ частныхъ, но какая-то политическая отвлеченность. Это чрезвычайно гибельное заблужденіе, выгодное

лишь для деспотизма меньшинства. Общіе интересы все, что существуетъ внѣ интересовъ мѣстныхъ, и управленіе этими послѣдними принадлежитъ только мѣстнымъ властямъ, т. е. общинѣ. Однимъ словомъ, безъ муниципальныхъ учрежденій нація можетъ провозгласить себя республикой, но она никогда не будетъ пользоваться истинной свободой; она можетъ принять формы и видъ свободнаго правительства, но деспотизмъ, уничтоженный на мгновеніе, всегда всплыветъ на поверхность.

Вотъ исторія Франціи въ продолженіи послѣднихъ семидесяти лѣтъ, ибо семьдесять лѣтъ мы трудимся надъ трудомъ Сазифа (¹). Какъ можно быть народу свободнымъ при энергичной администраціи, слишкомъ склонной заниматься тѣмъ, что до нея не касается, при централизаціи, предающей въ руки чиновниковъ всѣ права и интересы общинъ и, слѣдовательно, лишающей общинъ всякой отвѣтственности, дѣятельности и жизни? Нѣтъ, это химера. На этой пирамидѣ, воздвигнутой деспотизмомъ, не возможно утвердить свободы, которую не поддержитъ такое основаніе. Американцы, напротивъ положили свободу въ основу своего политическаго зданія и поэтому ихъ правительство не можетъ быть иначе какъ демократіей. Такимъ образомъ тиранія не можетъ утвердиться въ странѣ, гдѣ каждый гражданинъ имѣетъ прямой ежедневный интересъ въ поддержаніи общественной свободы, ибо свобода для него не есть право посылать въ столицу депутатовъ, которыхъ онъ не знаетъ и которые будутъ составлять законы, до него не касающіеся; свобода для него—сооруженіе дороги, проходящей мимо его дома, постройка моста, дозволяющаго ему во всякое время вести свои произведенія на рынокъ, или открытіе школы, въ которой будутъ воспитываться его дѣти, однимъ словомъ, это право, которое касается до него также близко, какъ права гражданскія. Не возможно вырвать изъ сердца такого человѣка—любовь и потребность свободы; онъ также стоитъ за свои права гражданина, какъ наши поселяне за свою собственность.

(¹) «Нѣтъ страны, гдѣ страсть къ излишнему властвованію пустила бы такіе глубокіе корни, какъ во Франціи, и гдѣ она принесла бы болѣе вреда», писалъ въ 1798 году Джеферсонъ къ Мадисону.

Къ тому же что бы ни говорили въ пользу централизаціи, легко доказать съ исторіей въ рукахъ, что самыя великія и благоденствующія государства были тѣ, въ которыхъ муниципальная свобода была всего болѣе развита. Когда Италія сіяла славой во главѣ новой цивилизаціи, если не въ эпоху процвѣтанія муниципалитетовъ? Откуда происходитъ богатство Фландріи, какъ не отъ могущества общины? Что дѣлаетъ нынѣ Бельгію одной изъ самыхъ промышленныхъ и свободныхъ странъ континента, если не муниципальная организація, которая поддержала духъ свободы, не смотря на столько различныхъ завоеваній? Когда начался упадокъ Испаніи, какъ не со времени уничтоженія кастильскихъ общинъ? Отчего бискайскія провинціи самыя дѣятельныя и просвѣщенныя въ испанской монархіи, какъ не отъ того, что онѣ сохранили свои *fueros* или муниципальныя привилегіи? Англія, въ которой болѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ странахъ Европы царитъ духъ свободы, одолжена этимъ великимъ завоеваніемъ древности своихъ муниципалитетовъ, почти столь же независимыхъ, какъ и американскіе.

У насъ во Франціи послѣднія муниципальныя вольности были уничтожены въ царствованіе Людовика XIV, то есть при самомъ началѣ деспотизма; однако цѣну ихъ понимали и при Людовикѣ XVI. Мальзербъ (1), за годъ до американской революціи въ 1775 году, говорилъ слѣдующія благородныя, краснорѣчивыя слова:

„У каждаго общества гражданъ оставалось право распоряжаться своими собственными дѣлами, право, которое мы не считаемъ частью первобытной конституціи королевства, ибо оно гораздо древнѣе; это право естественное, право человѣческаго разума. И однако подданные Вашего Величества лишены этого права и я смѣло скажу, что въ этомъ отношеніи администрація впала въ самыя мелочныя крайности.

„Съ тѣхъ поръ, какъ могучіе министры взяли себѣ въ политическій принципъ не дозволять созванія національныхъ собраній, администрація мало по малу пришла къ тому, что всѣ распоряженія жителей каждаго маленькаго селенія объявляются недѣйствитель-

---

(1) Remontrances à la Cour des aides, 1777.

ными, если они не утверждены интендантомъ; такимъ образомъ, если общинѣ предстоитъ сдѣлать какой либо расходъ, то она должна обратиться къ делегату интенданта и, слѣдовательно, принять его планъ, употреблять его рабочихъ и платить имъ, сколько онъ назначитъ. Если община имѣетъ какой либо процесъ, то она должна получить согласіе интенданта на его веденіе, должна такимъ образомъ прежде, чѣмъ обратиться въ судъ, выиграть свое дѣло въ этомъ первомъ трибуналѣ, и если мнѣніе интенданта противоположно мнѣнію общины, или если ея противникъ пользуется расположеніемъ интенданта, то община теряетъ всякое право защищать свои права.

„Вотъ, государь, какими средствами старались уничтожить во Франціи всякій муниципальный духъ и, если возможно, задушить чувства гражданина; такимъ образомъ, нація во всемъ своемъ объемѣ лишена была права способности и отдана въ опеку."

И такъ исторія и разумъ одинаково доказываютъ, что народъ не можетъ быть свободнымъ и благоденствовать иначе, какъ если свобода пустила глубокіе корни въ муниципальныхъ учрежденіяхъ. Пока этого нѣтъ, существуютъ управляемые, управители, но нѣтъ гражданъ.

Другое учрежденіе, характеризующее Новую-Англію, это значеніе, придаваемое ею народному воспитанію. Безспорная слава протестантства, что его основатели признали съ самаго начала важность и святость образованія. Особливо Лютеръ понялъ какая сила заключается въ подобномъ рычагѣ. Перевесть Библію, распространить ее повсюду и сдѣлать умъ каждаго человѣка способнымъ для принятія ея святыхъ истинъ—эта мысль была его постоянной заботой и первымъ условіемъ реформы. Поэтому онъ и говорилъ о воспитаніи съ тѣмъ жаромъ, который онъ выказывалъ во всемъ, что касалось религіи.

„Я желалъ бы, говоритъ онъ: — чтобъ никто не былъ назначаемъ проповѣдникомъ, если онъ прежде не былъ школьнымъ учителемъ..... Трудъ учителя великъ, хотя міръ вовсе его не цѣнитъ.... Еслибъ я не былъ проповѣдникомъ, то нѣтъ положенія, которому я предпочелъ положеніе учителя; не надо обращать вниманія на то, какъ свѣтъ цѣнитъ и оплачиваетъ его труды, но

какъ Богъ ихъ цѣнитъ и вознаградитъ въ день страшнаго суда."

Лютеръ и его ученикъ Меланхтонъ были въ Германіи истинными основателями народнаго воспитанія; ихъ идеи до сихъ поръ живутъ въ школахъ и правительствахъ Германіи.

Но если реформа дала первый толчекъ народному воспитанію, то политика довершила это святое дѣло; въ Америкѣ поняли, что тамъ, гдѣ индивидуумъ верховный господинъ, первый интересъ націи, чтобъ каждый гражданинъ былъ образованъ.

Въ 1647 году, масачусетское общее собраніе издало законъ о воспитаніи, законъ чрезвычайно либеральный. Это впрочемъ очень понятно, такъ какъ не надо забывать, что колонія состояла вообще изъ людей образованныхъ, которые добровольно избрали свою религію, что̀ свидѣтельствуетъ объ умственной силѣ, неразлучной спутницѣ серьезнаго воспитанія. Мотивъ закона странный, но онъ удивитъ насъ гораздо менѣе теперь, когда мы знаемъ, что у пуританъ религія всегда была внѣшней оболочкой свободы.

„Имѣя въ виду, говорится въ вступленіи къ закону, что сатана, врагъ человѣческаго рода, находитъ самое могущественное оружіе для своихъ козней въ невѣжествѣ людей и необходимо, чтобъ знаніе не было погребено въ могилахъ нашихъ отцевъ; имѣя въ виду, что воспитаніе дѣтей одна изъ первыхъ заботъ и обязанностей государства, мы постановили и пр. и пр."

Вслѣдъ за этимъ вступленіемъ идутъ статьи закона, по которымъ каждая община, имѣющая пятьдесятъ отдѣльныхъ хозяйствъ, обязана содержать учителя для обученія дѣтей чтенію и письму; каждая община въ сто хозяйствъ должна имѣть школу грамматическую, т. е. латинскую съ учителемъ, достаточно свѣдущимъ для приготовленія молодыхъ людей къ университету. Муниципальныя власти обязаны наблюдать, чтобы родители посылали своихъ дѣтей въ школу.

„Не одинъ братъ гражданинъ, говоритъ законъ, не долженъ терпѣть, чтобъ въ семействахъ существовало такое варварство, какъ необученіе дѣтей и учениковъ читать по англійски" (1).

---

(1) Bancroft. I. 458

Муниципальныя власти имѣютъ право подвергать штрафу тѣхъ родителей, которые не исполняютъ этой обязанности къ своимъ дѣтямъ и если ихъ упорство продолжается, то общество, заступая мѣсто семейства, беретъ дѣтей на свое попеченіе и лишаетъ родителей того права, которое имъ дала природа, но которымъ они не хотятъ или не умѣютъ пользоваться.

И они правы эти первые законодатели! Я никогда не понималъ опозиціи обязательному первоначальному воспитанію; подъ обязательнымъ первоначальнымъ воспитаніемъ я понимаю обязанность каждаго отца семейства, какъ принято въ Пруссіи, посылать своихъ дѣтей въ безплатную школу. Кажется ясно, что нельзя дозволить никакому члену общества держать будущаго гражданина въ невѣжествѣ и варварствѣ и такимъ образомъ подготовлять врага обществу (1). Право отца на воспитаніе сына конечно священно, но это право надзора и болѣе ничего. Онъ можетъ воспитать своего сына, какъ ему угодно, но не можетъ лишить его всякаго воспитанія и оставить въ невѣжествѣ. Если въ дѣлѣ воспитанія каждый отецъ по отношенію къ государству имѣетъ права, то по отношенію къ своимъ дѣтямъ, онъ имѣетъ обязанности; и государство, принуждая отца посылать дѣтей въ школу, исполняетъ свой долгъ, заступаясь за этихъ самыхъ дѣтей.

Это покровительство и поощреніе народнаго образованія никогда не прекращались въ Новой-Англіи; это ея честь и слава. Поэтому она въ отношеніи распространенія первоначальнаго воспитанія занимаетъ первое мѣсто въ ряду современныхъ народовъ; она стоитъ даже выше Пруссіи, которая такъ хвалится своими значительными пожертвованіями въ пользу народнаго образованія (2).

(1) Другой вопросъ, необходимо ли и умѣстно ли введеніе обязательнаго воспитанія. Тутъ уже вопросъ не права, но удобства. Я полагаю, что обязательное воспитаніе должно быть введено только, когда будетъ доказано, что безплатность обученія не достаточна для побужденія родителей отдавать въ школы своихъ дѣтей.

(2) Я нахожу въ офиціальномъ отчетѣ за 1832 г., что въ ста общинахъ Масачусета, имѣющихъ 200,000 жителей, найдено было только десять молодыхъ людей отъ 14—20 лѣтъ, которые не умѣли читать.

Система первоначальнаго обученія совершенно разнится отъ нашей и заслуживаетъ основательнаго изученія. Законы штата опредѣляютъ minimum школъ и налога для ихъ поддержанія, но все остальное относится до общины, хотя понимая, какъ въ Англіи, необходимость нѣкотораго общаго надзора, Масачусетъ имѣетъ центральный комитетъ для надзора за школами. Такимъ образомъ воспитаніе изъ вопроса общиннаго переходитъ въ вопросъ провинціальный, но и тутъ провинціи предоставлено только нравственное вліяніе, а штатъ вовсе не вмѣшивается въ дѣло воспитанія. Американцы боятся, чтобы вмѣшательство государства не охладило рвеніе гражданъ.

Мы видѣли, что штатъ дѣлится на городскія общины и этимъ общинамъ предстоитъ содержать на свой счетъ школы. Для этого собираются всѣ жители и вотируютъ налогъ на собственность для удовлетворенія школьнаго бюджета. Община въ отношеніи народнаго образованія раздѣляется на извѣстное число округовъ, смотря по ея величинѣ и народонаселенію; въ каждомъ такомъ округѣ находится воспитательный комитетъ, который получаетъ, изъ общей суммы налога, часть, соразмѣрную съ количествомъ дѣтей, нуждающихся въ воспитаніи. Этотъ комитетъ избираетъ мѣсто для школы, назначаетъ учителя и выбираетъ книги и методы, если въ этомъ отношеніи онъ не вполнѣ полагается на учителя; однимъ словомъ комитетъ отвѣчаетъ общинѣ за исправность мѣръ, принятыхъ къ распространенію народнаго образованія. Въ каждомъ округѣ находится по крайней мѣрѣ одна школа съ двумя классами; въ нижнемъ, предназначенномъ для маленькихъ дѣтей, обыкновенно занимается учительница, а въ верхнемъ, завѣдуемомъ мужчиной или женщиной, обучаютъ болѣе взрослыхъ дѣтей чтенію, письму, ариѳметикѣ, грамматикѣ, исторіи и географіи. Что же касается до преподаванія религіи, то она вовсе не входитъ въ программу школъ, содержимыхъ общинами; и трудно было бы поступать иначе въ странѣ, гдѣ столько различныхъ сектъ.

Не входя въ обсужденіе этой системы съ точки зрѣнія технической, я удовольствуюсь замѣчаніемъ, что въ результатѣ она отличается большимъ преимуществомъ и большимъ неудобствомъ. Неудобство состоитъ въ неопредѣленномъ положеніи учителя, завися-

щаго отъ мѣстнаго комитета и часто преслѣдуемаго мѣстными мелочными страстями. Это зависимое положеніе удаляетъ отъ учительскихъ мѣстъ многихъ людей, которые могли бы принести большую пользу и это зло устранено въ Масачусетѣ учрежденіемъ центральнаго комитета. Преимущество этой системы заключается въ участіи женщинъ въ первоначальномъ воспитаніи, что́ въ странѣ, гдѣ время дорого, дозволяетъ начинать воспитаніе гораздо раньше, чѣмъ обыкновенно. По общему сознанію учительницы въ Америкѣ гораздо внимательнѣе, добросовѣстнѣе и преданнѣе своему дѣлу, чѣмъ учителя. Поэтому въ Масачусетѣ двѣ трети школъ содержатся женщинами. Конечно, не надо забывать, что воспитаніе совершенно особое занятіе и скорѣе относится къ религіи, чѣмъ къ простому ремеслу.

Перейдемъ теперь къ политическимъ преимуществамъ этой системы надъ нашей, преимущества, которыя мы могли бы очень легко себѣ усвоить для приданія новой жизни нашимъ общинамъ.

Первое изъ этихъ преимуществъ заключается въ томъ, что народъ принимаетъ прямое участіе въ дѣлѣ воспитанія. Онъ вотируетъ въ общинномъ собраніи школьный бюджетъ, онъ расходуетъ его че́резъ посредство своихъ комитетовъ и пользуется имъ черезъ посредство своихъ дѣтей. Все управленіе школами находится исключительно въ его рукахъ. И замѣтьте, благодаря закону, обезпечивающему право штата опредѣлять *minimum*, община можетъ дѣлать болѣе, чѣмъ требуетъ законъ (что обыкновенно и бываетъ), но не менѣе. Если изъ какихъ либо эгоистическихъ разсчетовъ она не исполнитъ предписаній закона, то каждый отецъ можетъ привлечь общину къ суду и заставить ее заплатить немедленно штрафъ; эта мѣра быстрая и вѣрная.

Другое преимущество этой системы заключается въ томъ, что всѣ издержки по содержанію школы платитъ не отецъ, посылающій въ нее своихъ дѣтей, но всѣ собственники даннаго округа (1).

---

(1) Этотъ налогъ облегченъ въ новыхъ штатахъ, гдѣ при созданіи новыхъ територій тридцать шестая часть каждой общины (640 акровъ) назначается на содержаніе школъ. Бываютъ также и большія пожертвованія. Такъ Конектикутъ назначилъ на народное воспитаніе капи-

Это постановленіе сдѣлано исключительно въ пользу бѣдныхъ. Замѣчено, что вообще пятая часть жителей платитъ половину налога, посылая въ школу менѣе шестой части всѣхъ дѣтей. Такимъ образомъ налогъ въ пользу школъ составляетъ въ сущности налогъ на богатыхъ для воспитанія дѣтей бѣдныхъ. Это дѣло одинаково полезное обѣимъ сторонамъ. Бѣдный получаетъ отъ общества высшее благодѣяніе — образованіе, т. е. средства къ жизни, удерживающее его отъ нищеты и преступленія; богатый вознаграждается сознаніемъ, что общество, въ которомъ образованіе распространено между всѣми членами, обезпечено отъ волненій, неизбѣжно грозящихъ всякой республикѣ съ невѣжественнымъ населеніемъ. Кромѣ того, уплачивая довольно возвышенный налогъ для хорошаго содержанія школъ, богатый посылаетъ туда и своихъ дѣтей, которыя приходятъ въ постоянное ежедневное столкновеніе съ дѣтьми бѣдныхъ, и такимъ образомъ достигается безъ всякаго насилія то равенство въ воспитаніи, которое древніе считали необходимымъ для республики и первымъ условіемъ свободнаго государства. Извѣстно, что объ этомъ мечтали наши реформаторы во время конвента.

Мы видимъ, что свобода даетъ американцамъ то общее равное воспитаніе, которое Лепельтье считалъ возможнымъ только при насильственномъ отнятіи дѣтей у родителей. Безумецъ, онъ уничтожалъ семейства для гадательной еще пользы республики, какъ будто семейство не такое же божественное учрежденіе, какъ государство, какъ будто эти оба учрежденія не имѣютъ естественныхъ условій существованія, другъ другу споспѣшествующихъ, а не вредящихъ. Новое доказательство, что нѣтъ развитія, котораго нельзя было бы достигнуть путемъ свободы и что напротивъ никакого развитія нельзя достигнуть путемъ насилія. Въ этомъ и заключается различіе между политическимъ дѣятелемъ и мечтателемъ! Когда человѣкъ требуетъ пять лѣтъ деспотизма для утвержденія свободы, то будьте увѣрены, что этотъ человѣкъ, хоть называйся

талъ въ два милліона долларовъ, вырученный отъ продажи государственной земли на берегу озера Еріе въ Огіи.

онъ Тюрго, не государственный дѣятель, желающій просвѣтить и устроить существующее общество, но теоретикъ, мечтающій объ утопическомъ обществѣ.

Американцы Новой-Англіи, люди положительные и практическіе, принесли значительныя жертвы въ пользу народнаго воспитанія. Они поняли съ перваго дня, что народное воспитаніе было для республики вопросомъ жизни и смерти. Потому только, что здѣсь дѣло шло объ общемъ интересѣ, эти люди, предоставляющіе частнымъ лицамъ поддержку религіи и множество другаго, что мы относимъ къ заботамъ государства, не хотѣли, чтобъ народное воспитаніе было на мгновеніе въ упадкѣ и потому объявили его первою обязанностью общины.

Вотъ въ какихъ выраженіяхъ одинъ изъ величайшихъ ораторовъ Америки Вебстеръ говоритъ о школахъ новаго континента, которымъ онъ обязанъ своимъ воспитаніемъ и которыя могутъ имъ по истинѣ гордиться. Въ 1821 году, когда Масачусетъ произвелъ реформы въ своей конституціи, Вебстеръ изложилъ передъ конвентомъ тѣ принципы первоначальнаго воспитанія, которыми руководствовалась постоянно Новая-Англія.

„Въ отношеніи свободныхъ школъ, сказалъ онъ между прочимъ:—Новая-Англія имѣетъ право на особую славу. Она съ перваго дня признала и постоянно поддерживала тотъ принципъ, что государство имѣетъ безспорно право и строгую обязанность заботиться о воспитаніи молодаго поколѣнія. То, что въ другихъ странахъ предоставляется случаю или щедрости частныхъ лицъ, мы обезпечиваемъ закономъ. Когда дѣло касается до народнаго образованія, то мы утверждаемъ, что каждый гражданинъ обязанъ платить налогъ соразмѣрно своему состоянію и мы вовсе не заботимся о томъ, имѣетъ ли онъ дѣтей, которыя могутъ воспользоваться воспитаніемъ, поддерживаемымъ его деньгами. Въ нашихъ глазахъ эта система мудрая и либеральная, обезпечивающая въ одно и то же время собственность и жизнь гражданъ и спокойствіе всего общества. Мы стараемся предупредить въ извѣстной степени примѣненіе уголовныхъ законовъ, внушая гражданамъ съ малолѣтства здравые принципы, охраняющіе добродѣтель и общество. Развивая умъ и расширяя область интелектуальныхъ наслажденій въ молодежи, мы

надѣемся пріучить гражданъ уважать себя и надѣяться только на себя. Распространеніемъ общаго образованія мы стремимся на сколько возможно очистить нравственную атмосферу, дать перевѣсъ добру и отвратить отъ безнравственности и преступленія общее теченіе мысли и мнѣній, содѣйствуя такимъ образомъ угрозамъ закона и повелѣніямъ религіи. Развивая нравственное чувство гражданъ, доставляя торжество свѣтлымъ принципамъ, мы надѣемся найти гарантію для общества внѣ и выше законовъ, мы надѣемся продлить то время, когда въ селеніяхъ и фермахъ Новой-Англіи мирно, безопасно спали при незапертыхъ дверяхъ. Зная, что наше правительство прямо и непосредственно зиждется на народной волѣ, мы стараемся дать этой волѣ хорошее и вѣрное направленіе.

„Мы конечно не разсчитываемъ, чтобъ всѣ наши ученики стали философами и администраторами, но мы надѣемся, и наша вѣра въ прочности нашего правительства основана на этой надеждѣ, что распространеніе просвѣщенія и нравственныхъ, справедливыхъ чувствъ защитить политическое зданіе также хорошо отъ открытаго насилія и внезапной гибели, какъ и отъ тайнаго, подземнаго, но не менѣе разрушительнаго дѣйствія распущенности нравовъ“ (1).

Послѣ муниципальныхъ учрежденій и народнаго воспитанія, намъ остается только сказать нѣсколько словъ о милиціи, которая во всѣ времена считалась американцами одной изъ главнѣйшихъ гарантій свободы.

Милиція составляетъ то, что у насъ во Франціи называется національной гвардіей, съ тою только разницею, что въ Америкѣ милиція не есть добавленіе арміи для внутренней защиты, но сама армія. Американцы никогда не хотѣли имѣть постоянной арміи, хотя бы она состояла изъ гражданъ. Въ мирное и въ военное время, они одинаково предоставляютъ самимъ себѣ работу охранять родину; это дѣло всѣхъ, для всѣхъ.

Я не хочу касаться вопроса столь спорнаго о томъ, совмѣстна ли свобода съ постоянной арміей; ясно, что это вопросъ сложный, который не можетъ быть повсюду разрѣшенъ одинаково. Тутъ

(1) Encyclopedia americana.—Art.—United States (Education).

необходимо принять въ соображеніе географическое и политическое положеніе страны, направленіе умовъ, характеръ народа. Англія, окруженная морями и защищенная своими пловучими твердынями, находится въ иномъ положеніи, чѣмъ Франція, окруженная народами, съ которыми она часто воевала, и легко понять, что Соединенные Штаты, не имѣя другихъ сосѣдей какъ Канаду и бывшія испанскія колоніи, болѣе боящихся ихъ, чѣмъ опасныхъ для нихъ, не нуждаются въ постоянной арміи. Я теперь хочу только доказать, что американцы, какъ всѣ свободные народы, считали постоянную армію опасностью и что они предоставили себѣ, какъ первое условіе гражданина, право носить оружіе и защищать свою родину и свободу.

Впрочемъ, древніе точно также смотрѣли на этотъ вопросъ. Въ Римѣ, напримѣръ, во все время республики, не было постоянной арміи, и довѣріе къ солдатамъ шло такъ далеко и такъ ревностно желали не имѣть въ городѣ другой власти, какъ власть законовъ, что принимали мѣры даже противъ гражданъ. Хотя армія состояла только изъ римлянъ и то римлянъ-собственниковъ, народъ боялся, чтобы честолюбцы не воспользовались уваженіемъ къ власти и послушаніемъ двумя добродѣтелями, которыя были доведены до крайностей жителями вѣчнаго города. Поэтому въ Римѣ никогда не стояли солдаты; вооруженные граждане собирались внѣ стѣнъ города. Точно также никогда въ городѣ не могъ быть главнокомандующій арміей. Однажды, получивъ власть, *imperium*, согласно особому закону, консулъ или преторъ не могъ возвратиться въ Римъ, не отрекшись отъ своего званія; и чтобъ тріумфаторъ вошелъ въ капитолій, въ своихъ военныхъ доспѣхахъ и окруженный войсками, необходимъ былъ декретъ сената или народа. Мы видимъ, что римляне понимали, что свобода требуетъ осторожнаго обращенія съ нею; опытъ доказалъ, что ихъ боязнь постоянныхъ армій была основательна. Какъ только римская армія стала наполняться людьми, не имѣвшими собственности и для которыхъ война была ремесломъ, обѣщавшимъ богатую добычу, Риму измѣнили тѣ, которые должны были его охранять; Марій и Силла спорили за обладаніе имъ, а ихъ преемники боролись за его трупъ.

Въ Англіи другія причины, но тоже любовь къ свободѣ при-

вели къ подобнымъ же результатамъ (1). Въ феодальныя времена, военная служба исполнялась поземельными собственниками; эта служба была ограниченная, условная, которая доказывала свободу того, который ее исполнялъ. Впослѣдствіи общины завоевали себѣ мѣсто въ феодальной системѣ. Въ продолженіи долгихъ войнъ съ Франціей, Англія принесла намъ всего болѣе вреда своей милиціей и своими *yeomen*. Въ Англіи не было никогда постоянной арміи, за исключеніемъ парламентской при Карлѣ I и она то произвела революцію. Она умертвила короля, унизила дворянство, разорила церковь и кончила тѣмъ, что дала Кромвелю болѣе чѣмъ королевскую власть. Поэтому съ реставраціей снова возобновляется ненависть англичанъ къ постоянной арміи. Единственная военная сила, которую признавалъ законъ, была милиція, нѣчто въ родѣ *ландвера*, содержимаго собственниками. Эта милиція собиралась для военныхъ упражненій разъ въ годъ на двѣ недѣли; и остряки, особливо придворные, любовавшіеся во время своего изгнанія арміей Людовика XIV, не щадили насмѣшекъ надъ неповоротливыми поселянами. Нѣтъ эпиграммы противъ нашей національной гвардіи, которую Драйденъ не написалъ два вѣка тому назадъ противъ англійской милиціи (2); но это не мѣшало ей пользоваться всеобщей популярностью. Народъ слишкомъ много терпѣлъ отъ красныхъ мундировъ Кромвеля и слишкомъ боялся примѣра Франціи, чтобъ учредить постоянную армію.

Этимъ объясняется, какъ принцъ Оранскій съ горстью людей свергнулъ съ престола Іакова II и какъ Карлъ Эдуардъ надѣялся завоевать престолъ своихъ отцевъ съ нѣсколькими тысячами французовъ и испанцевъ. Весь вопросъ состоялъ въ томъ, чтобъ имѣть за себя народъ; то небольшое количество солдатъ, которое находилось подъ знаменемъ, не могло ничего противъ народной воли.

---

(1) Macaulay.—History of England, chap. III.

(2) Dryden. — Cymon and Iphigenia.

«Mouth without hands, maintained at vast expense,
In peace a charge, in war a weak defense.
Stout once a month they march, a blustering band,
And ever, but in time of need at hand».

Къ тому же армія никогда не была популярна въ Англіи; только со времени войнъ съ Наполеономъ, общественное мнѣніе помирилось съ этимъ учрежденіемъ. Характеръ націи чисто гражданскій, тогда какъ во Франціи, онъ чисто военный, что достаточно объясняетъ судьбу свободы въ той и другой странѣ. Это не значитъ, чтобъ наши сосѣди менѣе думали о своемъ національномъ величіи, но они знаютъ, что вся сила Англіи заключается въ ея корабляхъ и что эта сила, чисто внѣшняя, не можетъ никогда питать честолюбивыхъ плановъ, и обратиться противъ страны. Это орудіе защиты противъ враговъ, но не угроза противъ свободы.

Эти идеи перенесены были за океанъ первыми эмигрантами. Они просили у метрополіи покровительства, а сами защищали себя отъ индѣйцевъ, французовъ и испанцевъ. Въ нашей борьбѣ съ англичанами въ Новомъ Свѣтѣ всего болѣе намъ причиняли вреда эти провинціальныя милиціи. Во главѣ ихъ и противъ насъ впервые отличался Вашингтонъ; наконецъ они вынесли на себѣ войну за независимость и съ нашей помощью изгнали англичанъ съ континента. Генералы въ войнѣ за независимость были адвокаты, фермеры, кузнецы; тоже самое можно сказать и о солдатахъ. Понятно, что при подобныхъ воспоминаніяхъ милиціи остались популярными въ Соединенныхъ Штатахъ и никто не желаетъ другой военной организаціи. Постоянная армія, очень незначительная (1), разсѣяна по границамъ для охраны страны отъ индѣйцевъ и не имѣетъ никакого значенія или вліянія, хотя офицеры, вышедшіе изъ вестъ-поинтской академіи, очень искусные и ученые стратеги. За то тамъ, какъ въ Швейцаріи, граждане считаютъ для себя славой и гордостью играть въ солдаты, упражняться въ военномъ дѣлѣ.

---

(1) Въ 1854 г. постоянная армія состояла изъ 10,248 чел. —Примѣч. автора.

Во время войны съ югомъ отъ 61—65 г. армія Соединенныхъ Штатовъ увеличилась до 2.653,062 или около четвертой части всего народонаселенія Сѣверныхъ Штатовъ. Южные же Штаты имѣли почти во все продолженіе войны армію въ 400,000. Послѣ пораженія южанъ ихъ армія была распущена и сѣверная также уменьшена постепенно такъ, что 1 янв. 1869 г. она состояла изъ 43,000 чел.—Прим. перев.

Этимъ объясняется какъ во время мексиканской экспедиціи нашлось столь большое количество волонтеровъ, отважныхъ и искусныхъ въ военномъ ремеслѣ. Если въ Америкѣ и нѣтъ арміи, то есть солдаты.

Въ противоположность французамъ, американцы придаютъ серьезное значеніе въ мирное время національной гвардіи и понимаютъ въ чемъ состоятъ ея обязанности. Они знаютъ, что она обязана поддерживать общественный порядокъ и уваженіе законовъ; поэтому въ трудныя минуты обходятся они съ мятежниками съ самою крайнею строгостью. Это народное правосудіе, которое, не имѣя отвѣтственности, не жалѣетъ тѣхъ, которые ему сопротивляются. У насъ во Франціи, гдѣ нѣтъ политическихъ нравовъ и уваженія къ закону, этого перваго условія свободнаго правленія, національная гвардія только сила общественнаго мнѣнія; такимъ образомъ согласно тому, что общественное мнѣніе право или заблуждается, національная гвардія служитъ великолѣпнымъ орудіемъ защиты, или измѣняетъ тѣмъ, въ рукахъ которыхъ она находится. Напротивъ, въ Соединенныхъ Штатахъ, милиція исполняетъ роль полиціи и поддерживаетъ девизъ всякой республики—*порядокъ* и *свободу.*

И такъ мы видимъ, какіе глубокіе корни пустила свобода въ странѣ, которую поверхностные путешественники судятъ слишкомъ легкомысленно. Обращая вниманіе лишь на борьбу партій, на ссоры журналовъ, на видимую слабость штатовъ и центральнаго правительства, можно сомнѣваться въ долговѣчности республики. Но всякій, кто видѣлъ на какихъ широкихъ и твердыхъ основахъ зиждется американское общество, не можетъ безпокоиться о свободѣ Соединенныхъ Штатовъ и, конечно, пожелаетъ Франціи заимствовать у Америки, на сколько это согласно съ ея характеромъ, не формы, не имѣющія никакого значенія, но тотъ духъ, который даетъ силу и величіе американскому обществу, то самоуправленіе, которое обезпечиваетъ порядокъ, свободу и независимость.

Примѣчаніе. Принципы, составляющіе свободу въ Соединенныхъ Штатахъ и разсмотрѣнные нами въ чтеніяхъ 10 и 11-мъ, великолѣпно резюмированы въ письмѣ Джона Адамса, писанномъ въ 1782 г. и напечатанномъ въ 1787 г. въ видѣ послѣсловія къ его извѣстному сочиненію: «Defense of the Constitutions of Government of the United-States of America». Это письмо, въ которомъ Джонъ Адамсъ съ ловкостью, достойной Франклина, подымая на смѣхъ притязанія абата Мабли, вполнѣ доказываетъ, что американцы въ то время были гораздо развитѣе въ теоріи и практикѣ свободы. Во Франціи обыкновенно вѣрятъ болѣе въ счастіе, чѣмъ въ мудрость американцевъ и англичанъ; это заблужденіе объясняется нашимъ невѣжествомъ. Еслибы вмѣсто того, чтобы сочинять новыя системы и презирать опытъ, подобно абату Мабли, мы принялись бы за изученіе исторіи и учрежденій другихъ странъ, то быть можетъ, мы перестали бы представлять міру грустное зрѣлище народа, вѣчно бросающагося въ объятія то анархіи, то деспотизма, народа, который смѣшиваетъ любовь свободы съ страстью къ революціямъ.

Вотъ письмо Адамса и предшествующія ему размышленія; послѣднія написаны въ оригиналѣ по-англійски, а самое письмо по-французски.

Размышленія Джона Адамса.

«Иностранные газеты и журналы разнесли по всему свѣту вѣсть, что Соединенные Штаты Америки обратились къ абату Мабли за совѣтами и помощью для составленія кодекса законовъ. Нужно ли говорить, что это одно изъ тѣхъ лживыхъ извѣстій, которыя миліонами печатаются объ американскихъ дѣлахъ, въ чемъ, конечно, убѣдится потомство. Абатъ Мабли самъ въ своихъ Observations говоритъ, что я выразилъ желаніе узнать его мнѣніе. Это справедливо, но надо знать въ какой формѣ было мною выражено это желаніе, чтобы тѣ, которые придаютъ этому значеніе, поняли въ какомъ смыслѣ я говорилъ. Прибывъ въ Парижъ въ октябрѣ 1782 г. по случаю заключенія мира, я случайно прочелъ книгу абата Мабли: «Sur la manière d'écrire l'histoire». Въ концѣ этого сочиненія онъ заявляетъ свое намѣреніе написать исторію американской революціи. Вскорѣ послѣ этого за обѣдомъ у откупщика де-Шалю, я встрѣтилъ своихъ друзей абатовъ Шалю и Арнове, которые объявили мнѣ, что ихъ другъ Мабли, предполагая писать исторію американской исторіи, былъ бы мнѣ очень обязанъ, еслибы я сообщилъ ему извѣстные мнѣ факты или документы. Они спросили у Мабли, какую часть революціи онъ хотѣлъ писать? Онъ отвѣчалъ всю. На вопросъ же, какіе матеріалы онъ собралъ, онъ заявилъ, что считаетъ совершенно достаточнымъ матеріаломъ—газеты, печатные документы и нѣкоторыя, имѣющіяся у него частныя свѣдѣнія. Я за-

мѣтилъ, что подобный трудъ встрѣтитъ много препятствій и вообще не соглашался съ этимъ планомъ, поэтому у насъ завязался горячій разговоръ, но такъ какъ говорили по-французски и я, быть можетъ, не понималъ нѣкоторыхъ тонкостей, мои собесѣдники предложили мнѣ изложить свои мысли на бумагѣ. Вслѣдствіе этого черезъ нѣсколько дней я написалъ абату Мабли нижеслѣдующее письмо, которое одинъ изъ моихъ пріятелей перевелъ на французскій языкъ. Вы увидите изъ этого письма, что моя просьба къ Мабли писать объ американскихъ дѣлахъ была только простой учтивостью и выражала скорѣе не формальное приглашеніе, но сожалѣніе о томъ, что онъ рѣшается писать исторію безъ необходимой къ тому подготовки.

«Конечно, мы будемъ очень благодарны всякому, кто окажетъ намъ въ Европѣ честь выразить о нашихъ дѣлахъ свое мнѣніе; но вообще теорія управленія также хорошо знакома Америкѣ, какъ и Европѣ, и между американцами многіе понимаютъ всѣ необходимыя условія свободнаго правленія гораздо лучше абата Мабли или Тюрго, не смотря на всю любезность, умъ и знанія этихъ господъ.

Письмо къ абату Мабли.

«Я съ удовольствіемъ узналъ о вашемъ намѣреніи писать объ американской революціи, ибо ваши сочиненія, пользующіяся большимъ уваженіемъ между американцами, заключаютъ въ себѣ изложеніе юридическихъ, политическихъ и дипломатическихъ принциповъ, вполнѣ согласныхъ съ ихъ возрѣніями; такъ что вы не можете ничего написать объ этомъ предметѣ, что не послужило бы на пользу публикѣ и особливо моимъ согражданамъ. Но я надѣюсь, что вы не обвините меня въ самоувѣренности, афектаціи или чудовищной странности, если я рѣшусь высказать вамъ мое мнѣніе, что еще слишкомъ рано писать полную исторію этого великаго событія, что нѣтъ ни одного человѣка въ Европѣ или Америкѣ, который въ настоящее время былъ бы въ состояніи исполнить этотъ трудъ и имѣлъ бы необходимые для этого матеріалы.

«Для подобнаго сочиненія, писателю необходимо раздѣлить исторію Америки на нѣсколько періодовъ:

1) Отъ перваго основанія колоній въ 1600 до начала распри съ Великобританіей въ 1761.

2) Отъ начала распри съ Великобританіей (происшедшей по поводу приказа, даннаго англійскимъ управленіемъ торговлей и плантаціями таможеннымъ чиновникамъ въ Америкѣ о строгомъ исполненіи торговыхъ постановленій и объ обращеніи въ случаѣ нужды за помощью судебныхъ мѣстъ) до начала военныхъ дѣйствій 19-го апрѣля 1775 г. Въ продолженіи этого четырнадцатилѣтняго періода борьба происходила только на бумагѣ и перьями.

3) Отъ Лексингтонской битвы до заключенія трактата съ Франціей 6-го февраля 1778. Въ продолженіи этого трехлѣтняго періода война происходила исключительно между Великобританіей и Соединенными Штатами.

4) Отъ трактата съ Франціей до войны съ Англіей и Франціей, а потомъ съ Испаніей, потомъ до вооруженнаго нейтралитета и войны съ Голландіей. Наконецъ всѣ эти сцены приведутъ къ развязкѣ, къ переговорамъ о мирѣ.

Безъ основательнаго знанія исторіи колоній въ первый періодъ, авторъ исторіи Соединенныхъ Штатовъ будетъ смущенъ во всемъ своемъ повѣствованіи отъ начала до конца; ему будетъ невозможно объяснить событія и дѣйствія людей во второмъ, третьемъ и четвертомъ періодахъ. Для полнаго знакомства съ исторіей Соединенныхъ Штатовъ въ первомъ періодѣ необходимо прочитать всѣ «хартіи», дарованныя колоніямъ, всѣ «приказы и инструкціи губернаторамъ», всѣ «кодексы различныхъ колоній» (13 томовъ in folio сухихъ статутовъ, требующихъ много времени и труда на одно ихъ чтеніе), всѣ «протоколы законодательныхъ собраній различныхъ колоній», которые можно найти только въ рукописи и то лишь лично путешествуя по всѣмъ Соединеннымъ Штатамъ отъ Нью-Гампшира до Георгіи; весь «архивъ управленія торговлей и плантаціями Великобританіи», отъ его учрежденія и до уничтоженія, а равно и «многія государственныя бумаги, разсѣянныя въ различныхъ министерствахъ».

«Есть еще цѣлый отдѣлъ сочиненій, которыхъ нельзя не прочесть, еслибъ даже можно было обойтись и безъ другихъ матеріаловъ. Я говорю о книгахъ и сочиненіяхъ, вышедшихъ въ Америкѣ въ различныя времена; находясь вдали отъ всѣхъ этихъ матеріаловъ, я не могу представить полный списокъ ихъ, но назову главнѣйшіе: «Труды первыхъ губернаторовъ Винтропа и Винсло, доктора Мазера, М. Принца; Исторія Новой Англіи—Ниля; Краткій очеркъ первыхъ плантацій—Дугласа; Постепенное улучшеніе земель и настоящее положеніе британскихъ колоній;—Исторія Масачусетской бухты—Гучинсона; Исторія Нью-Іорка—Смита; Исторія Нью-Джерсея—Смита; Труды Вильяма Пенна; Защита хартій Новой Англіи—Луммерса; Исторія Виргиніи» и пр. пр. Всѣ эти сочиненія относятся до времени, предшествовавшаго настоящей распри, начавшейся въ 1761.

«О второмъ періодѣ книгъ гораздо болѣе и ихъ легче достать; многія изъ этихъ сочиненій имѣютъ огромную важность, и между писателями, которые вели борьбу на бумагѣ, заслуживаютъ особаго вниманія: королевскіе губернаторы — Пональ, Бернардъ, Гучинсонъ; помощникъ губернатора Оливеръ; М. Сюаль, галифакскій судья адмиралтейства; Іонатанъ Мейго, Джемсъ Отисъ, Оксенбриджъ, Титчеръ, Самуилъ Адамсъ,

Джосіа Квинсей, Джозефъ Варенъ. Быть можетъ не менѣе важны сочиненія Дикинсона, Вильсона и Руша, изъ Филадельфіи; Ливингстона и Дугласа изъ Нью-Іорка; полковника Бланда и Артура Ли изъ Виргиніи и пр. и пр.; также необходимо изученіе «архивовъ города Бостона, комитета переписки, таможеннаго управленія, палаты представителей и Совѣта Масачусетской бухты. Наконецъ полезно собрать и пересмотрѣть хоть всѣ «Бостонскія газеты» съ 1760 г., если ужъ не доходить до «Нью-Іоркскихъ и Филадельфійскихъ». Всѣ эти матеріалы необходимы для точнаго и подробнаго описанія борьбы и событій, предшествовавшихъ военнымъ дѣйствіямъ, въ періодъ отъ 1761 г. до 19-го апрѣля 1775 года.

«Для исторіи третьяго и четвертаго періодовъ необходимо собрать всѣ протоколы собраній, памфлеты и газеты всѣхъ тринадцати штатовъ, а равно «протоколы засѣданій конгреса» (часть которыхъ доселѣ хранится въ тайнѣ), «Собраніе новыхъ конституцій различныхъ штатовъ», и всѣ №№ «Remembrances и Annual Register», газетъ, издававшихся въ Англіи, «Le Mercure de France», издававшейся въ Парижѣ и «Le Politique Hollandais, издававшейся въ Амстердамѣ; наконецъ необходимо имѣть всю «переписку генерала Вашингтона» съ Конгресомъ съ іюля 1775 г. по настоящій день. Эта переписка еще не напечатана и не можетъ быть напечатана безъ особаго приказанія или дозволенія Конгреса; а позвольте васъ увѣрить, что до тѣхъ поръ, пока этотъ богатый матеріалъ не будетъ открытъ, невозможно написать исторію американской войны. Кромѣ всего этого находятся важные документы въ комитетахъ: «тайномъ, торговомъ, морскомъ, военномъ, иностранныхъ дѣлъ и казначейства» со времени ихъ учрежденія. Также имѣется богатое «собраніе писемъ американскихъ пословъ во Франціи, Испаніи, Голландіи» и другихъ частей Европы.

«Въ виду того, что большая часть документовъ и матеріаловъ составляютъ еще тайну, всякая попытка написать общую исторію американской революціи нынѣ преждевременна; но конечно дѣятельные труды по собранію матеріяловъ были бы полезны. Впрочемъ существуютъ уже двѣ или три общія исторіи американской войны и революціи, напечатанныя въ Лондонѣ и двѣ или три, напечатанныя въ Парижѣ; первыя составляютъ только собраніе матеріаловъ, безъ всякаго порядка и системы, а вообще и тѣ и другія ничто иное, какъ памятники совершеннаго невѣжества ихъ авторовъ по этому предмету.

«Необходима была бы цѣлая долговременная жизнь для собранія со всѣхъ частей свѣта всѣхъ документовъ, необходимыхъ для полной исторіи американской войны, такъ какъ въ сущности, эта исторія обнимаетъ исторію всего человѣческаго рода въ данную эпоху. Къ исторіи Америки слѣдуетъ присообщить еще исторіи Франціи, Испаніи, Голландіи,

Англіи и нейтральныхъ державъ. Матеріалы должны быть собраны со всѣхъ странъ, а важнѣйшіе документы, объясняющіе характеры дѣйствующихъ лицъ и тайныя причины событій, хранятся въ дипломатическихъ кабинетахъ и большею частью шифрованные.

«Если вы, милостивый государь, напишете общую исторію или просто замѣчанія подобныя тѣмъ, которыя вы посвятили грекамъ и римлянамъ, вашъ трудъ во всякомъ случаѣ будетъ интересенъ и полезенъ съ точки зрѣнія нравственности, политики и законовѣденія, и будьте увѣрены, что я всегда сочту за честь и удовольствіе оказать вамъ всевозможныя услуги, для облегченія вашего труда. Я не возьмусь рѣшить вопроса, желаетъ ли правительство вашей страны видѣть въ печати сочиненіе, написанное на французскомъ языкѣ знаменитымъ авторомъ, о такихъ принципахъ правленія, которые противоположны всему, что мы видимъ въ Европѣ, особливо во Франціи; но конечно я въ этомъ отношеніи не судья.

«Однако прежде, чѣмъ я окончу это письмо, позвольте мнѣ, милостивый государь, дать вамъ ключъ къ исторіи Соединенныхъ Штатовъ. Между всѣми правительствами и жителями всѣхъ тринадцати штатовъ существуетъ общая аналогія; но первоначальныя учрежденія выказали свое дѣйствіе впервые только, когда распря и война начались въ Масачусетѣ, главной провинціи Новой-Англіи. Всякій желающій писать съ знаніемъ дѣла о настоящемъ предметѣ, долженъ основательно изучить четыре изъ этихъ учрежденій, ибо они имѣли рѣшительное вліяніе не только на первоначальный ходъ борьбы и открытіе военныхъ дѣйствій, но и на духъ другихъ колоній, которыя послѣдовали данному примѣру и заимствовали болѣе или менѣе эти учрежденія.

«Названныя четыре учрежденія суть:

1) Города или округи (¹);

2) Церкви;

3) Школы;

4) Милиція.

«1) Города составляютъ извѣстное пространство земли или мѣстные округи, на которые раздѣлялись Масачусетъ, Конектикутъ, Нью-Гампширъ и Родъ-Айлендъ. Каждый городъ или округъ содержитъ въ себѣ 6 квад. м. Жители, населяющіе это пространство, должны составлять согласно закону корпораціи или политическія общества и пользуются нѣкоторыми правами и преимуществами, напримѣръ, чинить дороги, содержать бѣдныхъ, избирать выборныхъ (Selectmen), констаблей, сборщиковъ податей и другихъ чиновниковъ, особливо же депутатовъ въ законодательное собраніе; они также имѣютъ право собираться каждый

(¹) Такъ называетъ Адамсъ Townships.

разъ, когда ихъ собираютъ выборные для обсужденія общественныхъ дѣлъ города и для врученія инструкцій своимъ депутатамъ. Прямымъ послѣдствіемъ этого учрежденія было то, что жители привыкли съ дѣтства обсуждать и рѣшать общественныя дѣла, такимъ образомъ въ городахъ или округахъ развилось народное сознаніе и рѣшались всѣ важные вопросы съ самаго начала борьбы и до ея конца.

«2) Церкви составляютъ религіозныя общества, обнимающія собою весь народъ. Каждый округъ имѣетъ приходъ и церковь, но нѣкоторые имѣютъ и нѣсколько. Въ каждомъ приходѣ находится домъ для собранія вѣрующихъ и пасторъ, содержимый на счетъ прихода. Церкви чрезвычайно популярны, но духовенство имѣетъ мало вліянія или власти, за исключеніемъ того вліянія, которое имъ даютъ естественнымъ образомъ ихъ добродѣтели, набожность и знанія. Они избираются прихожанами и посвящаются сосѣднимъ духовенствомъ. Они всѣ женаты, имѣютъ семейства и живутъ съ прихожанами въ тѣсной дружбѣ. Они посѣщаютъ больныхъ, помогаютъ бѣднымъ, присутствутъ при всѣхъ свадьбахъ и похоронахъ и проповѣдуютъ два раза каждое воскресенье; малѣйшее пятно въ ихъ нравственномъ характерѣ уничтожаетъ все ихъ вліяніе и можетъ ихъ погубить навсегда. Поэтому, они люди благоразумные, набожные, добродѣтельные. Въ своихъ чувствахъ, они обыкновенно вторятъ народу и они всегда ревностные друзья свободы.

«3) Школы находятся въ каждомъ городѣ по постановленію закона колоніи; каждый городъ въ 60 семействъ обязанъ подъ опасеніемъ штрафа содержать школу и учителя, обучающаго читать, писать, ариеметикѣ и основнымъ началамъ латинскаго и греческаго языковъ. Дѣти всѣхъ богатыхъ и бѣдныхъ имѣютъ право посѣщать эту общественную школу. Въ ней готовятъ студентовъ для колегій Кембриджской, Нью-Гэвенской, Варвичской и Дартмаутской, а въ этихъ колегіяхъ приготовляютъ учителей для школъ, пасторовъ для церквей, докторовъ медицины и законовѣденія, государственныхъ людей для управленія страной и офицеровъ для арміи.

«4) Милиція заключаетъ въ себѣ весь народъ. Согласно мѣстнымъ законамъ, каждый житель мужскаго пола отъ 16-ти до 60-ти лѣтъ записанъ въ одинъ изъ полковъ милиціи, совершенно снабженный офицерами. Онъ обязанъ всегда имѣть въ своемъ домѣ на свой счетъ порядочное ружье, пороховницу съ фунтомъ пороха, двѣнадцать кремней, двадцать четыре свинцовыя пули, ящикъ для патрона и ранецъ. Такимъ образомъ вся страна, при первомъ сигналѣ, готова идти для защиты своихъ предѣловъ. Всѣ полки и роты обязаны собираться въ извѣстное время года, по приказанію офицеровъ, для осмотра ихъ оружія и для военныхъ упражненій.

«Вотъ, милостивый государь, четыре главные источника мудрости, не-

кубства и храбрости, произведшихъ американскую революцію и которые, я надѣюсь, будутъ свято сохранены, какъ твердыя основы счастья, свободы и благоденствія народа. Если вы желаете получить отъ меня какія либо свѣденія въ другихъ отношеніяхъ, то сдѣлайте одолженіе увѣдомьте меня.

Имѣю честь быть
1782. Джонъ Адамсъ.

ЧТЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Центральныя колоніи.

Мэриландъ.

Мм. Гг.

Мы кончили исторію колоній Новой Англіи до той минуты, когда по случаю отмѣны хартій и революціи 1688 г. онѣ перешли вмѣстѣ съ другими провинціями изъ подъ верховной власти короля подъ верховную власть парламента. Эта часть нашего труда самая важная и любопытная, но вмѣстѣ съ тѣмъ потребовала всего болѣе времени; исторія центральныхъ и южныхъ плантацій займетъ насъ далеко не такъ долго, ибо эти провинціи играли не столь значительную роль въ первоначальной исторіи колоній, хотя впослѣдствіи онѣ заняли видное мѣсто въ революціи, хотя одна изъ нихъ, Нью-Іоркъ, достигла нынѣ такой степени благоденствія, величія и вліянія на весь Союзъ, что получила названіе Имперскаго Штата (Imperial State).

Центральныя колоніи заключаютъ въ себѣ штаты, находящіеся между Виргиніей и Новою-Англіей; то есть Мэриландъ, Делаваръ, Пенсильванію, Нью-Джерсей и Нью-Іоркъ. Строго говоря Делаваръ и Нью-Джерсей—не имѣютъ своей собственной исторіи, а служатъ какъ бы дополненіемъ Пенсильваніи и Нью-Іорка; что же касается до остальныхъ трехъ провинцій, то онѣ заслуживаютъ

основательнаго изученія. Слѣдуя хронологическому порядку ихъ основанія, мы начнемъ съ Мэриланда.

Колонизація Мэриланда произошла не такимъ образомъ, какъ въ Новой-Англіи; причина первой эмиграціи была все та же: религіозныя гоненія англиканской церкви, но гонимые эмигранты были не пуритане, а католики, и самая плантація была дѣломъ не компаніи, а одного вельможи, оставившаго въ Америкѣ славную о себѣ память и дѣйствительно достойнаго уваженія исторіи. Этотъ человѣкъ былъ лордъ Бальтиморъ.

Первый проектъ католической эмиграціи въ Америкѣ былъ составленъ въ царствованіе Іакова I Джорджемъ Кальвертомъ лордомъ Бальтиморомъ. Это былъ человѣкъ большихъ достоинствъ, который составилъ себѣ карьеру, благодаря покровительству сера Роберта Сесиля. Онъ занималъ важныя мѣста въ государствѣ, былъ членомъ тайнаго совѣта, государственнымъ секретаремъ и пэромъ Ирландіи; принимая живое участіе въ колонизаціи Новаго Свѣта, онъ былъ однимъ изъ первыхъ акціонеровъ Виргинской компаніи. Въ продолженіи долгаго времени замѣшанный въ религіозныя распри, онъ, наскучивъ наконецъ неопредѣленностью всѣхъ этихъ споровъ, искалъ въ нѣдрахъ католической церкви то успокоеніе, которое она одна даетъ уставшимъ отъ борьбы умамъ, ибо она освобождаетъ вѣрующаго отъ заботы выбрать и обдумать свою вѣру.

Но если лордъ Бальтиморъ нашелъ спасительное пристанище для своей безпокойной души, то онъ самъ искалъ новыхъ опасностей; дружба короля не мѣшала ему принимать къ сердцу тѣ гоненія, которымъ подвергались его единовѣрцы. Католики составляли значительную партію и внушали къ себѣ уваженіе, которымъ всегда пользуются давность и вѣрность своимъ убѣжденіямъ; Іаковъ I щадилъ ихъ, ибо онъ мечталъ о примиреніи съ папой и вообще сочувствовалъ ихъ теоріи безусловнаго повиновенія; но противъ нихъ были пуритане и англикане, всегда готовые на борьбу между собою, исключая тѣ случаи, когда предстояло дѣйствовать противъ общаго врага. Воспоминаніе о кровавой Маріи, страшная Армада, пороховой заговоръ, религіозная реакція, происходившая на континентѣ подъ вліяніемъ іезуитовъ—все это возбуждало обще-

ственное мнѣніе противъ католиковъ. Имъ еще болѣе, чѣмъ пуританамъ, угрожали религіозныя гоненія.

Лорду Бальтимору поэтому вошла въ голову мысль объ эмиграціи, какъ о лучшемъ средствѣ для католиковъ выйти изъ тяжелаго своего положенія и искать въ новой, болѣе гостепріимной странѣ той свободы, въ которой имъ отказывала ихъ старая родина. Послѣ первой неудачной попытки въ Нью-Фаундлендѣ, онъ подумалъ о Виргиніи, климатъ и почву которой такъ превозносили, и въ 1628 г. онъ лично туда отправился. Онъ былъ принятъ какъ папистъ, то есть, какъ врагъ. Основанная подъ сѣнью англиканской церкви, Виргинія гордилась своимъ единовѣріемъ и не терпѣла ни одного дисидента на своей територіи. По прибытіи лорда Бальтимора, колоніальное собраніе рѣшило предложить ему принять присягу вѣрности и церковнаго пріемства, какъ того требовалъ англійскій законъ, то есть въ такихъ выраженіяхъ, какихъ никакой католикъ не могъ признать. Не возможно было основать католическую колонію среди столь ревностныхъ протестантовъ, и потому лордъ Бальтиморъ думалъ основать новое поселеніе на берегахъ Потомака вдоль Чезапикскаго залива, который, походя на внутреннее море, принималъ нѣсколько большихъ судоходныхъ рѣкъ и только съ одной стороны былъ занятъ Виргиніей. Этой великолѣпной страной желали завладѣть французы, голландцы и шведы, имѣвшіе вблизи поселенія; потому, чтобы сохранить ее за Англіей, необходимо было ее колонизировать. Эта територія вошла въ хартію Виргиніи, но послѣ уничтоженія компаніи, она отошла въ казну. Могъ ли однако король отказать въ концесіи своему вѣрному слугѣ, просившему только дозволить ему распространить власть своего короля на пустынную, незаселенную землю?

Лордъ Бальтиморъ умеръ прежде, чѣмъ была подписана хартія, которую онъ самъ очевидно подготовилъ; но онъ передалъ свое право и еще лучше свою энергію сыну Цецилію Кальверту, извѣстному подъ именемъ втораго лорда Бальтимора, который впродолженіи полувѣка былъ собственникомъ, главою и благодѣтелемъ колоніи.

Концесія Мэриланда была подписана 20 іюня 1632 года Карломъ I. Хартія, исполняя обѣщаніе короля Іакова, обращаетъ въ

провинцію уступленную територію, которая заключала въ себѣ, кромѣ нынѣшняго штата Мэриланда, Делаваръ и часть Пенсильваніи. Король назвалъ новую провинцію Мэриландомъ (землею Маріи), въ честь своей жены, королевы Генріеты Маріи, дочери Генриха IV и матери той принцессы Генріеты, которая оставила въ лѣтописяхъ Франціи такую трогательную память.

Эта провинція была отдѣлена отъ Виргиніи, формально исключена изъ ея юрисдикціи и отдана лорду Бальтимору и его наслѣдникамъ какъ абсолютнымъ и полнымъ владѣтелямъ, конечно подъ условіемъ подданства англійскому королю. Хартія, выданная лорду собственнику, предоставляла ему всѣ права и привилегіи, принадлежащія Дургамскому епископу въ его Палатинскомъ графствѣ. Свое право собственности онъ имѣетъ прямо отъ короны и его владѣніе считается простой принадлежностію королевскаго Виндзорскаго замка, отданной въ обыкновенное пользованіе (commun soccage), а не in capite или за рыцарскую службу (это, какъ мы уже говорили, была выгоднѣйшая форма уступки *казенныхъ* земель. Вся феодальная его зависимость заключалась въ платежѣ пятины всего золота и серебра, найденнаго въ странѣ, и кромѣ того, въ доказательство васальныхъ отношеній, въ ежегодной присылкѣ двухъ индѣйскихъ стрѣлъ въ Виндзорскій замокъ.

Другихъ ограниченій верховной власти лорда собственника хартія не постановляла. Лордъ Бальтиморъ былъ абсолютнымъ господиномъ въ своихъ владѣніяхъ; болѣе того, одна изъ статей хартіи доказываетъ намъ, какъ благоразуменъ былъ концесіонеръ и какое громадное вліяніе онъ имѣлъ на короля. Карлъ I обязался за себя и за своихъ наслѣдниковъ никогда не налагать никакого налога подъ какимъ бы то ни было именемъ на жителей провинціи. Такимъ образомъ Мэриланду дана была вѣчная льгота, тогда какъ въ другихъ хартіяхъ эта льгота была только временная, исключительно для облегченія первыхъ поселеній.

Впрочемъ, эта абсолютная власть лорда-собственника только существовала въ смыслѣ огражденія отъ посягательствъ королевской власти, но не въ смыслѣ верховнаго права, передъ которымъ должны были преклоняться плантаторы. Напротивъ, и въ противоположность другимъ колоніяльнымъ хартіямъ, напримѣръ, виргинской и

плимутской, предоставлявшимъ компаніи неограниченную власть, Мэриландская хартія обезпечивала эмигрантамъ участіе въ законодательной власти (¹); было постановлено, что законы не могутъ быть иначе издаваемы, какъ съ согласія большинства колонистовъ или ихъ представителей; точно также нельзя было налагать и налоговъ безъ ихъ разрѣшенія.

Такимъ образомъ представительная система была оговорена въ хартіи, и спеціальная статья ея прямо объявляла, что власть лорда-собственника не могла посягать на жизнь или собственность эмигрантовъ. По всей вѣроятности этому духу свободы мэриландская хартія обязана тѣмъ, что она избѣгла печальной судьбы другихъ хартій, данныхъ безъ всякаго ограниченія власти, или частнымъ людямъ, какъ Нью-Гампширъ и Мэнъ, или компаніямъ, какъ Виргинія; замѣчательно во всякомъ случаѣ и исторія Пенсильваніи подтвердитъ это, что изъ всѣхъ хартій только тѣ принесли дѣйствительную пользу ихъ собственникамъ, которыя даровали эмигрантамъ политическую свободу.

Хартія давала еще лорду Бальтимору право учредить гражданскіе, уголовные суды, право покровительства церквамъ, освященнымъ по церковнымъ законамъ Англіи (даже имя католицизма не было произнесено изъ уваженія къ той ненависти, которую питала къ нему метрополія), право возводить въ дворянское достоинство и такимъ образомъ создать аристократію, какъ въ Англіи; но мы не видимъ, чтобы когда либо пытались воспользоваться этимъ послѣднимъ правомъ. Это доказываетъ еще разъ, какъ противна мирной колонизаціи система, которой нельзя объяснить иначе, какъ состояніемъ войны, нормальнымъ положеніемъ феодальной системы. Когда общество составляетъ ничто иное, какъ армію, завладѣвшую извѣстной землей, въ которой кромѣ земли не существуетъ никакихъ другихъ цѣнностей, то необходима іерархія вла-

(¹) American Revolution by Ramsay t. I, p. 10. «Первая и вторая колоніи (т. е. Виргинія и Новая-Англія) управлялись впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ корпораціями во вредъ индивидуальной свободѣ; но третья колонія съ самаго своего основанія управлялась законами, издаваемыми мѣстнымъ законодательнымъ собраніемъ.

дѣній точно также, какъ и іерархія воиновъ; но эта система не имѣла смысла для независимыхъ земледѣльцевъ, мирно колонизировавшихъ Америку. Свобода и равенство — вотъ что было необходимо этой почвѣ, не утучненной кровью и не вѣдавшій другаго желѣза, какъ желѣза сохи.

Вотъ главнѣйшія постановленія хартіи, основавшей въ Америкѣ первый штатъ, который съ самаго начала управлялся мѣстнымъ представительнымъ собраніемъ. И подъ сѣнью этой хартіи, сыновья лорда Бальтимора управляли Мэрилавдомъ до войны за независимость, исключая краткую эпоху англійской революціи.

Въ 1633 г. лордъ Бальтиморъ послалъ, чтобъ вступить во владѣнія Мэриланда, сына своего Леонарда Кальверта, котораго и назначилъ губернаторомъ колоніи. Эта экспедиція состояла изъ двухъ сотъ эмигрантовъ, большею частью людей богатыхъ и знатныхъ, которые покидали Англію изъ преданности къ католической вѣрѣ. Высадившись на берега Потомака, въ этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ они основали городъ св. Маріи, они встрѣтили поселеніе индѣйцевъ, къ которымъ отнеслись какъ къ законнымъ собственникамъ почвы. Съ дикарями обошлись такъ добродушно и мягко, что они уступили новымъ пришельцамъ свои обработанныя земли, а ихъ жены научили женъ эмигрантовъ дѣлать хлѣбъ изъ маиса. Такимъ образомъ колонія, съ помощью впрочемъ и сосѣдней Виргиніи, не знала тѣхъ трудностей, съ которыми приходилось бороться другимъ эмигрантамъ и потому она достигла бо̀льшаго развитія въ полгода, чѣмъ Виргинія въ нѣсколько лѣтъ.

Это человѣчное обращеніе съ индѣйцами было постоянной политикой Мэриланда и потому, въ противоположность другимъ колоніямъ, эта провинція никогда не терпѣла вреда отъ сосѣдства индѣйцевъ. Мы видимъ такимъ образомъ, что Вильямъ Пенъ, заслуги котораго слишкомъ превозносили философы прошлаго вѣка, былъ не первый эмигрантъ, человѣчно обращавшійся съ туземцами Америки. Но что заслуживаетъ не менѣе вниманія, это тотъ знаменательный фактъ, что въ эпоху, когда въ Европѣ вѣротерпимость считалась преступленіемъ, лордъ Бальтиморъ католикъ первый основалъ правительство на принципѣ свободы, совѣсти и гражданскаго равенства всѣхъ христіанъ.

Прежде, чѣмъ Роджеръ Вильямсъ, спасаясь отъ мести пуританъ, основалъ Провиденсъ, твердыню для всѣхъ преслѣдуемыхъ за убѣжденія, убѣжище, гдѣ свобода совѣсти была абсолютной необходимостью, лордъ Бальтиморъ, мирный собственникъ колоніи, населенной только людьми его вѣры и находящейся между Виргиніей, не принявшей его отца, и пуританскими колоніями, отворачивавшимися съ презрѣніемъ отъ *испанскаго паписта*, открылъ доступъ въ свои владѣнія пуританамъ, изгнаннымъ изъ Виргиніи, и квакерамъ, изгнаннымъ изъ Масачусета. Католикъ, гонимый въ Англіи, предлагалъ убѣжище всѣмъ протестантамъ, преслѣдуемымъ протестантской нетерпимостью. Когда колоніи, достойныя дщери метрополіи, вносили въ свои кодексы запретительные законы противъ всякаго, кто думалъ не такъ, какъ большинство, лордъ Бальтиморъ предлагалъ масачусетскимъ изгнанникамъ поселиться въ болѣе тепломъ климатѣ подъ сѣнью полной религіозной свободы. Вотъ въ какихъ простыхъ и благородныхъ словахъ выражена была присяга, которую принималъ, вступая въ должность, мэриландскій губернаторъ.

„Обѣщаюсь, что я ни лично, ни черезъ другихъ, не буду преслѣдовать ни прямо, ни косвенно за религіозныя мнѣнія, никого, открыто вѣрующаго въ Іисуса Христа.“

Въ 1649 году собраніе, состоявшее изъ католиковъ, вотировало *актъ, касающійся до религіи*, который впервые превозглашалъ вѣротерпимость въ новомъ свѣтѣ.

„Имѣя въ виду, говорится въ этомъ актѣ, что насиліе надъ совѣстью въ дѣлахъ религіи часто приводило къ опаснымъ послѣдствіямъ въ странахъ, въ которыхъ это принято, и для обезпеченья спокойнаго управленія этой страной, а равно для поддержанія любви и единства между жителями ея — никто въ этой провинціи, если онъ только вѣруетъ въ Іисуса Христа, не будетъ обезпокоенъ или преслѣдуемъ въ своей вѣрѣ и въ исполненіи обрядовъ своей церкви; никто не будетъ принуждаемъ противъ своего желанія вѣровать и исполнять обряды какой либо церкви подъ условіемъ, чтобы онъ былъ преданъ лорду собственнику и не возставалъ противъ установленнаго правительства (¹).

(¹) Bacon's Laws. 1649. ch. 1.—Bancroft, 1. 255.

Эта религіозная свобода, конечно, означала то, что въ то время подразумѣвалось подъ названіемъ свободы, — то есть прямо поклоняться Іисусу Христу каждому согласно своей религіи; это не было право отрицать откровеніе или основные догматы, принятые всѣми христіанскими церквами. Такъ нечего удивляться, что этимъ самымъ актомъ 1649 года было постановлено, что каждый, отрешающій существованіе святой Троицы, подлежитъ смертной казни и конфискаціи всего его состоянія. Роджеръ Вильямсъ былъ человѣкомъ не своего вѣка, требуя свободы вѣроисповѣданія для евреевъ и невѣрующихъ.

Не прошло года послѣ высадки эмигрантовъ, какъ они были созваны въ законодательное собраніе; лордъ Бальтиморъ подготовилъ кодексъ для колоній, но эмигранты его отвергли, какъ составленный въ нарушеніе ихъ правъ, и написали другой кодексъ, который лордъ собственникъ въ свою очередь отказался ратификовать, такъ какъ инціатива въ законодательныхъ дѣлахъ принадлежала ему.

Въ исторіи происхожденія Соединенныхъ Штатовъ чрезвычайно замѣчательна одинаковая привязанность всѣхъ эмигрантовъ къ своимъ правамъ и вольностямъ. Горсть людей, только что поселившихся въ чужой землѣ, выказываетъ съ перваго дня пристрастіе и способность къ свободному правленію, что̀ доказываетъ сколько энергіи заключалось въ англійской націи, когда ее не угнеталъ феодализмъ стараго свѣта. Лордъ Бальтиморъ отказался отъ иниціативы, которую у него оспаривали, и въ 1639 г. созвано было третье собраніе, состоявшее частью изъ депутатовъ, выбранныхъ плантаторами, и частью изъ лицъ, назначенныхъ лордомъ собственникомъ. Первымъ актомъ этого собранія было организировать себя и утвердить конституцію, которая существовала до реставраціи. Единственное измѣненіе, сдѣланное въ этотъ промежутокъ времени, было раздѣленіе собранія на двѣ палаты, причемъ члены, назначаемые правительствомъ, составили верхнюю палату, имѣвшую право veto надъ постановленіями палаты депутатовъ. Такимъ образомъ послѣ шестилѣтняго существованія, колонія изъ демократіи подъ верховнымъ владычествомъ наслѣдственнаго патріарха превратилась въ копію англійскаго правленія.

Во все это время и при всѣхъ перемѣнахъ добрыя отношенія между лордомъ собственникомъ и плантаторами не были нарушены. Главнымъ правиломъ лорда Бальтимора было, что миромъ и согласіемъ маленькая колонія могла сдѣлаться великой націей, а великія государства погибали отъ несогласій. Всю свою силу онъ основывалъ на любви народа; и дѣйствительно эмигранты признавали съ самаго начала, „что лордъ Бальтиморъ много заботился объ обезпеченіи ихъ личности и правъ и доказывали свою благодарность за понесенные имъ труды и издержки, добровольно назначивъ ему такую субсидію, какую только возможно для бѣдной только что возникающей колоніи.

Колонія благоденствовала подъ мудрой опекой лорда Бальтимора [1], какъ вдругъ англійская революція разрушила все воздвигнутое имъ зданіе. Когда королевская власть, когда божественное право пали въ метрополіи, когда уничтожена была всякая наслѣдственная власть, трудно было удержаться миньятюрной монархіи лорда Бальтимора. Права, на которыя онъ предъявлялъ притязанія, ставили Мэрилэндъ въ какое-то особенное, почти незаконное положеніе среди англійской демократіи. Власть лорда собственника была унесена грозной революціонной бурей. Пуританскіе комисары захватили въ свои руки все правительство и уничтожили какъ привилегію лорда Бальтимора, такъ и верхнюю палату. Это было естественное слѣдствіе революціи по ту сторону океана; но грустно сказать, первымъ дѣломъ побѣдителей было подвергнуть преслѣдованію католичества ту религію, которая оказала имъ покровительство. Кромвель не утвер-

---

(1) Въ 1640 году мѣстное собраніе издало знаменитый законъ объ осмотрѣ вывозимаго изъ Мэрилэнда табаку. Нынѣ еще при ввозѣ табака, муки и соленаго мяса ихъ подвергаютъ осмотру; контролируютъ качества и вѣсъ отправляемаго товара и досмотрщики ставятъ на бочкахъ клеймо, при этомъ только первые сорты этихъ товаровъ дозволяется вывозить. Такимъ образомъ обманъ дѣлается невозможнымъ, и чужестранные торговцы могутъ покупать товары безъ опасенія. Эта мѣра чрезвычайно замѣчательна у народа, столь ревностно заботящагося объ индивидуальной независимости, но вмѣстѣ съ тѣмъ понимающаго, что порядокъ и честность первыя условія свободы.

дилъ этого неблагодарнаго акта; онъ написалъ коммисарамъ, чтобъ они не заботились о религіи, а установили бы прочное правительство. Какъ истинный политическій дѣятель онъ клонился въ пользу вѣротерпимости и хотѣлъ, чтобы различныя секты существовали рядомъ въ пустынѣ, какъ существуютъ кедръ, мирта и лиственница.

Реставрація возстановила лорда собственника, а съ нимъ вмѣстѣ возвратилась и свобода. Эмигранты изъ всѣхъ странъ, французскіе гугеноты, изгнанники изъ Германіи, Богеміи, Голландіи и Швеціи искали убѣжища въ этомъ общемъ отечествѣ всѣхъ гонимыхъ за религію; и всѣ эти люди приносили съ собою въ Америку капиталы, знанія и тотъ духъ общежитія, которымъ до нынѣ отличается Бальтимора и который привлекъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія французскія семейства, избѣгнувшія ужасовъ возстанія въ Сан-Доминго.

Лорду Бальтимору суждено было вкусить плоды своихъ трудовъ. Послѣ долгаго, спокойнаго сорока трехъ лѣтняго царствованія, нарушеннаго лишь на короткое время внѣшними обстоятельствами, онъ умеръ въ глубокой старости, оставивъ по себѣ память самаго добраго и благодѣтельнаго правителя.

Тотчасъ послѣ смерти этого добродѣтельнаго человѣка Кентерберійскій епископъ сталъ всѣми силами стараться ввести англиканскую церковь, какъ первенствующую въ этой провинціи, гдѣ царила полная свобода совѣсти. „Мэриландъ, по словамъ англиканскаго духовенства того времени, былъ Содомомъ несчастія, вертепомъ заразы и грѣха.“ Впрочемъ, исправить зло было очень не трудно, стоило только обязать колонію содержать протестантское духовенство, какъ въ Ирландіи. Другими словами, англиканскіе прелаты добивались привилегіи; они считали самымъ законнымъ и религіознымъ дѣломъ заставить еретиковъ платить за содержаніе церкви, которой они не признавали. Новый лордъ Бальтиморъ оказалъ сопротивленіе всѣмъ этимъ проискамъ, какъ, безъ сомнѣнія, сдѣлалъ бы и его отецъ. Но вскорѣ политическая агитація присоединилась къ религіознымъ интригамъ. Стали увѣрять, что колонія находилась въ слишкомъ стѣсненномъ положеніи при ея, по видимому феодальныхъ порядкахъ, при двухъ государяхъ. Говорили, что идеи

15

стараго лорда отжили свое время; отвергали теорію божественнаго права, умѣстную въ первое время реставраціи, но никуда негодную наканунѣ революціи 1688 года.

„Божественное Провидѣніе, говорилъ въ 1688 году при открытіи мѣстнаго собранія представитель лорда Бальтимора, предписало созвать это собраніе. Власть, во имя которой мы созваны, передана конечно Богомъ королю, королемъ его превосходительству, лорду собственнику, а его превосходительствомъ намъ.“

Подобные принципы объявлялись отжившими, и плантаторы публично заявляли себя противъ системы, главные элементы которой, напримѣръ, власть судебная, зависѣли прямо отъ государя и въ силу которой нѣкоторые налоги налагались безъ прямаго согласія мѣстнаго собранія. Наконецъ протестантизмъ до того развился, что отвергалъ равенство. Всѣ правители колоніи были католики и ихъ неспособность къ управленію открыто заявлялась. Они покровительствуютъ папистамъ, говорили плантаторы:—и притѣсняютъ протестантовъ. Съ 1681 года, англійское министерство постановило, что впредь всѣ государственныя должности будутъ поручаемы только протестантамъ. Такимъ образомъ католики были исключены изъ управленія той страны, которую они основали. Даже запрещено было исповѣдовать открыто ихъ вѣру, по крайней мѣрѣ, не дозволялось служить католическія мессы, а изъ боязни католической пропаганды было запрещено католику быть учителемъ и воспитывать молодежь. Кромѣ того въ колоніяльный кодексъ ввели отвратительный англійскій законъ, который для поощренія отступничества отъ вѣры принуждалъ отца, сынъ котораго измѣнялъ своей вѣрѣ, отдать послѣднему часть своего состоянія.

Такимъ образомъ лорду Бальтимору приходилось отстаивать свою власть отъ плантаторовъ и свою вѣру отъ епископовъ; но это было не все, ему еще приходилось защищать противъ англійскаго парламента колоніальную промышленность, угрожаемую навигаціоннымъ актомъ. Прибавьте къ этому постоянно возобновлявшіяся притязанія Виргиніи, которая требовала возвращенія себѣ Мэриланда, какъ части своей территоріи. Это было слишкомъ много враговъ. Даже восшествіе на престолъ Іакова II не дало лорду Бальтимору державнаго покровительства; король, желавшій привести всѣ

колоніи подъ прямую зависимость короны, обращался съ лордомъ Бальтиморомъ съ обычной несправедливостію и началъ противъ него процесъ, обвиняя его въ неисполненіи первоначальной концесіи. Но не успѣлъ начаться этотъ процесъ, какъ народъ произнесъ надъ самимъ королемъ Іаковомъ свой безапеляціонный приговоръ. Свобода Америки была спасена.

Однако, революція, предпринятая во имя протестантскихъ интересовъ, не могла быть благопріятна католическому феодальному вельможѣ; лордъ Бальтиморъ сохранилъ свои права собственника, но ему не возвратили верховной власти надъ колоніей. Съ тѣхъ поръ Мэриландъ былъ управляемъ губернаторами, присылаемыми изъ Англіи; это продолжалось до 1715 года, когда Бенедиктъ Кальвертъ, сынъ лорда собственника, отрекшись отъ католической вѣры, былъ возстановленъ, благодаря его отступничеству, во всѣхъ правахъ его предковъ. Права эти въ свою очередь онъ передалъ своимъ наслѣдникамъ, которые и сохранили ихъ до революціи. Впрочемъ эта верховная власть была не полная. Все ограничивалось правомъ назначать губернатора и утверждать или отвергать акты мѣстнаго собранія, правомъ, чрезвычайно скользкимъ въ рукахъ государства безъ подданныхъ и безъ арміи. Главный доходъ лорда собственника состоялъ въ небольшомъ налогѣ съ купчихъ и дарственныхъ, называемомъ *quitrent* и установленномъ при первой концесіи. Этотъ налогъ напоминалъ *droit de quint*, существовавшій въ феодальной Франціи, и отъ такой привилегіи далеко было до личнаго бюджета государя.

Мы разсказали политическую исторію колоніи до первыхъ годовъ XVIII столѣтія; что же касается до внутренняго ея развитія, то оно было совершенно одинаково съ развитіемъ Виргиніи; тотъ же климатъ, тѣ же произведенія, тотъ же образъ жизни. Табакъ былъ также единственной промышленностію, торговлей и богатствомъ плантаціи. Конкуренція въ производствѣ табаку возбудила чрезвычайную завпсть между обѣими колоніями, что составляло постоянную преграду для союза, который былъ необходимъ для успѣшнаго сопротивленія монополіи лондонскихъ купцовъ. Когда, напримѣръ, доведенная до крайности Виргинія угрожала уничто-

жить весь свой табакъ, Мэрландъ тотчасъ увеличивалъ его производство; такимъ образомъ соперничество между обѣими колоніями приносило пользу только англичанамъ.

Это производсто, сосредоточивавшееся въ рукахъ большихъ собственниковъ, развило тѣ же нравы и обычаи какъ въ Виргиніи. Плантаторы распространились вдоль рѣкъ и лѣсовъ. Каждая плантація была отдѣльнымъ замкнутымъ маленькимъ міромъ, обществомъ, довольствовавшимся самимъ собою, и потому тщетно старался законодатель создать города въ странѣ феодальной или скорѣе патріархальной. Св. Марія никогда не была ничѣмъ болѣе какъ незначущимъ пригородомъ; Аннаполисъ, замѣнившій ее въ качествѣ столицы штата и часто упоминаемый въ исторіи американской революціи, въ настоящее время не имѣетъ болѣе 3,000 жителей; одна Бальтимора, существующая очень съ недавняго времени, ибо въ 1765 году въ ней не было болѣе пятидесяти домовъ, нынѣ значительнѣйшій городъ союза послѣ Нью-Іорка и Филадельфіи. Въ ней болѣе 150,000 жителей и это величайшій табачный и мучной рынокъ въ свѣтѣ; но во всемъ штатѣ нѣтъ другаго большаго города, и сама Бальтимора обязана своимъ величіемъ одной торговлѣ.

Сходство между Мэрландомъ и Виргиніей увеличивалось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что положеніе рабочихъ было одинаково въ обѣихъ странахъ. Производство табаку требуетъ усиленнаго и дешеваго труда, а дешевый трудъ можно было пріобрѣсть только двумя путями: рабствомъ или обязательнымъ трудомъ тѣхъ наемныхъ слугъ (*indented servants*), о которыхъ мы уже говорили и которые были настоящими бѣлыми невольниками, хотя и временными, ибо послѣ семи лѣтъ они получали свободу. Такъ какъ Мэрландъ находится въ такой широтѣ, гдѣ жара не тяготитъ бѣлыхъ и дозволяетъ имъ соперничать съ лѣнивыми, апатичными неграми, то изъ всѣхъ провинцій Америки въ Мэрландѣ было всего болѣе этихъ обязательныхъ слугъ. На рынкѣ ихъ всегда было множество и цѣна человѣка колебалась между двѣнадцатью и двадцатью фунтами стерлинговъ, т. е. между тремя стами и пятью стами франками.

Въ царствованіе Іакова II сослано было въ Америку большое количество партизановъ Монмоута. Эти несчастные составляли выгодный товаръ, за обладаніе которымъ спорили царедворцы, къ величайшему негодованію Джефриса, который писалъ королю:

„Я долженъ донести вашему величеству, что каждый плѣнникъ стоитъ десять или пятнадцать фунтовъ стерлинговъ за штуку, и что если ваше величество будете продолжать быть щедрыми, какъ доселѣ, то лица, не потерпѣвшія ничего на службѣ вашего величества, завладѣютъ всей добычей."

Эти изгнанники или ссыльные были люди, привыкшіе, благодаря своему рожденію и воспитанію, къ совершенно иной жизни, чѣмъ презрѣнное существованіе раба; и потому король изъ злобной мести приказалъ Сундерланду написать губернаторамъ южныхъ колоній:—„Озаботьтесь, чтобы ихъ обязали служить не менѣе десяти лѣтъ и чтобъ они не имѣли права выкупаться ни деньгами, ни какимъ другимъ путемъ, ранѣе этого срока." Такимъ образомъ тираны населяли Америку людьми, испытанными несчастьями, и подготовляли ее такимъ образомъ къ будущей независимости.

Впрочемъ, эта торговля бѣлыми была до того выгодна, что на берегахъ Англіи существовало правильное ремесло, состоявшее въ похищеніи людей и въ перевозкѣ ихъ въ Америку. Болѣе того, въ Бристолѣ мэръ, альдерманы и судья угрожали безпаспортнымъ бродягамъ висѣлицей, если они не согласятся на ссылку—единственное для нихъ средство къ спасенію, и потомъ продавали ихъ колонистамъ, дѣля между собою добычу. Джефрисъ, жестокій Джефрисъ, въ припадкѣ правосудія отдалъ подъ судъ бристольскаго мэра и только революція 1688 г. освободила его отъ законной кары за столь ужасное преступленіе. Не смотря на это, ремесло похищенія и продажи свободныхъ людей продолжалось до той минуты, когда колонія отказалась отъ обязательныхъ слугъ, которые были гораздо дороже и опаснѣе негровъ. Съ 1692 года въ плантацію только привозили черныхъ невольниковъ.

Это клеймо рабства Мэриландъ сохранилъ и тогда даже, когда сѣверъ показалъ ему примѣръ освобожденія невольниковъ; и однако это штатъ, въ которомъ освобожденіе всего возможнѣе, такъ какъ климатъ, играющій столь важную роль въ вопросѣ о раб-

ствѣ и усложняющій ея разрѣшеніе, довольно умѣренъ въ Мэриландѣ и дозволяетъ труду свободнаго человѣка быть выгоднѣе труда невольника негра. Поэтому прямая выгода Мэриланда была бы внять голосу человѣколюбія, особливо теперь, когда, подобно Виргиніи, производство табаку разорило землю, и Мэриландъ нуждается всей энергіи свободнаго труда для возстановленія изнуренной почвы. Вмѣсто того, чтобъ довольствоваться грустнымъ ремесломъ производителей невольниковъ для плантаторовъ юга, славно было бы для Мэриланда возвратиться къ благороднымъ временамъ лорда Бальтимора и провозгласить гражданскую свободу на той землѣ, гдѣ основана была свобода религіозная, и такимъ образомъ представить благородный примѣръ югу.

ЧТЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Центральныя колоніи.

2) Нью-Іоркъ (¹).

Мм. Гг.

Исторія колоніи Нью-Іорка приводитъ насъ въ столкновеніе съ европейской націей, которую мы еще не видали въ Сѣверной Америкѣ. Мы говоримъ о Голландіи. Первое населеніе Делавара, какъ мы скоро увидимъ, было также чужестранной колоніей, именно шведской. Наконецъ Пенсильванія была съ самаго начала заселена германской эмиграціей. Такимъ образомъ вся Европа содѣйствовала колонизаціи Сѣверной Америки, и этимъ объясняется особенный своеобразный характеръ американцевъ, различіе кото-

(¹) Исторія Нью-Іорка, Смидта. Bancroft, ch. XV. Story, ch. X.

рыхъ отъ англичанъ скорѣе можно почувствовать, чѣмъ точно опредѣлить.

Безъ сомнѣнія, англійскій типъ беретъ верхъ, не только потому, что англійскіе эмигранты были многочисленнѣе, но и потому, что они съ перваго дня выказали такую энергію, что стали преобладающимъ элементомъ и, какъ римляне, наложили печать на всѣ соприкасавшіяся къ нимъ расы. Однако, не распространяя слишкомъ широко это замѣчаніе, можно совершенно справедливо сказать, что въ нѣкоторыхъ американскихъ штатахъ до сихъ поръ замѣтенъ извѣстный, своеобразный или, если хотите, провинціальный характеръ, который доказываетъ первоначальное различіе между штатами, не сглаженное временемъ. Такъ въ Пенсильваніи германскій элементъ былъ слишкомъ значителенъ, чтобъ не оставить замѣтный слѣдъ въ нравахъ и обычаяхъ народонаселенія; такъ въ новыхъ западныхъ штатахъ, которые своимъ числомъ, населеніемъ и богатствомъ предназначены имѣть громадное вліяніе на судьбы союза, въ Огіо, Иллинойсѣ, Мичиганѣ и Висконсинѣ, постоянно увеличивающаяся германская эмиграція уравновѣшиваетъ эмиграцію, выходящую изъ старыхъ колоній, и слѣдовательно, въ этихъ смѣшанныхъ штатахъ идеи, нравы и вѣрованія не будутъ тѣ же что въ странѣ, обитаемой однородной расой какъ Новой-Англіи.

Впрочемъ, это уже замѣтно и нынѣ, если мы ограничимся идеями политическими. Въ демократическомъ духѣ западныхъ штатовъ мы находимъ нѣчто, напоминающее политическую неопытность германской расы; мы не видимъ тамъ того самообладанія, того духа, мѣры и порядка, которые характеризуютъ народъ совершеннолѣтній и уже давно пользующійся на практикѣ свободы. Великія преданія мудрой революціи 1776 года еще доселѣ живутъ въ Бостонѣ; напротивъ, на западѣ питаютъ скорѣе религіозное уваженіе къ федеральной конституціи, чѣмъ сознательное восхищеніе; эта конституція подверглась бы не одной опасности, еслибъ вліяніе англійскихъ колонистовъ не останавливало бы крайнихъ демократовъ, которыхъ ежегодно и тысячами высылаетъ Германія въ Америку.

Въ штатѣ Нью-Іоркѣ голландцы оставили замѣтные слѣды;

нельзя сказать, чтобы голландская колонія когда либо была многочисленна, но какъ доказываетъ исторія, нѣкоторыя расы отличаются такими рѣзко-опредѣленными чертами, что онѣ никогда не изгладятся. Находясь рядомъ съ другимъ народомъ, подобная раса или измѣняетъ его, или, соединяясь съ нимъ, остается сама долго неизмѣнна. Хотя германская раса, придя въ столкновеніе съ американцами, стушевывается передъ болѣе энергичнымъ духомъ послѣднихъ, хотя во второмъ поколѣніи сынъ германскаго эмигранта забываетъ свое происхожденіе и языкъ своихъ отцевъ, мы находимъ послѣ двухъ вѣковъ въ Нью-Іоркѣ и Альбани голландскіе обычаи; и быть можетъ честному, экономному, практическому духу стараго Амстердама обязанъ Новый Амстердамъ (подъ этимъ названіемъ основанъ Нью-Іоркъ) тѣмъ торговымъ геніемъ, который грозитъ отнять у самаго Лондона комерческое первенство. Быть можетъ Америка также обязана Голландіи первой мыслью о федераціи, которая, уважая мѣстную независимость и дозволяя союзъ самостоятельныхъ провинцій, основало величіе Соединенныхъ Штатовъ.

Изъ всего этого мы видимъ, какъ полезно намъ изучить, какія именно идеи и правительственные порядки принесли съ собою на американскую почву голландцы, протестанты подобно первымъ плимутскимъ колонистамъ, и кромѣ того республиканцы, слѣдовательно, пользовавшіеся восторженнымъ сочувствіемъ пуританъ эмигрантовъ. Мы въ этомъ отношеніи должны поступитъ какъ американцы, которые всегда съ постоянно увеличивающейся любовью изучаютъ происхожденіе первоначальныхъ колоній, исторія которыхъ для нихъ не чужая, а своя, національная.

Вы знаете, какимъ благоденствіемъ пользовалась Голландія въ XVI вѣкѣ, какъ эта страна, едва освободившись изъ кровавыхъ рукъ Испаніи, разомъ заняла въ Европѣ первенствующее мѣсто, благодаря комерческому генію своихъ обитателей. Голландцы, по словамъ Темпля, были перевозчиками всего міра; Амстердамъ сталъ центромъ всей европейской и восточной торговли. Эта страна, не производившая сама хлѣба, была житницей всего континента; эта страна, въ которой не было ни льна, ни овецъ, была величайшей въ Европѣ фабрикой и мастерской полотняныхъ и шерстя-

ныхъ произведеній; эта земля безлѣсная строила болѣе кораблей, чѣмъ весь остальной міръ. Однимъ словомъ, Голландія была то, чѣмъ теперь Англія; въ Голландіи впервые проявились всѣ чудеса комерческой свободы.

Необходимы были вѣка, чтобъ низвести на вторую ступень эту націю, работящую, экономную, энергичную; необходимъ былъ союзъ всѣхъ производительныхъ странъ и соперничество Англіи, поддерживаемой значительными промышленными предпріятіями, чтобы Голландія перестала быть первымъ рынкомъ въ свѣтѣ; и можно предвидѣть, если восторжествуютъ принципы свободы торговли, новое развитіе голландскаго комерческаго флота, съ которымъ и нынѣ не могутъ соперничать никто, даже англичане, въ отношеніи безопасности и экономіи. Существуютъ особыя, національныя свойства, естественныя призванія, которыя всегда развиваются, какъ только прекращается гнетъ внѣшнихъ обстоятельствъ.

Это быстрое развитіе Амстердама, послѣ его освобожденія отъ чужеземнаго ига, не имѣетъ въ новой исторіи ничего себѣ равнаго, кромѣ еще болѣе быстраго развитія Нью-Іорка, который, угнетаемый англійскими будто бы покровительственными законами, имѣлъ въ 1776 году 20,000 жителей, и который нынѣ считаетъ 600,000 душъ (¹). Таково вліяніе свободы на народное благосостояніе!

Страна, какъ Голландія, изобилующая моряками и капиталами, должна была мечтать о колоніи, и дѣйствительно мы видимъ, что очень рано она основываетъ большую восточно-индѣйскую компанію. Подъ этой формой компаній всего удобнѣе было въ Голландіи аристократической республикѣ, состоящей изъ различныхъ корпорацій—получить капиталы и необходимыя средства для основанія колоніи и для управленія ею. Однако, голландцы утвердились въ Сѣверной Америкѣ не съ опредѣленнымъ намѣреніемъ. Они познакомились съ будущимъ штатомъ Нью-Іоркомъ случайно, во время

(1) Въ 1866 году народонаселеніе Нью-Іорка было болѣе миліона и, по всей вѣроятности, через сто лѣтъ Нью-Іоркъ будетъ величайшимъ городомъ и важнѣйшимъ портомъ всего свѣта.

экспедиціи на сѣверо-западъ. Мы знаемъ, что въ XVI вѣкѣ всѣ торговые народы искали на сѣверо-западѣ морскаго прохода, который сократилъ бы на многое переѣздъ изъ Европы въ Индію. Этотъ проектъ не брошенъ и въ наше время. Шатобріанъ мечталъ о немъ, отправляясь въ Америку, а Англія пожертвовала на это громадныя суммы денегъ. Имена Пэрри, Росса и Франклина, особливо послѣдняго, извѣстны всѣмъ.

Въ XVI вѣкѣ усилія торговыхъ націй въ этомъ отношеніи были не менѣе энергичны, ибо надежда на успѣшный исходъ была въ то время гораздо болѣе, благодаря не столь вѣрнымъ свѣдѣніямъ о естественныхъ преградахъ къ плаванію въ этихъ моряхъ, вѣчно загроможденныхъ льдами. Между смѣлыми моряками, предпринимавшими это опасное путешествіе, однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ былъ англичанинъ Генри Гудсонъ. Послѣ двухъ экспедицій, предпринятыхъ на счетъ англійскихъ купцовъ и во время которыхъ онъ достигъ ближе къ полюсу, чѣмъ всѣ его предшественники, онъ по порученію восточно-индѣйской компаніи въ Амстердамѣ, отправился въ новую экспедицію на кораблѣ *„Луна“*. Онъ обогнулъ мысъ Кодъ и, спускаясь къ югу, открылъ плодоносную страну между Делаваромъ и рѣкой, носящей нынѣ его имя; одну изъ этихъ рѣкъ онъ назвалъ южной, а другую сѣверной. Такимъ образомъ, Гудсонъ первый открылъ островъ Мангатанъ. Въ то время это была пустыня; а нынѣ тутъ возвышается Нью-Іоркъ, Венеція новаго свѣта, которая, болѣе счастливая, чѣмъ древняя, пользуется великолѣпнѣйшей сѣтью водяныхъ сообщеній, существующей на землѣ, длиннымъ рядомъ озеръ и рѣкъ, соединяющихъ ея съ Канадой, съ западными штатами и Новымъ-Орлеаномъ.

Поднявшись по сѣверной рѣкѣ болѣе, чѣмъ на пятьдесятъ миль, Гудсонъ въ блестящихъ краскахъ описываетъ открытую имъ страну. По его словамъ, это была великолѣпнѣйшая земля, какую только могъ попирать своими ногами человѣкъ: *„Het schoonste land dat men met voeten betreden kon.“* Но компанія не хотѣла заниматься колонизаціей и вмѣстѣ съ тѣмъ отказалась отъ отысканія сѣверо-западнаго морскаго прохода. Дѣятельный Гудсонъ возвратился въ Англію и нашелъ тамъ общество, которое приняло

его на свою службу. Послѣдствіемъ этого была новая экспедиція, и онъ открылъ заливъ, носящій его имя; но принужденный отступить передъ угрожавшими ему со всѣхъ сторонъ льдами, онъ возбудилъ къ себѣ ненависть своего экипажа, который, измѣнивъ ему, взбунтовался и бросилъ его съ сыномъ и семью приверженцами въ лодку, пущенную на волю судьбы; такимъ образомъ онъ исчезъ въ морѣ, сохранившемъ до нынѣ его память.

По международному праву, страна открытая Гудсономъ въ то время, когда онъ находился на службѣ голландской компаніи, принадлежала нидерландской республикѣ, развѣ только кто либо иной открылъ ее раньше (на этой почвѣ впослѣдствіи англичане основали свои притязанія). Впрочемъ, сначала не думали извлекать другой пользы изъ этой экспедиціи какъ открытіе комерческихъ сношеній съ туземцами, потомъ столь извѣстными подъ именемъ Пяти-Націй. Эти племена были Могоки, Сенеки, Онеиды, Онондаги и Кэугасы ([1]). Только въ 1621 году была основана почти съ самодержавными привилегіями Восточно-индѣйская компанія, которая должна была предпринять колонизацію ([2]); а съ 1623 года територія между Делаваромъ и мысомъ Кодомъ была названа Новыми Нидерландами, или, какъ говорили наши отцы, Новой Бельгіей. Правительство колоній состояло изъ главнаго директора и совѣта, которымъ принадлежала вся власть законодательная, исполнительная и судебная. Не было и помину, какъ въ англійскихъ колоніяхъ, о мѣстномъ представительномъ собраніи.

Первые года существованія колоніи прошли въ мирныхъ переговорахъ съ индѣйцами и въ покупкѣ у нихъ мѣховъ. Оранскій фортъ, нынѣ Альбани, былъ крайній пунктъ торговли съ туземцами. Только въ 1629 году издана была хартія, предоставлявшая права и привилегіи *патронамъ*, колонизировавшимъ новую страну.

Эта хартія для насъ любопытна, ибо до сихъ поръ сохранят-

---

(1) Впослѣдствіи Тускароры, изгнанные изъ Виргиніи, присоединились къ конфедераціи и составили шестую націю.

(2) Объ этой компаніи смотри сочиненіе Ашера, упоминаемое далѣе.

ся слѣды установленной ею системы. Въ послѣдніе годы по этому поводу были безпорядки въ штатѣ Нью-Іорка, и дѣло доходило до народнаго возстанія, съ характеромъ котораго мы должны познакомиться, чтобы не заблуждаться на счетъ предмета, который до насъ очень близко касается и составляетъ одинъ изъ животрепещущихъ современныхъ вопросовъ; мы говоримъ о поземельной собственности. Быть можетъ, вы слыхали о безпорядкахъ, произведенныхъ *антирентерами*, или врагами поземельной ренты. Фениморъ Куперъ посвятилъ этому предмету одинъ изъ своихъ романовъ, я не скажу самый интересный, но самый любопытный съ точки зрѣнія изученія мѣстныхъ нравовъ. *Воронье гнѣздо* или *краснокожіе* (*Ravensnest*) относится до первыхъ временъ основанія Новой Бельгіи.

Хартія, о которой мы говоримъ, какъ всѣ другія хартіи того времени, учреждала колонію по образцу метрополіи. Въ Виргиніи и Масачусетѣ старались основать Новую-Англію; въ Канадѣ мы учреждали Новую-Францію, по феодальному образцу съ парижскими нравами; точно также и голландцы основывали колонію по образцу Голландіи, по плану чисто національному.

Подобно тому, какъ въ Голландіи поселяне новой колоніи (*Boers*,—какъ до нынѣ они называются на мысѣ Доброй Надежды) не имѣли никакихъ политическихъ правъ и находились въ томъ положеніи феодальной зависимости, которая лишаетъ человѣка энергіи, необходимой для большихъ предпріятій,—всѣ заботы по управленію были вручены богатымъ купцамъ и крупнымъ землевладѣльцамъ. Всякій, кто въ продолженіи четырехъ лѣтъ присвоивалъ себѣ права индѣйцевъ на землю и основывалъ колонію въ пятьдесятъ душъ, становился владѣльцемъ замка или патрономъ и пріобрѣталъ право абсолютной собственности или, по крайней мѣрѣ, право пользованія на тѣ земли, которыя онъ обрабатывалъ. Онъ могъ основать феодальный доменъ въ шестнадцать миль въ длину и если на этой территоріи возникалъ городъ, то патрону принадлежало право устроить городскую администрацію и пользоваться судебной властью, конечно, подъ условіемъ апеляціи въ метрополію. На основаніи этого акта, небольшое число патроновъ раздѣлило между собою землю колоніи и между прочимъ

семейство фанъ-Ренселэръ сдѣлалось собственникомъ територіи, окружавшей Оранжскій фортъ и находящейся большею частью доселѣ въ его рукахъ, такъ что это семейство одно изъ богатѣйшихъ въ свѣтѣ (1).

Далеко было этому обществу, совершенно лишенному политической жизни, до энергическаго строя Новой-Англіи, и легко понять, что развитіе голландской колоніи было чрезвычайно медленно съ развитіемъ пуританской. Какое различіе между этими поселянами, фермерами патрона, зависящаго въ свою очередь отъ компаніи, въ сравненіи съ грубыми собственниками Масачусета и Коннектикута, которые зависѣли только отъ самихъ себя (2).

Уступку земли патроны дѣлали на вѣчныя времена, подъ условіемъ довольно легкой, натуральной повинности, которая съ развитіемъ земледѣлія стала еще легче. Кромѣ того поселяне были обложены нѣкоторыми личными повинностями и налогами въ пользу владѣльца. Всѣ эти повинности, согласно духу времени, были вѣчныя, какъ и самая уступка имъ земли, и никогда не могли быть выкуплены. Противъ этой-то поземельной ренты и противъ этихъ повинностей, платимыхъ въ видѣ процентовъ на капиталъ слѣдующій за землю, находившуюся въ рукахъ поселянъ, основана была лига *антирентеровъ*. Эта лига дошла до такихъ печальныхъ крайностей, что Нью-Іоркскій штатъ былъ принужденъ издать законы, которые могли бы быть оправданы, еслибъ ихъ не предписывало насиліе.

Мы, во Франціи, провозгласили поземельныя ренты подлежащими выкупу скорѣй изъ ненависти къ феодализму, чѣмъ въ виду интересовъ собственности; и нѣтъ причины, почему бы Америка, гдѣ никогда не существовалъ феодализмъ, не могла бы слѣдовать нашей политики. Это не было бы нарушеніемъ договоровъ, ибо договоры, уважать которые обязанъ законъ, только заключен-

(1) О голландской колонизаціи смотри любопытную книгу Ашера: Bibliographical and Historical Essay on the Dutch Books and pamphlets relating to New Netherland to the Dutch West-India Company. By G. N. Asher.—Amsterdam. 1854.

(2) Asher, p. 6—10.

ные между живыми людьми, а не обязательства, которыми существующее поколѣніе связывало бы и превращало въ рабство будущее поколѣніе. Очевидно, что общество не можетъ быть связано на вѣки распоряженіемъ частнаго лица и относительно всѣхъ завѣщаній въ пользу благоугодныхъ дѣлъ, вымороченныхъ имуществъ и другихъ распоряженій въ интересахъ отдѣльнаго семейства; общество имѣетъ всегда право, подъ условіемъ законнаго вознагражденія потерпѣвшихъ лицъ, расторгнуть узы, ее гнетущія. Въ противномъ случаѣ, всякій отдѣльный человѣкъ былъ бы могущественнѣе общества и могъ бы навязать ему свою волю на долгое время, даже послѣ своей смерти. Земля принадлежитъ живымъ, какъ доказалъ это Тюрго [1]; и очевидно, что всякое обстоятельство, гнетущее собственность или собственника, подлежитъ дѣйствію законовъ, не смотря на какія бы то ни было распоряженія частныхъ лицъ.

Поэтому Нью-Іоркское законодательное собраніе имѣло полное право въ 1846 году измѣнить законы, относящіеся до разсматриваемаго нами предмета. Съ одной стороны, оно подвергло налогу ренты, на долгій срокъ, что значило брать двойной налогъ съ поземельнаго дохода, а съ другой (конституція запрещала касаться договоровъ, но не наслѣдствъ) оно постановило, что со смертью патрона арендаторъ могъ превратить поземельную ренту въ ипотечную и такимъ образомъ владѣть землею на правахъ полнаго собственника. Эта послѣдняя мѣра была хорошая, справедливая, но грустно сознаться, что реформа произведена изъ угожденія народнымъ страстямъ, и что, какъ вполнѣ доказываетъ романъ Купера, Нью-Іоркскія власти дѣйствовали только въ видахъ популярности, что не говоритъ въ пользу ихъ гражданской добродѣтели. Я нарочно напираю на это объясненіе дѣятельности Нью-Іорка, чтобы читатели не подумали, что комунизмъ имѣетъ какія либо надежды на успѣхъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Нѣтъ ничего непопулярнѣе этого ученія въ Америкѣ; ненависть, питаемая къ мормонамъ, служитъ яснѣйшимъ тому доказательствомъ. Напро-

---

(1) Encyclopédie. art. Fondation.

тивъ, любовь къ независимости побуждаетъ собственника требовать абсолютной свободы земли. Въ странѣ, гдѣ каждый отдѣльный человѣкъ самъ себѣ господинъ, нелѣпо было бы всякое закрѣпленіе земли. Человѣкъ всегда придаетъ поземельной собственности ту форму, которая всего ближе подходитъ къ его собственному положенію. Комунистическія теоріи имѣютъ надежду на успѣхъ только въ государствѣ деспотическомъ или централизаціонномъ, тамъ, гдѣ правительство все, а индивидуумъ только колесо въ государственной машинѣ; но въ государствѣ, гдѣ все сводится и подчиняется индивидууму, какъ въ Америкѣ, подобныя теоріи не соблазняютъ, а возмущаютъ общество, вполнѣ сознающее, что свобода земли вмѣстѣ причина и послѣдствіе индивидуальной свободы. Вотъ одно изъ основаній, почему республика хорошая форма правленія; она лучше всякой другой системы приводитъ къ децентрализаціи и индивидуальной независимости; это организація самая роковая для комунизма, мечты нѣкоторыхъ пламенныхъ умовъ, опасность которой, я убѣжденъ, слишкомъ преувеличиваютъ для страны, гдѣ собственность, какъ во Франціи, клонится ежедневно все къ большему и большему раздѣленію, т. е. индивидуализированію.

Но возвратимся къ голландской колоніи. Феодальная форма собственности была чрезвычайно неблагопріятна для новаго поселенія. Это значило основать все общественное зданіе на самолюбіи нѣсколькихъ людей, а не на энергіи всѣхъ гражданъ. Поэтому естественно, плантація оставалась бѣдной и щедушной до той минуты, какъ двойная эмиграція измѣнила духъ плантаторовъ. Первая изъ нихъ состояла изъ протестантовъ, бѣжавшихъ изъ Европы, вторая многочисленнѣйшая явилась изъ Новой-Англіи. Изъ Европы много эмигрантовъ выселилось въ Новую-Бельгію, потому что индѣйская компанія, вѣрная тѣмъ благороднымъ принципамъ, которые создали благоденствіе Голландіи, перенесли ихъ въ Новый Свѣтъ. Директора компаніи, услыхавъ, что губернаторъ посадилъ въ тюрьму квакеровъ въ 1660 году, написали ему энергичный выговоръ, въ которомъ между прочимъ было сказано:

„Пускай каждый мирный гражданинъ пользуется полной сво-

бодой. Этотъ принципъ сдѣлалъ нашъ Амстердамъ убѣжищемъ для изгнанниковъ всѣхъ странъ. Идите по его слѣдамъ и вы поступите благородно."

Побуждаемый человѣколюбіемъ, Амстердамъ предлагалъ всѣмъ изгнанникамъ за религію даровой переѣздъ въ колонію и гостепріимный тамъ пріемъ; такъ что когда протестантскія церкви въ Ларошели были сглажены съ лица земли, кальвинисты всей массой переселились въ Новыя-Нидерланды, гдѣ и основали Новую-Ларошель, въ память о той родинѣ, которая изгнала ихъ. Число этихъ эмигрантовъ было до того велико, что въ продолженіи нѣкотораго времени всѣ публичные акты писались на французскомъ языкѣ, рядомъ съ англійскимъ и голландскимъ текстами.

Туда же эмигрировали евреи, которыхъ не принимали другія колоніи, а также значительное число изгнанниковъ всѣхъ націй, изъ Франціи, Бельгіи, Богеміи, съ береговъ Рейна, или изъ самой Голландіи, куда они сначала переселились изъ своего отечества. Вѣротерпимость и плодородная почва привлекли туда и множество пуританъ. Съ самаго начала на Мангатанѣ было столько англичанъ, что всѣ законы и постановленія писались на обоихъ языкахъ. Цѣлые города были основаны англичанами подъ покровительствомъ и съ согласія голландцевъ. Въ этомъ скрывалось зерно будущей, неизбѣжной революціи.

Съ 1652 года мы видимъ, что Новый-Амстердамъ пользуется муниципальными привилегіями голландскихъ городовъ, но отъ этого еще далеко было до свободы, царившей въ Новой-Англіи. Въ этомъ городѣ были горожане, но не граждане. Быть горожаниномъ значило имѣть участіе въ комерческой монополіи, какъ въ нашихъ старинныхъ французскихъ городахъ, но болѣе ничего. Губернаторъ назначалъ шерифа, а служащіе два бургомейстра и пять эшевеновъ представляли двойной листъ своихъ преемниковъ директору, который самъ выбиралъ членовъ совѣта (¹).

Законодательная власть, назначеніе чиновниковъ, наложеніе налоговъ, всѣ эти права гражданъ Новой-Англіи принадлежали

(¹) Bancroft, 2.—305.

директору и совѣту, назначаемымъ компаніей. Такая система не могла согласоваться съ свободнымъ духомъ пуритан; они скоро научили голландцевъ надѣяться только на себя въ дѣлахъ внутренняго управленія. Въ 1653 году, они организовали помимо директора нѣчто въ родѣ національнаго конвента, потребовавшаго для плантаторовъ участія въ составленіи законовъ и въ назначеніи чиновниковъ и судей.

Вотъ петиція, написанная Джорджемъ Бакстеромъ, имя котораго обнаруживаетъ уже его англійское происхожденіе, петиція, принятая единогласно и представленная губернатору Стюивезанту:

„Генеральные штаты Нидерландовъ наши законные государи, мы подчиняемся законамъ Голландіи; но наши права и привилегіи должны согласоваться съ тѣми, которыми пользуются граждане нашего отечества, ибо мы члены государства, а не побѣжденный народъ. Мы, пришедшіе сюда изъ различныхъ частей свѣта, и составившіе общину изъ различныхъ расъ, мы, которые на свой счетъ прибыли сюда, ища покровительства Голландіи, и превратили пустыню въ обработанныя поля, мы просимъ, чтобы безъ согласія всего народа не издавали новыхъ законовъ и не назначали чиновниковъ, а также, чтобъ не возобновляли давно брошенныхъ, мрачныхъ законовъ.“

Губернаторъ пришелъ въ негодованіе отъ такихъ чрезвычайныхъ требованій колоніи, считавшей не болѣе нѣсколькихъ тысячъ жителей; онъ призналъ въ нихъ опасныя мечты обитателей Новой-Англіи, ибо не таковъ былъ старинный духъ голландцевъ. Народные представители упорствовали: „Мы хотимъ, говорили они, только благоденствія и свободы нашей страны. Люди, по своей природѣ, имѣютъ право соединяться въ общество для огражденія своей свободы и собственности.“ Истощивъ всѣ свои доводы, Стюивезантъ прибѣгъ наконецъ къ силѣ и распустилъ собраніе.— „Я получилъ свою власть, сказалъ онъ, отъ Бога и индѣйской компаніи, а не отъ доброй воли горсти невѣждъ.“ Компанія съ своей стороны одобрила поведеніе губернатора и объявила, что сопротивленіе произвольнымъ правительственнымъ налогамъ было противно всѣмъ принципамъ образованнаго правительства.— „Мы одобряемъ всѣ предложенные вами налоги, писали директора къ

Стювезанту: — и не обращайте никакого вниманія на согласіе народа. Не дозволяйте ему тѣшить себя мечтами утопистовъ, что никакой налогъ не можетъ быть наложенъ безъ разрѣшенія народа.“

Но народъ упорствовалъ въ своей мечтѣ; сборъ налоговъ сдѣлался невозможенъ, и плантаторы начали питать надежду, что отдавшись подъ покровительство Англіи, они будутъ пользоваться всею свободою сосѣднихъ колоній.

Англія никогда не признавала правъ Голландіи на эту територію; хартіи сѣверной и южной компаній не допускали никакого чужеземнаго поселенія, ибо они обнимали всю Америку отъ Новой-Шотландіи до Флориды. Кромвель думалъ о покореніи Новой-Бельгіи, а Карлъ II тотчасъ послѣ своего восшествія на престолъ, побуждаемый столько же личной непріязнью къ Нидерландамъ, какъ и государственными видами, не призналъ голландскихъ владѣній въ Америкѣ, не смотря на сорокалѣтнюю давность. Въ мартѣ 1664 года онъ далъ своему брату, герцогу іоркскому, привилегію, по которой вся Новая-Бельгія и даже часть Масачусета и Коннектикута поступали подъ его владѣніе, подъ именемъ територіи Нью-Іорка (1). Хартія эта предоставляла герцогу право управлять страной и чинить судъ и расправу согласно законамъ и постановленіямъ, которыя онъ найдетъ удобнымъ установить, благо бы только они какъ можно болѣе подходили къ законамъ и статутамъ англійскаго королевства, а также признавали бы право апеляціи по важнымъ дѣламъ въ королевской власти (2). Такимъ образомъ герцогу предоставлялась власть почти что королевская, но въ тоже время колонистамъ обезпечивалась свобода англійскихъ гражданъ.

Прежде, чѣмъ голландцевъ предупредили о грозившей имъ опасности, англійская эскадра явилась передъ Мангатаномъ, въ сентябрѣ 1664 г. и потребовала признанія верховной власти герцога Іоркскаго. Губернаторъ былъ храбрый, старый служака, но

---

(1) Hildreth. — History of the United States. — t. I. p. 444.
(2) Story. § 111.

у него не было никакихъ средствъ обороны. Призвать на помощь англійскихъ колонистовъ было, по собственному выраженію Стюйвезанта, ввести въ стѣны города троянскую лошадь. — „Вы не можете себѣ представить, писалъ онъ: —какъ ненавидятъ и презираютъ здѣсь компанію; жители этой земли открыто объявляютъ, что голландцы никогда не имѣли никакого права на нее.“ Дѣйствительно, англичане не только помогли защитѣ голландской компаніи отъ своихъ соотечественниковъ, но сами голландцы, негодуя на компанію и директора, спокойно смотрѣли, какъ рушилось правительство, которое даже для нихъ не было національнымъ. Сдача колоніи произошла при посредничествѣ муниципальной корпораціи Новаго-Амстердама. По условіямъ капитуляціи (1), колонисты сохранили свою собственность, муниципальныя вольности и законъ о наслѣдствѣ, устанавливавшій равенство раздѣла; они также оговорили себѣ право свободной торговли съ Голландіей. Кромѣ того были подтверждены привилегіи реформатской голландской церкви и свобода совѣсти для всѣхъ остальныхъ колонистовъ; наконецъ было обѣщано, что никакіе налоги не будутъ взимаемы иначе, какъ съ согласія мѣстнаго собранія.

Другими словами, англійская организація, болѣе широкая и либеральная, замѣнила узкую корпоративную систему, введенную Голландіей. Единственныя учрежденія, оставшіяся въ прежнемъ видѣ, были патронатъ, субституціи и поземельныя ренты; первыя сохранились до 1776 года, а послѣднія до нашихъ дней. Очевидно, колонія достаточно выигрывала отъ перемѣны и завоеваніе далеко не было для нея гибельнымъ. Очень небольшое число плантаторовъ возвратилось въ Голландію; остальные же признали покровительство Англіи. Самъ Стюйвезантъ остался въ плантаціи до самой своей смерти. Такимъ образомъ Новый-Амстердамъ сдѣлался Нью-Іоркомъ.

Миръ, заключенный въ Бредѣ въ 1667 году, подтвердилъ завоеваніе англичанъ. Согласно правилу *uti possidetis*, англичане удержали Нью-Іоркъ, а голландцы Суринамъ. Въ войнѣ съ Гол-

(1) Histoire de la Nouvelle-York. p. 45.

ландіею, которая вскорѣ снова возгорѣлась, колонія была отнята у англичанъ, но вторично возвращена герцогу Іоркскому по миру 1674 года, и съ тѣхъ поръ вся страна между Алеганами и моремъ всегда оставалась въ рукахъ англичанъ.

Вступая вторично во владѣніе дарованной ему колоніи и сомнѣваясь въ законности первой привилегіи, герцогъ Іоркскій выпросилъ у своего брата новую концессію; въ силу этой-то хартіи, полученной въ іюнѣ 1674 года, онъ управлялъ колоніей до вступленія своего на престолъ. Но онъ далеко не былъ либераломъ и не очень жаловалъ народныя собранія. Недовольная колонія требовала отъ губернатора Андроса, имя котораго мы уже упоминали, признанія тѣхъ вольностей, которыя имъ были обѣщаны, именно права вотировать налоги и мѣстные законы. Отвѣтъ Якова чрезвычайно характеристиченъ:

„Я не могу не предположить, говоритъ Яковъ, что эти собранія будутъ очень опасны; всѣмъ извѣстны ихъ стремленія присвоить себѣ многія привилегіи, которыя, однажды имъ дарованныя, только уничтожаютъ или мѣшаютъ правительствамъ и общественнымъ порядкамъ. Къ тому же я не вижу для этого никакой необходимости. Если существуютъ злоупотребленія, то для этого есть обыкновенные законы и суды, а въ случаѣ надобности—апеляція ко мнѣ. Однако, я, во всякомъ случаѣ, разсмотрю тѣ предположенія, которыя вы сочтете нужнымъ мнѣ представить.“

Но какъ бы то ни было, пришлось уступить, ибо колонисты упорно отказывались платить налоги, не вотированные ими, и въ 1683 году было созвано собраніе для утвержденія *хартіи свободы*, которая ни въ чемъ не уступала подобнымъ же хартіямъ Виргиніи и Масачусета (1).

Вотъ эта хартія; я не боюсь повторяться и приводить эти деклараціи правъ, какъ бы списанныя одна съ другой, ибо онѣ показываютъ каково было въ то время общественное мнѣніе въ американскихъ колоніяхъ и какія идеи одушевляли народъ. Въ отношеніи свободы, народъ этотъ былъ болѣе развитъ въ 1683 году, чѣмъ мы въ 1789 году.

---

(1) Hildreth.—History of the United States, 2—76.

„Верховная законодательная власть сосредоточена въ рукахъ губернатора, совѣта и народа, созваннаго въ общемъ собраніи, и будетъ принадлежать имъ навсегда. Каждый свободный человѣкъ (freeman) избираетъ народныхъ представителей и не можетъ быть арестованъ иначе, какъ по суду себѣ равныхъ, точно также всѣ уголовныя дѣла рѣшаются приговоромъ двѣнадцати присяжныхъ. Никакой налогъ не можетъ быть наложенъ подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, безъ согласія народа. Солдаты и матросы впредь никогда не будутъ ставиться постоемъ у жителей, противъ ихъ желанія. Военные законы, вездѣ уничтоженные, не могутъ быть возобновлены. Никто, открыто вѣрующій въ Бога въ лицѣ Іисуса Христа, не будетъ ни въ какомъ случаѣ преслѣдуемъ за свои убѣжденія."

Такимъ образомъ, говоря языкомъ нашего времени, колонисты требовали отъ Якова свободы религіозной и личной, права составлять законы и вотировать налоги; они требовали это не какъ привилегію, а какъ естественнаго права каждаго англійскаго гражданина.

Въ ту самую минуту, когда колонія думала, что наконецъ правительство будетъ въ ея рукахъ, Іаковъ II, взойдя на престолъ, отнялъ всѣ сдѣланныя уступки, установилъ налоги по предписанію правительства и сталъ оспаривать у обитателей ихъ право собственности. Это была система общаго угнетенія, распространенная на всѣ колоніи, и главный ея дѣятель былъ Андросъ. Поэтому при первой вѣсти объ экспедиціи принца Оранскаго, Нью-Іоркъ возсталъ по примѣру другихъ колоній Новой-Англіи; англичане требовали возвращенія несправедливо отнятыхъ вольностей; голландцы торжествовали въ лицѣ своего принца; ихъ соотечественникъ всходилъ на англійскій престолъ и, конечно, не могъ отказать имъ въ признаніи ихъ гражданами. На основаніи этого, въ первомъ послѣдовавшимъ за этимъ событіемъ народномъ собраніи, плантаторы возобновили свою декларацію правъ, но Вильгельмъ отказался ее утвердить, не потому, чтобъ онъ оспаривалъ права англійскихъ гражданъ, но потому, что въ то время сомнѣвались, распространялись-ли на колоніи англійскія вольности. Государственные люди изъ партіи виговъ, какъ напр., Соммерсъ и

Локъ признавали въ колоніяхъ такое широкое толкованіе королевской прерогативы, которое было немыслимо въ метрополіи; они не хотѣли даровать плантаторамъ другихъ правъ, кромѣ тѣхъ, которыя были имъ спеціально даны королевской властью (1).

Однако, во всякомъ случаѣ, революція, возведшая на англійскій престолъ Вильгельма Оранскаго, превратила всѣ злоупотребленія королевской власти, которая въ Америкѣ и въ Англіи грозила задушить свободу и всѣ народныя права. Съ этого времени всѣ колонисты, безъ различія происхожденія, считались англійскими подданными, населяющими провинцію Великобританіи. Имъ не была дана никакая особенная хартія, но они пользовались всѣми національными правами и привилегіями; и признанія этихъ правъ они требовали такъ упорно, что одинъ изъ первыхъ губернаторовъ, удивленный этой пламенной любовью къ свободѣ, не всегда англійскаго происхожденія, говорилъ: — „Нѣтъ ни одного между вами, который бы не гордился своими правами англійскаго гражданина и великой хартіей."

Съ того времени правительство въ колоніи было такое же, какъ въ королевскихъ провинціяхъ; оно состояло изъ губернатора, назначаемаго королемъ, и общаго собранія представителей, избираемыхъ собственниками. Эта форма правительства существовала до революціи.

Религіозная свобода также не была нарушаема; вѣротерпимость была одна изъ побѣдъ революціи 1688 года, но существовало печальное исключеніе для папистовъ, т. е. для католиковъ. Царствованіе Іакова II только что кончилось, и отмѣна Нантскаго эдикта наполняла Англію и Америку жертвами католическихъ гоненій. Протестанты не могли изобрѣсть ничего лучшаго, какъ отомстить за гоненія мученичествомъ. Въ началѣ XVIII вѣка законъ угрожалъ вѣчнымъ тюремнымъ заключеніемъ всякому іезуиту или католическому священнику, схваченному въ колоніи, а если онъ успѣлъ бѣжать и вновь явиться, то подлежалъ смертной казни. Это постановленіе, по словамъ историка колоніи Смита, писавшаго око-

(1) Hildreth. History of the United States, II, 124.

ло 1750 года, было достойно существовать вѣчно. Нью-Іоркская конституція 1774 года требуетъ еще отъ всякаго желающаго натурализоваться клятву отреченія отъ всякаго чужестраннаго подданства и подчиненія законамъ государства, какъ въ дѣлахъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ; это постановленіе имѣло цѣлью лишить католиковъ возможности воспользоваться всѣми благодѣяніями натурализаціи.

Такова странность человѣческаго ума. Справедливость, кажущаяся естественнымъ закономъ этого ума, проникаетъ въ него только постепенно и какъ бы съ усиліемъ; предразсудокъ царитъ въ немъ долго; и никогда, выходя изъ рабства, человѣкъ не хочетъ признавать свободы своихъ прежнихъ повелителей, словно борьба до того его согнула, что онъ не можетъ возвратить себѣ равновѣсія.

Я не скажу ни слова о гражданскихъ законахъ Нью-Іорка. Если вѣрить Стори и Кенту, то эта колонія болѣе всѣхъ другихъ удержала заимствованныя у метрополіи учрежденія; этотъ штатъ, хотя и подвергалъ свои законы тремъ или четыремъ пересмотрамъ, всего лучше сохранилъ мудрые англійскіе принципы.

Что касается до общаго характера жителей, то колонія, образованная изъ тройнаго потока эмиграцій, голландской, пуританской и европейской, всегда поражала своимъ космополитствомъ. Нью-Іоркъ заимствовалъ у Англіи ея муниципалитеты и школы; она сохранила отъ Голландіи духъ торговли и смекалку въ большихъ дѣлахъ; наконецъ, общей эмиграціи всѣхъ подозрительныхъ людей и искателей приключеній Европы, онъ обязанъ той свободой отъ предразсудковъ и той пламенной энергіей, которыя отличаютъ его отъ сдержанности Новой-Англіи и дѣлаетъ его главою демократической партіи въ союзѣ, истинной столицей Соединенныхъ Штатовъ.

Нью-Іоркъ впрочемъ игралъ большую роль въ революціи и въ событіяхъ, сопровождавшихъ принятіе конституціи; онъ съ самаго начала отличался либеральнымъ характеромъ, которому никогда впослѣдствіи не измѣнялъ, а напротивъ, доходилъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ слишкомъ далеко. Это точка соприкосновенія Америки съ Европой, точка, чрезъ которую всего легче проникали въ Америку наши идеи, наша цивилизація и наши недостатки.

ЧТЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

Центральныя колоніи.

3. Нью-Джерсей. 4. Делаваръ. 5. Пенсильванія.

Мм. Гг.

Мы видѣли въ прошломъ чтеніи, какъ Карлъ II, основываясь на открытіи Кабо, отдалъ своему брату герцогу Іоркскому всю територію, занятую болѣе сорока лѣтъ голландской колоніей Новой-Бельгіи. Эта територія была гораздо значительнѣе Нью-Іоркскаго штата, она простиралась до рѣки Делавара; но въ самый годъ концесіи, въ 1664 году, не ранѣе экспедиціи, долженствовавшей утвердить ея права, герцогъ Іоркскій уступилъ всю страну между Нью-Іоркомъ и Делаваромъ двумъ англійскимъ вельможамъ, которыхъ мы впослѣдствіи встрѣтимъ въ числѣ землевладѣльцевъ Каролины: лорду Берклею и серу Джоржу Картерету. Эта провинція была названа Нью-Джерсей (по латыни nova coesarea) въ честь Картерета, губернатора Джерсея, который во время междоусобій послѣдній спустилъ королевское знамя. Такимъ образомъ Новая-Бельгія раздѣлилась на двѣ колоніи подъ различными именами: Нью-Іоркъ и Нью-Джерсей.

Собственники послѣдней провинціи, желая населить страну, гдѣ уже распространились шведы и голландцы, поспѣшили даровать свободу религіозную и политическую всѣмъ желающимъ поселиться на ихъ плантаціи. Свобода была уже самой могущественной приманкой для колонизаціи; и дѣйствительно, одно время изъ Нью-Іорка перешло въ новый штатъ громадное количество эмигрантовъ, прельщенныхъ свободою, въ которой имъ отказывалъ герцогъ Іоркскій.

Въ 1676 г., собственники колоніи раздѣлили Нью-Джерсей на два штата; одинъ остался за Картеретомъ, а другой западный за

лордомъ Берклеемъ, который продалъ его за тысячу фунтовъ компаніи квакеровъ, просившихъ также у Америки убѣжище отъ религіозныхъ преслѣдованій. Во главѣ этой компаніи былъ Вильямъ Пенъ (1). Тогда между квакерами и лордомъ Картеретомъ возникло благодѣтельное для свободы соперничество; та и другая сторона старались наперерывъ привилегіями привлечь къ себѣ эмигрантовъ. Такъ, напримѣръ, въ обѣихъ колоніяхъ вся власть была предоставлена мѣстному собранію; Нью-Джерсей съ самаго начала былъ демократіей.

Это раздѣленіе страны между двумя компаніями, затрудненія, происходившія отъ концесіи герцога Іоркскаго, и желаніе короля соединить всѣ колоніи подъ своей личной властью побудили Нью-Джерсей присоединиться къ Нью-Іорку и къ Новой-Англіи въ 1683 г. Когда революція въ 1688 году возвратила провинцію собственникамъ, то они нашли чрезвычайно труднымъ и дорогимъ управленіе страной, привыкшей къ самоуправленію и оспаривавшей даже самое легкое феодальное право, предоставленное себѣ основателями колоніи, именно право собирать налогъ, называемый quit-rent (2), поэтому они отказались отъ всѣхъ своихъ политическихъ правъ въ апрѣлѣ 1702 года и оставили за собою только права собственниковъ земли.

Съ этого времени до революціи 1776 года, Нью-Джерсей былъ королевской провинціей, управляемой губернаторомъ и совѣтомъ, назначаемыми правительствомъ и мѣстнымъ собраніемъ, избираемымъ плантаторами. Свобода совѣсти была гарантирована всѣмъ поселенцамъ, за исключеніемъ, какъ всегда, католиковъ. Населенный большею частью эмигрантами изъ Новой-Англіи и квакерами, привыкнувъ издавна къ демократіи, Нью-Джерсей всегда отличался ревностной преданностью къ свободѣ; такъ онъ игралъ очень дѣятельную и энергичную роль въ революцію, такъ онъ

---

(1) Для привлеченія эмигрантовъ, собственники квакеры издали описаніе Нью-Джерсея, напечатанное въ англійской Америкѣ, Ричарда Блома, французскій переводъ котораго вышелъ въ Амстердамѣ въ 1688 году.

(2) Bancroft II, 355.

былъ одинъ изъ первыхъ штатовъ, подавшихъ голосъ за независимость и признавшихъ федеральную конституцію.

Мы видимъ, что исторія этой плантаціи немногосложна; она резюмируется въ одномъ фактѣ: въ искренней и постоянной любви къ свободѣ политической и религіозной; это не гораздо ли лучше тѣхъ лѣтописей, въ которыхъ такое видное мѣсто занимаютъ волненія, причиняемыя деспотизмомъ?

Опытъ колонизаціи Нью-Джерсея познакомилъ Вильяма Пена съ тѣми богатыми средствами, которыми владѣла Сѣверная Америка и особливо берега Делаваръ. По естественному самолюбію главы секты, онъ хотѣлъ основать колонію для общества друзей (такъ они называли сами себя, а не квакерами, т. е. трясучками), котораго онъ былъ самымъ сильнымъ оплотомъ по уму, рожденію и положенію.

Нѣсколько словъ объ этомъ замѣчательномъ во многихъ отношеніяхъ человѣкѣ не будутъ лишними не только потому, что колонизація Пенсильваніи его дѣло, но и потому, что въ прошедшемъ столѣтіи Пенъ служилъ французскимъ философамъ предметомъ всеобщаго удивленія и сочувствія. Откройте Вольтера (1), Мабли или Реналя и вы подумаете, что Пенъ былъ первый законодатель Америки или, по крайней мѣрѣ, первый ввелъ туда вѣротерпимость, свободное правительство и человѣколюбивое обращеніе съ индѣйцами. Во всемъ этомъ много преувеличенія; Пенсильванія была одна изъ послѣднихъ колоній, основанныхъ въ странѣ, никогда не знавшихъ другаго правительства, какъ свободнаго, и мы вскорѣ увидимъ, что конституція, выработанная эмигрантами, была заимствована изъ сосѣднихъ провинцій или даже, если хотите, списана съ англійскаго, а не съ проекта Пена. Что касается до вѣротерпимости, то лордъ Бальтиморъ и Роджеръ Вильямсъ утвердили этотъ принципъ гораздо ранѣе знаменитаго квакера и они же первые стали мягко обходиться съ индѣйцами, признавая ихъ права. Но во всякомъ случаѣ человѣкъ

---

(1) Dictionnaire Philosophique, V, quaker.

не можетъ занимать такое мѣсто въ исторіи, какъ Пенъ, не имѣя на то права; если не онъ первый провозгласилъ славные принципы справедливости и свободы, то, конечно, онъ былъ однимъ изъ самыхъ энергичныхъ и просвѣщенныхъ ихъ защитниковъ. Онъ посвятилъ ихъ торжеству свою жизнь и свое состояніе; онъ былъ апостоломъ вѣротерпимости и свободы; это имя, которымъ можетъ по истинѣ гордиться Америка, счастливая страна, считающая среди своихъ сыновъ столько мирныхъ героевъ и ни одного завоевателя!

Вильямъ Пенъ родился въ 1644 году въ Лондонѣ и былъ единственный сынъ вице-адмирала Вильяма Пена, храбраго моряка, завоевавшаго при Кромвелѣ Ямайку и произведеннаго въ баронеты Карломъ II за побѣду, одержанную надъ голландцами въ 1665 году, подъ предводительствомъ герцога Іоркскаго. Получивъ воспитаніе въ Оксфордѣ, юный Пенъ съ ранняго дѣтства былъ прельщенъ проповѣдью одного квакера; изгнанный изъ университета и родительскаго дома, онъ удалился во Францію, въ Сомюръ, для изученія кальвинистской теоріи; по возвращеніи же въ Англію, къ отчаянію всего своего семейства, онъ открыто поступилъ въ число квакеровъ, которыхъ преслѣдовали въ то время, какъ нехристей, и раздѣлилъ съ ними апостольство, гоненія и заключеніе въ тюрьмѣ. Смерть отца сдѣлала его собственникомъ большаго состоянія и кредиторомъ правительства на сумму 16,000 фунтовъ стерлинговъ. Въ эпоху, когда Америка была не населена и, слѣдовательно, не имѣла большаго значенія, когда провинція Менъ была продана Масачусету за 1,000 ф. ст., со стороны Пена не было дерзостью просить у короля концесіи земли въ Америкѣ въ уплату постоянно отсрочиваемаго долга, и Карлъ II нашелъ чрезвычайно выгоднымъ уступить на такихъ условіяхъ Пену территорію между Мэриландомъ и Делаваромъ. Концесія этой територіи была сдѣлана, какъ земли, зависящей отъ Виндзора, на основаніи commun soccage, подъ условіемъ платить ежегодно дань, состоявшую изъ двухъ бобровыхъ шкурокъ (¹). Новая провинція была названа Пенсильваніей самимъ королемъ, но не въ честь ея

(¹) Пенсильванская хартія. Ст. 2.

собственника-квакера, а въ воспоминаніе преданныхъ услугъ и великихъ достоинствъ стариннаго, вѣрнаго слуги короля, адмирала Пенъ.

На берегахъ Делавара существовала уже шведская колонія, высланная канцлеромъ Оксенштирномъ, который исполнилъ такимъ образомъ одну изъ великихъ идей Густава Адольфа. Но благодаря плачевному положенію Швеціи, колонія осталась безъ всякой защиты и голландцы, завладѣвъ ею въ 1655 году, присоединили ее къ Новой-Бельгіи. Со времени же подчиненія Новаго-Амстердама Англіи, шведская колонія вошла также въ составъ хартіи, выданной герцогу Іоркскому. Пенъ тѣмъ легче получилъ уступку этой територіи, что герцогъ Іоркскій былъ другъ его отца и всегда ему покровительствовалъ; такимъ образомъ Делаваръ былъ присоединенъ къ Пенсильваніи, отъ которой онъ отдѣлался впослѣдствіи въ 1702 г. и составилъ особую провинцію.

Хартія, выданная 4 марта 1681 г. и составленная самимъ Пеномъ, основала правительственную систему, по образцу Мэриландской, т. е. на ряду съ правами собственника, въ ней признавались и права колонистовъ на представительство [1]. Для избѣжанія того, чтобъ въ этомъ актѣ не проскользнуло какихъ-либо статей, не согласныхъ съ англійскими законами, ее отдали на просмотръ генеральнаго прокурора и лорда Норта, верховнаго судьи Англіи, которые вставили нѣсколько статей, оговаривавшихъ верховную власть короля и преемство парламента; всѣ постановленія мѣстной законодательной власти должны были подвергаться утвержденію короля и его совѣта въ теченіе пяти лѣтъ послѣ ихъ изданія; они считались отмѣненными, если въ теченіе шести мѣсяцевъ король вы ражалъ свое неодобреніе. Право налагать въ колоніи налоги, было исключительно предоставлено парламенту; эта важная статья, пропущеніе которой въ другихъ хартіяхъ объясняется ихъ давностью, служила предметомъ постоянныхъ ссылокъ англійской партіи во время столкновенія съ Америкой. Впрочемъ послѣ ан-

---

(1) Пенсильванская хартія.—Ramsay, American Revolution I. 12.—Amérique Anglaise.—P. 107.

глійскаго парламента, колоніальное собраніе одно имѣло право опредѣлять налоги. Что касается до остальныхъ постановленій хартіи, то они вполнѣ согласовались съ концесіями другихъ собственниковъ.

Получивъ патентъ, Пенъ, намѣривавшійся по его собственнымъ словамъ, нѣжно заботиться о колоніи, которую „Богъ благословитъ и сдѣлаетъ разсадникомъ новой націи" (¹), написалъ своимъ васаламъ и подданнымъ слѣдующее письмо:

„Друзья мои, желаю вамъ всякаго благополучія, какъ въ сей жизни, такъ и въ будущей. Пишу къ вамъ, чтобы увѣдомить о волѣ Божьей, отдавшей васъ въ мои руки и моимъ попеченіямъ. Я до сихъ поръ не предпринималъ такого дѣла, но Богъ внушилъ мнѣ сознаніе моего долга и честное желаніе дѣйствовать прямо и справедливо. Я надѣюсь, что вамъ не причинитъ никакого безпокойства эта перемѣна и выборъ короля, ибо ваше положеніе теперь будетъ твердо и вы не будете зависѣть отъ доброй воли губернатора, отправляющагося въ отдаленныя страны, чтобъ составить себѣ состояніе. Вы будете управляться законами, которые вы сами себѣ составите. Вы будете свободны и если хотите, то націей мудрой и трудолюбивой. Я не употреблю во зло ни одного своего права и не буду угнетать никого; Богу угодно было внушить мнѣ лучшія желанія и онъ же даровалъ мнѣ способность ихъ привести въ исполненіе. Однимъ словомъ, я искренно буду поддерживать все, что мудрый и свободный человѣкъ можетъ только желать для своего счастія и своей безопасности. Молю Бога, чтобъ онъ направилъ васъ на путь истинный для благоденствія вашего и вашихъ дѣтей.

„Остаюсь вашъ истинный другъ.
„Лондонъ 8 апрѣля 1681 года."

Таковы были обязательства, принятыя на себя квакеромъ-государемъ при самомъ началѣ его правленія, и обязанность историка сказать, что въ противоположность многимъ, гораздо могущественнѣйшимъ

(¹) Bancroft. II. 363.

государямъ, онъ свято исполнилъ свои обѣщанія. Въ продолженіи тридцатилѣтняго своего царствованія Пенъ не отвергъ ни одного благоразумнаго требованія обитателей Пенсильваніи.

Въ октябрѣ 1682 года, Пенъ прибылъ въ колонію, чтобы начать, какъ онъ называлъ свой *святой опытъ* (holy experiment); около этого же времени онъ заключилъ съ индѣйскимъ племенемъ Лени-Ленапъ или Делаваръ подъ шакамаксонской вязью тотъ знаменитый договоръ, который такъ часто воспроизводился историками и художниками, договоръ, который Вольтеръ называлъ болѣе остроумно, чѣмъ справедливо: „единственнымъ трактатомъ между народами не христіанами, который не былъ подтвержденъ присягой и не былъ нарушенъ (¹).

„Мы встрѣчаемся, говоритъ имъ Пенъ:—на пути чистосердечія и доброй воли; ни та, ни другая сторона не будетъ имѣть преимущества; все будетъ основано на чистосердечіи и любви. Я не назову васъ моими дѣтьми, ибо часто отцы слишкомъ строго наказываютъ своихъ дѣтей, я не назову васъ своими братьями, ибо братья часто ссорятся; но мы всѣ члены одного человѣческаго тѣла; мы всѣ одна плоть и одна кровь.“

Никогда съ индѣйцами не говорили такимъ человѣчнымъ языкомъ; никогда европейцы не обращались съ ними на такой ногѣ христіанскаго равенства, потому и безопасность, которой всегда пользовалась впослѣдствіи колонія, доказываетъ, что этотъ духъ равенства и человѣколюбія имѣлъ благодѣтельное вліяніе на дикарей. Впрочемъ, этотъ духъ былъ не отличительнымъ качествомъ Пена, но всѣхъ квакеровъ, этихъ людей, которые своей ненавистью къ войнѣ и истинной любовью къ человѣчеству опередили свое время.

„Мы сдѣлали болѣе, писалъ одинъ изъ нихъ: — чѣмъ гордые испанцы, пріобрѣвшіе рудники Потозы. Мы заставили бы краснѣть этихъ самолюбивыхъ героевъ, столь восхваляемыхъ всѣмъ міромъ,

---

(¹) Dictionnaire philosophique, art. quaker. — Пенъ самъ описалъ это свиданіе въ письмѣ, въ которомъ находится много интересныхъ подробностей объ индѣйскихъ нравахъ и о положеніи новой колоніи. См. Amérique anglaise, p. 153.

мы заставили бы ихъ краснѣть отъ ихъ постыдныхъ побѣдъ. Несчастныхъ, невѣжественныхъ душъ, насъ окружающихъ, мы научаемъ ихъ правамъ, какъ людей (1)."

Пенъ занялся энергично конституціей новой колоніи и тѣми принципами, которые надо было положить въ основу правительственнаго устройства. Онъ въ этомъ отношеніи питалъ чрезвычайно либеральныя мысли. Для него правительственная форма ничего не значила и онъ считалъ всякое правительство свободнымъ, подъ сѣнью котораго царствовалъ законъ, составляемый самимъ народомъ. Внѣ этого, по его мнѣнію, все было — тиранія, олигархія или хаосъ. Въ этомъ отношеніи его любовь къ человѣческому роду вполнѣ согласовалась съ республиканской гордостью его друга Альджернона Сиднея, истиннаго римлянина лучшихъ дней республики. Одного любовь къ древности, другаго религія—приводили къ демократіи, къ торжеству равенства.

„Въ дѣлѣ свободы, говоритъ Пенъ: — я не хочу, и это покажется довольно странно, оставить ни мнѣ, ни моимъ наслѣдникамъ никакой возможности принести какой-либо вредъ; воля одного человѣка не должна мѣшать счастью цѣлой страны. Верховная цѣль правительства, прибавляетъ онъ:—должна состоять въ томъ, чтобы пріучить народъ уважать власть и обезпечить его отъ всякаго злоупотребленія этой властью. Ибо свобода безъ повиновенія—хаосъ, а повиновенія безъ свободы—рабство (2)."

Первымъ актомъ верховной власти Пена было созваніе всѣхъ жителей колоніи для вотированія конституціи. Они предпочли послать своихъ представителей, которые въ три дня составили хартію, въ которой на каждомъ шагу просвѣчиваетъ квакерскій духъ, болѣе либеральный и не столь формальный, какъ духъ Новой-Англіи.

Богъ былъ признанъ единственнымъ повелителемъ человѣческой совѣсти; другими словами—была признана свобода всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій. Эта вѣротерпимость, которую признавали

---

(1) Bancroft, II, 383.
(2) Bancroft, II, 306.

другія секты изъ политики, была религіознымъ догматомъ квакеровъ, которые основывали всю вѣру на внутреннемъ озареніи духа. *„Преслѣдовать за вѣру*, говоритъ Пенъ:—*это мѣшать дѣйствію Божьей благодати и невидимому наитію вѣчнаго духа Божьяго.“* Не надо забывать, что Пенъ былъ апостоломъ такихъ идей въ эпоху гоненія протестантовъ.

„Для уничтоженія возможности какой-либо сектѣ, говоритъ онъ въ своей конституціи: — возвыситься надъ другими, благодаря предоставленнымъ ей общественнымъ должностямъ или доходамъ изъ общей суммы налоговъ и податей, платимыхъ всѣми гражданами безъ различія—не будетъ учреждена соборная первенствующая или государственная церковь, которую кто нибудь обязанъ былъ бы содержать. И наконецъ для того, чтобы всякій человѣкъ пользовался свободой совѣсти, этимъ естественнымъ правомъ всѣхъ людей, правомъ, вполнѣ соотвѣтствующимъ характеру людей мирныхъ, друзей тишины и порядка—постановлено, что не только никто не будетъ принужденъ къ исполненію какихъ-либо религіозныхъ обрядовъ, но каждый имѣетъ право свободно исповѣдовать свою вѣру, не боясь никакихъ помѣхъ или преградъ, подъ единственнымъ условіемъ, чтобы всякій вѣрилъ въ единаго, вѣчнаго, всемогущаго Бога, Вседержителя и Творца всего міра и исполнялъ всѣ обязанности, лежащія на каждомъ членѣ общества, какъ гражданинѣ (1).“

Все законодательство пропитано этимъ духомъ доброты и религіи. Равенство было введено въ семейной жизни уничтоженіемъ права первородства, которое въ Англіи болѣе укоренено въ обычаяхъ, чѣмъ въ законахъ. Слово честнаго человѣка было достаточнымъ свидѣтельствомъ на судѣ безъ присяги. Каждый человѣкъ, платящій налоги, имѣлъ право голоса, и каждый христіанинъ, какого бы то ни было вѣроисповѣданія, могъ быть избираемъ въ государственныя должности. Никакой налогъ или подать не могли быть налагаемы иначе, какъ въ силу закона и съ согласія двухъ третей совѣта и мѣстнаго собранія (2).

---

(1) Пенсильванская конституція, ст. IV и V.—Amérique Anglaise, p. 130.

(2) Пенсильванская хартія, стат. II.

Строгость нравовъ квакеровъ побудила ихъ запретить балы, маскарады, театры, игру въ кости и карты, дуэли, роскошь въ одеждѣ и яствахъ; ихъ мягкосердечіе привело къ уничтоженію смертной казни, за исключеніемъ случаевъ убійства, и они первые превратили тюрьму въ домъ трудолюбія. Не было установлено ни налога для бѣдныхъ, ни десятины въ пользу церкви; нищета была неизвѣстна въ колоніи, а что касается до десятины, то квакеры ее ненавидѣли, такъ какъ у нихъ нѣтъ официальнаго духовенства и они считаютъ преступнымъ святокупствомъ дѣлать изъ религіи торговлю.

Что касается до распредѣленія государственныхъ должностей, то планъ Пена нѣсколько рознится отъ общепринятаго обычая. Рядомъ съ совѣтомъ, назначаемымъ на три года, и треть членовъ котораго возобновляется ежегодно, была учреждена палата, избираемая на одинъ годъ; другими словами—существовали двѣ палаты, тогда какъ во всѣхъ другихъ колоніяхъ была сначала только одна палата. Совѣту и губернатору принадлежала иниціатива во всѣхъ дѣлахъ; законы подвергались утвержденію народа, созываемаго въ первоначальныхъ собраніяхъ, а законодательное собраніе имѣло только обязанность обнародывать народное утвержденіе. Эта скромная роль второй палаты не должна насъ удивлять; повелительное полномочіе было всегда любимой идеей квакеровъ; они считали депутатовъ ничѣмъ инымъ, какъ слугами народа, и на этомъ основаніи конституція Нью-Джерсея назначала каждому депутату въ день по шилингу, и деньги должны были ему уплачиваться прямо избирателями, *чтобъ онъ былъ извѣстенъ всѣмъ, какъ слуга народа* (1). Народное собраніе вскорѣ пріобрѣло право, иниціативы и за исключеніемъ veto, предоставленнаго собственникамъ колоніи, которыхъ хартія Карла II дѣлала отвѣтственными въ колоніальномъ законодательствѣ, можно сказать, что Пенсильванія съ перваго дня своего существованія была представительной демократіей (2).

---

(1) Bancroft. II. 357.

(2) Пенъ такъ и понималъ ее, ибо въ инструкціи, написанной его

Въ Мэрилендѣ члены совѣта назначались лордомъ Бальтиморомъ, а въ Пенсильваніи они избирались народомъ. Въ Мэрилендѣ избраніе властей и самыхъ мелкихъ чиновниковъ принадлежало собственникамъ. Въ Пенсильваніи же Пенъ не могъ назначить ни одного судьи, ни одного полицейскаго; только губернаторъ назначался имъ, но зато этотъ губернаторъ не могъ ничего сдѣлать безъ совѣта избраннаго народа; наконецъ лордъ Бальтиморъ собиралъ лично въ свою пользу пошлину съ вывозимаго табаку, и на жителяхъ колоніи тяготѣли многочисленные налоги, а Пенъ самъ отказался отъ подобныхъ доходовъ, и его колонія никогда не видала сборщиковъ податей.

Таково было правительство, установленное Пеномъ. „Оно пре-

агентомъ въ Голландіи, Фурли, для распространенія въ Европѣ, мы находимъ слѣдующее:

«Всѣ эмигранты будутъ считаться коренными жителями; они будутъ пользоваться правомъ голоса не только при избраніи властей той мѣстности, гдѣ они будутъ жить, но и членовъ провинціальнаго совѣта и общаго собранія, въ рукахъ которыхъ вмѣстѣ съ губернаторомъ сосредоточена вся верховная власть страны. И, что еще важнѣе, они будутъ имѣть право избираться въ какую бы то ни было государственную должность, если община, въ которой они живутъ, найдетъ ихъ для этого способными, при этомъ не будетъ обращено никакого вниманія на ихъ націю или религію.

«Члены этихъ двухъ верховныхъ собраній, именно государственнаго совѣта и народнаго собранія, собирающагося ежегодно въ назначенный день безъ всякаго особеннаго созванія отъ правительства, будутъ избираться какъ всѣми гражданами городовъ, такъ и всѣми жителями деревень чрезъ посредство тайной подачи голосовъ; такимъ образомъ жители этой колоніи не будутъ имѣть другихъ властей, какъ ими самими избранныхъ, и то такимъ способомъ, который отниметъ всякую возможность избраннымъ и забалтированнымъ узнать, кто былъ за нихъ и кто противъ, слѣдовательно, будетъ положенъ конецъ всѣмъ могущимъ произойти ненавистямъ и интригамъ. Если же кто нибудь изъ выбранныхъ лицъ будетъ вести себя не хорошо въ продолженіи года, то можно будетъ на слѣдующій годъ избрать лучшаго».

(Этотъ послѣдній параграфъ составляетъ первую главу Пенсильванской конституціи)

красно, говорилъ лѣтъ сто спустя Фридрихъ Великій: —оно великолѣпно, только, прибавлялъ онъ не безъ ироніи, только бы оно удержалось ([1]). Вольтеръ питалъ болѣе довѣрія къ свободному учрежденію и въ своихъ *Философскихъ Письмахъ*, напечатанныхъ въ 1727 году по его возвращеніи изъ Англіи, онъ говоритъ чрезвычайно сочувственно о квакерахъ Пенсильваніи. Восторженное удивленіе просвѣчиваетъ въ его словахъ, не смотря на ироническую маску, скрывающую душу, пламенно преданную терпимости и свободѣ!

„Я люблю квакеровъ, говоритъ Вольтеръ:—да, еслибъ море не было мнѣ вредно, то я въ твоихъ объятіяхъ, о Пенсильванія! окончилъ бы свои дни, если мнѣ еще суждено видѣть много дней жизни. Ты находишься подъ 40°/₀ широты, твой климатъ самый теплый и благорастворенный. Твоя почва плодородна, твои дома хорошо выстроены, твои жители трудолюбивы, твоя промышленность почитается всѣми. Вѣчный миръ царитъ между твоими гражданами; преступленія почти неизвѣстны и только одинъ человѣкъ былъ изгнанъ изъ этой страны. Впрочемъ, онъ этого вполнѣ заслуживалъ, ибо, сдѣлавшись изъ англиканскихъ пасторовъ квакеромъ, онъ не достоинъ былъ этого званія. Несчастный вѣрно былъ одержанъ дьяволомъ, потому что онъ осмѣлился проповѣдывать противъ вѣротерпимости; его звали Джорджемъ Китомъ и его изгнали изъ колоніи. Я не знаю куда онъ удалился, но пускай удалятся съ нимъ и всѣ, раздѣляющіе его мнѣніе!

„Поэтому-то, Пенсильванія, изъ трехъ сотъ тысячъ твоихъ счастливыхъ жителей, двѣсти-тысячъ иностранцы. Твоей земли можно купить сто десятинъ за двѣнадцать гиней и на этой землѣ можно быть настоящимъ королемъ, ибо каждый свободенъ, каждый гражданинъ. Вы не можете никому сдѣлать вреда и вамъ никто не можетъ повредить; вы думаете что хотите, и говорите, не боясь преслѣдованій; вы не вѣдаете гнета постоянно увеличивающихся налоговъ. Вамъ не нужно ухаживать ни закѣмъ, вы не знаете, что

([1]) Bancroft, II—390.

такое королевскій дворъ, и не боитесь дерзостей мелкихъ чиновниковъ (¹)."

Какъ только распространилась вѣсть въ Европѣ, что квакеръ Вильямъ Пенъ открылъ убѣжище для несчастныхъ и угнетаемыхъ всѣхъ націй (²), какъ только были узнаны либеральныя условія колонизаціи, такъ немедленно потекли въ Пенсильванію толпы эмигрантовъ изъ Англіи, Шотландіи, Ирландіи и особливо съ береговъ Рейна, гдѣ самъ Пенъ распространилъ ученіе Друзей. Эта послѣдняя эмиграція была до того значительна, что въ 1750 году спрашивали съ недоумѣніемъ которая изъ двухъ расъ возьметъ верхъ въ колоніи, и если въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ западные штаты отвлекли къ себѣ наплывъ эмигрантовъ, все же Пенсильванія сохранила рѣзко-опредѣленный германскій характеръ. При такомъ наплывѣ обитателей, конечно, развитіе колоніи должно было быть гораздо быстрѣе, чѣмъ въ Новой-Англіи, гдѣ духъ нетерпимости пугалъ эмигрантовъ. Филадельфія, или городъ братства, основанная Пеномъ между двумя рѣками Шилькилемъ и Делаваромъ съ цѣлью сдѣлать ее комерческимъ центромъ, состояла въ августѣ 1683 года изъ четырехъ несчастныхъ хижинъ, а черезъ три года разрослась такъ, какъ Нью-Іоркъ не разросся въ 50 лѣтъ. Это была самая счастливая и славная минута въ жизни Пена. „Я могу сказать безъ всякаго хвастовства, писалъ онъ, что я основалъ въ Америкѣ величайшую колонію, когда либо основанную частнымъ человѣкомъ на частныя средства. Нами посѣяны самые счастливые задатки."

Когда правительство было организовано, прочный миръ заключенъ съ индѣйцами, конституція утверждена, суды открыты—дѣло Пена было окончено. Онъ простился съ колоніей и уѣхалъ въ Англію, подобно древнимъ греческимъ законодателямъ, которые исчезали, окончивъ свое дѣло.

(¹) Dict. phil.—Quaker.

(²) Пенъ принималъ въ свою колонію несчастныхъ французскихъ протестантовъ на выгоднѣйшихъ условіяхъ, чѣмъ другихъ эмигрантовъ, даже англичанъ, и то безъ различія вѣроисповѣданія (Amer. angl. p. 124).

„Моя любовь и моя жизнь вѣчно будутъ посвящены вамъ и никогда васъ не покинутъ, писалъ онъ: — ни море не охладитъ моей привязанности, ни разстояніе не уничтожитъ ея. Я былъ среди васъ и пекся о вашемъ благополучіи; я служилъ вамъ съ искренней любовью и вы мнѣ несказанно дороги. Я благословляю васъ именемъ и властью Господа и да благословитъ онъ васъ, даруя вамъ миръ, правосудіе и благоденствіе. Вы пришли на землю спокойную, мирную; свобода и власть въ вашихъ рукахъ. Управляйте страною именемъ Того, котораго князья земли признаютъ однажды верховнымъ руководителемъ. И ты, Филадельфія дѣвственница, нареченная до рожденія, съ какою любовью, трудомъ и заботами произведена ты на свѣтъ! Да, да сохранишься ты отъ всякаго зла, могущаго тебя угнетать, да останешься ты вѣчно на пути правды вѣрная милосердому Богу! Душа моя молитъ Бога, чтобъ ты явилась правою въ день суда, чтобы дѣти твои были благословлены Господомъ и народъ твой спасенъ имъ. Дорогіе друзья, любовь моя привѣтствуетъ васъ всѣхъ (¹).“

Пенъ удалился, оставивъ колонію развиваться на свободѣ. Это удаленіе, часто служившее предметомъ сожалѣнія, было большимъ счастьемъ для колоніи и для спокойствія ея основателя. Онъ основалъ демократію, но самъ былъ феодальнымъ государемъ. Это были два несовмѣстные элемента въ одномъ правительствѣ, и потому въ первыя сто лѣтъ внутренняя исторія Пенсильваніи представляетъ только борьбу этихъ противуположныхъ интересовъ. Съ 1686 года мы видимъ, что народъ почти безсознательно стремится къ той цѣли, которой онъ никогда не долженъ былъ терять изъ виду, именно уменьшеніе правъ, остававшихся у Пена, какъ государя и собственника. Пенъ предоставилъ себѣ на правахъ частной собственности большія пространства земли; онъ одинъ могъ покупать земли у индѣйцевъ и, наконецъ, онъ оставилъ за собою обычный налогъ quitrent — съ продаваемыхъ имъ земель. Послѣ него плантаторы постоянно ссорятся съ его сыновьями по различнымъ правительственнымъ вопросамъ, на счетъ купли индѣйскихъ земель

(¹) Bancroft, II. 393.

и налога quitrent, котораго хотѣли назначить въ пользу общественныхъ учрежденій. Всѣ эти распри кончились только во время революціи, когда колонія купила у семейства Пена всѣ его права за сто тридцать тысячъ стерлинговъ. Пенсильванія, сдѣлавшись независимымъ штатомъ, нашла, что, строго говоря, революція освободила ее отъ всякой верховной власти и всѣ права семейства Пена были также уничтожены, какъ права семейства Бальтиморовъ въ Мэрилендѣ. Но она хотѣла изъ чувства, дѣлающаго ей честь, вознаградить наслѣдниковъ ея знаменитаго основателя за всѣ его жертвы и преданность.

Но возвратимся къ Пену. Прибывъ въ Англію, онъ уже не засталъ Карла II, а—Іаковъ II выказалъ къ нему туже любовь, какую онъ питалъ къ его отцу адмиралу; такимъ образомъ, Вильямъ Пенъ сдѣлался вліятельнымъ человѣкомъ при англійскомъ дворѣ, гдѣ его умъ и странныя манеры и одежда доставили ему нѣчто въ родѣ того оригинальнаго успѣха, которымъ пользовался гораздо позже Франклинъ при французскомъ дворѣ. Первымъ его дѣломъ было воспользоваться своимъ вліяніемъ для освобожденія преслѣдуемыхъ братій единовѣрцевъ; четыреста квакеровъ было выпущено изъ темницъ, куда ихъ повергла нетерпимость англиканской церкви при покойномъ королѣ. Пенъ писалъ въ пользу диссидентовъ всѣхъ сектъ, требуя свободы гражданской и политической для всѣхъ убѣжденій, не исключая и католиковъ, ненависть къ которымъ такъ глубоко засѣла въ сердца англичанъ, что до сихъ поръ она составляетъ необходимую составную часть англійскаго патріотизма.

Этотъ крикъ вѣротерпимости, вырвавшійся изъ груди квакера, былъ сочувственно принятъ королемъ; его политика совершенно соотвѣтствовала его любви къ сыну его стараго друга. Послушаться совѣтовъ квакера и уничтожить законы противъ не-конформистовъ — это было лучшее средство подготовить возвратъ католичества и ввести это ненавистное вѣроисповѣданіе подъ мантіей свободы. Всѣ англійскія секты поняли, какую западню имъ разставляли, и такова была ненависть диссидентовъ, что они просили сохраненія претерпѣваемыхъ ими гоненій изъ боязни, чтобъ вѣротерпимость не принесла пользу ихъ общему врагу. Возвышенная душа Пена не

могла отказаться отъ своихъ принциповъ изъ религіознаго страха или политической ревности. Онъ утверждалъ свободу совѣсти въ Америкѣ не для того, чтобъ уничтожить ее въ Европѣ; онъ остался вѣренъ королю Іакову II и своимъ убѣжденіямъ. Для протестантской партіи Пенъ былъ царедворцемъ, проданнымъ королю, и, что еще хуже, іезуитъ; это очевидная клевета, но не смотря на всю ея нелѣпость, Пенъ долженъ былъ защитить себя отъ такого безсмысленнаго обвиненія (¹).

Я не упоминалъ бы объ этомъ странномъ обстоятельствѣ, еслибъ это обвиненіе съ упорствомъ, которое можно только объяснить духомъ партіи, не встрѣчалась въ книгѣ, которая имѣетъ въ настоящее время громадный успѣхъ, благодаря тысячѣ достоинствамъ или лучше благодаря всевозможнымъ достоинствамъ, за исключеніемъ одного, безъ котораго, однако, всѣ прочія ничто—безпристрастія. Откройте исторію Англіи Маколея, вы увидите, что Пенъ обвиняется въ интригѣ, въ честолюбіи, въ упрямствѣ, и это за самый благородный поступокъ всей его жизни, за слишкомъ рѣдкую твердость убѣжденія, благодаря которой мы требуемъ свободы не только для себя, но и для другихъ, даже для людей, по нашему мнѣнію заблуждающихся. Когда Іаковъ II сталъ оказывать вѣротерпимость всѣмъ исповѣданіямъ, то не-конформисты вступали въ союзъ съ установленной церковью, какъ всѣ честолюбивыя и фанатичныя партіи, они забыли прошедшее, гоненія, мученичества и самую свободу, столь долго требуемую ими; необходимо было уничтожить какимъ бы то ни было способомъ католичество, подымавшее голову и которое, боялись, сдѣлается могущественнымъ орудіемъ тираніи. Вотъ что Маколей называетъ патріотизмомъ не конформистовъ. Но Пенъ, который видѣлъ въ дѣйствіяхъ короля только утвержденіе свободы, какова бы ни была его тайная цѣль, не хотѣлъ противорѣчить всей своей жизни. Вѣрность своимъ убѣжденіямъ на языкѣ партій называется упрямствомъ; если не подчиняешься ихъ страстямъ, то тебя тотчасъ клеймятъ именемъ гордеца, мечтателя, опас-

(¹) Жизнь Пена, Марсильяка (Парижъ, 1791. I. т. II, стр. 60). Напечатано благородное и обстоятельное письмо по этому предмету.

наго человѣка. Исторія Пена сама по себѣ не имѣетъ ничего особеннаго, но замѣчательно то, что черезъ полтораста лѣтъ, политическія страсти еще не улеглись и находятся люди партій, которые возобновляютъ подобныя обвиненія и защищаютъ подобные парадоксы. Маколей, человѣкъ умный, но Вольтеръ, не имѣвшій недостатка въ умѣ, уже давно оправдалъ самымъ блестящимъ образомъ поведеніе Пена, и если только міръ не сдѣлается вигомъ, то общественное мнѣніе всегда будетъ на сторонѣ знаменитаго апостола вѣротерпимости и свободы.

Послѣ революціи 1688 года Пенъ былъ устраненъ отъ двора какъ партизанъ свергнутаго короля. Онъ уже хотѣлъ возвратиться въ Америку, какъ его схватили и бросили въ тюрьму и разорили конфискаціями. Локъ, котораго онъ защитилъ у короля Іакова, хотѣлъ заступиться за него, но Пенъ предпочелъ дожидаться правосудія; оно пришло очень поздно и только въ 1693 году, благодаря вліянію Рочестера, ему возвращена была свобода и возстановлена хартія на собственность колоніи, которая была отмѣнена въ 1692 году. Онъ тогда рѣшился возвратиться въ Америку навсегда, но дѣла тамъ совершенно измѣнились. Колонія, завися только отъ самой себя, организовалась въ чистую демократію, предоставила себѣ право назначать губернатора. Главой плантаціи былъ никто иной, какъ президентъ совѣта; а законодательная власть присвоила себѣ право назначать судей. Такимъ образомъ представитель Пена, Маркамъ, совершенно справедливо говорилъ, открывая сессію: — „Вы собраны здѣсь не въ силу моего призыва, но въ силу закона, вами самими сдѣланнаго.“

По прибытіи Пена въ колонію, отъ него потребовали отказа отъ всѣхъ привилегій и составленія окончательной конституціи. Онъ защищалъ свои права собственности противъ притязаній колонистовъ, но что касается до политическихъ своихъ правъ, какъ феодальнаго государя, то онъ согласился на всевозможныя уступки. Не жалуясь ни мало на нетерпѣніе плантаторовъ, онъ отдалъ имъ первую свою хартію и предоставилъ имъ оставить то, что̀ имъ казалось хорошо, уничтожить то, что ихъ стѣсняло, и ввести тѣ реформы, которыя имъ казались удобными для общаго благосостоянія; другими словами, онъ предоставлялъ колонистамъ осно-

вать для себя правительство, какое они считали лучшимъ. Но внутренніе раздоры колоніи и упорство Делавара, хотѣвшаго независимой организаціи, замедлили составленіемъ новой конституціи; наконецъ въ 1701 году дошла до Пенсильваніи вѣсть, что англійскій парламентъ рѣшился положить конецъ этому вопросу, уничтоживъ всѣ колоніальныя хартіи. Мѣстное собраніе было тотчасъ созвано и Пенъ, торопившійся возвратиться въ Англію для защиты своихъ правъ и правъ колоніи, предупредилъ колонистовъ, что необходимо скорѣе окончить дѣло объ организаціи правительства.

„Всѣ люди смертные, говорилъ онъ: — придумайте поэтому самый удобный способъ для обезпеченія вашей собственности и вашихъ правъ; вы всегда меня найдете готовымъ удовлетворить всѣмъ вашимъ требованіямъ, которыя могутъ только содѣйствовать нашему общему счастію и болѣе тѣсному союзу нашихъ интересовъ. Пересмотрите ваши законы, составьте новые, которые могли бы улучшить ваше положеніе, дѣлайте все что хотите, но скорѣе. Единство и быстрота вселятъ отчаяніе въ тѣхъ, которые уже давно стремятся погубить нашу юную страну (¹).“

По новой хартіи совѣтъ назначался собственникамъ, но составлялъ часть исполнительной власти; народное собраніе, напротивъ, получило полную законодательную власть подъ условіемъ губернаторскаго утвержденія. Такимъ образомъ палата была одна, что̀ объясняетъ намъ пристрастіе Франклина, который съ бо̀льшимъ остроуміемъ, чѣмъ справедливостью, уподоблялъ систему двухъ палатъ телѣгѣ, запряженной двумя лошадьми — одной спереди, другой сзади. Пенсильванія начала съ того, чѣмъ кончили другіе штаты, и кончила тѣмъ, чѣмъ другіе начали; только въ 1789 году она снова возвратилась къ этой элементарной представительной системѣ. Что касается избраній, то они были ежегодныя, день подачи голосовъ и время сессіи были назначены закономъ. Шерифы и констабли избирались народомъ, судьи — законодательнымъ собраніемъ; всѣ дѣла о правахъ собственности были подсудны обыкновеннымъ судамъ и, слѣдовательно, изъяты изъ юрисдикціи губернатора и со-

(¹) Bancroft, III, 42.

вѣта, что чрезвычайно важно въ колоніи, гдѣ интересы лорда-собственника были постоянно замѣшаны въ каждомъ процесѣ о поземельной собственности. Религіозная свобода была подтверждена и всѣ общественныя должности открыты всякому, исповѣдующему вѣру въ Іисуса Христа. Такова была эта конституція, либеральныя условія которой не превзойдены до сихъ поръ.

Однако, Пенъ удалился изъ колоніи, не очень довольный тѣмъ, какъ его приняли плантаторы; возвратившись въ Англію, онъ успѣлъ обезпечить свои права и былъ хорошо принятъ при дворѣ королевы Анны. Но ему предстояли новыя испытанія. Разоренный всѣми пожертвованіями, сдѣланными имъ въ пользу колоніи (онъ насчитывалъ всего расходовъ на 120,000 ф. стер.) онъ былъ принужденъ пойти въ тюрьму уже не за религіозныя или политическія преступленія, но какъ несостоятельный должникъ. Тогда въ 1702 г. онъ началъ думать объ уступкѣ правительству за 12,000 ф. ст. этой провинціи, стоившей ему такъ дорого; но онъ настаивалъ на сохраненіи колоніальныхъ вольностей, а правительство, мечтавшее о соединеніи всѣхъ американскихъ плантацій въ одну имперію, не желало купить демократіи, т. е. такого правительства, съ которымъ оно не могло бы распорядиться по своему. Однако, этотъ торгъ, столь пугавшій колонію, готовъ былъ осуществиться, когда Вильямъ Пенъ былъ внезапно разбитъ параличемъ, до того ослабившій его умъ, что онъ уже не могъ заниматься дѣлами. Такимъ несчастнымъ образомъ влачилъ онъ свою жизнь съ 1712 по 1718 г., наконецъ умеръ, оставивъ исторіи благородную, святую о себѣ память, ибо онъ впродолженіи долгой жизни далъ намъ замѣчательный примѣръ основателя государства, вѣчно вѣрнаго своимъ убѣжденіямъ и не увлекающагося властью, въ которой онъ видѣлъ только средство къ доставленію торжества великимъ принципамъ свободы и вѣротерпимости.

Правительство, основанное имъ, устояло и продолжало существовать и послѣ его смерти; это была чистая демократія, не менѣе совершенная, чѣмъ другія республики, которыхъ уже столько было въ Америкѣ. Вся политическая система Пена резюмировалась въ слѣдующемъ: исполнительная власть, не могущая ничего сдѣлать безъ народа, законодательная власть въ рукахъ народнаго собра-

нія, избирающаго судей; чиновники, назначаемые народомъ, полное отсутствіе постоянной арміи, совершенная свобода мнѣній, отсутствіе привилегированной церкви и всякаго различія званій, открытое убѣжище для людей всѣхъ расъ, языковъ и вѣроисповѣданій, однимъ словомъ—государство, основанное на одномъ разумѣ. Конечно, попытка примѣнить на дѣлѣ подобную систему была смѣлая, святая, ибо даже нынѣ мы не рѣшаемся на такое дѣло.

Но подобное правительство достаточно ли сильно, чтобы поддержать порядокъ, предохранить отъ опасностей, карать преступленія и обезпечить собственность? Безпорядокъ, раздоръ, погибель не будутъ ли слѣдствіемъ подобной системы? Подъ сѣнью этого правительства, находящагося въ рукахъ народа, основаннаго единственно на его благоразуміи, лишеннаго всякой силы, не данной ему самимъ народомъ—будетъ ли возрастать народонаселеніе и развиваться его благосостояніе? Нація самая свободная въ свѣтѣ будетъ ли въ тоже время самой счастливой? Дѣйствительно ли, какъ думаетъ Пенъ, человѣкъ по природѣ добръ, и свобода разрѣшаетъ задачу жизни, или какъ увѣряетъ де-Местръ—человѣкъ созданіе падшее, которое можно поддержать только рукою палача и власть силы первое и послѣднее слово на землѣ?

Факты побѣдоносно отвѣчали на всѣ эти вопросы и въ этомъ заключается слава мирнаго квакера.

Эта правительственная система, обращавшая на себя особенное вниманіе страннымъ положеніемъ квакера-государя,—объясняетъ и оправдываетъ тотъ восторгъ, который Пенсильванская республика возбуждала въ умахъ писателей XVIII ст. Пенъ для нихъ былъ скорѣе философъ, чѣмъ глава секты, скорѣе другъ человѣчества, чѣмъ христіанинъ. Филадельфія была избраннымъ городомъ вѣротерпимости, а Пенсильванія—обѣтованной землей философовъ. Поэтому не слѣдуетъ удивляться тѣмъ восторженнымъ крикамъ, которые возбуждались однимъ именемъ Пена.

„Новое зрѣлище, писалъ Вольтеръ:—государь, которому всѣ говорятъ „ты" и передъ которымъ никто не снимаетъ шляпы; новое зрѣлище—правительство безъ духовенства, народъ безъ оружія, граждане всѣ равные, и ближніе, не ссорящіеся между собою. Вильямъ Пенъ могъ хвалиться тѣмъ, что онъ принесъ на землю

тотъ золотой вѣкъ, о которомъ столько говорятъ и который вѣроятно нигдѣ не существовалъ, кромѣ Пенсильваніи (¹).

Однимъ словомъ то, чѣмъ Утопія была для Ѳомы Мора, Салентъ для Фенелона, Пенсильванія была для Вольтера, придававшаго только философіи ту силу, которая по праву принадлежала религіи. Во всемъ остальномъ онъ былъ правъ; республика, на которую онъ указывалъ, какъ примѣръ, Европѣ, спавшей непробудным сномъ рабства, не была мечтою, но настоящимъ, существующимъ государствомъ; и когда онъ прославлялъ это убѣжище свободы и вѣротерпимости, то его нельзя было упрекать, какъ Тацита въ приписываніи варварамъ мнимыхъ добродѣтелей, чтобы тѣмъ болѣе унизить своихъ развратныхъ соотечественниковъ. Законы, прославляемые Вольтеромъ, были живые и существовали безъ измѣненія до независимости Америки; это служитъ славнымъ доказательствомъ того, что какъ въ религіи, такъ и въ политикѣ главный верховный двигатель — свобода.

ЧТЕНІЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

Южныя колоніи.

1. Двѣ Каролины.
2. Георгія.

Мм. Гг.

Мы окончили исторію центральныхъ колоній, т. е. плантацій, находящихся между Новой-Англіей и Виргиніей; для окончанія нашего очерка, мы должны заняться теперь изученіемъ исторіи южной колоніи, т. е. обѣихъ Каролинъ и Георгіи. Начнемъ съ первыхъ.

(¹) Dict. phil. Quaker.

Южная часть Соединенныхъ Штатовъ, заключающая въ себѣ обѣ Каролины, Георгію и Алабаму, которыя входили въ составъ первоначальной Каролины, была одна изъ територій, открытыхъ ранѣе всѣхъ остальныхъ въ Америкѣ.

Въ 1539 году, Фердинандъ Сото, товарищъ Пизара, при завоеваніи Перу открылъ Миссисипи. Отправившись на поиски Эльдорадо, страны золота, гдѣ его ожидала смерть, онъ посѣтилъ нѣкоторыя изъ долинъ Каролины; но первое прочное поселеніе было тутъ основано французами. Во всѣхъ частяхъ свѣта и особливо въ Америкѣ, мы всегда являлись первыми поселенцами, но по какой-то роковой судьбѣ наши предпріятія въ концѣ концовъ никогда не увѣнчивались успѣхомъ, словно намъ суждено только прокладывать путь болѣе счастливымъ или болѣе энергичнымъ соперникамъ. Въ 1562 году Колиньи, желавшій доставить убѣжище гугенотамъ и возымѣвшій пятьдесятъ лѣтъ прежде англичанъ великую мысль колонизаціи Америки, послалъ экспедицію подъ преводительствомъ Жана Рибо изъ Дьеппа. Этотъ храбрый морякъ и ревностный протестантъ высадился въ границѣ Флориды и въ честь короля Карла IX основалъ крѣпость, названную Каролиной (la Caroline): munitionem Carolinam de regis nomine dictam, писалъ историкъ де-Ту (¹).

Это названіе было какъ бы предопредѣлено судьбою, ибо оно давалось странѣ три раза: прежде всего французами, потомъ при англійскомъ королѣ Карлѣ I, концессія котораго осталась безъ результата, и наконецъ при Карлѣ II, концессія котораго привела къ дѣйствительной колонизаціи.

Первая экспедиція 1562 года окончилась чрезвычайно грустно. Послѣ отъѣзда Рибо, колонисты, большею частью солдаты, которые привыкли скорѣе къ бурной жизни лагерей, чѣмъ къ терпѣливой дѣятельности земледѣльцевъ, убили коменданта крѣпости и отплыли обратно во Францію; половина ихъ умерла съ голоду въ морѣ, а остальные подобраны англійскимъ кораблемъ и отвезены въ Европу. Въ 1564 году, послѣ измѣнническаго мира, заключен-

(¹) De Thou. Liv. XLIV, 531. Ed. 1626.

наго Карломъ IX съ гугенотами, Колиньи снова сталъ просить дозволенія короля возобновить попытку колонизаціи. Его просьба была уважена и ему дали три корабля подъ начальствомъ Лодоньера, человѣка чрезвычайно способнаго и искуснаго моряка. Экспедиція вышла на берегъ на рѣкѣ Мей на границѣ Флориды, и Лодоньеръ овладѣлъ страною именемъ французскаго короля; воздвигнувъ монументъ съ французскимъ гербомъ, онъ основалъ такимъ образомъ Новую-Каролину (¹).

Хорошо принятая туземцами колонія могла процвѣтать, не смотря на дурной характеръ и на дурной выборъ плантаторовъ; но испанцы Флориды не хотѣли терпѣть сосѣдства французовъ. Внѣ себя отъ злобы при одной мысли, что гугеноты основываютъ государство на землѣ, дарованной папой однимъ католикамъ, они напали на колонію съ многочисленными силами, завладѣли ею, уничтожили ее до тла и, не смотря на капитуляцію, повѣсили всѣхъ плѣнныхъ на сосѣднія деревья, — выставивъ на нихъ надписи отъ имени испанскаго начальника:

„Je ne fais ceci comme à français, mais comme à luthériens (²),

Французскій король равнодушно узналъ о разореніи колоніи, которая въ случаѣ поддержки овладѣла бы частью Америки прежде, чѣмъ англичане и подумали бы тамъ поселиться; но для чести страны это оскорбительное поведеніе испанцевъ принялъ къ сердцу и отомстилъ за него воинъ, одаренный благородной душою и сердцемъ француза. Доминикъ де Гургъ, храбрый гасконскій капитанъ, прошедшій черезъ всѣ испытанія военной жизни въ семнадцатомъ вѣкѣ и, подобно Сервантесу и капитану Смиту, былъ и солдатомъ, и плѣнникомъ, и рабомъ турокъ, Доминикъ Гургъ при вѣсти объ этомъ оскорбленіи французской націи, продалъ все что имѣлъ, и съ помощью друзей снарядилъ три корабля, на которыхъ съ стопятьюдесятью солдатами отправился въ 1567 году въ Флориду, не для колонизаціи, а чтобъ отомстить за своихъ

(¹) Basanier, Histoire notable de la Floride. Paris, 1586, réimprimé par Jeannet, Paris, 1853, in—12.

(²) «Я поступаю такъ не какъ съ французами, а какъ съ лютеранами.

соотечественниковъ. Онъ взялъ въ расплохъ два испанскіе форта, уничтожилъ ихъ поселенія вблизи нашей старой колоніи и, не имѣя достаточныхъ силъ, чтобъ сохранить позицію, онъ удовольствовался и отплылъ во Францію, повѣсивъ всѣхъ плѣнныхъ испанцевъ на тѣхъ самыхъ деревьяхъ, на которыхъ нѣкогда были повѣшены французы. Надъ головами повѣшанныхъ онъ выжегъ въ деревѣ раскаленнымъ желѣзомъ слѣдующую надпись:

„Je ne fais ceci comme à espagnols, ni comme à mariniers, mais comme à traîtres, voleurs et meurtriers (1).

Эта экспедиція не имѣла никакихъ послѣдствій. Король офиціально не призналъ дѣйствія храбраго капитана, отомстившаго за него, и отказался отъ всѣхъ притязаній на Флориду, оставивъ такимъ образомъ Испаніи владѣть Мексиканскимъ заливомъ и тѣмъ берегомъ, на которомъ Англія впослѣдствіи воскресила названіе Каролины.

Черезъ пятнадцать лѣтъ послѣ экспедиціи Доминика де Гурга произошла первая и неудачная экспедиція Ралея. Страна, открытая этой экспедиціей, состояла изъ острововъ между проливами Пимлико и Альбемарлемъ; другими словами то, что тогда было названо Виргиніей, впослѣдствіи получило названіе Сѣверной Каролины. Въ 1630 году, Робертъ Гитъ, генеральный прокуроръ получилъ отъ Карла I концесію всей страны на югъ отъ 36° с. ш., названной *Каролиной* (Carolana или Carolina); но такъ какъ на ней не было устроено никакого поселенія, то впослѣдствіи эта концесія была объявлена недѣйствительной.

Только въ 1663 году, послѣ реставраціи, спустя сто лѣтъ послѣ экспедиціи Колиньи, были сдѣланы серьезныя попытки колонизаціи страны, простирающейся отъ Виргиніи до Флориды. Эта громадная територія была обращена въ провинцію подъ названіемъ Каролины и отдана въ собственность восьми лицамъ, самымъ могущественнымъ въ королевствѣ и при дворѣ. Это были: Кларендонъ, историкъ революціи, искусный министръ, не смо-

(1) Я такъ поступаю не какъ съ испанцами и моряками, но какъ съ измѣнниками, грабителями и убійцами.

тря на свое корыстолюбіе, ненавидимый народомъ, но всегда преданный королю; Монкъ, генералъ парламентской арміи, игравшій столь важную роль въ дѣлѣ возстановленія Стюартовъ; лордъ Ашли Куперъ, извѣстный въ исторіи подъ именемъ лорда Шафтесбюри, лордъ Крэвенъ, серъ Джонъ Кольтонъ, серъ Джорджъ Картеретъ, лордъ Джонъ Берклей (послѣдніе двое были собственники Нью-Джерсея) и серъ Вилльямъ Берклей, который въ продолженіи сорока лѣтъ управлялъ Виргиніей.

Хартія, выданная концесіонерамъ, была почти списана съ хартіи мэрилэндской. Концесіонеры были лордами-собственниками; другими словами — государями, подъ условіемъ васальной зависимости отъ короля. Однако, не смотря на это, колонистамъ было дано право участія въ законодательной власти. Законы не могли составляться безъ содѣйствія колонистовъ или ихъ представителей. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ верховная власть была въ рукахъ собственниковъ: они назначали чиновниковъ и судей, объявляли войну, обнародывали военное положеніе, открывали порты, основывали замки съ дворянскими титулами; они пользовались налогами, установленными съ согласія колонистовъ и податью quitrens, получаемой ими на основаніи права собственника, а не феодальнаго владѣтеля. Наконецъ специальная статья, заимствованная изъ либеральной хартіи Родъ-Айланда, предоставляла собственникамъ быть снисходительными въ дѣлѣ религіи и оказывать покровительство не-конформистамъ. Эта послѣдняя статья имѣла цѣлью не только привлечь въ колонію диссидентовъ всѣхъ націй, но и поощрить нѣкоторыхъ плантаторовъ Новой-Англіи, которые поселились на рѣкѣ Мыса Фира, составивъ такимъ образомъ первое ядро эмиграціи.

Получивъ концесію, собственники тотчасъ приняли мѣры для привлеченія въ колонію эмигрантовъ. Они даровали первымъ поселенцамъ въ принадлежащихъ имъ обширныхъ пустыняхъ такую хартію, какую требовали обстоятельства. Вся администрація страны была вручена губернатору и совѣту изъ шести членовъ, избранныхъ изъ тринадцати кандидатовъ, представленныхъ плантаторами; общее собраніе, состоявшее изъ губернатора, членовъ совѣта и представителей колонистовъ, получило всю законодатель-

ную власть, но его постановленія были объявлены законными только въ томъ случаѣ, когда собственники заявляли свое согласіе. Полная свобода совѣсти была обѣщана всѣмъ и каждому эмигранту, поселяющемуся въ Каролинѣ, въ теченіе пяти лѣтъ предлагалась концесія ста десятинъ земли съ платою оброка полпенса за десятину.

Нѣсколько поселенцевъ Виргиніи, изгнанные изъ этой провинціи, вслѣдствіе возстанія полковника Бэкона, основали вокругъ Альбемарльской бухты небольшое поселеніе, надзоръ надъ которымъ былъ порученъ серу Вильяму Берклею, губернатору Виргиніи; это былъ зачатокъ Сѣверной Каролины. Берклей далъ колонистамъ губернатора и совѣтъ, а имъ самимъ предоставилъ избрать представительное собраніе; другими словами — Берклей, не упоминая даже объ оброкѣ, требуемомъ собственниками, предоставилъ вполнѣ плантаторамъ заботиться о своихъ дѣлахъ. Такое самоуправленіе, какъ показываетъ намъ опытъ Америки, далеко не дурное положеніе для начинающейся колоніи въ новой странѣ. Около того же времени нѣсколько плантаторовъ съ Барбадоса, желая основать совершенно независимое поселеніе, явились съ своими неграми на мысъ Фиръ и начали колонизацію страны, впослѣдствіи названной Южной Каролиной. Администрація этой новой територіи, получившей названіе графства Кларендонъ, была учреждена точно такая же, какъ въ графствѣ Альбемарль, но обѣ провинціи оставались политически раздѣленными; разстояніе между этими двумя поселеніями было такъ велико и между ними простирались такія пустыни, что необходима была особая администрація для того и другаго. Такимъ образомъ съ самаго начала существовали двѣ колоніи: одна южная, другая сѣверная, и каждая имѣла свое представительное собраніе, свое правительство и свои законы.

Пока въ лѣсахъ и болотахъ Каролины начинались цѣною тяжелаго труда уединенныя плантаціи нѣсколькихъ сотенъ эмигрантовъ, собственники этой страны, прельщенные великолѣпными описаніями всѣхъ чудесъ и богатствъ новаго свѣта, думали только о расширеніи своихъ владѣній и въ 1665 году получили отъ щедраго Карла II новую концесію, дававшую имъ то, чѣмъ не вла-

дѣлъ ни король, ни Англія. Не смотря на протесты Виргиніи и права Испаніи, Карлъ II съ щедростью, ничего ему не стоявшей, отдалъ восьми лордамъ-собственникамъ всю страну, между 28° и 36° сѣверной широты, между Атлантическимъ и Тихимъ океанами; другими словами—онъ отдалъ имъ все пространство, занимаемое нынѣ обѣими Каролинами, Георгіей, Тенесси, Алабамой, Миссисипи, Лузіаной, Арканзасомъ, значительною частью Миссури и Флориды, почти всѣмъ Техасомъ и частью Мексики. При раздѣленіи этой территоріи, каждый изъ лордовъ-собственниковъ оказался бы владѣтелемъ значительнаго государства, конечно ненаселеннаго, но цвѣтущее положеніе сосѣднихъ провинцій и плодородіе страны дозволяло питать самыя смѣлыя надежды [1].

Получивъ эту концесію, компанія расширила свои планы и хотѣла дать новому государству такое правительство, которое было бы вполнѣ достойно ожидаемаго блестящаго будущаго. Кларендона не было уже болѣе въ Англіи и Ашли Куперу, графу Шафтесбюри, самому дѣятельному и способнѣйшему изъ товарищей, было поручено составить для новаго государства конституцію, вполнѣ совершенную и могущую существовать въ продолженіи многихъ столѣтій [2]. Это, быть можетъ, одинъ изъ самыхъ древнихъ примѣровъ того заразительнаго заблужденія, переданнаго намъ восемнадцатымъ столѣтіемъ и въ силу котораго люди мечтаютъ о вѣчныхъ законахъ для человѣческихъ отношеній, мѣняющихся каждый день.

Въ это время (въ 1668 году) Шафтесбюри былъ въ апогеи своего генія; знаменитый своимъ краснорѣчіемъ, умомъ и остроуміемъ, онъ былъ всемогущъ при дворѣ короля, возвращенію котораго онъ столько способствовалъ, и кромѣ громадныхъ способностей и громаднаго состоянія онъ отличался еще болѣе громаднымъ честолюбіемъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые являются во время революцій и умѣютъ, не смотря на всѣ перевороты въ учрежденіяхъ и мысляхъ, удержаться во главѣ правительства или обще-

---

(1) Bancroft, History of the United States, t. II, p. 138.
(2) Bancroft, ibid, p. 139.

ственнаго мнѣнія. Это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые, подобно Талейрану, оставляютъ свою партію въ ту минуту, когда она погибаетъ подъ бременемъ своихъ ошибокъ, и на другой день послѣ паденія своихъ друзей вступаютъ въ управленіе съ оппозиціей. Никогда нѣтъ недостатка въ историкахъ, прославляющихъ безконечный умъ и невѣроятныя способности этихъ искусныхъ политиковъ, которые, увѣряютъ, остаются всегда вѣрными своимъ идеямъ. Что касается до меня, то признаюсь, я не очень уважаю этихъ перемѣнчивыхъ людей, которые, по моему мнѣнію, остаются вѣрными только своему честолюбію. Относительно же той прозорливости, въ силу которой они предвидятъ паденіе своей партіи, то она мнѣ вовсе не кажется необыкновенною, ибо они сами почти всегда подготовляютъ это паденіе, приносящее имъ явную выгоду. Этимъ скептикамъ, увы! слишкомъ многочисленнымъ въ наше время, не достаетъ качествъ, происходящихъ не отъ ума, а отъ сердца; я разумѣю подъ этимъ политическую честность и преданность своему дѣлу, безъ чего немыслимъ истинный великій человѣкъ. Слѣдовать за своей партіей, когда она очевидно заблуждается, —безуміе, идти противъ нея — низкое самолюбіе; честь указываетъ другой путь. Можно оставить свое знамя до опасности, но никогда не должно сражаться противъ него въ рядахъ непріятеля. Поэтому отличаясь громаднымъ умомъ, блестящими способностями и бо́льшимъ мужествомъ, чѣмъ обыкновенно бываетъ у людей, гоняющихся за славой, Шафтесбюри, подобно Талейрану, занимаетъ въ исторіи мѣсто скорѣе какъ геніальный интригантъ, чѣмъ какъ государственный человѣкъ. Конституція Каролины доказываетъ намъ вполнѣ, что эти политики, такъ хорошо понимающіе свои интересы и такъ ловко умѣющіе пользоваться обстоятельствами и людьми, часто заблуждаются относительно настоящихъ условій страны, управленія которой они добиваются.

Впрочемъ, не одинъ Шафтесбюри былъ авторомъ того страннаго произведенія, которое намъ предстоитъ теперь разсмотрѣть; главный ея авторъ, хотя и занимавшійся подъ руководствомъ Шафтесбюри, былъ Локъ, столь знаменитый впослѣдствіи своими сочиненіями, отецъ философіи XVIII столѣтія, апостолъ вѣротерпимости, политикъ, который послѣ революціи 1688 года формулиро-

валъ принципы виговъ въ противуположность системѣ торій, основанной на божественномъ правѣ и королевской власти, наконецъ одинъ изъ людей, всего лучше служившихъ дѣлу цивилизаціи и свободы.

Шафтесбюри съ перваго взгляда оцѣнилъ достоинство Лока. Изъ простаго домашняго доктора онъ сдѣлалъ его своимъ собесѣдникомъ, другомъ и товарищемъ во всѣхъ своихъ политическихъ дѣлахъ. Между практическимъ, положительнымъ умомъ графа и точнымъ умомъ доктора-философа было много общаго и это вполнѣ объясняетъ дружбу, соединявшую ихъ до самаго конца. Неудача первой англійской революціи и крайности пуританской партіи сдѣлали ихъ обоихъ врагами демократіи, которую они считали опасною для государства и неспособную что либо создать. Они обожали то что въ ту эпоху называлось англійскимъ принципомъ, и считали аристократію единственнымъ оплотомъ противъ произвола и тираніи, откуда бы эти бичи ни являлись, съ верху или съ низу. Локъ смотрѣлъ на привилегію дворянства, какъ на гарантію свободы Англіи, и не смотря на всѣ перемѣны мнѣній Шафтесбюри, легко замѣтить, что онъ всегда считалъ аристократію краеугольнымъ краемъ конституціи.

Локъ, искренній другъ свободы, далеко не былъ республиканецъ, какъ Сидней, или апостолъ человѣколюбія, какъ основатель Пенсильваніи, его идеи были совершенно положительныя, и онъ не поддавался энтузіазму. Для него общество было ничто иное, какъ договоръ; цѣль этого договора, а слѣдовательно и цѣль всѣхъ законовъ было обезпеченье свободы и собственности. Сохраненіе свободы и собственности — вотъ что побуждаетъ людей отказаться отъ своего естественнаго состоянія, вотъ причина возникновенія общества, вотъ источникъ правительства (¹). Отсюда прямое неотразимое послѣдствіе, что въ государствѣ представительство должно быть соразмѣрно собственности и что крупные землевладѣльцы, знаменитые роды, наслѣдственно владѣющіе землею, имѣютъ въ стра-

---

(¹) Du gouvernement civil, ch. VIII, des fins de la société et du gouvernement politique. 169. Amsterdam, 1755.—

нѣ интересъ личный, отдѣльный, и если хотите, то и совершенно особое мѣсто въ обществѣ.

Признайте принципъ Лока—и англійская конституція покажется совершенной; никакая другая конституція не даетъ такихъ серьезныхъ гарантій свободы и не предоставляетъ такой важной роли поземельной собственности (въ XVII столѣтіи эта единственная форма собственности имѣла значительную цѣнность); въ рукахъ собственниковъ сосредоточены всѣ права. Признайте еще, что сосредоточеніе всей земли въ рукахъ небольшаго числа семействъ и неподвижность землевладѣнія—факты естественные и нормальные, то политика Лока становится безупречной. Но если цѣль общества заключается не въ этомъ, если въ государствѣ есть другіе интересы, кромѣ интересовъ собственниковъ, если гражданинъ имѣетъ и другія права, кромѣ личной свободы, потому лишь, что онъ человѣкъ и гражданинъ, то подобная система очевидная химера. Это не только не законъ для всего человѣчества, но даже не полное описаніе политическаго феномена, существующаго въ одномъ уголкѣ земнаго шара.

Эта предварительная критика ясно выказываетъ всѣ недостатки конституціи, предложенной философомъ Каролинѣ; Локъ, какъ всѣ законодатели слѣдовавшіе за нимъ, только воспроизвели старый образецъ, и то что онъ принималъ за измышленіе своего разума, было ничто иное, какъ воспоминаніе; только онъ старался воспроизвесть не организацію Спарты или Рима, а англійскую систему, правительство, въ которомъ все основывалось на собственности. Съ этой точки зрѣнія, однако, и какъ философское изученіе англійской конституціи въ концѣ XVII вѣка проектъ Лока заслуживаетъ вниманія.

Разсмотримъ въ подробности эту конституцію, навѣянную, по словамъ предисловія, *страхомъ создать слишкомъ многочисленную демократію* и вмѣстѣ съ тѣмъ желаніемъ *удовлетворить интересамъ собственниковъ и учредить правительство, пріятное монархіи.* Потомъ мы сравнимъ сочиненіе искуснаго политика и великаго философа съ организаціей другихъ провинцій Америки, бывшей естественнымъ плодомъ желаній и потребностей плантаторовъ, которые, конечно,

не могли такъ хорошо анализировать свои мысли, какъ Локъ, но которые чувствовали гораздо лучше его что соотвѣтствовало ихъ положенію и не мечтали сковать дѣятельность народа въ искуственныхъ, механическихъ формахъ ([1]).

Собственники, какъ государи колоніи, составляли замкнутую корпорацію изъ восьми человѣкъ; ихъ число не могло ни увеличиться, ни уменьшиться и по истеченіи столѣтія (эпоха, въ которую полагали, что колонія окончательно устроится и населится) достоинство и власть собственниковъ должны были сдѣлаться неотчуждаемыми и наслѣдственными въ ихъ семействѣ, словно дѣло шло объ англійской коронѣ. За недостаткомъ наслѣдника послѣ смерти одного изъ собственниковъ, пережившіе его сотоварищи назначали ему преемника, избирая одного изъ ландграфовъ, о которыхъ мы тотчасъ будемъ говорить, и который долженъ былъ принять имя и гербъ своего предшественника. Такимъ образомъ составлялся верховный совѣтъ или наслѣдственный сеймъ. Старѣйшій изъ собственниковъ принималъ названіе палатина и послѣ его смерти ему наслѣдывалъ снова старѣйшій изъ живущихъ владѣтелей; это былъ глава государства, но рядомъ съ нимъ каждый изъ собственниковъ имѣлъ особое званіе, подобно германскимъ князьямъ, избирателямъ, и правила этикета были предписаны будущему штату Каролины не менѣе строгія, какъ въ древней германской имперіи. Одинъ изъ собственниковъ былъ адмиралъ, другой камергеръ, третій канцлеръ, четвертый констабль, пятый верховный судья, шестой оберъ-церемоніймейстеръ (high steward) и послѣдній казначей ([2]).

Опредѣливъ достоинства этихъ восьми владѣтелей, Локъ опредѣлилъ и ихъ владѣнія или удѣлы. Каролина была методически раздѣлена на графства; каждое графство заключало въ себѣ 480,000 акровъ и въ свою очередь дѣлилась на сорокъ частей, каждая въ 12,000 акровъ; восемь изъ этихъ частей назывались

---

(1) The fundamental Constitutions of Carolina напечатаны въ Лондонѣ въ 1720 г. въ Collection of several pieces of Mr John Locke never before printed or not extant in his works.

(2) Ст. I и II.

сеньеріями, восемь *баронствами* и двадцать четыре *колоніями*. Всѣ эти различныя подраздѣленія принадлежали королевской власти или владѣтелямъ, наслѣдственному дворянству и народу; такъ что, *основавъ плантацію, обезпечивали равновѣсіе правительства* (¹).

Сеньеріи принадлежали восьми владѣтелямъ, которые такимъ образомъ были частными неотчуждаемыми собственниками пятой части всей страны. Этого было достаточно, чтобъ сосредоточить въ ихъ рукахъ на-вѣки все политическое вліяніе. Что касается до наслѣдственнаго дворянства, то въ каждомъ графствѣ долженъ былъ быть одинъ *ландграфъ* или графъ и два *кацика* или барона. Это была провинціальная аристократія и, по праву своего званія, они были членами парламента. Между ними раздѣлялись восемь баронствъ и такимъ образомъ, что четыре изъ нихъ принадлежали ландграфу, а остальныя четыре обоимъ кацикамъ, по два каждому. Эти владѣнія были наслѣдственныя и навѣки прикрѣплены къ титулу (²) каждаго владѣльца, такъ что ихъ нельзя было ни соединять, ни разъединять (³). Число трехъ дворянъ для каждаго графства должно было оставаться неизмѣннымъ; впродолженіи перваго столѣтія было дозволено продавать, не раздѣляя земли, и принадлежащіе къ нимъ титулы, но начиная съ 1700 г., всякое отчужденіе было строго воспрещено. За недостаткомъ наслѣдниковъ, владѣтели собственники имѣли право раздавать выморочныя владѣнія и титулы.

Что касается до двадцати четырехъ колоній каждаго графства, то онѣ дѣлились между свободными ленниками; но собственникъ четверти колоніи, т. е. 3,000 акровъ, могъ возвести свое владѣніе въ *замокъ*, и тогда земля становилась навсегда нераздѣльной. Это былъ настоящій, феодальный ленъ (⁴).

Подъ этой феодальной іерархіи надо было отвести и мѣсто для народа, на которомъ лежала вся тяжесть обработки этихъ гро-

---

(¹) Ст. 3 и 4.
(²) Ст. 9.
(³) Ст. 13 и 15.
(⁴) Ст. 16.

мадныхъ владѣній. Въ виду этого Локъ раздѣлилъ каждую сеньерію, баронство и замокъ на извѣстное число фермъ, каждую въ 10 акровъ, которыя обработывались расой наслѣдственныхъ арендаторовъ (leetmen), прикрѣпленныхъ къ землѣ и платящихъ владѣльцу вмѣсто ренты восьмую часть доходовъ (1). Эти фермеры, до которыхъ государству не было никакого дѣла, зависѣли отъ ландграфовъ, касиковъ и владѣльцевъ замка, которые имѣли право безапеляціоннаго суда надъ ними, какъ въ гражданскихъ, такъ и въ уголовныхъ дѣлахъ. Вообще это была феодальная система во всей ея чистотѣ, какъ для владѣльцевъ, такъ и для работящаго люда (2), и что еще удивительнѣе, эта система возвышалась на рабствѣ негровъ, которое Локъ признавалъ безъ малѣйшаго спора.

Вотъ правительство или вѣрнѣе сказать, общество, которое знаменитый мудрецъ создалъ заранѣе и цѣликомъ для страны, гдѣ горсть людей, равныхъ между собою по труду, въ потѣ лица обработывала землю, отданную этимъ философомъ въ тиши своего кабинета—подъ вѣчное рабство.

Распоряжаясь такъ безцеремонно съ большинствомъ гражданъ своего государства, Локъ установилъ самую сложную правительственную систему въ пользу небольшаго количества дворянъ и крупныхъ землевладѣльцевъ. Кромѣ палаты лордовъ-собственниковъ, имѣвшей верховную, исполнительную власть и въ которой предсѣдательствовалъ палатинъ, было семь другихъ палатъ, въ которыхъ предсѣдательствовалъ одинъ изъ собственниковъ, засѣдало шесть пожизненныхъ членовъ, изъ нихъ четверо непремѣнно дворяне: 1) канцлеръ, врожденный предсѣдатель парламента, вѣдалъ всѣ государственныя дѣла и въ его рукахъ были сосредоточены всѣ дѣла съ индѣйцами, всѣ религіозныя дѣла, вся полиція и пресса; 2) верховный судья творилъ апеляціонный судъ гражданскій и уголовный; 3) конетабль вѣдалъ военныя дѣла; 4) адмиралъ управлялъ мореплаваніемъ и торговлей; 5) казначей упра-

---

(1) Ст. 17 и 10.
(2) Ст. 22 и 23.

влялъ финансами; 6) оберъ-церемоніймейстеръ завѣдывалъ общественными работами; 7) камергеръ распоряжался публичными празднествами, играми, генеологіей и архивами ([1]). Эти сановники представляютъ намъ какъ бы семь наслѣдственныхъ министровъ, имѣющихъ владѣнія, соотвѣтствующія ихъ званію. Всѣ эти палаты, соединенныя вмѣстѣ, составляли великій совѣтъ изъ пятидесяти членовъ, имѣвшій назначеніе поддерживать порядокъ и миръ между собственниками и подготовлять законы для представленія парламенту ([2]),

Парламентъ (такое честолюбивое названіе давалъ Локъ своему законодательному собранію, тогда какъ другія колоніи довольствовались болѣе скромнымъ именемъ *Собранія* или *Общей палаты*) состоялъ изъ четырехъ штатовъ: лордовъ-собственниковъ, ландграфовъ, кациковъ и общинъ; въ первыхъ трехъ отдѣлахъ каждый членъ засѣдалъ въ силу своего личнаго права (одни лорды-собственники имѣли право посылать своихъ представителей). Послѣдній состоялъ изъ депутатовъ общинъ. Каждое графство имѣло четырехъ депутатовъ, но чтобъ быть избраннымъ надо было владѣть 500 акрами земли, а чтобъ быть избирателемъ—надо было владѣть 50 акрами ([3]). Парламентъ выбирался на два года и такимъ образомъ удовлетворялось желаніе, часто выражавшееся и доселѣ выражаемое въ Англіи либеральнымъ, общественнымъ мнѣніемъ. Наконецъ по примѣру древняго шотландскаго парламента всѣ четыре штата или сословія составляли одну палату, которой каждый представитель имѣлъ равный голосъ.

Трудно себѣ вообразить организацію, въ которой аристократія была бы столь сильна и голосъ народа такъ мало ощутителенъ. Однако, не смотря на невозможный фактъ, чтобъ большинство подобнаго собранія не было совершенно предано аристократіи, три мѣры, отчасти повторившіяся въ современныхъ хартіяхъ, придавали поземельной собственности бо̀льшую гарантію.

---

(1) Ст. 35—48.
(2) Ст. 50—56.
(3) Ст. 71—72.

Инициатива во всѣхъ дѣлахъ принадлежала большому совѣту; парламентъ былъ совершенно ея лишенъ. Это же самое правило было во французской хартіи въ 1814 году. Это было (такъ по крайней мѣрѣ полагали въ 1614 и въ 1668 годахъ) хорошее средство защитить исполнительную власть отъ злоупотребленій законодательной; но на опытѣ доказано, что этотъ способъ имѣлъ громадный недостатокъ возбуждать общественное мнѣніе противъ королевской власти, представляя ее врагомъ всѣхъ популярныхъ реформъ, тогда какъ она, быть можетъ, только отказывается представлять законы смѣлые и неосновательные. Въ представительномъ правленіи необходимо отдавать на общественное обсужденіе, а не предоставлять мудрости одного человѣка всѣ тѣ ефемерныя теоріи, которыя сегодня живутъ, а завтра умираютъ. Сдерживать эти пустые пары опасно; выпускать же ихъ наружу лучшее средство, чтобъ ихъ разсѣять.

Другая мѣра, быть можетъ, болѣе могущественная и благоразумная, давала владѣльцамъ право veto относительно всѣхъ парламентскихъ постановленій; и для избѣжанія всякой неожиданности и торопливости было опредѣлено, что законы, вотированные парламентомъ, теряли свою силу, если въ теченіе двухъ лѣтъ ихъ не ратифицируетъ палатинъ вмѣстѣ съ комитетомъ собственниковъ (1).

Наконецъ, словно всѣхъ этихъ испытаній было недостаточно для новыхъ законовъ, каждому изъ четырехъ сословій, составлявшихъ парламентъ, было дано право veto въ тѣхъ случаяхъ, когда оно считало предложенный законъ противнымъ конституціи: однимъ словомъ, это было царство неподвижности, неизмѣняемости.

Рядомъ съ этой организаціей правительства, которую мы вслѣдъ за симъ подвергнемъ подробному обсужденію, были въ конституціи Лока нѣкоторыя особенныя постановленія, которыми онъ воплощалъ смутныя идеи усовершенствованія, являвшіяся впослѣдствіи и въ другихъ странахъ также безуспѣшно; и смѣю сказать, онъ въ тоже время удовлетворялъ естественной непріяз-

---

(1) Ст. 33—76.

ни философовъ къ юристамъ, которые имъ отвѣчаютъ тѣмъ же, особенно въ политикѣ.

Такъ напримѣръ, Европа страдала въ то время отъ множества коментаріевъ на законы и вообще отъ загроможденія законовѣденія непужнымъ хламомъ, на что еще жаловался Юстиньянъ; и вотъ законодатель Каролины запрещаетъ вовсе писать о конституціяхъ, законахъ и обычаяхъ (1). Помните какъ увидя первый коментарій на свой кодексъ, Наполеонъ воскликнулъ: *„Мой кодексъ погибъ!“* Какъ онъ, такъ и Локъ находились подъ вліяніемъ одной иллюзіи; они мечтали о какомъ-то неизмѣнномъ законѣ, точно человѣкъ не живое существо, слѣдовательно вѣчно измѣняющееся, точно отношенія, соединяющія людей между собою, не подлежатъ безконечнымъ, часто неощутительнымъ перемѣнамъ, точно законы и законовѣденіе, выражающіе эти отношенія, не должны невольно слѣдовать за всѣми этими измѣненіями.

Съ другой стороны (и въ этомъ отношеніи Локъ менѣе подлежитъ критикѣ) Европа, и особливо Англія, очень много терпѣла отъ безконечныхъ законовъ и устарѣлыхъ обычаевъ, которые часто королевская власть возстановляла для стѣсненія личной свободы гражданъ; и вотъ Локъ постановляетъ, что *для избѣжанія умноженія законовъ, что всегда въ концѣ концевъ измѣняетъ первоначальныя основы правительства,* каждый статутъ терялъ свою силу по истеченіи ста лѣтъ послѣ его обнародованія (2).

Наконецъ было еще одно постановленіе конституціи Лока, нѣсколько наивное для философа, основывавшаго свое идеальное общество на собственности, которымъ онъ объявлялъ, что *„низко и подло вести процессы изъ за денегъ и платы.“* Локъ не хотѣлъ адвокатовъ, но патроновъ и кліентовъ (3). Сто лѣтъ спустя Руссо, ученикъ Лока, выражалъ тоже желаніе въ

---

(1) Ст. 80. Въ Gouvernement de Pologne Руссо выражаетъ тѣже самыя идеи.

(2) Ст. 79.

(3) Ст. 70.

своемъ Gouvernement de Pologne. „*Это столь почтенное занятіе*, говоритъ онъ, *унижается, становясь ремесломъ.*“ Это опять иллюзія: надо уничтожить процессы, а не адвокатовъ. Пока будутъ существовать тяжущіеся, всего вѣрнѣе для справедливости и государства оставить въ покоѣ адвокатовъ, зло необходимое, если хотите, какъ, напримѣръ, доктора, но котораго нельзя уничтожить, не причинивъ гораздо большій вредъ всѣмъ гражданамъ и всему государству. Цѣль политика (и философы это часто забываютъ) – это относительное благо, а не абсолютное совершенство.

Мудрой мѣрой, опережавшей его время, Локъ установлялъ гласность для всѣхъ дѣйствій и актовъ гражданъ, интересующихъ общество; въ каждой сеньеріи должны были находиться книги для записи рожденія, смерти, брака и передачи правъ собственности всѣхъ гражданъ (1).

Управленіе городовъ было заимствовано у свободныхъ муниципалитетовъ Англіи. Вся внутренняя администрація города поручалась мэру, двѣнадцати альдерманамъ и совѣту изъ двадцати четырехъ членовъ (2). Это было слишкомъ много для селеній, которыя долго не насчитывали болѣе ста жителей.

Я замѣчаю еще въ организаціи суда присяжныхъ одинъ принципъ, принятый нами, но противный духу англійскихъ законовъ и постоянно ими отвергаемый: я говорю о томъ правилѣ, что приговоръ постановляется по большинству голосовъ (3). Въ Англіи, гдѣ, въ противоположность намъ, законъ заботится не столько объ обществѣ, сколько объ обвиняемомъ, который болѣе нуждается въ покровительствѣ, для приговора обвиняемаго необходимо единогласіе присяжныхъ. Англичане считаютъ, особливо въ политическихъ дѣлахъ, большой опасностью для свободы, если простаго большинства достаточно для произнесенія приговора; они полагаютъ, что въ виду власти, могущей устрашить и

(1) Gouvernement de Pologne приложеніе къ Contrats Socials. Ed. de Paris, 1792, p. 333.

(2) 80—90.

(3) Ст. 92.

соблазнить большинство, только отъ небольшаго меньшинства можно ожидать независимости и твердости. Американцы, столь же ревностно оберегающіе свободу, какъ и англичане, сохранили этотъ принципъ, который, признаюсь, по моему мнѣнію, подлежитъ серьезной критикѣ и который къ тому же скорѣе приводитъ къ значительному большинству, чѣмъ къ единогласію.

Наконецъ, хартія обѣщала свободу религіи всѣмъ диссидентамъ, *евреямъ и язычникамъ*; но (и Локъ въ этомъ не виновенъ, ибо помимо его было отказано въ признаніи равенства вѣроисповѣданій) (¹) это была только вѣротерпимость. Установленная церковь была объявлена единственной, національной и правовѣрной церковью, и она одна должна была содержаться на счетъ колоніи, на субсидіи, вотированной парламентомъ. Другія вѣроисповѣданія могли взимать налогъ съ членовъ своей церкви, для поддержанія своего духовенства, но государство не оказывало имъ никакой помощи.

Любопытенъ изворотъ, къ которому прибѣгнулъ Локъ для установленія принципа свободы религіи; статьи 97 и 106 его хартіи скорѣе трактатъ о вѣротерпимости, чѣмъ статьи закона.

„*Статья 97.* — Имѣя въ виду, что туземцы плантаціи совершенно чужды христіанству, и что ихъ идолопоклонство, невѣжество или заблужденіе не даютъ намъ право изгнать ихъ или обращаться съ ними дурно, имѣя также въ виду, что поселенцы, которые прибываютъ сюда изъ различныхъ странъ, исповѣдываютъ различныя религіи и расчитываютъ на полную свободу въ этомъ отношеніи, и что неблагоразумно было бы удалять ихъ отъ насъ: постановлено для поддержанія мира между различными мнѣніями и для вѣрнаго исполненія нашего договора со всѣми людьми, нарушеніе котораго не можетъ не прогнѣвить Всемогущаго Творца и не составить нареканія для истинной вѣры, нами исповѣдуемой, а также для того, чтобы евреи, язычники и всѣ непризнающіе чи-

(¹) Ст. 96 и примѣчаніе, въ которомъ Локъ прямо указываетъ, что эта статья введена въ хартію однимъ изъ лордовъ-собственниковъ противъ желанія философа.

стоты христіанской религіи, не были бы отталкиваемы отъ нея, но, напротивъ, имѣли бы случай узнать, сколь истины и благоразумны ея ученія, сколь мирны и незлобивы исповѣдывающіе ее и такимъ образомъ могли бы быть доведены до признанія истины, путемъ убѣжденія, доброты и нѣжности, единственнымъ путемъ, согласнымъ съ ученіемъ и цѣлями Евангелія — чтобы всѣ лица въ числѣ семи и болѣе, исповѣдывающія какую бы то ни было религію, имѣли право составить церковь, которой они дадутъ извѣстное имя для отличія ея отъ другихъ церквей."

„*Статья 106.*—Никто не долженъ выражаться о какой бы то ни было церкви съ упрекомъ, презрѣніемъ или негодованіемъ, такъ какъ подобный образъ выраженія вѣрный способъ нарушить миръ и возбранить людямъ путь къ обращенію въ истинную вѣру, побуждая ихъ къ ссорамъ и ненависти къ той религіи, которую, быть можетъ, они бы иначе избрали."

Впрочемъ, эта вѣротерпимость, признанная основнымъ закономъ государства, далеко не была религіознымъ равнодушіемъ. Каждый обитатель колоніи, достигнувъ семнадцатилѣтняго возраста, долженъ былъ объявить къ какому вѣроисповѣданію онъ принадлежитъ и приписаться къ какой либо церкви; иначе онъ не могъ пользоваться покровительствомъ законовъ. Нельзя было быть гражданиномъ Каролины иначе, какъ признавая, что Богъ существуетъ, и что ему слѣдуетъ открыто поклоняться (1). По этимъ постановленіямъ легко узнать, что хартія Каролины — дѣло такого человѣка, какъ Локъ, истинно набожнаго и принявшаго за правило своей жизни Священное Писаніе, но Священное Писаніе, свободно истолковываемое; такъ Локъ постоянно говорилъ, что въ день страшнаго суда Богъ не спроситъ у него, слѣдовалъ ли онъ ученію Лютера или Кальвина, а любилъ ли онъ истину и искалъ ли ея. Онъ хотѣлъ свободы не какъ средство освободиться отъ всякой религіи (для него атеистъ былъ чудовище), но, напротивъ, какъ средства возвратить человѣка къ Богу, открывъ всѣ пути уму и сердцу.

Вотъ въ чемъ состояла конституція, сочиненная Локомъ и Шаф-

(1) Ст. 9, 98, 100, 101.

тесбюри. Основываясь на томъ, что имена авторовъ не стоятъ на заголовкѣ хартіи, нѣкоторые историки, особливо американскіе утверждали, что невозможно приписывать такому великому философу это произведеніе воплощающее, и доводя до послѣдней крайности всѣ несправедливости феодализма; но признавая, что нѣкоторые принципы политической и особливо религіозной свободы, защищаемые Локомъ въ его сочиненіяхъ, только отчасти приведены въ конституціи Каролины, отдавая должное внѣшнимъ обстоятельствамъ и вліяніямъ, нельзя не признать, что въ общихъ чертахъ хартія Каролины вполнѣ соотвѣтствуетъ политическимъ теоріямъ Лока и что его трактатъ *„о гражданскомъ правительствѣ“* служитъ естественнымъ ея коментаріемъ.

Если вѣрить Банкрофту (1), то Локъ въ глубокой старости сохранялъ, какъ памятникъ своей славы, воспоминаніе о своихъ законодательныхъ трудахъ, и поклонники, ставя его гораздо выше Пена, современника и соперника Лока, сравнивали его съ тѣми древними философами и первыми законодателями, которымъ человѣчество воздвигло памятники. Основная конституція, подписанная въ мартѣ 1669 года (ст. стиля) была принята въ Англіи съ восторгомъ. Ее не называли иначе, какъ *Великій Образецъ*. „Всѣ государства, говорилъ одинъ изъ поклонниковъ Шафтесбюри, будутъ оспаривать другъ у друга славу подчиниться благородной правительственной системѣ, которую глубокая мудрость подготовила Каролинѣ.“ Что же касается до собственниковъ колоніи, которые вскорѣ вознаградили Лока за его трудъ возведеніемъ въ ландграфы, то они были убѣждены, что, подписывая этотъ великій актъ, они соединяютъ свое имя съ дѣломъ святымъ, неизмѣннымъ и которое, по ихъ словамъ, должно было *вѣчно существовать* (2).

Утвердивъ конституцію, собственники занялись организаціей правительства. Монкъ, герцогъ Альбемарль, какъ старшій, былъ назначенъ палатиномъ; до сихъ поръ все шло хорошо, но когда хартія прибыла въ Америку и стала примѣнять эту громадную,

---

(1) Bancroft, II, 150.
(2) Ст. 74--77.

сложную организацію къ простому обществу нѣсколькихъ земледѣльцевъ, то немедленно оказалось, что факты опровергали теорію и произнесли надъ нею безвозвратный приговоръ. Дѣйствительно, гдѣ было найдти дворъ палатина и замка ландграфа или кацика въ первобытномъ лѣсу, называемомъ Каролиной, въ странѣ безъ городовъ и деревень, гдѣ нѣсколько эмигрантовъ разбили свои хижины въ далекомъ разстояніи другъ отъ друга, гдѣ неизвѣстны были дороги, и отъ одной плантаціи къ другой вели только тропинки, означаемыя нарѣзками на деревьяхъ? Колонисты сѣвера и юга одинаково отвергли эту непрактическую конституцію, которая не брала въ соображеніе ни ихъ потребности, ни ихъ понятія, ни ихъ права. Естественные владѣльцы земли, которую они обработали и которой придали цѣнность, они не хотѣли другаго правительства какъ то, которое имъ предложили съ самаго начала, какъ то, которое существовало во всѣхъ другихъ плантаціяхъ и подъ сѣнью котораго неизвѣстно было различіе людей по рожденію, и каждый гражданинъ имѣлъ одинакое право на землю и на участіе чрезъ своего представителя во всѣхъ дѣлахъ колоніи. Послѣ двадцати трехъ лѣтъ постоянной борьбы и нескончаемыхъ неудовольствій, лорды-собственники, уступая прямымъ требованіямъ плантаторовъ, отмѣнили конституцію, неполное примѣненіе которой было одинаково гибельно какъ для нихъ, такъ и для колонистовъ.

„Можетъ быть, говоритъ извѣстный юристъ Сторп:—лѣтописи всего міра не представляютъ такого великолѣпнаго примѣра совершеннаго безумія всѣхъ попытокъ учредить правительство на одной теоріи; быть можетъ, нельзя найти болѣе ощутительнаго доказательства, какъ опасны законы, составленные безъ должнаго вниманія къ обычаямъ, правамъ, чувствамъ и мнѣніямъ народа.“

Ничего не можетъ быть справедливѣе этого замѣчанія, но многіе, быть можетъ, не поймутъ всего глубокаго его значенія. Изъ неуспѣха Великаго Образца, изъ ошибки Лока, не всякій выведетъ заключеніе о совершенной неудовлетворительности всѣхъ законовъ a priori. Разсмотримъ поэтому поближе попытку англійскаго философа, и полная оцѣнка какъ человѣка, такъ и его

труда докажетъ намъ, что неудача была неизбѣжна какъ въ этомъ случаѣ, такъ и во всѣхъ попыткахъ подобнаго рода.

Отчего конституція Лока не имѣла и не могла имѣть успѣха? Зависѣло ли это отъ неискуства ея творца? Конечно, нѣтъ; это былъ мудрецъ, никогда не поддававшійся мечтамъ или воображенію; это былъ умъ глубокій, основательный, который въ смутное время, когда всѣ основы обществъ были обнажены, зрѣло обдумалъ всѣ условія жизни государства, это былъ наконецъ политическій писатель, ученія котораго, подкрѣпленныя революціей 1688 г., были приняты съ величайшимъ сочувствіемъ всей Сѣверной Америкой по отдѣленіи ея отъ метрополіи и которыя въ болѣе или менѣе измѣненной формѣ находятся въ основѣ всѣхъ конституцій, составленныхъ нашими законодательными собраніями въ послѣднія шестьдесятъ лѣтъ. Въ политикѣ, какъ и въ философіи, нѣтъ человѣка, который бы имѣлъ такое громадное вліяніе на восьмнадцатый вѣкъ, какъ Локъ. Но скажутъ намъ, надо же признать, что этотъ знаменитый геній ошибся, составляя свою конституцію. Почему? Эта конституція нисколько не была химерой, а законодательство, существующее въ Англіи. Человѣкъ, столь практическій, какъ Шафтесбюри, и философъ, столь положительный, какъ Локъ, не стали бы создавать утопію; ихъ образцомъ было правительство, находившееся подъ ихъ глазами и политикой котораго они руководили.

Оставимъ въ сторонѣ пустую фразеологію всѣхъ этихъ палатиновъ, ландграфовъ, кациковъ, владѣльцевъ замковъ и взглянемъ на существо дѣла. Чтожъ мы видимъ? Королевскую власть, олицетворенную въ восьми лицахъ, аристократію, мелкое дворянство (*gentry*) и народъ, четыре класса, существовавшіе и существующіе доселѣ въ Англіи. Локъ ничего не сочинилъ, онъ только изучилъ, анализировалъ и воспроизвелъ все что видѣлъ передъ собой. Какъ политическое изученіе его трудъ совершенство; это живое олицетвореніе Англіи. Какъ теоретическое созданіе, трудъ его безупреченъ; все расчитано и приноровлено къ конечной цѣли; это самая могучая и тѣсно сплоченная аристократическая организація, которую только можно себѣ вообразить.

И такъ Локъ и Шафтесбюри вложили въ свой трудъ все что

могутъ сдѣлать изученіе, геній, искуство и привычка къ политическимъ дѣламъ; и однако, смотря на ихъ конституцію, чувствуешь, что это лишь игра воображенія и непримѣнимый проектъ. Сразу видишь, что это законодательство, заимствованное у аристократическаго и феодальнаго общества, не могло быть примѣнено къ обществу, гдѣ люди и земля были въ другихъ отношеніяхъ, какъ въ Англіи. Въ Америкѣ абсолютное равенство, личное и поземельное, прямо проистекало изъ почвы.

Ошибка Лока состояла въ непризнаніи перваго основнаго принципа политической науки. Онъ не понялъ, что законы не философское отвлеченіе, не идеалъ, а выраженіе существующихъ между людьми отношеній. Другими словами, законы и особливо конституція не составляются для человѣчества, но для извѣстнаго собранія людей, живущихъ въ извѣстное время и въ извѣстной мѣстности; для этихъ-то особыхъ, своеобразныхъ обществъ необходимо установить такіе же особые, своеобразные законы, какъ они сами, и странное заблужденіе сочинять законы a priori, словно люди существуютъ для законовъ, а не законы для людей. Нельзя создать законъ или конституцію; они не создаются. Это одна изъ тѣхъ истинъ, которую неустанно надо повторять, ибо она воплощаетъ въ себѣ политику и всю науку законодателя. Законы ничто иное, какъ торжественное подтвержденіе тѣхъ общественныхъ отношеній, которыя сложились сами собою подъ вліяніемъ тысячи различныхъ причинъ; эти отношенія, конечно, законодательство можетъ измѣнить медленнымъ-косвеннымъ путемъ, но воображать, что ихъ можно создать или уничтожить въ одинъ день, однимъ почеркомъ пера — безуміе, которое было бы смѣшно, — еслибъ впродолженіи послѣднихъ пятидесяти лѣтъ, оно не стоило бы намъ такъ дорого.

Чтобъ не выходить изъ круга идей Лока, неужели можно двумя словами писаннаго закона уничтожить англійскую аристократію? Революція не совладала съ этой задачей и еслибъ сегодня новые пуритане уничтожили палату лордовъ, прибѣгая къ плахѣ и конфискаціи, то завтра снова пришлось бы имѣть дѣло съ аристократіей, собственницей земли; эта живая сила встрѣчалась бы на каждомъ шагу и такъ или иначе въ общинѣ или въ государствѣ

ей пришлось бы уступить такую же долю вліянія, какою она пользуется нынѣ. Безъ сомнѣнія, можно путемъ долгихъ усилій уничтожить аристократію, отнявъ у нея исключительную собственность земли, это наслѣдственное богатство, создающее ея могущество. Французскіе законы вырвали съ корнемъ аристократію, но не тѣ запретительные законы, которые возвели на плаху столько жертвъ, единственнымъ преступленіемъ которыхъ было ихъ рожденіе, ни даже законы о конфискаціи, измѣнявшіе только собственниковъ, но не уничтожавшіе крупныя собственности; это великое дѣло сдѣлали тѣ законы, которые, не прибѣгая къ пролитію крови, уничтожили маіораты, сократили права завѣщанія, сравняли всѣхъ дѣтей въ день наслѣдства, привели во Франціи, однимъ словомъ, къ раздѣленію собственности, къ увеличенію числа собственниковъ и, какъ необходимое послѣдствіе, къ исчезновенію аристократіи и къ царству демократіи.

Если нельзя однимъ закономъ уничтожить аристократію, то какъ же можно однимъ закономъ ее установить! Въ этомъ заключалась иллюзія Лока, точно также ошибалась французская хартія 1814 г., которая въ странѣ полнаго равенства учреждала наслѣдственное пэрство, полагая даровать королевской власти въ этой слабой опорѣ могучій оплотъ могущественной англійской аристократіи. Для превращенія французскаго пэрства въ аристократію необходимо было бы, какъ мечталъ Карлъ X, воскресить изъ могилы старинное общество, сосредоточить землю въ рукахъ немногихъ привиллегированныхъ лицъ путемъ первородства и опредѣленнаго наслѣдованія, но возвратить такимъ образомъ опять демократическій потокъ было неосуществимой мечтой и подобныя попытки ускоряли только погибель учрежденія безсильнаго, безжизненнаго! Учрежденіе второй палаты была мысль политическая, раздѣленіе законодательной власти (примѣръ тридцати штатовъ Америки достаточно это доказываетъ)—одна изъ необходимыхъ условій свободы; эта единственная гарантія противъ тираніи или слабости парламента; это также единственное извѣстное средство сдержать демократію и помѣшать ей погубить себя увлеченіемъ или перемѣнчивостью ея страстей. Но наслѣдственность, когда она не въ нравахъ общества, не составляетъ необходимаго условія для суще-

ствованія сената, наслѣдственная палата пэровъ во Франціи 1814 г. была, подобно ландграфамъ и кацикамъ Каролины, перенесеніемъ англійскаго учрежденія на почву столь же демократическую и столь же отвергавшую всякое неравенство, какъ Соединенные Штаты.

Сравнимъ теперь конституцію, сочиненную Локомъ для Каролины, съ тѣми конституціями, которыя сами собою установились въ другихъ колоніяхъ, и мы тотчасъ увидимъ какое различіе существуетъ между искуственной системой и закономъ, естественно проистекающимъ изъ обстоятельствъ. Вездѣ мы видимъ одну и ту же организацію: губернатора, въ рукахъ котораго сосредоточена вся исполнительная власть, совѣтъ или верхняя палата, вѣдающая дѣла и административныя, и законодательныя, наконецъ представительное собраніе, избираемое всѣми плантаторами. Это та же конституція что и въ метрополіи, только освобожденная отъ привилегій аристократіи и духовенства, такъ какъ англійская аристократія и духовенство не переселились въ Новый Свѣтъ; въ то же время, эта система простая, естественная, легко примѣнимая и столь соотвѣтствующая народнымъ потребностямъ, что нынѣ, послѣ двухъ столѣтій, она существуетъ всецѣло подъ различными именами. Въ этой системѣ нѣтъ ничего мечтательнаго, ничего насильственнаго, никакихъ странныхъ комбинацій; никакихъ кастъ или привилегій; но сколько политическихъ истинъ, открытыхъ опытомъ и вошедшихъ въ пословицу! Единство исполнительной власти, учрежденіе совѣта, контролирующаго и умѣряющаго власть, раздѣленіе законодательной власти, права народнаго представительства,—все это принципы, которые мы плохо сознаемъ и которые Локъ вовсе не признавалъ.

Я надѣюсь, теперь понятно, почему правительство, естественный плодъ народной жизни, какъ въ Англіи и Америкѣ, правительство, которое не сочиняется, а устанавливается само собой и измѣняется согласно требованіямъ и понятіямъ—неизмѣримо выше всѣхъ отвлеченныхъ системъ, которыхъ законодатель или учредительное собраніе навязываетъ націи? Люди неопытные легко воображаютъ, что для человѣчества было бы лучше, если бы вдохновенный Ликургъ двинулъ его на стезю прогресса. Это постоянное заблужденіе утопистовъ, вѣчно остающихся юными. Но пря-

мые факты доказываютъ, что индивидуальная воля, которой подчиняютъ цѣлую страну, не принимая въ соображеніе ея потребности, всегда дѣлается тиранической (1).

Нельзя создать націю наподобіе отдѣльнаго человѣка; законодатель, упорно преслѣдующій подобную химеру, приходитъ только къ разочарованію. Исторія французской революціи кровавыми буквами записала эту безспорную истину. Это не значитъ, чтобы одинъ человѣкъ или собраніе людей, болѣе образованныхъ, чѣмъ большинство націи, не могли бы сочинить учрежденія, теоретически совершеннѣе существующихъ, но эти учрежденія не будутъ согласоваться съ цивилизаціей, слабостями и даже предразсудками страны. Вы предлагаете мнѣ великолѣпную одежду, но она сшита не на мой ростъ и жметъ мнѣ всюду; мнѣ надо насильственно отказаться отъ всѣхъ моихъ мыслей и чувствъ, чтобы принять ваши, которыя можетъ быть гораздо хуже и къ тому же мнѣ совершенно чужды. Требовать отъ народа, чтобы онъ измѣнилъ свою жизнь по волѣ законодателя (а въ продолженіи шестидесяти лѣтъ, сколько разъ Франція переставала быть сама собой)—безуміе и самая дерзкая и нестерпимая изъ тираній, по несчастью, всего чаще встрѣчающаяся нынѣ во Франціи. Мы уже перестали быть народомъ крѣпостнымъ, съ котораго дерутъ шкуру, сколько хотятъ, хотя и въ этомъ отношеніи мы очень много поддаемся, но мы французы, нація, которая управляется и регламентируется по теоріямъ важныхъ особъ, нашимъ же довѣріемъ поставленныхъ во главѣ правительства. Съ того дня, какъ мы вручаемъ имъ власть и полное уполномочіе, они начинаютъ насъ подчинять своимъ капризамъ и химерамъ!

Не таково республиканское правительство Америки; тамъ стараются просвѣтить и руководить народную волю, но передъ этой волей преклоняются; тамъ не имѣютъ притязанія во имя верховнаго разума или какой либо высокой цѣли предписывать народу законы и учрежденія, противорѣчащія всѣмъ его обычаямъ и всему прошедшему. Наши законодатели всѣ болѣе или менѣе послѣдователи Лока; имъ надо отъ многаго отучиться, чтобъ сдѣлаться

---

(1) См. Исторію конституціи, XIV Чтеніе.

истинными представителями народа, и однако, еслибъ они были скромнѣе въ своихъ законодательныхъ притязаніяхъ, то имъ легче было бы дѣйствовать, а мы, бѣдная толпа, низкая чернь, не такъ дорого платили бы за всѣ опыты, которые надъ нами дѣлаютъ наши великолѣпные повелители! Но гдѣ же найдти истиннаго законодателя? Америка представляетъ намъ подобный образецъ въ основателѣ Пенсильваніи. Сравнимъ Пена съ Локомъ и съ перваго взгляда преимущество будетъ на сторонѣ втораго. Другъ государственнаго человѣка, принимавшій участіе въ политическихъ дѣлахъ, человѣкъ глубокаго и пытливаго ума, онъ, конечно, знаетъ болѣе, чѣмъ фанатикъ-квакеръ, и конечно сочиненная имъ организація должна быть опредѣленнѣе, симетричнѣе и могучѣе системы Пена. Локъ открылъ, что общество основано на договорѣ и что главная цѣль этого договора сохраненіе собственности; на этой то основѣ онъ и зиждетъ все свое правительство. Напротивъ, Пенъ, хотя онъ полный господинъ и повелитель своей страны, не питаетъ ни малѣйшаго довѣрія къ превосходству своего ума и мысли. Онъ хочетъ только свободы и счастья своихъ подданныхъ и полагаетъ, что въ этомъ отношеніи никто не можетъ лучше рѣшить вопроса, какъ интересованная страна; вся его политическая система выражается въ слѣдующихъ простыхъ словахъ:

„Вы будете управляться, говоритъ онъ своему народу, тѣми законами, которые вы сами постановите. Не надо, чтобы моя воля, воля человѣка, мѣшала счастью всей страны. — Сохраните изъ данной мною вамъ хартіи все что хорошо, выбросьте все что дурно, и прибавьте все, что поведетъ къ общему благу“ (1).

Локъ пугается слишкомъ многочисленной демократіей и, какъ теоретикъ, отдавая всю власть собственникамъ, начинаетъ съ того, что оставляетъ внѣ конституціи большую часть націи, и при этомъ онъ ни мало не сомнѣвается въ своемъ правѣ учредить такую систему илотовъ. Пенъ, дѣйствуя подъ вліяніемъ гораздо благороднѣйшаго честолюбія, открываетъ свою колонію для всего міра; ему непонятны всѣ привилегіи, исключенія и систематичное уни-

---

(1) Bancroft, II. 16.

женіе народа. Подобно Локу, онъ видѣлъ всѣ ужасы междоусобной войны, видѣлъ, какъ демократія погубила себя своими крайностями, но онъ не отчаявается въ свободѣ и, какъ естественное слѣдствіе христіанскаго милосердія, которое для квакеровъ, также какъ и для католиковъ, составляетъ всю сущность религіи и жизни, онъ не признаетъ политическаго неравенства, потому что такое неравенство не можетъ быть угодно Провидѣнію, создавшему всѣхъ людей братьями.

И теперь спросите себя, кто изъ этихъ двухъ людей, изъ которыхъ одинъ ставитъ конечною цѣлью общества, собственность и отдаетъ все собственникамъ, а другой, опережая свой вѣкъ, видитъ цѣль общества въ свободѣ и общемъ благосостояніи и предоставляетъ всѣмъ заботу защищать это общее сокровище — кто изъ этихъ двухъ людей, я не говорю глубочайшій мудрецъ, но глубочайшій политикъ; ихъ дѣла будутъ ихъ судить. Локъ, ландграфъ (я не говорю о философѣ), произвелъ на свѣтъ политическую организацію, вполнѣ неудавшуюся; напротивъ того, Пенъ, квакеръ, основалъ государство богатое, свободное, цвѣтущее, государство, имя котораго совершенно справедливо увѣковѣчиваетъ имя этого добродѣтельнаго генія, который вѣровалъ въ свободу и понималъ человѣчество лучше величайшихъ политиковъ, быть можетъ потому, что любилъ его больше.

ЧТЕНІЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ.

Южныя колоніи.

1. Двѣ Каролины.

Мм. Гг.

Въ то время, какъ Локъ работалъ надъ своимъ великимъ проектомъ, плантаторы Альбемарля, центральнаго графства Сѣверной

Каролины, вводили у себя конституцію, по признанію Берклея, единственную, которая заключала въ себѣ задатки живучести и могла пользоваться довѣріемъ народа. Извнѣ нечего было ожидать; собственники утвердили уступки земли на условіяхъ, предложенныхъ колонистами; плантаторамъ была дарована свобода религіи и присвоено право платить только тотъ налогъ, который будетъ утвержденъ ихъ голосованіемъ; чего имъ еще недоставало для благоденствія? Не была ли это полная свобода? Не пользовалась ли эта горсть людей (въ 1677 г. въ колоніи считалось только четыре тысячи человѣка) [1] большими правами, чѣмъ тѣ, въ которыхъ мы отказываемъ Алжиру съ его стотысячнымъ населеніемъ, послѣ двадцати лѣтъ завоеванія?

Когда великій проектъ дошелъ до Альбемарля, онъ поставилъ губернатора въ самое затруднительное положеніе; народъ, который Локъ собирался организовать по своему усмотрѣнію, воспротивился введенію правительственной системы, въ которой ему отводилось лишь мѣсто раба, тогда какъ въ сосѣднихъ колоніяхъ онъ являлся властителемъ. Обнародованіе конституціи только породило анархію; оно подкапывало существующій порядокъ вещей, не будучи въ состояніи замѣнить его новымъ. Собственники, вопреки своимъ обѣщаніямъ, поднимали руку на правительство, ими самими дарованное; плантаторы рѣшительно отвергали хартію, которая должна была укоренить привилегію въ странѣ, куда они пришли искать свободы.

А плантаторы эти были эмигранты изъ Новой-Англіи или бѣглецы, покинувшіе Виргинію послѣ большаго возмущенія полковника Бэкона; другими словами, это были люди рѣшительные, несговорчивые, люди, которые съ перваго же дня бросили въ тюрьму агентовъ, присланныхъ собственниками, и стали управляться сами собою. Странный народъ, волнующійся при первой попыткѣ подчинить его чужой волѣ, спокойный и покорный предъ законами, изданными его представителями.

Собственникамъ нечего было и думать о вооруженной экспедиціи

---

(1) Bancroft, II, 159.

противъ своихъ возмутившихся подданныхъ; это безразсудство обошлось бы имъ слишкомъ дорого. Приходилось идти на сдѣлку, особливо въ виду положенія южной колоніи, гдѣ все произошло также, какъ на сѣверѣ, такъ такъ потребности и желанія были и тамъ и здѣсь одинаковыя.

Собственники, все еще стоявшіе за свою наслѣдственную аристократію, за свои земельныя и личныя преимущества, до которыхъ колоніи не было дѣла, хотѣли предложить нѣкоторыя измѣненія, которыя были отвергнуты какъ недостаточныя. Вопросъ о платежѣ *quitrent* породилъ новыя затрудненія; эмигранты не имѣли ни малѣйшаго намѣренія платить подати за земли, которыя тѣ вырвали у пустыни „и увлажили своимъ потомъ. Они согласились платить только налоги, необходимыя для покрытія общественныхъ расходовъ и производства жалованья колоніальнымъ должностнымъ лицамъ. Наконецъ, „въ 1693 г., утомленные борьбой, собственники отказались отъ конституціи, столь же стѣснительной для нихъ, какъ и для колоніи.

„Такъ какъ народъ высказалъ свое предпочтительное желаніе быть управляемымъ властями, которыя установляетъ хартія, не внимая *основной конституціи*, то признается за благо для его спокойствія и охраны людей благонамѣренныхъ, таковую просьбу утвердить“ (¹).

Съ этимъ постановленіемъ пало искуственное законодательство Лока и Шафтесбюри. Ему пророчили безсмертіе, но оно не смогло просуществовать и дня. Палатины, ландграфы, кацики, вся эта химерическая аристократія исчезла, не оставляя по себѣ слѣдовъ въ исторіи. Отъ „великаго образца“ ничего не уцѣлѣло кромѣ принесеннаго имъ зла и урока, который не слѣдовало бы имъ забывать: именно, что всѣ конституціи, созданныя на бумагѣ — мертворожденныя дѣтища; онѣ не живучи, какъ всякій уродъ.

Едва высвободившись изъ этихъ затрудненій, Каролина встрѣтила въ религіозныхъ спорахъ новую преграду, надолго стѣснившую ея развитіе. Послѣ революціи 1688 года, англиканская цер-

(¹) Bancroft, III, 15.

ковъ, составлявшая меньшинство въ провинціи, населенной диссидентами всѣхъ націй, тѣмъ не менѣе захотѣла установить свое главенство. Ей удалось, при содѣйствіи лорда Гренвилля, тогда лорда палатина, созвать вполнѣ себѣ преданную палату и издать постановленіе, что впредь депутаты будутъ приносить присягу въ вѣрности установленной церкви; это было равносильно отнятію у большинства колонистовъ права представительства.

Диссиденты, отвергнутые собственниками, нашли себѣ защитника въ лордѣ Соммерсѣ, который внесъ ихъ жалобой въ палату лордовъ. Напрасно возставали собственники; палата опредѣлила, что хартія не разрѣшала постановленій, на которыя жаловались колонисты. Въ отвѣтъ на представленную ей петицію королева Анна, хотя она и не имѣла права veto надъ лордами колоніи, опредѣлила, по совѣту коронныхъ адвокатовъ, что эти постановленія собственниковъ не имѣли силы, и что даже подлежали разсмотрѣнію, не превысили ли они своихъ правъ (1707).

Съ своей стороны, колоніальная палата уничтожила эти злосчастныя постановленія и возстановила вѣротерпимость, удержавъ при этомъ главенство и преимущества установленной церкви; тѣмъ не менѣе въ плантаціи затаилось раздраженіе, которое вскорѣ должно было проявиться наружу.

Отсюда безчисленныя разногласія, постоянно возрастающее волненіе, и наконецъ возстаніе колоніи, возстаніе, совершенно своеобразнаго характера, которое выказало въ народѣ, поистинѣ созданномъ для самоуправленія, тотъ здравый смыслъ, ту умѣренность, тотъ духъ порядка, которые составляютъ первыя условія свободы.

Въ 1719 южный округъ рѣшился освободиться отъ тяготившаго его владычества собственниковъ. Губернаторомъ былъ въ то время Робертъ Джонсонъ, человѣкъ достойный и справедливо пользовавшійся популярностью. Собраніе, преобразовавшись въ конвентъ, ниспровергло отяготительную и произвольную правительственную систему; оно провозгласило хартію нарушенною; но въ то же время выразило Джонсону желаніе удержать его губернаторомъ, подъ условіемъ, что онъ не будетъ признавать надъ собой другаго главы, кромѣ короля.

Джонсонъ отказался, и его замѣнилъ губернаторъ, назначен-

ный собраніемъ. Въ то время были отправлены агенты въ Англію, чтобы отстоять предъ королемъ права народа. Колонія встрѣтила въ министерствѣ самое благопріятное настроеніе. Съ тѣхъ поръ, какъ на престолъ вступилъ ганноверскій домъ, и главенство парламента не было болѣе оспариваемо, въ Лондонѣ господствовало постоянное желаніе уничтожить колоніальныя хартіи, которыя стѣсняли власть метрополіи. Столкновеніе, происшедшее между собственниками и плантаторами въ Каролинѣ, представлялось отличнымъ случаемъ вмѣшаться въ дѣла провинціи; вотъ почему притязанія колонистовъ были приняты съ благосклонностью, которую они, конечно, не встрѣтили бы въ другое время. Въ 1721 году въ Каролину былъ отправленъ отъ имени короля губернаторъ, принятый въ колоніи съ живѣйшимъ сочувствіемъ.

Оставленные въ своихъ земляхъ безъ власти, покинутые по зависти правительства, семь изъ числа концесіонеровъ продали всѣ свои права казнѣ за сумму 17,500 ф. ст. и сверхъ того получили 5000 ф. ст. на покрытіе выпавшихъ на ихъ долю quitrent; только одинъ изъ нихъ, лордъ Картеретъ, уступая свои права суверена, удержалъ за собою свою часть земли, которая была отведена ему на сѣверѣ Каролины. Такимъ образомъ въ 1728 была уничтожена жалованная грамата и управленіе провинціей поручено, къ всеобщей радости, Роберту Джонсону, показавшему себя столь честно преданнымъ дѣлу собственниковъ и принятому, какъ свидѣтельствуетъ одинъ современникъ, подобно Цицерону по возвращеніи изъ своего изгнанія. Каролина стала королевской провинціей и въ 1732 была официально раздѣлена на два штата, для удобства какъ правительства, такъ и жителей.

Эта перемѣна въ администраціи дала результаты, въ высшей степени благопріятные для колоніи, развитію которой много помѣшали ея политическія и религіозныя смуты. Во времена господства собственниковъ, въ ней считалось не болѣе четырнадцати тысячъ жителей, не смотря на значительно большій приливъ эмигрантовъ изъ Европы. Съ 1728 до 1790 года населеніе возросло до шестисотъ сорока тысячъ человѣкъ.

Вамъ извѣстна система правленія въ королевскихъ провинціяхъ. Губернаторъ, совѣтъ, оба назначаемые королемъ, и собраніе представителей, избираемое плантаторами, таковы были три вѣтви законодательной власти. Губернаторъ созывалъ, отсрочивалъ, распускалъ собраніе, имѣлъ право veto надъ законами и располагалъ исполнительной властью при содѣйствіи совѣта. Онъ имѣлъ также свою долю участія въ судебной власти и назначалъ должностныхъ лицъ и офицеровъ милиціи. Всѣ законы подлежали одобренію короля, но пока онъ ихъ не отмѣнялъ, они оставались въ силѣ. Вообще это было управленіе, сходное съ управленіемъ метрополіи (¹).

Но что не было заимствовано у Англіи и что осталось неизгладимымъ пятномъ въ Каролинѣ, особливо въ южной, это рабство и его мрачное законодательство.

Еще въ самомъ началѣ предпріятія явился съ Барбадоса съ неграми серъ Джонъ Іеамансъ, бывшій первымъ плантаторомъ и первымъ начальникомъ кларендонскаго округа, центра Южной-Каролины. И такъ, введеніе рабства совершилось единовременно съ первой колонизаціей. Южная-Каролина была единственною изъ тринадцати колоній, которая, при самомъ своемъ возникновеніи, прибѣгла къ рабскому невольничьему труду. Въ Мэрилэндѣ, въ Виргиніи долго еще преобладалъ обычай нанимать свободныхъ людей, и въ этихъ штатахъ классъ бѣлыхъ рабочихъ считался всегда многочисленнымъ, такъ какъ нѣтъ болѣе благопріятнаго климата для англо-саксонскаго рабочаго, какъ климатъ этихъ прекрасныхъ странъ.

Напротивъ, издавна было замѣчено, что знойный и влажный воздухъ Южной-Каролины какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ природѣ негра. Здѣсь они жили и быстро множились, тогда какъ бѣлаго работника похищала лихорадка; потому-то съ самаго начала главной заботой эмигранта стала покупка негровъ, *безъ которыхъ*, говоритъ одинъ современникъ, *„плантаторъ ничего не могъ сдѣлать.“* Пробовали одинаково индѣйцевъ и негровъ; но вскорѣ признали, что первые неукротимы, тогда какъ послѣд-

---

(¹) Ramsay, South Carolina, ch. I.

ніе легко свыкались съ рабствомъ. Между ними, увѣряли, такая же разница, какъ между дикими и домашними животными: одни охотно подчиняются владычеству человѣка, другія издыхаютъ въ неволѣ.

Особенно значительно способствовало увеличенію числа этихъ несчастныхъ введеніе въ колоніи воздѣлыванія риса. Въ 1698 г. случайно былъ занесенъ мадагаскарскимъ кораблемъ мѣшокъ рису, который посѣянный болѣе изъ любопытства, чѣмъ для пользы, сдѣлался вскорѣ, вмѣстѣ съ индиго, главнымъ предметомъ производства въ Каролинѣ (¹). Поемныя рисовыя плантаціи, требующія влажности и зноя, принадлежатъ къ числу самыхъ нездоровыхъ, и однако, по общему мнѣнію, на здоровье негровъ онѣ не вліяютъ.

Здѣсь мы снова встрѣчаемся съ вліяніемъ климата, и играющимъ столь важную роль въ вопросѣ о рабствѣ. При своемъ возникновеніи, всѣ колоніи Америки принимали рабовъ; только въ наши времена, въ 1826 году, послѣдніе невольники въ Нью-Іоркѣ получили свободу. Ничего, слѣдовательно, не могло бы стѣснить рабства на сѣверѣ, если бы бѣлый работникъ во многомъ не превосходилъ негра, когда климатическія условія не препятствуютъ его работѣ.

Но если въ Нью-Іоркѣ негръ былъ самымъ дурнымъ и дорогимъ работникомъ, то, напротивъ, на Югѣ полагали невозможнымъ обойтись безъ него. Вотъ почему ввозъ негровъ такъ скоро размножилъ расу рабовъ, что въ нѣсколько лѣтъ черные стали, по численности, вдвое превосходить бѣлыхъ, чего нигдѣ нельзя было встрѣтить въ Сѣверной Америкѣ.

Во времена, когда идеи братства, теперь намъ столь близкія, не имѣли большаго числа послѣдователей, когда человѣколюбіе было незнакомымъ словомъ, когда торгъ неграми считался благочестивымъ дѣломъ, такъ какъ онъ отрывалъ нечестивыхъ отъ язычества и обращалъ ихъ въ христіанство — понятно, что Южная-

---

(¹) Воздѣлываніе хлопка принадлежитъ позднѣйшей эпохѣ; только со времени революціи оно приняло значительные размѣры.

Каролина выказала себя совѣстливѣе другихъ провинцій, почему у нея появился свой *черный кодексъ*, и арсеналъ, и по нынѣ существующіе жестокіе законы. Въ этомъ послѣднемъ фактѣ, вопреки всѣмъ софизмамъ, заключается самый кровавый приговоръ надъ рабствомъ. Если негръ существо низшее, родъ домашняго животнаго, для котораго лишеніе свободы составляетъ благодѣяніе, къ чему тогда всѣ эти пытки для удержанія его въ томъ положеніи, которое, какъ увѣряютъ, столь для него благопріятно? Если же это человѣкъ, созданный по образу и подобію божьему, какъ осмѣливаются святотатственные законы признавать въ немъ не болѣе какъ вещь, какъ осмѣливаются люди обращать въ игрушку и безсловесное орудіе существо безсмертное?

Жестокость законовъ о рабствѣ удивляетъ даже тѣхъ, которые не возмущаются рабствомъ и видятъ въ немъ не болѣе какъ опеку надъ вѣчно младенческой расой. Они не хотятъ понять того, что подобный фактъ — фактъ противоестественный, нарушаетъ всѣ человѣческія отношенія. Признавать въ человѣкѣ только животное или орудіе, значитъ отстаивать порядокъ вещей, который необходимо воскрешаетъ всѣ ужасы римскихъ законовъ. Конечно, примѣненіе ихъ не такъ жестоко; въ американцахъ, просвѣщенныхъ христіанствомъ, нѣтъ ни звѣрства, ни развращенности римлянъ; но принципъ остается тотъ же.

Рабочее животное составляетъ достояніе своего господина и не можетъ ничѣмъ владѣть; у него нѣтъ ни семейства, ни жены, ни дѣтей; трудъ его такъ же мало принадлежитъ ему, какъ его личность; бить его, убивать, — составляетъ право господина, и если американскіе законы въ настоящее время отступаютъ передъ послѣднимъ звѣрствомъ, то это только благодаря счастливой непослѣдовательности. Но какъ часто законъ остается безоружнымъ въ виду жестокостей, даже преступленій рабовладѣльца; какъ часто также судья остается глухъ и слѣпъ, даже становится соучастникомъ злодѣянія. Рабъ лишенъ возможности искать правосудія, а человѣкъ свободный находитъ въ сердцѣ мало жалости къ страданіямъ, которыя ему незнакомы и которыхъ онъ не страшится!

Нужно ли перечислять законы, установлявшіе рабство въ Каролинѣ? Эти законы вездѣ неизбѣжно одни и тѣ же. Обращая

раба въ животное, они въ то же время не могутъ забыть, что въ немъ есть разумъ, который можетъ пробудиться, что въ немъ живетъ душа, которая можетъ почувствовать жажду свободы; вотъ почему законы эти не довольствуются жестокой карой негра. Они видятъ въ немъ своего врага и стараются прежде всего подавить въ немъ разумъ и обратить его въ робкое, послушное животное.

Встрѣчалъ ли кто негра внѣ границъ плантаціи безъ узаконеннаго разрѣшенія отъ господина, ему вмѣнялось въ обязанность задерживать и наказать его на мѣстѣ; въ случаѣ сопротивленія, дозволялось убивать его. Законъ этотъ остался и понынѣ, причина понятная: бѣглый негръ становится общимъ врагомъ (¹). По принесеніи всякой жалобы на раба, обвиняется ли онъ въ кражѣ цыпленка, или въ мятежѣ и убійствѣ, мировой судья имѣлъ право тотчасъ арестовать обвиненнаго и предавать его суду присяжныхъ, составленному изъ нѣсколькихъ солидныхъ плантаторовъ. Этому-то суду естественныхъ враговъ негра ввѣрялъ законъ его жизнь; достаточно было простаго большинства для произнесенія смертнаго приговора. Всякое меньшее наказаніе предоставлялось произволу присяжныхъ; ихъ дѣло было опредѣлить его родъ и мѣру. То же судилище, въ случаѣ смертнаго приговора, опредѣляло видъ казни и немедленно распоряжалось приведеніемъ приговора въ исполненіе, но съ единственнымъ условіемъ вознагражденія владѣльца на счетъ общественныхъ суммъ.

Таково въ общихъ чертахъ судопроизводство, которое и нынѣ еще предаетъ раба въ руки его палачей. Такимъ-то образомъ эти республиканцы, столь ревнивые къ своей свободѣ, столь гордые своимъ судомъ присяжныхъ, охраняютъ жизнь человѣка и христіанина, виновнаго только въ томъ, что онъ родился чернымъ.

Вслѣдъ за наказаніемъ мятежа приходилось также предупреждать и карать самое странное изъ преступленій, бѣгство, то есть кражу, которую рабъ совершалъ надъ своей собственной личностью, возвращая себѣ свободу, дарованную ему Богомъ и похищенную у него людьми. Смерть рабу, который старается бѣжать изъ страны; смерть негру соучастнику въ бѣгствѣ другаго.

(¹) Act of 1740. Goodell. The American slave Code, p. 284.

Всякій рабъ, скрывавшійся въ продолженіи двадцати дней, на первый разъ строго и всенародно наказывался плетью. Если господинъ пренебрегалъ этимъ наказаніемъ, каждый судья имѣлъ право подвергнуть раба таковому чрезъ констебля на счетъ господина.

Если проступокъ повторялся, владѣлецъ бѣглеца долженъ былъ клеймить его на правой щекѣ буквою R ([1]), въ противномъ случаѣ онъ платилъ пеню въ десять ф. ст., и всякому мировому судьѣ предоставлялось привести наказаніе въ исполненіе.

За третій проступокъ рабу отрѣзывали ухо; за четвертый — его оскопляли; и всякій рабовладѣлецъ, въ теченіе двадцати дней не исполнившій этой варварской кары, утрачивалъ право владѣнія рабомъ, а послѣдній становился достояніемъ всякаго, кто успѣвалъ донести о мѣстѣ его укрывательства въ шестимѣсячный срокъ.

Всѣ, служившіе въ милиціи, обязаны были, по простому указанію прибѣжища бѣглаго негра, тотчасъ преслѣдовать несчастнаго и арестовать его живаго или мертваго, за что получали отъ двухъ до четырехъ ф. ст. Вознаграждались также на общественный счетъ и всѣ тѣ, которые были ранены въ подобной экспедиціи. Бѣглецъ считался дикимъ животнымъ, отъ котораго должно было избавлять общество какой угодно цѣной.

Даже когда законъ не опасается возстанія или бѣгства раба, онъ обязанъ устранять все, что могло бы пробудить человѣческія чувства въ сердцѣ несчастнаго. Болѣе суровый, чѣмъ римское право, законъ Каролины воспрещаетъ рабу всякую собственность; ему не дозволяется засѣвать для себя ни хлѣба, ни гороха, ни риса, не дозволяется владѣть ни свиньями, ни рогатымъ скотомъ, ни лошадьми; допустить противное, значило бы сроднить его съ идеей о собственности, или вызвать на воровство, двѣ опасности, изъ которыхъ первая въ глазахъ рабовладѣльцевъ гораздо значительнѣе. Еще болѣе суровое постановленіе 1740 года обрекало раба и все его потомство на вѣчное рабство ([2]), „дабы, такъ гла-

([1]) *Runaway*, бѣглецъ.
([2]) Hildreth, II, p. 423.

сило оно, можно было рабовъ понуждать къ должному повиновенію, а господъ удерживать отъ излишней жестокости.“ Другими словами, не только отнималась у негра послѣдняя его надежда, но и господинъ утрачивалъ право отпускать на свободу собственныхъ дѣтей своихъ, которыхъ онъ могъ имѣть отъ рабыни; и однако это самое постановленіе было позднѣе внесено въ законодательство Георгіи (¹). Еще и теперь въ подобныхъ случаяхъ приходится просить офиціальнаго разрѣшенія. Мало того, такъ какъ по закону приплодъ этого человѣческаго скота принадлежитъ владѣльцу матери, то мало по малу, вслѣдствіе постоянныхъ союзовъ бѣлыхъ съ мулатками, стали получаться рабы, въ которыхъ кровь была не менѣе чистая, чѣмъ у ихъ господъ. Какое грустное зрѣлище представляетъ публичная продажа этихъ женщинъ, столь же бѣлыхъ, какъ и креолки, обреченныхъ тѣмъ не менѣе на рабство и на удовлетвореніе животныхъ инстинктовъ господъ; и это въ странѣ, которая считаетъ себя христіанскою и цивилизованною! Что я говорю? христіанская. Плантаторы Каролины стали опасаться, чтобъ крещеніе не даровало рабу свободы, и имъ пришлось выбирать между своею алчностью и своими религіозными принципами. Законъ 1712 г. разрѣшилъ ихъ сомнѣнія; приводимъ цѣликомъ лицемѣрное его заключеніе, въ которомъ религія видна только на словахъ:

„Такъ какъ милосердіе и христіанская религія, которую мы исповѣдаемъ (трудно этому повѣрить, читая постановленіе, ибо магометане гораздо кротче обращались съ своими рабами, чѣмъ эти благочестивые американцы), обязываютъ насъ желать добра человѣческимъ душамъ, и дабы религія не служила поводомъ посягать на чье либо право, или на чью либо собственность, и въ то же время дабы никто не уклонялся отъ крещенія своихъ негровъ или рабовъ, изъ опасенія, чтобы это крещеніе не даровало имъ свободы, отнынѣ объявляется дозволеннымъ всякому негру

(¹) Другое видимъ мы въ колоніяхъ французскихъ, испанскихъ и португальскихъ, менѣе гордыхъ и суровыхъ, и болѣе христіанскихъ, которыя считали низкимъ и жестокимъ держать собственныхъ дѣтей въ рабствѣ.

или рабу принимать и исповѣдовать христіанскую вѣру, и быть крещеннымъ, но крещеніе и исповѣданіе христіанской вѣры никакъ не обусловливаютъ дарованія рабу свободы" ([1]).

Далеко отъ этого ученія до ученія христіанскаго, такъ точно выраженнаго св. Павломъ:

„Нѣсть Еллинъ, ни Іудей, обрѣзанія и необрѣзанія, варваръ и скиѳъ, рабъ и свобода, но всяческая и во всѣхъ Христосъ" ([2]).

Конечно Св. Павелъ, явясь среди общества, наполненнаго рабами, не призываетъ этихъ несчастныхъ къ возмущенію; онъ только посылаетъ къ Филимону бѣглаго раба, препоручая ему принять Онисима какъ возлюбленнаго брата; но можно сказать, что въ самыхъ этихъ словахъ кроется уже зародышъ освобожденія всѣхъ рабовъ.

Такъ, по крайней мѣрѣ, понимала это церковь, сдѣлавшаяся съ перваго же дня покровительницей и защитницей рабовъ. Откройте ѳеодосійскій кодексъ, и вы найдете тамъ цѣлый сводъ человѣколюбивыхъ законовъ, изданныхъ Константиномъ; первая побѣда церкви, признанная Императоромъ, заключалась въ правѣ по воскреснымъ днямъ всенародно освобождать въ своемъ лонѣ рабовъ, правѣ, признанномъ дѣяніемъ благочестивымъ и святымъ.

Дѣло смягченія участи этихъ несчастныхъ, начатое св. Павломъ, привело къ преобразованію состоянія рабства въ состояніе зависимости; рабъ сдѣлался колонистомъ, землепашцемъ, прикрѣпленнымъ, правда, къ землѣ, но прикрѣпленнымъ болѣе своимъ трудомъ, чѣмъ своею личностью. Конечно, потребно было много столѣтій, чтобы привести къ такому результату, но съ перваго дня зародышъ этой реформы крылся въ уваженіи церкви къ человѣческой личности, какъ къ храму Іисуса Христа. Церковь смотрѣла на раба какъ на христіанина, на человѣка, на мужа, на отца, а не какъ на рабочій скотъ, на орудіе, или на капиталъ, которымъ можно злоупотреблять по произволу.

Въ Америкѣ, напротивъ, положеніе негра нисколько не улуч-

([1]) Hildreth, t. II, p. 275.

([2]) Посл. къ Филимону.

шалось. Вы только что познакомились съ жестокостью законовъ, изданныхъ въ эпоху, когда Англія гордилась своей цивилизаціей, когда Вольтеръ и Монтескье указывали на нее Франціи, какъ на образецъ свободнаго общества. Съ тѣхъ поръ Англія шагнула впередъ. Благодаря Ромильи, Вильберфорсу, Кларксону, она приняла на себя инниціативу освобожденія, она пожертвовала этому святому дѣлу пятью стами мильонами франковъ. Америка ничего не сдѣлала. Она не уничтожила состоянія рабства, она не преобразовала его въ состояніе зависимости. Теперь, какъ и прежде, ея законы одинаково суровы. Между колоніальнымъ собраніемъ 1712 года, провозглашавшимъ освобожденіе негровъ дѣломъ несправедливымъ и непристойнымъ, и между законами и возрѣніями настоящаго времени ничего не измѣнилось; можетъ статься даже, что опозиція абомоціонистовъ придала защитникамъ рабства еще болѣе смѣлости и рѣзкости. Именемъ библіи и примѣромъ патріарховъ они оправдываютъ систему, которая попираетъ права отца и мужа, которая тѣшится надъ женской цѣломудренностью, которая обрекаетъ мильоны людей на нищету и невѣжество. Законъ запрещаетъ ихъ учить, потому что, какъ наивно замѣчается въ предисловіи закона, „учить рабовъ читать и писать значило бы возбуждать въ ихъ сердцахъ неудовольствіе и вселять въ нихъ духъ мятежа.“ Чтобъ господинъ могъ быть спокоенъ, нужно въ рабѣ подавлять сердце и душу, все что въ немъ выше животнаго. Миръ въ Каролинѣ можетъ существовать только такой цѣной.

Многіе полагаютъ возможнымъ смягчить грустныя условія рабской жизни; это заблужденіе. Самая природа вещей обусловливаетъ жестокость рабства.

Можно, конечно, замѣнить состояніе рабства состояніемъ зависимости, состояніемъ, въ которомъ съ работникомъ, прикрѣпленнымъ къ землѣ, обходятся все-таки какъ съ человѣкомъ; но рабство, обращающее негра въ домашнее животное, не допускаетъ никакой уступки. Признать за рабомъ хотя одно право, значило бы сдѣлать его человѣкомъ и, слѣдовательно, разомъ признать за нимъ всѣ права. Если признавать бракъ, то приходится признавать право отца—и кормить дѣтей; но тогда выгода плантатора сдѣлать изъ негра работника или фермера. Положеніе земли из-

мѣняется съ положеніемъ людей. Если уважать трудъ негровъ, приходится признавать за ними право собственности, а слѣдовательно, право выкупа. Такъ, въ дѣлахъ человѣческихъ, съ роковой послѣдовательностью, добро порождаетъ добро, а зло порождаетъ зло. И эта страшная плодовитость зла нигдѣ такъ не очевидна, какъ въ рабствѣ.

Въ одной половинѣ Соединенныхъ Штатовъ живутъ на той же землѣ два общества; одно всесильное, дѣятельное, единое, бодрствующее, другое—слабое, разъединенное, равнодушное, согбенное подъ ярмомъ рабочаго скота; и однако, это презрѣнное стадо является предъ Америкой вѣчной угрозой.

Если когда нибудь внѣшняя война научитъ негровъ сосчитать свою силу и направить ее противъ угнетателей, югъ сдѣлается театромъ событій, болѣе страшныхъ, чѣмъ С. Доминго.

Не предугадывая бѣдствій, которыя неминуемо послѣдуютъ, безспорно, что въ настоящее время рабство—червь, подтачивающій американскія учрежденія,—вызовъ, брошенный основателямъ независимости (¹). Пятно это, омрачающее великую республику, ставитъ его ниже Европы. Мы, конечно, успѣли менѣе, чѣмъ Соединенные Штаты, въ дѣлѣ практическаго примѣненія свободы, но у насъ нѣтъ рабства, и наша более гуманная цивилизація тѣмъ самымъ безконечно величественнѣе и возвышеннѣе (²).

2. ГЕОРГІЯ.

Въ исторіи основанія колоній, мы до сихъ поръ касались только компаніи и лордовъ-владѣльцевъ. Правительство въ началѣ не

(¹) Что сталось съ прекрасными словами декларацін 1776 г.: «Мы признаемъ за очевидныя истины, что всѣ люди были созданы равными, что они получили отъ Создателя ненарушимыя права, и что права эти суть жизнь, свобода и преслѣдованіе счастья»? См. также геніальную шутку Франклина на счетъ торга неграми, въ его Essais.

(²) О вопросѣ рабства слѣдуетъ прочесть великолѣпные труды американскаго Фенелона—Чанинга.

принимало никакого участія въ дѣлѣ; только позднѣе оно стало принимать на себя посредничество между компаніями и плантаторами, какъ въ Виргиніи, и между владѣльцами и колонистами, какъ въ Нью-Джерсей и въ Каролинѣ. Въ семнадцатомъ столѣтіи относились далеко несочувственно къ мысли основать колонію на непосредственное иждивеніе правительства; объ этомъ никто и не думалъ; въ С. Америкѣ, Георгія представляетъ первый и единственный примѣръ плантаціи, устроенной при содѣйствіи правительства; за то она сравнительно позднѣйшаго происхожденія. Колонизація Георгіи была начата въ 1732 г., и при томъ съ благотворительной цѣлью, что̀ и отличаетъ ее отъ плантацій семнадцатаго столѣтія и приближаетъ къ предпріятіямъ нашего времени.

Одному доброму человѣку, филантропу, какъ бы выразились теперь, Джемсу Эдуарду Оглторпу (Oglethorps), офицеру арміи, члену парламента и преданному монархисту, пришло на мысль основать колонію, гдѣ бы могли найдти пріютъ заключенные за долги, бѣдные и наконецъ (что связываетъ Георгію съ другими колоніями), протестанты, которымъ англиканская церковь отказывала въ религіозной свободѣ, или которые подвергались преслѣдованію въ остальной Европѣ. Въ эпоху, когда царили идеи Лока, когда собственность признавалась первѣйшимъ изъ правъ, заключеніе за долги полагалось пожизненнымъ, а вы, конечно, знаете изъ прелестнаго романа „Vicar of Wakefield“, каковы были эти тюрьмы, гдѣ несчастный, честный человѣкъ былъ поставленъ рядомъ съ преступникомъ. И такъ, милосердіе и вѣротерпимость, вотъ побудительныя причины, которыя руководили Оглторпомъ; существовало одно исключеніе, въ духѣ послѣдняго столѣтія: католики не были допущены въ это убѣжище, открытое для всѣхъ вѣроисповѣданій и всѣхъ бѣдствій.

Оглторпу не трудно было пріискать соучастниковъ этого благотворительнаго дѣла. Согласно благопріятному представленію торговаго департамента, Георгъ II издалъ, 9 іюня 1732 г., хартію, по которой земли между Алабамой и Саванной обращались въ провинцію и получали названіе Георгіи. Управленіе плантаціей было ввѣрено на двадцать одинъ годъ комиссіи людей богатыхъ и благотворительныхъ. Гербъ корпораціи, имѣвшій эмблемой груп-

пу шелковичныхъ червей за работой и девизомъ слова: *Non sibi sed aliis*, выражалъ наглядно безкорыстіе покровителей колоніи; и дѣйствительно, одной изъ статей хартіи, внесенной по ихъ просьбѣ, они лишались права владѣть землей и пользоваться всякой другой привилегіей въ плантаціи.

Этой-то корпораціи было вручено законодательное главенство; но законы получали силу только послѣ ихъ утвержденія королемъ. Что же касается исполнительной власти, то она была возложена на совѣтъ изъ тридцати четырехъ человѣкъ, изъ которыхъ пятнадцать были назначены хартіей и должны были сохранить свои мѣста *quoad se bene gesserint*, то есть пожизненно; назначеніе остальныхъ было предоставлено комисарамъ, которые должны были производить избраніе при всякой открывавшейся ваканціи. На совѣтъ возложенъ былъ также надѣлъ земли; всякій эмигрантъ получалъ пятьдесятъ десятинъ, за уплатой *quitrent* въ десять шиллинговъ; болѣе пятисотъ десятинъ было запрещено нарѣзывать одновременно. Этимъ хотѣли избѣгнуть большихъ владѣній и скопленія земельныхъ участковъ, что̀ въ Виргиніи и въ Каролинѣ подало поводъ къ злоупотребленіямъ и справедливымъ жалобамъ. Другими словами, имѣлось въ виду устроить образцовую колонію, которая была бы вмѣстѣ и благотворительнымъ и политическимъ созданіемъ; монополія компаній и собственниковъ не была допущена.

По утвержденіи хартіи стали стекаться пожертвованія. Духовенство приняло въ дѣлѣ самое горячее участіе; парламентъ далъ десять тысячъ фунтовъ ст. Отъ предпріятія ожидали чудесъ и увѣряли, что тюрьмы за долги будутъ уничтожены, налоги для бѣдныхъ уменьшены. Несчастные, освобожденные изъ продолжительнаго состоянія зависимости, перевезенные даромъ въ страну свободы и изобилія, снабженные на счетъ общества всѣми средствами улучшить свое положеніе, забудутъ подъ лучшимъ небомъ свои печали. Кромѣ того, сама хартія найдетъ себѣ вознагражденіе: Англія будетъ получать однимъ шолкомъ сырцомъ болѣе миліона ф. ст. ежегодно, а колоніальное винодѣліе затмитъ самую Мадеру.

Огльторпъ сталъ во главѣ первой экспедиціи, которая осно-

вала городъ Саванну. За нимъ послѣдовали Моравская колонія, руководимая благочестивымъ Цинцендорфомъ, и протестантская эмиграція, которая покинула Зальцбургъ, чтобы основать въ Георгіи евангельскую общину Эбенезеръ. Расчетъ былъ разуменъ, намѣренія—прекрасны, ревность искренна; и однако предпріятіе рушилось.

Организація Георгіи покоилась на принципахъ, весьма различныхъ отъ принциповъ другихъ колоній.

Особенно выдавались три постановленія, по видимому, очень благоразумныя и внушенныя прекрасными чувствами, но которыя стѣснили жизнь плантаціи и не устояли передъ опытомъ (¹).

Основатели Георгіи, принявъ во вниманіе сосѣдство испанцевъ, владѣвшихъ Флоридой, сочли благоразумнымъ расположить военную колонію между испанскими землями и Каролиной, страной рабовъ и, слѣдовательно, беззащитной. Поэтому было рѣшено, что земли будутъ розданы только мужескому населенію съ обязательствомъ нести военную службу. Дочери не имѣли никакого права на наслѣдство, такъ какъ эти владѣнія были обращены въ лены. Необходимость обороны воскресила въ осьмнадцатое столѣтіе законы среднихъ вѣковъ.

Ввозъ рабовъ былъ также воспрещенъ.

„Рабство, говорили основатели Георгіи, бѣдствіе, если не безчестіе другихъ плантацій, рѣшительно воспрещается. Пусть корыстолюбіе отстаиваетъ его какъ знаетъ, но въ сердцѣ человѣческомъ кроется честный отпоръ идеи продавать и покупать своихъ ближнихъ и смотрѣть на нихъ, какъ на свое богатство и на свою собственность“ (²).

„Рабство, прибавлялъ Огльторпъ, противно Евангелію также какъ основнымъ законамъ Англіи. Мы отказались издать законъ, который бы разрѣшалъ столь страшное преступленіе.“

Къ этой благочестивой причинѣ присоединилась другая, вполнѣ политическая. Испанцы переманивали къ себѣ негровъ изъ Каро-

---

(¹) Wynne. A general history of the British Empire in America. London, 1770, t. II, p. 301—316.

(²) Bancroft, II, 426.

лины и обращали ихъ въ солдатъ противъ прежнихъ ихъ владѣльцевъ, такимъ образомъ вдвойнѣ лишая страну ея населенія и разоряя ее. Основатели Георгіи, по выраженію комисаровъ, „не хотѣли владѣть провинціей, лишенной бѣлыхъ и наполненной неграми, непрочнымъ достояніемъ малаго числа людей, подвергнутымъ одновременно и внутренней измѣнѣ, и чужестранному нашествію.“

Итакъ, рабство было отвергнуто, не только какъ несправедливое и жестокое (такъ начинали смотрѣть на него), но и какъ гибельное для интересовъ бѣдныхъ эмигрантовъ, для которыхъ основывали колонію.

Наконецъ постановленіе, вполнѣ гуманное, которому въ наше время послѣдовали многія общества терпимости, запрещало ввозъ рому и спиртныхъ напитковъ; а для устраненія этого развращающаго нравы товара, были воспрещены всѣ торговыя сношенія съ Антильскими островами.

Эти три постановленія пали, потому что, хотя по видимому справедливыя, они не могли быть осуществлены въ колоніи.

Зальцбургскіе эмигранты, привыкшіе къ ручному труду, противились введенію рабства; не то было съ англійскими эмигрантами, большинство которыхъ составляли заключенные за долги, то есть люди, привыкшіе болѣе къ ремеслу, чѣмъ къ тяжелымъ полевымъ трудамъ, людямъ, по большей части ослабленнымъ нуждой и развратомъ; они стали громко жаловаться, что ихъ обманули. По ихъ словамъ, земля была недостаточно плодородна; общество должно было ихъ поддерживать, доставлять имъ орудія, вспомоществованіе, однимъ словомъ, обезпечить имъ успѣхъ, такъ какъ оно взяло на себя дѣло эмиграціи.

Вмѣсто того, чтобъ пенять на себя за свой неуспѣхъ, эмигранты стали жаловаться на статью хартіи, воспрещавшей рабство, и странно сказать, они призывали на свою помощь религію, увѣряя, что рабство было одно изъ средствъ распространенія Евангелія. „Бѣдные невольники Америки, говорилъ одинъ набожный мисіонеръ, стали свободными гражданами Іерусалима.“ Зальцбургскіе эмигранты почувствовали, однако, угрызеніе совѣсти и спросили совѣта у своихъ единовѣрцевъ въ Германіи. „Если вы возьмете невольниковъ ради христіанской вѣры и съ намѣреніемъ об-

ратить ихъ въ лоно христіанства, то это будетъ не грѣхъ, а доброе, святое дѣло.“ Это была ложная теорія, учащая прибѣгать къ малому злу, чтобъ достигнуть большаго добра.

Такимъ образомъ въ Георгіи были введены невольники и въ большомъ количествѣ, но для обхода закона ихъ стали выдавать за свободныхъ наемныхъ слугъ, только наемъ былъ на сто лѣтъ. Точно также и съ тѣмъ же законодательнымъ лицемѣріемъ, американцы въ наши дни возстановили рабство въ Техасѣ, гдѣ оно было уничтожено либеральными мексиканскими законами. Передъ такой опозиціей плантаторовъ, комисары должны были уступить и только обязали владѣльцевъ неграми, подъ опасеніемъ штрафа въ пять фунтовъ стерлинговъ, дать неграмъ религіозное образованіе. Въ этомъ кроется причина того религіознаго характера, которымъ отличаются негры Георгіи.

Если трудно было помѣшать учрежденію рабства, то еще невозможнѣе было удержать плантаторовъ въ новой колоніи, гдѣ земля была единственное богатство, указывая имъ въ будущемъ на лишеніе правъ собственности ихъ женъ и дочерей, какъ слѣдствіе военнаго государства. Равенство наслѣдства, утвержденное въ другихъ плантаціяхъ, не дозволяло въ Георгіи дѣлать опыты нѣкоторымъ теоретикамъ.

Наконецъ, какова бы ни была причина запретить ввозъ спиртныхъ напитковъ, послѣдствія этой мѣры были очень гибельны; съ одной стороны употребленіе спиртныхъ напитковъ было необходимо для исправленія дурной воды, а съ другой стороны поощряли контрабанду, самое развращающее изъ ремеслъ.

Подъ сѣнью запретительныхъ законовъ, Георгія чахла. Въ 1751 году, послѣ двадцатилѣтнихъ самыхъ неэгоистичныхъ стремленій и значительныхъ пожертвованій (одинъ парламентъ далъ 136,000 ф. ст.), когда комисары возвратили свою хартію, то въ колоніи было не болѣе трехъ небольшихъ городовъ, нѣсколько разбросанныхъ плантацій, 1,700 жителей и 400 негровъ. Вывозная торговля въ послѣдніе три года не превышала 80,000 фр.

Это одинъ изъ тѣхъ уроковъ, которые въ такомъ изобиліи даетъ намъ Америка, новое доказательство, что правительственная колонизація самая неудачная и дорогая, ибо она всегда лишена

главнаго элемента успѣха въ подобныхъ предпріятіяхъ: чувства индивидуальности и необходимости выпутаться изъ дѣла своими собственными силами.

„Pater ipse colendi
Haud facilem esse viam voluit, primusque per artem
Movit agros, curis acuens mortalia corda (1).

Необходимость и увѣренность быть абсолютнымъ господиномъ своего труда и жизни—вотъ главныя условія успѣха всякаго человѣческаго предпріятія; только чрезвычайная свобода и чрезвычайная отвѣтственность рождаетъ энергію, которая создаетъ колонію; но увы! мы до сихъ поръ никогда не умѣли обращаться съ этими двумя могущественными силами.

Выйдя изъ всѣхъ затрудненій и сдѣлавшись королевской провинціей Георгія стала быстро развиваться. Въ эпоху американской войны, она находилась уже въ хорошемъ положеніи, хотя число ея жителей не достигало 100,000 человѣкъ.

Вотъ мы и кончили эту длинную исторію колоній, которая я надѣюсь, не всегда была безинтересна и, конечно, будетъ и не безполезна. Вы видѣли въ ней, какъ духъ свободы и религіи высказался съ перваго дня. Вы составили себѣ, благодаря этой исторіи, справедливое понятіе о характерѣ американца, начиная съ фанатика пуританина Новой-Англіи до мягкаго, человѣколюбиваго квакера, отъ фермера западныхъ штатовъ до крупнаго плантатора Виргиніи и Каролины, феодальнаго господина надъ нанятыми слугами и абсолютнаго повелителя надъ неграми.

Теперь вамъ будетъ легко понять борьбу, открывшуюся между англійскимъ парламентомъ, стремящимся къ полному подчиненію колоній, и плантаторами, слишкомъ привыкшими къ свободѣ, чтобъ отказаться отъ своихъ правъ. Вы поймете также какія были потребности, идеи и обычаи дѣятелей революціи, ибо эти идеи, полученныя ими отъ отцевъ, вамъ близко извѣстны; вы ихъ прослѣ-

---

(1) Виргилій—Георгики, I, 121.

дили съ самаго начала; вы видѣли, въ чемъ состояла эмиграція и чего она требовала отъ новаго свѣта; вы знаете это общество безъ аристократіи, черни, подкрѣпленное благородными душами, изгнанными за вѣру изъ Франціи и Германіи, и отличающимися восторженностью гоненій, благородной гордостью, слѣдствіемъ побѣдой надъ природой и любовью къ свободѣ.

Вы видите теперь, для чего было необходимо это длинное вступленіе; кто хочетъ знать Америку, долженъ изучить ее съ колыбели.

ЧТЕНІЕ СЕМНАДЦАТОЕ.

Очеркъ политическаго и гражданскаго устройства колоній.

1. Политическое устройство.

Мм. Гг.

Мы довели исторію колоній до конца революціи 1688 года, когда Америкѣ пришлось имѣть дѣло съ верховною властью парламента. Судьбу нѣкоторыхъ поселеній, какъ-то Мэриланда и Пенсильваніи, мы разсмотрѣли почти до самаго отдѣленія ихъ; но исторію остальныхъ довели до той минуты, когда образовалось устройство, сохранившееся въ колоніяхъ до ихъ независимости. При изложеніи политической исторіи я сообщалъ вамъ нѣкоторыя замѣчанія, которыя имѣли цѣлію познакомить васъ съ характеромъ переселенцевъ не менѣе чѣмъ съ ихъ управленіемъ; но мой разсказъ можетъ быть оставилъ въ васъ только неопредѣленное впечатлѣніе. Поэтому прежде чѣмъ приступить къ исторіи революціи, я нахожу умѣстнымъ припомнить тѣ результаты, къ которымъ мы пришли.

Это не отниметъ отъ насъ много времени, а между тѣмъ укажетъ вамъ на сколько мы проникли уже въ самый духъ и учрежденія этого народа, благодаря исторіи, которая многое разъясняетъ, что всѣ нужды, всѣ идеи и все прошлое Америки выразилось можно сказать въ федеративной конституціи.

Припомнимъ прежде всего каково было политическое устройство колоній; взглянемъ на тѣ общія черты сходства, которыя соединяли ихъ и наконецъ на тѣ поверхностныя различія, которыя все-таки не нарушаютъ единообразнаго характера колоній.

Мы видѣли, что въ началѣ XVII столѣтія король Іаковъ раздѣлилъ эту часть американскаго континента, извѣстную теперь подъ названіемъ Соединенныхъ Штатовъ, на двѣ части — сѣверную и южную. Чрезъ восемдесятъ лѣтъ послѣ первоначальной уступки на этомъ пространствѣ образовалось 12 штатовъ. На сѣверѣ образовались штаты: Массачусетъ, Нью-Гампширъ, Коннектикутъ, Родъ-Айландъ, Нью-Іоркъ, Нью-Джерсей и Делаваръ; послѣдніе три были отняты у голландцевъ; что касается до Виргиніи въ собственномъ смыслѣ, то отъ нея отдѣлились Мэриландъ, Пенсильванія и двѣ Каролины; наконецъ Георгія, основанная выходцами изъ Южной Каролины, была послѣднею изъ числа тринадцати колоній.

Каждая изъ этихъ колоній имѣла свою конституцію, свое населеніе и свои законы, исторію которыхъ мы изложили. Но между переселенцами, а поэтому и между учрежденіями ихъ существовало огромное сходство: люди да и самый законъ вышли изъ Старой Англіи, гдѣ процвѣтали феодализмъ и аристократія, но переселенцы перенесли также своихъ пенатовъ - свободу гражданскую и религіозную.

Намъ необходимо сближать черты, общія всѣмъ колоніямъ, чтобы понять отчего революція могла поставить себѣ цѣлію тѣсное сближеніе всѣхъ тринадцати штатовъ. Въ тоже время нужно обратить вниманіе и на тѣ особенныя учрежденія, которыя отличали одинъ штатъ отъ другаго, для того, чтобы понять какія препятствія должно было встрѣтить объединеніе и какія мѣры (уцѣлѣвшія еще въ конституціи) нужно было принять для того, чтобы способствовать возвеличенію Америки.

Блакстонъ, самый компетентный юристъ новѣйшихъ временъ въ Англіи, похожій на Потье ясностью своихъ опредѣленій и чистотою слога, различаетъ три способа управленія въ американскихъ колоніяхъ: 1) управленіе провинціальное, 2) управленіе собственниковъ и 3) управленіе хартій.

Первое находится подъ непосредственною зависимостію короля, второе зависитъ отъ владѣльца или господина, третье находится въ рукахъ частныхъ лицъ или корпорацій.

Это раздѣленіе, принятое г. Стори, правильно, мы его и будемъ придерживаться. Конституція королевскихъ провинцій зависѣла отъ патента, выдававшагося губернаторамъ и снабжавшагося обыкновенно инструкціями.

Эти патенты, которые обыкновенно сходились между собою въ главныхъ пунктахъ, назначали обыкновенно губернатора или королевскаго намѣстника, который соединялъ въ своихъ рукахъ власть исполнительную: онъ командовалъ арміей и флотомъ, завѣдывалъ юстиціей и администраціей. Отъ него зависѣло — открывать суды (по опредѣленію совѣта), назначать судей и всѣхъ гражданскихъ чиновниковъ; онъ прощалъ виновныхъ, отмѣнялъ штрафы, распоряжался церковными имуществами и мѣстами, собиралъ войска для защиты колоніи и творилъ военный судъ въ случаѣ войны или возстанія. Однимъ словомъ, онъ игралъ въ колоніи туже роль что король въ Англіи; можно сказать, что власть его ослабѣвала по мѣрѣ того, какъ самъ король терялъ свои прерогативы.

Королевская власть назначала и совѣтъ. Члены совѣта кромѣ занятій законодательныхъ должны были еще помогать губернатору въ исполненіи его обязанностей. Это былъ законодательный корпусъ съ властью административной, нѣчто въ родѣ государственнаго совѣта или Верхней палаты. Тутъ мы встрѣчаемъ особенность, которая насъ удивляетъ, но мы замѣтимъ ее въ устройствѣ американскаго сената и увидимъ, что она дала наилучшіе результаты.

Впрочемъ совѣтъ этотъ безъ дѣйствительной надобности не вмѣшивался въ администрацію. Губернаторъ могъ отставлять членовъ, имѣя на то достаточное основаніе; на вакантныя мѣста онъ самъ назначалъ пріемниковъ до тѣхъ поръ, пока король не пришлетъ своего рѣшенія.

Патентъ, данный провинціи, приказывалъ также губернатору созывать представителей колонистовъ (freemen) и совѣщаться съ ними; такимъ образомъ вездѣ установились колоніальныя собранія, которыя состояли изъ губернатора, членовъ совѣта и депутатовъ отъ колоній. Въ началѣ такое собраніе сосредоточивало въ себѣ всѣ колоніальныя власти; но мало по малу опытъ привелъ къ раздѣленію законодательной власти на двѣ отрасли. Совѣтъ составилъ высшую палату; губернаторъ, какъ король въ Англіи, имѣлъ право своимъ veto отвергать рѣшенія каждой изъ палатъ.

Колоніальное собраніе снимокъ съ англійскаго парламента, имѣло право издавать законы и дѣлать всякія распоряженія въ колоніи съ условіемъ не измѣнять духу англійскаго законодательства [1]. Король оставлялъ за собою право утверждать или отвергать колоніальные законы; но онъ рѣдко пользовался этой прерогативой. Въ теченіе долгаго времени колоніи были для Англіи просто рынкомъ, т. е. орудіемъ для торговли и промышленности; на то что дѣлалось внутри колоній, не обращали никакого вниманія; производительность и торговля были можно сказать единственнымъ мѣриломъ метрополіи, которая заботилась объ исключительной выгодѣ своихъ купцовъ, какъ это мы видѣли при изложеніи законовъ о навиґаціи. Монополія играетъ большую роль въ революціи, мы къ этому еще вернемся.

Другая прерогатива, которую удержалъ за собою король, состояла въ правѣ апеляціи. Въ самомъ дѣлѣ монархъ долженъ былъ всячески поддерживать свои преимущества, чтобы не ослабить своей верховной силы. Если бы колоніямъ предоставлено было объяснять по своему смыслъ законовъ, тогда переселенцы совершенно вышли бы изъ подъ власти не только монарха, но и парламента. Законъ о навигаціи, столь стѣснительный для колоній, остался бы мертвой буквой, если бы заинтересованные американцы имѣли право отвергнуть эту мѣру, стѣсняющую ихъ дѣятельность.

Такова была форма провинціальнаго управленія; она дѣйствовала въ Нью-Гамширѣ, въ Нью-Іоркѣ, Нью-Джерсей, въ Вир-

---

[1] Это изложено въ статутахъ 7 и 8.

гиніи, въ двухъ Каролинахъ и въ Георгіи. Въ нѣкоторыхъ штатахъ этотъ образъ правленія существовалъ со времени ихъ учрежденія; въ другихъ же въ Виргиніи, Нью-Джерсей и въ Каролинахъ онъ былъ введенъ вскорѣ послѣ ихъ основанія и замѣнилъ собою безплодныя попытки компаній и частныхъ собственниковъ.

Блакстонъ называетъ правительствомъ собственниковъ такія провинціи, которыя были уступлены королемъ частнымъ лицамъ, въ видѣ феодальныхъ лэновъ и со всѣми атрибутами, которые принадлежали васалламъ. Эти атрибуты были довольно значительны, потому что Бріактонъ, знаменитый юристъ XIII в. говоритъ, что палатинамъ давались regalem potestatem in omnibus (1).

Скажемъ мимоходомъ, что власть древнихъ палатиновъ объясняется расположеніемъ ихъ владѣній. Это обыкновенно области, граничившія съ Валлисомъ и Шотландіей; тутъ нарочно организовали большіе лэны, для того чтобы противупоставить неутомимымъ врагамъ сильныхъ начальниковъ. Тѣже причины, которыя породили власть бароновъ на континентѣ, снабдили англійскихъ палатиновъ такими привилегіями, которыя были только вознагражденіемъ за ихъ услуги. По мѣрѣ усиленія королевской власти феодалы ослабѣли. Въ царствованіе Генриха III и Генриха IV къ коронѣ Англіи присоединились графства Честеръ и Ланкастеръ, хотя послѣднее до сегодняшняго дня сохранило особенную администрацію (2). Одно только графство Дюргамъ сохранилось, потому что доставшись въ руки духовенства, оно можно сказать, замерло въ ихъ рукахъ; но во время Генриха VIII и его привилегіи значительно уменьшились, хотя нѣкоторые внѣшніе атрибуты власти и уцѣлѣли; наприм. судъ производился отъ имени графа, ему же принадлежало конфискованное имущество.

Вслѣдствіе привязанности англичанъ къ старымъ обычаямъ эти остатки феодолизма породили формулу передачи земли частному собственнику; но одна только феодальная внѣшность уцѣлѣла, въ

(1) Bracton. lib. III, c. VIII, § 4.

(2) Въ англійскомъ кабинетѣ до сихъ поръ засѣдаетъ ланкастерскій канцлеръ.

сущности же эта система передачи далеко не напоминала тѣхъ привилегій, которыя принадлежали феодальнымъ баронамъ.

Въ правительствахъ собственниковъ губернаторы назначались уже не королемъ, а концесьонеромъ. Собственникъ самъ назначалъ членовъ совѣта и созывалъ собранія, но не имѣлъ абсолютной власти. Вездѣ заботились о свободѣ колонистовъ, и мы видѣли, что по смыслу хартій переселенцы имѣли право и на колоніальное представительство. Такимъ образомъ свобода колонистовъ опиралась на тоже, что создало власть собственниковъ; условія колонистовъ мало отличались отъ условій, въ которыхъ находились англійскіе подданные въ провинціяхъ.

Въ эпоху революціи существовало уже только три правительства собственниковъ: Мэриландъ, принадлежавшій семейству лорда Балтимора, Пенсильванія и Делаваръ, принадлежавшія роду Пэна. Нью-Гамширъ, Каролины и Нью-Джерсей давно сдѣлались королевскими провинціями; это измѣненіе ни въ чемъ не измѣнило политическихъ и гражданскихъ условій обитателей, хотя оно было выгодно для колоніальной администраціи.

Хартіи Мэриланда и Пенсильваніи, списанныя одна съ другой, давали собственнику и колонистамъ одинакія права въ обѣихъ странахъ; была только та разница, что Мэриландъ основанъ былъ въ 1632, т. е. до революціи, когда король слабѣе отстаивалъ свой авторитетъ, нежели впослѣдствіи парламентъ; поэтому корона не удержала за собою верховной законодательной власти, тогда какъ въ хартіи Пенсильваніи и Делавара метрополія удержала за собою право контролировать и провѣрять законы колонистовъ.

Перейдемъ теперь къ третьей формѣ правленій, къ правительствамъ хартій, т. е. къ провинціямъ уступленнымъ частнымъ компаніямъ. Блакстонъ представляетъ эти провинціи какъ особаго рода корпораціи, или какъ гражданскія лица, имѣющія право установлять внутреннюю организацію съ условіемъ не нарушать законовъ Англіи и не выходить изъ предѣловъ хартіи.

Опредѣляя и перечисляя власти, Блакстонъ не обратилъ вниманія на двоякое состояніе колоній—въ ту эпоху, когда они возникли и въ ту, когда онъ писалъ. Долговѣчность хартіи убѣдила его въ неподвижности правительства, какъ будто ничего не измѣ-

нилось при такомъ замѣчательномъ развитіи колоній, какъ будто предписанія, изданныя для одной горсти людей, могли управлять цѣлымъ штатомъ, не подвергшись никакому измѣненію.

Въ началѣ безъ сомнѣнія хартіи выдавались обыкновеннымъ торговымъ компаніямъ. Люди отъѣзжавшіе въ Америку сами не знали посѣлятся они тамъ, или только поторгуютъ съ туземцами. Первые переселенцы можетъ быть и задавались мыслію основать имперію, но едвали такъ думали тѣ государственные люди, которые выдавали концессіи; они вѣрно этого не сдѣлали бы вслѣдствіе религіозныхъ предразсудковъ, если бы только могли заглянуть въ будущее. Первая хартія Массачузета, а также компаніи Плимута утверждали только гражданскую корпорацію; со стороны переселенцевъ это было конечно злоупотребленіемъ, когда они завладѣли властью исполнительной, законодательной и судебной, когда они перенесли свою хартію въ Америку и тамъ изъ простой компаніи образовали государство.

Но когда Карлъ II даровалъ хартію Родъ-Айланду и Коннектикуту, и когда въ 1691 г. хартія Вильгельма и Маріи дала Массачузету другое устройство, въ то время очевидно король учреждалъ уже не корпорацію, а провинцію; это уже было равносильно учрежденію государства, поэтому опредѣленіе Блакстона слишкомъ узко.

Легко понять, что въ эту послѣднюю эпоху правительство хартій становится близко къ правительствамъ провинціальнымъ.—Администрація и законодательство поручаются губернатору и совѣту, ежегодно избираемому общимъ собраніемъ, а не королемъ, и наконецъ палатѣ депутатовъ.

Коннектикутъ и Родъ-Айландъ—эти единственные штаты, которые вмѣстѣ съ Массачузетомъ, управлялись хартіей во время революціи были въ полномъ смыслѣ демократіями—губернаторъ, совѣтъ и члены собранія были ежегодно избираемы колонистами, всѣ чиновники назначались народомъ. Это были истинные республики прежде чѣмъ это названіе было введено въ употребленіе.

Теперь мы видимъ по какому однообразному плану устроены были всѣ колоніи, каково бы ни было ихъ происхожденіе вездѣ былъ губернаторъ, совѣтъ и палата депутатовъ, другими словали это

былъ снимокъ съ англійской администраціи: Король, лорды и коммуны; модель будущей федеральной организаціи: президентъ, сенатъ и собраніе депутатовъ.

Правда была разница въ назначеніи губернатора и совѣтовъ; въ нѣкоторыхъ колоніяхъ должна была организоваться довольно значительная исполнительная власть; магистратъ ежегодно избираемый жителями Коннектикута, конечно не имѣлъ той власти, которою пользовался губернаторъ въ Каролинѣ и Виргиніи, зависѣвшій исключительно отъ короля. Исполнительная власть находилась въ очень тѣсныхъ рамкахъ въ такой странѣ, которая не располагала ни арміей, ни флотомъ, ни централизаціей; кромѣ этого во всѣхъ колоніяхъ администрація обыкновенно стѣснялась и направлялась двумя силами — судомъ присяжныхъ и національнымъ представительствомъ.

Судъ присяжныхъ отдавалъ въ руки колонистовъ всю уголовную юрисдикцію, а отчасти и гражданскую. Я говорю всю уголовную юрисдикцію, т. е. право обвиненія и суда; во Франціи присяжнымъ принадлежитъ только послѣднее право. Правда, что эта сторона очень важная по своимъ послѣдствіямъ, но она недостаточно гарантируетъ свободу. Напротивъ того въ колоніяхъ англіи всегда одни только граждане въ лице присяжныхъ имѣли право позвать кого либо на судъ.

Быть судимымъ равными себѣ послѣ того какъ они же тебя обвинили—вотъ одна изъ самыхъ важныхъ привилегій англійскаго гражданина; переселенцы твердо стояли за нее, какъ за самый дорогой результатъ свободы, которую они унаслѣдовали отъ своей метрополіи.

Національное представительство было также одною изъ привилегій или вѣрнѣе однимъ изъ правъ старой Англіи; переселенцы начали отстаивать его съ самаго перваго дня.

Замѣчательно, что всѣ колоніи, основанныя до Карла II, учредили у себя свободное правительство, хотя хартія и не упоминала объ этомъ. Только Мэриландъ составляетъ исключеніе, если это можно назвать исключеніемъ, потому что въ хартіи его былъ параграфъ, допускавшій представительство.

Виргинія, основанная частною компаніею акціонеровъ, управля-

лась нѣсколько лѣтъ губернаторомъ и совѣтомъ, который не назначался и не смѣнялся народомъ; но все населеніе возстало противъ такой системы и въ 1620 году, т. е. пятнадцать лѣтъ спустя послѣ основанія Виргиніи, появляется палата свободныхъ людей (*freemen*). Эта колонія сама добивается вольностей, о которыхъ король и не думалъ.

Если Виргинія первоначально была простою компаніею, то Массачузетъ былъ, можно сказать, церковію; въ первые года губернаторъ и его помощники руководили народомъ, какъ это дѣлали судьи въ Израилѣ и народъ соглашался на это. Но такое устройство продолжалось не больше двухъ или трехъ лѣтъ и хотя хартія не установляла колоніальнаго представительства, тѣмъ не менѣе въ 1634 году вдругъ появилось собраніе, встрѣченное съ восторгомъ колонистами, къ величайшему удивленію правителей и къ ужасу нѣкоторыхъ министровъ. Исторія Массачузета сходна съ исторіей Коннектикута, Нью-Гавена и Нью-Гампшира; вездѣ народъ повинуется законамъ и платитъ подати только въ такомъ случаѣ, если онъ самъ участвовалъ въ ихъ установленіи.

Способъ представительства, принятый тамъ, былъ чисто демократическій, подвижной; вы припомните, можетъ быть, что Лордъ Сэй, любимецъ пуританскихъ министровъ, предлагалъ учрежденіе наслѣдственной палаты, для того чтобы колоніи могли воспользоваться опытомъ и богатствами метрополіи, но это предложеніе было единодушно отвергнуто колонистами.

Это стремленіе къ народному представительству, это право вотировать налогъ, господствовало во Франціи также сильно, какъ и въ Англіи. Достаточно припомнить постановленія государственныхъ чиновъ въ XVI-мъ вѣкѣ, чтобы замѣтить въ нихъ тотъ же духъ свободы! Но у насъ абсолютная монархія, которая началась не съ Людовика XIV, а съ династіи Валуа, очень рано заглушила это драгоцѣнное сѣмя; въ Англіи напротивъ ничто не мѣшало его процвѣтанію. Даже революція послужила только новымъ толчкомъ, которому не могла противодѣйствовать и реставрація. Со времени Карла II-го ни одна колонія не основывается безъ представительства; никто уже не пытается лишить колонистовъ правъ англійскихъ гражданъ, исключая развѣ Іакова II-го,

который своими безразсудными предпріятіями совершенно погубилъ себя.

Противъ принципа никогда не возставали въ Англіи, но часто спорили о его примѣненіи; эти споры еще яснѣе представляютъ намъ свободный и демократическій духъ колонистовъ. Въ правленіяхъ собственниковъ или хартій право народа управляться своими законами никогда не оспаривалось, это былъ одинъ изъ пунктовъ контракта; но въ провинціальныхъ управленіяхъ представительство являлось или въ видѣ естественнаго права, или же въ видѣ только привилегіи, которая всегда могла быть отнята монархомъ. Перваго взгляда придерживались колонисты, а втораго защитники монархіи. Нѣсколько разъ колоніи прибѣгали къ объявленію своихъ правъ, король отвергалъ ихъ, считая это нарушеніемъ своей прерогативы, но колонисты снова возобновляли свои требованія.

Иногда монархи не протестовали противъ права колонистовъ, но старались какъ нибудь повліять на него. Напримѣръ король требовалъ, чтобы за нимъ оставалось право опредѣлять число депутатовъ, а также и мѣсто выборовъ; но общія собранія всегда отвергали это.

Монархическая власть хотѣла по своему произволу распускать собранія и продолжать ихъ засѣданія, не приступая къ новымъ выборамъ; это было бы самое вѣрное средство для того, чтобы порвать связь между депутатами и народомъ. Колонисты скорѣе допускали право распущенія собранія, какъ это дѣлалось въ Англіи, но они отвергали вторую претензію, такъ какъ она прямо клонилась къ нарушенію представительства. Частые выборы были въ ихъ глазахъ необходимымъ жизненнымъ условіемъ свободнаго правительства; они называли ее (какъ выражается декларація) правомъ недостойнымъ колоній и выгоднымъ для однихъ только тирановъ.

Въ колоніи Нью-Іоркѣ монархической власти удалось установить семилѣтнія собранія, по примѣру метрополіи; но эта мѣра до такой степени не понравилась народу, что она стала предметомъ самыхъ горячихъ нападокъ въ началѣ революціи.

И такъ съ самаго перваго дня колоніи имѣли свободное правительство, основанное на представительствѣ; когда наступила рево-

люція 1776 года эти благодѣтельныя формы въ теченіе полутора вѣка успѣли уже пустить глубокіе корни на американской почвѣ.

Откуда развилось стремленіе къ представительству, кто внушилъ англичанамъ поселившимся въ новомъ свѣтѣ такую любовь къ свободѣ, гораздо болѣе сильную, чѣмъ та, которая существовала въ ихъ отечествѣ? Я постарался объяснить вамъ различные элементы свободы, которые одни только въ состояніи объяснить все прошлое и все будущее Америки; я бы не вернулся къ этому, если бы не нашелъ краснорѣчиваго и мѣткаго очерка въ одной замѣчательной рѣчи, произнесенной въ англійскомъ парламентѣ человѣкомъ, который лучше всѣхъ другихъ понялъ условія свободы, характеръ и роль конституцій: я разумѣю Бёрка, истиннаго возобновителя политической науки, который вывелъ ее изъ области словъ, чтобъ основать на наблюденіи.

Среди ужасовъ американской революціи, когда народная страсть, какое-то роковое упрямство и фальшивый патріотизмъ вызывали Англію на несчастный бой, Бёркъ не переставалъ говорить въ пользу мира; онъ отстаивалъ правду и права колонистовъ. Онъ имѣлъ честь съ дивнымъ краснорѣчіемъ защищать благородную націю, которую онъ любилъ, потому что глубоко ее изучилъ; ему принадлежитъ слава за то, что онъ возвѣстилъ будущее съ той увѣренностію, которую въ состояніи дать одна только наука. Онъ одинъ, презираемый великими политиками того времени, думалъ объ томъ, что прежде, чѣмъ управлять колоніей, нужно изучить ея характеръ; а по его мнѣнію американскій характеръ можно было выразить двумя словами: любовь къ свободѣ.

Вотъ отрывокъ той рѣчи, которую произнесъ Бёркъ въ 1775 г., доказывая министру, что необходимо примириться съ Америкой. Эти страницы удивительно хорошо обрисовываютъ исторію и учрежденія Соединенныхъ Штатовъ.

„Въ характерѣ американцевъ, говоритъ онъ, любовь къ свободѣ составляетъ преобладающую черту, которая сказывается во всемъ; а такъ какъ сильная любовь всегда бываетъ ревнива, то колоніи сейчасъ же становятся подозрительны, когда они замѣчаютъ, что у нихъ хотятъ вырвать силой или отнять хитростью то преимущество, ради котораго только и стоитъ жить. Этотъ гордый

духъ свободы вѣроятно сильнѣе развитъ въ англійскихъ колоніяхъ, чѣмъ въ какой либо странѣ, всему этому есть причины, которыя необходимо уяснить себѣ, чтобы понять истинное чувство американца и то направленіе, которое принимаетъ у него свобода.

„Колонисты происходятъ отъ своихъ предковъ — англичанъ. Англія же, надѣюсь, уважаетъ свободу, въ былыя времена она обожала ее. Колонисты ушли отъ васъ въ то время, когда эта черта преобладала въ вашемъ характерѣ; они послѣдовали этому направленію съ той самой минуты, когда вышли изъ подъ вашихъ рукъ. Такимъ образомъ они преданы свободѣ, но свободѣ англійской, основанной на англійскихъ принципахъ. Свободы отвлеченной нѣтъ на свѣтѣ, какъ нѣтъ и другихъ отвлеченій. Свобода непремѣнно привязывается къ какому нибудь осязательному предмету; каждая нація избрала себѣ свой любимый предметъ, который сталъ ея идеаломъ счастія. Въ Англіи съ самыхъ первыхъ временъ борьба за свободу имѣла въ виду преимущественно вопросъ о налогахъ. Въ древнихъ республикахъ большая часть споровъ происходила изъ-за права выбора должностныхъ лицъ, или изъ-за отношенія различныхъ сословій другъ къ другу. Вопросъ о деньгахъ менѣе затрагивалъ ихъ. Въ Англіи дѣло шло иначе; самые искусные писатели и самые краснорѣчивые ораторы обсуждали вопросъ о налогѣ; за него много выстрадали самыя великія сердца.

Всѣ защитники англійской конституціи доказывали, что право назначенія налога издавна составляло одну изъ самыхъ дѣйствительныхъ привилегій англійскаго гражданина; всѣ признаютъ основнымъ принципомъ каждой монархіи то, чтобы народъ посредственно или непосредственно имѣлъ власть асигновать свои деньги, въ противномъ случаѣ не будетъ и тѣни свободы.

„Колоніи вмѣстѣ съ кровью своей заимствовали у васъ эти идеи и эти принципы. Ихъ любовь къ свободѣ, какъ и у васъ самихъ, сосредоточена на этомъ главномъ вопросѣ о налогѣ. Можно было бы затронуть свободу со многихъ другихъ сторонъ, не причинивъ имъ ни особенной радости, ни особеннаго безпокойства, но налогъ былъ для нихъ пульсомъ свободы: они признавали себя здоровыми или больными, смотря по состоянію этого пульса.

„Я не разсуждаю о томъ правы они были или нѣтъ, примѣ-

няя вашъ образъ мыслей къ ихъ собственному положенію; мудрено удержать за собою монополію принциповъ со всѣми ихъ послѣдствіями. Они такъ смотрѣли на вещи и самый образъ правленія вашъ, ваша кротость и суровость, ваша мудрость и ваши заблужденія постоянно поддерживали въ нихъ ту мысль, что и для нихъ, равно какъ и для васъ, одинаково дороги ваши общія принципы.

„Они еще болѣе укрѣпились въ своемъ заблужденіи, которое имъ очень нравилось, вслѣдствіе самой формы ихъ провинціальныхъ собраній. Различныя правительства ихъ популярны въ высшей степени; нѣкоторыя даже въ полномъ смыслѣ народны. Вездѣ главнымъ элементомъ является народное представительство. Такое участіе народа въ дѣлахъ правленія внушаетъ ему самыя гордыя чувства и самую глубокую ненависть ко всему тому, что хочетъ лишить его этой важной привилегіи. Если бы недостаточно сильно оказалось то вліяніе, которое форма правленія производитъ на умы, тогда религія явилась бы на помощь. Религія, которая всегда служитъ сильнымъ двигателемъ, далеко не истощилась и не ослабла у этой новой націи; религіозный культъ ея въ значительной мѣрѣ поддерживаетъ духъ свободы. Люди эти протестанты и принадлежатъ къ такой категоріи, которая наиболѣе противится всякому подчиненію общественнаго разума. Это составляетъ можно сказать сущность свободы.

„То отвращеніе, которое питаютъ дисиденты противъ всякаго призрака абсолютизма, объясняется не столько ихъ религіознымъ ученіемъ, сколько ихъ исторіей. Всякій знаетъ, что католическая религія также стара, какъ и тѣ правительства, въ которыхъ она преобладаетъ; она шла съ ними рука объ руку; государство оказывало ей самыя разнообразныя услуги. Англійская церковь тоже образовалась съ помощію установленнаго правительства. Дисидентскія стремленія возстали вдругъ противъ мірскихъ властей и начали защищать естественныя права свободы. Самое существованіе ихъ доказывало непреложныя права свободы. Всякій протестантъ даже самый холодный и пасивный всегда есть дисидентъ, но религія преобладающая въ нашихъ сѣверныхъ колоніяхъ есть утонченный принципъ противодѣйствія; это протестъ противъ протестантизма. Религія эта исповѣдуемая многими сектами различныхъ

наименованій, господствуетъ въ большей части сѣверныхъ провинцій, тогда какъ англійская церковь, не смотря на всѣ права, дарованныя ей закономъ, является, какъ частной сектой, къ которой можетъ быть принадлежитъ десятая часть населенія.

„Колонисты оставили Англію въ тотъ моментъ, когда это направленіе было въ полной силѣ; эмигранты были самыми страстными изъ всѣхъ сектантовъ. Колоніи постоянно наполнялись приливомъ иностранцевъ, которые состояли большею частію изъ диссидентовъ всей Европы; они принесли съ собою нравы и характеръ совершенно противоположный характеру народа, среди котораго они поселились.

„Я вижу по выраженію нѣкоторыхъ лицъ, что они не согласны съ моимъ замѣчаніемъ, потому что въ колоніяхъ юга англійская церковь имѣетъ правильную организацію и преобладающую силу. Это правда, но въ этихъ колоніяхъ замѣчается фактъ, который уравновѣшиваетъ эту разницу и придаетъ свободѣ южанъ еще болѣе гордый характеръ: въ Виргиніи и въ Каролинахъ жители обладаютъ огромнымъ количествомъ рабовъ. Вездѣ, гдѣ царствуетъ рабство, люди свободные сильно гордятся своею свободою. Свобода становится для нихъ не только наслажденіемъ, но своего рода благородствомъ и привилегіей. Свобода кажется тутъ чѣмъ-то большимъ, нежели въ тѣхъ странахъ, гдѣ она составляетъ всеобщее достояніе, вотъ почему на ряду съ свободой замѣчается большая бѣдность и тяжелый трудъ по виду близкіе къ рабству. Я не хочу дѣлать нравственной оцѣнки этого чувства, которое заключаетъ въ себѣ столько же гордости, сколько пустоты, но не могу же я измѣнить человѣческую природу. Фактъ непреложный: населеніе южныхъ колоній болѣе привержено къ свободѣ и отличается болѣе гордымъ духомъ, нежели населеніе сѣвера. Таковы были всѣ древнія республики; таковы наши готическіе предки, таковы были и поляки; таковы всегда будутъ рабовладѣльцы, которые сами не будутъ рабами. У такого народа страсть къ преобладанію соединяется съ духомъ свободы, укрѣпляетъ его и дѣлаетъ непобѣдимымъ.

„Позвольте мнѣ указать вамъ еще на другое учрежденіе, которое значительно способствуетъ развитію духа независимости въ на-

шихъ колоніяхъ; я хочу говорить о воспитаніи. Едва ли въ какой либо другой странѣ свѣта право изучается всѣми такъ основательно, какъ въ Америкѣ. Законниковъ тамъ много, они сильны и въ большей части колоній руководятъ общественнымъ мнѣніемъ. Большая часть депутатовъ, избираемыхъ въ конгресъ, состоитъ изъ юристовъ; каждый грамотный, т. е. большинство населенія старается хоть сколько нибудь вникнуть въ эту науку. Я узналъ отъ одного отличнаго книгопродавца, что послѣ религіозныхъ книгъ ни одна отрасль книжной торговли не даетъ такихъ барышей, какъ юридическія книги. Колонисты перепечатываютъ многія книги для своего обихода, и коментаріи Блакстона разошлись такъ же сильно въ Америкѣ, какъ и въ Англіи.

„Это усвоеніе законовъ развиваетъ въ колонистахъ тонкое чутье и ловкость; они готовы вести атаку, и защищаться готовы, у нихъ средствъ много. Въ другихъ странахъ народъ менѣе развитой обсуждаетъ только такую мѣру правительства, отъ которой онъ страдаетъ; а въ Америкѣ предвидятъ зло и разсуждаютъ о томъ вредѣ, который могъ бы причинить извѣстный принципъ. Тамъ издали чуютъ дурное правительство и при малѣйшемъ зараженіи атмосферы сейчасъ же чувствуютъ приближеніе тираніи.

„Наконецъ есть еще причина, которая внушаетъ вашимъ колоніямъ противодѣйствіе; эта причина не менѣе сильна, чѣмъ и другія, потому что она не только моральная, но и физическая. Три тысячи миль океана отдаляютъ васъ отъ Америки. Человѣкъ не можетъ придумать ничего, чтобъ отстранить вліяніе разстоянія на большую или меньшую силу правительства. Цѣлые мѣсяцы проходятъ между приказаніемъ и исполненіемъ, ни одного пункта нельзя скоро разъяснить; а этого достаточно, чтобы ослабить цѣлую систему. У васъ есть правда министры, которые готовы отмстить за васъ, они перенесутъ цѣпи и на ту сторону океана. Но тамъ одна сила остановитъ ихъ, та самая, которая укрощаетъ страсти и стихіи и говоритъ имъ: до сихъ поръ, но не дальше.

„Кто же вы такіе? отчего вы такъ негодуете и стараетесь разгрызть цѣпи, наложенныя самою природою? Съ вами случилось только то, что случается съ каждой націей, владѣнія которой слишкомъ растянуты, какова бы ни была форма правленія. Когда тѣло

велико, тогда власть сказывается менѣе энергично на оконечностяхъ. Такъ ужъ природа устроила. Турція не можетъ управлять Египтомъ, Аравіей и Курдистаномъ, какъ она управляетъ Фракіей; въ Крымѣ и Алжирѣ господство ея далеко не такъ сильно какъ въ Смирнѣ и Бруссѣ. И деспотизмъ иногда принужденъ дѣлать уступки. Султанъ достигаетъ возможнаго повиновенія. Онъ иногда спускаетъ возжи, чтобъ легче управлять; выказывая осторожное снисхожденіе на окраинахъ, онъ тѣмъ болѣе усиливаетъ свою власть въ центрѣ имперіи. Испанія можетъ быть хуже управляетъ свои провинціи, чѣмъ вы. Она подчиняется необходимости и выжидаетъ; но таково непремѣнное условіе, таковъ вѣчный законъ обширныхъ и раздробленныхъ монархій.

„Итакъ происхожденіе, форма правленія, религія сѣвера, нравы юга, воспитаніе, удаленіе отъ правительственнаго центра—вотъ тѣ причины, которыя породили гордый духъ независимости. Онъ выросъ вмѣстѣ съ населеніемъ колоній и усилился вмѣстѣ съ богатствомъ; этотъ духъ независимости и возстаетъ противъ всякихъ претензій, хотя бы и самыхъ легальныхъ, но не согласныхъ съ понятіемъ о свободѣ, особенно съ такимъ, какое составили себѣ колоніи; вотъ источникъ того пожара, который грозитъ поглотить насъ всѣхъ“ (¹).

Я ничего не прибавлю къ этимъ возвышеннымъ словамъ. Только геній способенъ выражать правду въ такой формѣ, что нельзя коснуться ея, чтобы не ослабить.

Мы видѣли, какъ колонисты возвысили и усовершенствовали тотъ духъ свободы, который они заимствовали въ Англіи; въ слѣдующую лекцію при изученіи права гражданскаго мы увидимъ какъ развивался другой, чуждый Англіи принципъ равенства. Эта та черта, которая отличаетъ Америку отъ Англіи и вмѣстѣ съ тѣмъ приближаетъ ее къ намъ; вотъ почему этотъ новый принципъ имѣетъ для насъ особенно важный интересъ.

(¹) Burke, Speech on conciliation with Amerika, 22 mars 1775.

ВОСЕМНАДЦАТОЕ ЧТЕНІЕ.

Очеркъ политическаго и гражданскаго устройства колоній.

2. Гражданское устройство.

Мм. гг.

Бёркъ въ краснорѣчивомъ очеркѣ своемъ показалъ намъ какимъ образомъ свободный образъ мыслей, занесенный переселенцами, изъ метрополіи, развился на новой почвѣ съ совершенно особенной энергіей, подобно тому, какъ растенія, перенесенныя въ болѣе благопріятный климатъ, мѣняютъ наружный видъ свой, размѣры, степень долговѣчности, а иногда и самую натуру свою. Вы знаете съ какимъ тонкимъ анализомъ англійскій ораторъ выискивалъ причины такого непреодолимаго распространенія свободы. Самое возникновеніе колоній, ихъ образъ правленія, религія, нравы, воспитаніе, отдаленность отъ метрополіи, все, не исключая даже и рабства, способствовало тому, чтобы сдѣлать изъ Англіи націю, наиболѣе завидную по своимъ правамъ.

Намъ остается изучить другое проявленіе американскаго генія, ему одному свойственное и совершенно незамѣчаемое въ Англіи; я разумѣю — равенство. Равенство это, такъ сжившееся со всѣми учрежденіями, составляетъ отличительный признакъ американскаго характера; вотъ почему американское общество, не смотря на отдаленность свою, гораздо ближе къ намъ нежели общество англійское.

Тѣмъ болѣе интересно для насъ изучить это общество. Конечно при изученіи этомъ придется преодолѣть разныя трудности прежде чѣмъ мы прочувствуемъ всю важность, все значеніе принципа равенства. Главная трудность заключается въ томъ, что равенство мы вдыхаемъ, можно сказать, вмѣстѣ съ воздухомъ. Когда намъ разсказываютъ о томъ что породила свобода въ Соединенныхъ Штатахъ: общинное устройство, отдѣленіе церкви отъ государства,

и проч., тогда уже самая разница учрежденій показываетъ намъ какъ далеко отъ насъ ушли американцы въ дѣлѣ свободнаго правительства. Но вспомните, что въ америкѣ нѣтъ ни наслѣдственнаго дворянства, ни пэровъ, ни духовнаго привилегированнаго сословія, однимъ словомъ никакой аристократіи; наконецъ переходя къ гражданскому праву, въ которомъ аристократія обыновенно пускаетъ глубокіе корни, вспомните поземельное устройство Америки, легкость передачи земель, простота въ наслѣдствѣ, словомъ такія учрежденія, которыя мы можемъ назвать нашими; тогда вы поймете всѣ особенности американскаго общества, такъ рѣзко разграничивающія его отъ общества англійскаго, поймете наконецъ ту причину, которая начала дѣйствовать съ тѣхъ самыхъ поръ, когда Америка сама стала располагать своей судьбой; эта причина и сдѣлала изъ Америки республику, а не конституціонную монархію, которая удержалась въ метрополіи. Намъ слѣдуетъ дать себѣ полный отчетъ въ томъ, какую роль игралъ принципъ равенства въ Америкѣ, и какую играетъ онъ еще въ новѣйшихъ обществахъ. Наши историческія изслѣдованія были бы разрозненны и безплодны, если бы мы не обратили вниманія на это основное свойство американскаго генія. Для цѣлей практическихъ, которыя мы должны всегда имѣть въ виду, очень важно оцѣнить по достоинству этотъ принципъ, который гораздо новѣе принципа свободы.

Слова *свобода* и *равенство* въ послѣднія 60 лѣтъ, стали употребляться всегда вмѣстѣ, и намъ съ перваго раза кажется, что они во всѣ времена должны были быть неразлучны. Въ сущности это не такъ. Только вчера, можно сказать, родилась свобода гражданская и политическая. Чтобы убѣдиться въ легкости разграниченія этихъ понятій, стоитъ взглянуть только на тѣ страны, гдѣ абсолютное равенство уживается съ полнымъ отсутствіемъ свободы: таковы деспотическія государства на востокѣ. Съ другой стороны вблизи отъ насъ находится страна, въ которой свобода достигла наивысшаго развитія, а между тѣмъ равенство далеко еще не проникло въ нравы тамошняго общества. Нужно ли называть Англію?

Америка есть первая страна, которая въ новѣйшія времена попыталась соединить эти оба принципа. Франція послѣдовала ея

примѣру, но можетъ быть она не съумѣла примирить эти два элемента: свобода не смогла можетъ быть устранить той доли деспотизма, которая легко уживается съ равенствомъ, доведеннымъ до крайности. Чтобы уяснить себѣ этотъ вопросъ необходимо обратиться къ Америкѣ и изучить результаты, которыхъ она достигла.

Съ перваго раза такое изслѣдованіе можетъ показаться весьма труднымъ, потому что свобода и равенство часто соприкасаются. У нихъ много схожихъ требованій; трудно опредѣлить что именно принадлежитъ одному изъ принциповъ, и что другому: но въ этомъ дѣлѣ намъ могутъ помочь исторія и сравненія законодательствъ. Англія, откуда можно сказать вышла Америка, совершенно незнакома была съ принципомъ равенства въ началѣ XVII столѣтія; до сихъ поръ это равенство еще не проникло туда, за то уже съ XVII вѣка въ Англіи, процвѣтала свобода. Такимъ образомъ изучая организацію Англіи, т. е. условія личныхъ отношеній и поземельнаго устройства, мы въ состояніи будемъ опредѣлить что порождаетъ принципъ свободы, когда къ нему не примѣшивается равенство; сравненіе съ Америкой покажетъ намъ какимъ измѣненіямъ подвергся этотъ принципъ и всѣ основанныя на немъ учрежденія, послѣ перенесенія ихъ въ новую общественную среду.

Изученіе англійскаго устройства въ XVII вѣкѣ покажетъ намъ приблизительно что была Франція въ ту же эпоху, а обзоръ современныхъ французскихъ учрежденій даетъ возможность сказать что было бы съ Франціей, если бы въ 1789 году революція замѣнилась реформою; такое сближеніе англійскихъ и американскихъ учрежденій будетъ для насъ далеко не безъ пользы; при такомъ сравненіи легче будетъ понять какимъ образомъ монархическое начало, очень сродное англійскому, не могло дать тѣхъ же плодовъ на совершенно другой почвѣ; не трудно будетъ также убѣдиться, что англійская конституція должна прійтись по сердцу всѣмъ друзьямъ свободы, но что она все-таки не въ состояніи удовлетворить нуждамъ и желаніямъ націи, преобладающую страсть которой составляетъ равенство.

Это будетъ первый опытъ сравнительнаго законодательства, онъ сдѣлаетъ намъ понятными учрежденія Англіи, Америки и Франціи.

Въ началѣ XI ст. когда Вильгельмъ Нормандскій завоевалъ Англію, онъ ввелъ тамъ феодальное устройство во всей его строгости. Нравы Нормандіи стали законами Великобританіи [1]. Эти учрежденія пустили глубокіе корни, тѣмъ болѣе, что зародышъ ихъ существовалъ у англосаксовъ какъ и у всѣхъ народовъ германскаго племени; Вильгельмъ установилъ только болѣе опредѣленныя формы, для такихъ отношеній, которыя сами по себѣ возникли еще до завоеванія.

Не по капризу и не по страсти къ преобладанію установилъ Вильгельмъ феодальный порядокъ въ Англіи: въ эту эпоху феодальное право по справедливому замѣчанію Спельмана, было свойственно всей Европѣ; кромѣ того опасеніе возстанія со стороны побѣжденныхъ саксовъ, опасное сосѣдство съ галлами и шотландцами, все это оправдывало военное устройство общества, которое должно было быть постоянно готово къ нападенію или къ отраженію.

Замѣчательнѣе всего то, что англійская конституція вытекла именно изъ этихъ феодальныхъ порядковъ, они измѣнились съ теченіемъ времени, но до сихъ поръ знать ихъ трудно. Англійское общество сохранило феодальный отпечатокъ больше нежели какое бы то ни было другое, по этому трудно понять что бы то ни было, если не обратить вниманія на основныя черты феодализма: англійскія учрежденія нельзя соразмѣрять съ новѣйшими политическими идеями или съ преданіями древности; одно только прошлое можетъ служить ключемъ къ разгадкѣ.

Въ феодальныя времена общество представляло изъ себя армію, расположенную на извѣстномъ клочкѣ земли, главою этой арміи былъ король; офицерами—бароны, а солдатами—васаллы. Въ поземельной собственности заключалось все богатство, это было единственное орудіе власти; вся армія получала вознагражденіе землями или, какъ тогда выражались—лэнами. Всѣ должности были наслѣдственными, такъ что вся служба была тѣсно связана съ землей.

---

[1] Въ этомъ изложеніи я слѣдовалъ прекрасному труду г. Гизо. Des causes de l'établissement du gouvernement représentatif en Angleterre; «Essais sur l'histoire de France». 6-me essai.

Рыцарскій лэнъ долженъ былъ поставлять солдата, а баронскій—офицера.

Такимъ образомъ: съ самаго перваго дня установилась іерархія лицъ и соотвѣтственная іерархія земель. Были и королевскія владѣнія, и церковныя, и баронскія, и рыцарскія, которыя должны были служить источникомъ королю, церкви, баронамъ и рыцарямъ. Кромѣ всего этого были земли землепашцевъ, горожанъ, и несчастныхъ виланов, обработывавшихъ господскія поля.

Такимъ образомъ вся организація общества въ эту эпоху представляла цѣлый рядъ ступеней, гдѣ каждому отведено было свое мѣсто. Во главѣ стоялъ король, затѣмъ шли епископы, бароны, рыцари, свободные землепашцы и виланы. Каждый зависѣлъ отъ высшаго, но эта зависимость была издавна опредѣлена закономъ, часто имѣла возвышенный характеръ, смотря по благородству самой службы и, если исключить виланов, никогда не доходила до рабской зависимости.

Если мы говоримъ, что въ феодальномъ устройствѣ каждый человѣкъ имѣлъ свое опредѣленное мѣсто, но подъ этимъ никакъ нельзя разумѣть кастическое устройство востока. Въ Индіи, каждому человѣку, при самомъ рожденіи его опредѣлена извѣстная судьба; его происхожденіе осуждаетъ его на самую печальную участь или же даетъ ему наивысшее назначеніе: при феодальныхъ порядкахъ это было совершенно иначе, каково бы ни было происхожденіе человѣка, онъ никогда не долженъ былъ безвыходно оставаться въ той обстановкѣ, среди которой онъ родился. Земля имѣла всегда неизмѣнное назначеніе, а человѣкъ напротивъ. Феодальное общество представляло лѣстницу, по ступенямъ которой каждый могъ достигать наибольшей высоты. Ничего не препятствовало крестьянину сдѣлаться епископомъ, или солдату рыцаремъ, но за то на каждой ступени, всѣ достигшіе ее встрѣчали новыя общественныя условія совершенно ясно опредѣленныя съ своими обязанностями и привилегіями.

Въ отличіе отъ нашего общества, гдѣ всѣ признаются равными, общество феодальное представляло изъ себя какъ бы федерацію различныхъ сословій, возвышающихся одинъ надъ другимъ, имѣющихъ свою организацію, свои законы, свое управленіе.

Напримѣръ баронъ зависѣлъ отъ короля, онъ обязанъ былъ присягать ему, воздавать должную почесть, давать совѣты; но служба его была опредѣлена закономъ, и въ случаѣ какой нибудь вины, онъ былъ судимъ только равными себѣ.

Рыцарь зависѣлъ отъ барона какъ баронъ отъ короля, виланъ также судимый равными себѣ долженъ былъ подчиняться заведеннымъ домашнимъ порядкамъ; церковь, университетъ и всѣ общины представляли изъ себя свободныя корпораціи, имѣли свои законы и привилегіи, но зависѣли отъ короля, а иногда и отъ бароновъ.

Однимъ словомъ въ эту эпоху разнообразіе господствовало во всемъ, тогда какъ въ настоящее время мы стараемся внести напротивъ однообразіе во всѣ общественныя условія и во всѣ учрежденія. Не только каждая изъ означенныхъ корпорацій имѣла свою особенную организацію; нерѣдко города, принадлежащіе къ одной категоріи, обладали разными привилегіями; даже въ одномъ и томъ же городѣ было бездна промышленныхъ и торговыхъ корпорацій съ своеобразными правами.

Ничего не можетъ быть разнообразнѣе всѣхъ этихъ нравовъ и обычаевъ, по этому всѣ системы могутъ найдти свое оправданіе и осужденіе въ характерѣ среднихъ вѣковъ. Тамъ можно найдти все, но въ состояніи слитномъ, нераздѣльномъ.

При такомъ порядкѣ гдѣ-жъ искать равенства, никто не желалъ его и не имѣлъ объ немъ понятія. Какъ могло ужиться равенство съ іерархіей, да притомъ съ іерархіей наслѣдственной? Тогдашній идеалъ состоялъ не въ однообразномъ обществѣ, а напротивъ того въ такомъ, гдѣ бы каждый могъ занять приличное мѣсто по своему происхожденію, по своимъ заслугамъ и достоинствамъ, подобно іерархіи церковной, которая должна была служить прообразомъ небесной іерархіи. Все это совершенно противоположно равенству, тѣмъ не менѣе мы не въ правѣ сказать, что въ феодальномъ устройствѣ не было мѣста свободѣ, съ такимъ предупрежденіемъ могли смотрѣть на феодализмъ наши отцы въ ту эпоху, когда отъ всѣхъ этихъ порядковъ уцѣлѣли однѣ только слабыя стороны; но не справедливо приступать съ такими взглядами къ изученію феодальной системы XIII вѣка, въ которомъ само общество требовало именно такого устройства.

Конечно свобода, какъ ее разумѣли тогда, не имѣла ничего общаго съ свободой въ настоящемъ смыслѣ слова; ей недоставало того характера общности, который для насъ существенно необходимъ. Тогда существовала не одна свобода, а нѣсколько свободъ, это выраженіе говоритъ само за себя. Свобода была привилегіей; но хотя она и не была такъ распространена, какъ нынѣ, но все-таки она существовала; заимствуя мѣткое замѣчаніе Берка, можно сказать, что свобода тѣмъ полнѣе принадлежала однимъ, чѣмъ болѣе она отнималась у другихъ. Что напр. могло быть свободнѣе и независимѣе тѣхъ великихъ бароновъ, которые составляли совѣтъ короля и могли быть судимы только равными себѣ, или тѣхъ рыцарей, которыхъ обязанности были ясно опредѣлены, которые сражались добровольно и могли притомъ, отказавшись отъ земли, сложить съ себя всякую обязанность повиноваться.

Даже спускаясь ниже нужно признаться, что существованіе корпорацій представляло для самаго несчастнаго гражданина такія гарантіи, которыхъ онъ, беззащитный, не могъ бы ни за что достичь при Францискѣ I или при Людовикѣ XIV. Тогда нельзя было безнаказанно обидѣть какого нибудь гражданина, или члена какого нибудь университета или наконецъ духовное лице, состоящее подъ покровительствомъ епископа: противъ притѣснителя тотчасъ же подымалась цѣлая корпорація, оскорбленная въ своихъ привилегіяхъ и съ нею нужно было расчитываться. Постоянныя жалобы университета на парижскую администрацію по поводу студентовъ, ясно показываютъ, какъ строго отстаивала эта корпорація свои права.

Такимъ образомъ вся эта организація, поражающая насъ своею странностью, была далеко отъ деспотизма; напротивъ того, свобода пріютилась тамъ въ тысячи мѣстахъ, но она скрывалась подъ именемъ привилегіи: напр. чтобы преподавать нужно было принадлежать къ составу университета, но въ самомъ университетѣ господствовала полнѣйшая свобода. Каждый докторъ могъ открывать свой курсъ и все это устройство, которому университеты Германіи обязаны своимъ процвѣтаніемъ, заимствовано у первоначальнаго парижскаго университета, который существовалъ до тѣхъ поръ, пока

Людовикъ XIV не конфисковалъ свободы преподаванія послѣ многихъ другихъ конфискацій.

Также точно и свобода рѣчи составляла преимущество церкви, но за то тутъ она проявлялась въ полной силѣ, ничто не можетъ сравниться съ рѣзкостью епископовъ и монаховъ того времени.

Чтобы имѣть какое нибудь значеніе въ общинѣ, нужно было принадлежать къ одной изъ корпорацій, но разъ достигши правъ гражданства, ужъ нечего было желать. Община представляла изъ себя республику, которая управлялась сама собой.

Наконецъ, если эпоху можно судить только по тому, что она произвела, такъ не забудемъ, что мы обязаны феодализму судить присяжныхъ и представительнымъ правленіемъ. Ничего подобнаго не могло бы выработаться въ обществѣ, униженномъ деспотизмомъ.

Судъ присяжныхъ существовалъ правда и у грековъ и у римлянъ; въ каждой свободной странѣ чувствовали, что во избѣжаніе притѣсненій необходимо передать уголовную юрисдикцію въ руки гражданъ; но только въ средніе вѣка выработалось то убѣжденіе, что только равный можетъ судить равнаго; это прямое слѣдствіе общественной іерархіи. Каждый классъ: бароны, рыцари, горожане и виланы судились равными себѣ и другихъ судей не признавали. Отдаться на судъ низшаго сословія было бы безчестіемъ, а судъ сопряженъ былъ съ опасностью для подсудимаго, Этимъ путемъ свобода проникала въ учрежденія.

Что касается до представительнаго правленія, то очевидно, что онъ произошелъ изъ феодальнаго порядка. Идея представительства была совершенно не знакома республикамъ Греціи и Италіи. Въ Римѣ преобразованія Центурій нашли очень остроумный способъ опредѣлять права избирателей, сообразуясь съ ихъ имуществомъ и возрастомъ. Но за то способъ передачи правъ, такъ хорошо знакомый въ настоящее время, былъ въ то время совершенно неизвѣстенъ. Представительство могло выработаться только при такой системѣ, при которой узаконенныя корпораціи высылали своихъ уполномоченныхъ для защиты правъ общины, таковы были епископы и абаты на всѣхъ соборахъ. По примѣру ихъ образовались генеральныя собранія во Франціи и парламентъ въ Англіи. Наши государственные чины представляютъ изъ себя то іерархическое обще-

ство, въ которое рабы до сихъ поръ еще не допущены. Англійскій парламентъ представляетъ тоже самое зрѣлище, только тамъ согласно феодальнымъ понятіямъ, прелаты и бароны составляютъ одинъ общій совѣтъ на помощь королю.

Феодальная система, какъ мы видѣли, создала не только личную, но и поземельную іерархію, она отлила въ постоянныя формы богатство и власть; іерархія пережила тѣ причины, которыя породили ее и когда феодализмъ утратилъ уже не нужный военный характеръ, тогда та же іерархія превратилась въ аристократію.

Мало по малу дворянскія земли освободились отъ тяготѣвшихъ на нихъ военныхъ повинностей (въ Англіи эта реформа случилась при Карлѣ II); но земля сохранила свои привилегіи и свое прежнее вліяніе на дѣла государства. Правленіе стало монополью въ рукахъ дворянства, церкви и другихъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Господство поземельной аристократіи замѣнило собой царство рыцарей.

Итакъ англійское общество сохранило въ себѣ характеръ іерархическій, который исключалъ равенство, и въ то время, когда началось переселеніе въ Америку, привилегіи дворянства и церкви, разница между горожаниномъ и селяниномъ, правда ослабли нѣсколько, но не уничтожились. Если различія эти не повторились въ Америкѣ, такъ это потому, что встрѣтили здѣсь непреодолимое противудѣйствіе, причины которыя мы и постараемся тутъ разъяснить.

Въ метрополіи этотъ гражданскій феодализмъ до сихъ поръ такъ мало потерпѣлъ отъ революціи, что онъ существуетъ, хотя ослабленный, и въ настоящее время. Въ самомъ дѣлѣ странно видѣть, что въ Европѣ народъ самый свободный по своимъ законамъ и по духу, сохранилъ съ наибольшей силой понятіе о іерархіи и такъ мало еще освоился съ понятіемъ о равенствѣ.

Не думайте въ самомъ дѣлѣ, чтобъ идеи 1789 года, такъ популярныя у насъ, принимались въ Лондонѣ за аксіомы не подлежащія обсужденію; тамъ не признаютъ, чтобы равенство могло быть одною изъ основъ общества. Напротивъ того, учрежденія, которыя намъ кажутся дурными, напр. право старшинства и проч. защищаются тамъ экономистами и государственными людьми. Въ защи-

ту онѣ обыкновенно сравниваютъ цвѣтущее состояніе земледѣлія въ Англіи съ худшимъ состояніемъ его во Франціи, и главнымъ образомъ объясняютъ наше положеніе дробленіемъ поземельныхъ участковъ, и отсутствіемъ капиталовъ, иначе сказать равенствомъ нашихъ законовъ о наслѣдствѣ.

Въ сущности англійская школа признаетъ равенство принципомъ, разрушающимъ свободу; по мнѣнію англійскихъ политиковъ свобода поддерживается порядкомъ, а безъ іерархіи не можетъ быть порядка. Самые умѣренные изъ нихъ придерживаются тѣхъ взглядовъ, которые Мильтонъ кладетъ въ уста сатаны, осматривающаго подземную армію:

> „...... Хотя и не всѣ равны, но за то всѣ свободны, всѣ одинаково свободны, потому что права и разряды не противурѣчатъ свободѣ, напротивъ того согласуются съ свободой (1).“

Паскаль не могъ допустить, чтобы гора могла измѣнять понятія о справедливости. Что за Пиринеями правда, то здѣсь ошибка; между тѣмъ оказывается, что небольшой каналъ совершенно разрушаетъ тѣ политическіе принципы, которые мы считаемъ вѣрными. Отчего это происходитъ? Заглянемъ въ исторію, она разрѣшитъ намъ эту задачу.

Когда Гуго-Капетъ короновался онъ былъ владѣльцемъ большаго лэна, но вся остальная Франція принадлежала массѣ свободныхъ и независимыхъ бароновъ вѣчно воевавшихъ и грабившихъ другъ друга. Нужна была высшая сила, чтобы обуздать дикія страсти и предупредить распаденіе общества; такой властью явилась монархія. И въ самомъ дѣлѣ съ перваго же дня въ городахъ и въ деревняхъ народъ сталъ переходить на сторону короля, чтобъ избавить страну отъ дворянства, которое угнетало ее. Благодаря римскому праву, юристамъ и парламентамъ, королевская власть осилила аристократію и повела насъ къ свободѣ по пути

---

(1) And if not equall all, yet free,
Equally free, for orders and degrees
Jar not with liberty, but well consist. —
(Parad. loit. book V).

деспотизма. По этому монархія сдѣлалась популярной во Франціи, а феодализмъ ненавистенъ; мы увидѣли въ немъ однѣ только слабыя стороны и возвели на него много неправильныхъ нареканій: такова участь всѣхъ осужденныхъ.

Англія всегда представляла собою одинъ только лэнъ. Съ самаго дня побѣды, король былъ полнымъ властелиномъ. Онъ не зналъ противниковъ, былъ признанъ всѣми, его власть начала давить народъ и бароновъ. Вслѣдствіе такого давленія, дворянство сблизилось съ комунами, и вынудило у короля Іоанна великую хартію, парламентъ былъ учрежденъ, затѣмъ Стюарты издали *Habeas Corpus* — а принцъ Оранскій — законъ о правахъ (*Bill of rights*). Въ англіи феодальное дворянство не только не враждовало съ комунами, но даже съумѣло связать свои интересы съ интересами народа, оно играло туже роль, какая выпала во Франціи на долю королей. Дворянство признавало и защищало привилегіи всѣхъ корпорацій; само же оно было и хотѣло быть первой корпораціей въ государствѣ. Во времена Іоанна безземельнаго, какъ во времена Іоакова II, существовала взаимная гармонія между всѣми органами государства, это и поддержало феодальную іерархію, а вмѣстѣ съ тѣмъ возвысило въ общественномъ мнѣніи тѣ античныя формы, въ которыхъ воплощалось понятіе о свободѣ,

Такимъ образомъ парламентъ, церковь, университеты, комуны и корпораціи удержали свои старыя привилегіи на сколько эти привилегіи могли мирится съ духомъ времени.

Вотъ почему англичанамъ свобода знакома только именно въ этихъ формахъ, которыхъ древность они уважаютъ; они не понимаютъ свободы въ смыслѣ философскомъ, абсолютномъ, всемірномъ, какъ мы его понимаемъ. Не говорите имъ объ общихъ принципахъ, годныхъ для всякой націи; имъ важны вольности англійскія, другихъ они и не хотятъ. Нѣтъ страны, въ которой бы менѣе занимались правами человѣка и гражданина, даже нѣтъ и такой, въ которой каждый такъ хорошо зналъ бы и отстаивалъ права своего класса, своей партіи.

Побывайте въ Лондонѣ, вы придете въ изумленіе отъ того почтенія, съ которымъ соблюдаются тамъ самыя старинныя и часто

смѣшныя приличія. До сихъ поръ еще особыя врата отдѣляютъ City отъ остальнаго города. Лордъ-пэръ до сихъ поръ пользуется обстановкой и привилегіями властелина. Церковь, суды, корпораціи удивятъ васъ по своей исключительной привязанности къ древнимъ формамъ.

Вы подумаете, что вы перенеслись за четыре вѣка назадъ. Но будьте осторожны въ вашихъ сужденіяхъ, вникните въ глубину вещей и вы увидите, что подъ этой маской скрывается свобода, не абстрактная свобода, какъ мы ее понимаемъ, а свобода осязательная, свобода города, корпораціи, личности, т. е. свобода въ такой формѣ, которую легче всего понять и отстоять.

Аристократія спасла свои привилегіи, связавъ ихъ съ привилегіями корпораціи, т. е. почти всей націи, она поддерживаетъ ихъ, принимая въ среду свою всѣхъ тѣхъ, кто выдается по своимъ достоинствамъ.

Въ этомъ-то и заключался истинно феодальный духъ, это было потребностью въ такое время, когда война была дѣломъ каждаго дня. Дюгескленъ былъ не важный дворянинъ, а Фроасаръ, помнится мнѣ, очень наивно разсказываетъ, какъ предводитель шайки разбойниковъ сдѣлался рыцаремъ. Англійскимъ лордамъ совершенно чужды тѣ сословные предразсудки на исключительность, которая отвергаетъ человѣка съ талантомъ потому только, что онъ самому себѣ обязанъ своей славой, а въ этомъ именно и состоитъ отличительное свойство французской аристократіи, которая возстановляетъ противъ нея общественное мнѣніе. Въ Англіи мы часто видимъ, во главѣ, такихъ людей, которые не славятся своими предками: Веллингтонъ—ирландецъ Каннингъ, — сынъ актрисы, Бругамъ —адвокатъ, Робертъ Пиль—сынъ ремесленника.

Такое просвѣщенное пониманіе привилегій составляло всегда славу и силу англійской аристократій. Таковъ былъ порядокъ и въ церкви, и въ университетѣ, и въ арміи, и въ судахъ и въ администраціи; той же политики придерживался и Римъ, гдѣ въ число сенаторовъ допускалось каждое должностное лице избранное народомъ, а право гражданства признавалось за каждымъ латинскимъ союзникомъ, который въ своей общинѣ исполнялъ муниципальныя обязанности.

Такимъ путемъ врагъ превращался въ друга и даже изъ опасности умѣли извлекать выгоду.

Удивляться ли послѣ этого, что такое дерево, вбирая въ себя изъ почвы лучшіе соки, сохраняетъ все свое величіе. Удивляться ли и тому, что аристократія такъ уважаема англійскимъ народомъ.

Наконецъ послѣдняя причина, объясняющая могущество аристократіи, состоитъ въ томъ, что она закрѣпила землю въ своихъ рукахъ, а съ землею соединила очень важныя привилегіи, какъ-то: высшую духовную власть, юстицію и администрацію.

Церковь, дворянство и джентри, т. е. ограниченное число лицъ обладаютъ въ Англіи землей, и все расчитано такъ, что наслѣдство не можетъ выйдти изъ ихъ рукъ и непремѣнно перейдетъ къ потомству.

Поземельная исключительность и составляетъ существенную силу англійской аристократіи, это самое серьезное препятствіе къ водворенію равенства. Благодаря праву старшинства земля никогда не дѣлится. Она сосредоточивается въ рукахъ однѣхъ фамилій, такъ что съ каждымъ днемъ земельная собственность централизуется и число собственниковъ уменьшается.

До французской революціи въ Англіи и въ Валлисѣ считалось 256.000 землевладѣльцевъ. Это число уже и безъ того малое въ сравненіи съ остальной Европой, въ настоящее время значительно уменьшилось, такъ что г. Дизраели насчитываетъ только 250,000 землевладѣльцевъ во всемъ соединенномъ государствѣ Великобританіи и Ирландіи (1). Въ это число включено множество корпорацій. Такое уменьшеніе числа землевладѣльцевъ есть прямой результатъ закрѣпленія земель. При образованіи большихъ земляныхъ участковъ мелкомѣстные владѣльцы совершенно исчезаютъ; фермеръ становится простымъ торговцемъ, вполнѣ зависящимъ отъ хозяина земли. Земледѣлецъ, который во Франціи стремится стать собственникомъ, играетъ въ Англіи только роль наемника, какъ рабочіе на заводахъ; у насъ собственность дѣлаетъ поселянина свободнымъ,

(1) Leplay— De la Réforme sociale en France. Paris. 1864, t. II, p. 31.

тогда какъ въ Англіи эта собственность совершенно недоступна для него. Его незначительныя сбереженія никогда не позволятъ ему достигнуть обладанія землей, которая съ каждымъ днемъ переходитъ въ руки нѣсколькихъ фамилій. Вотъ почему внѣ городовъ вся сила и все вліяніе принадлежитъ небольшому числу поземельныхъ собственниковъ.

Постоянно возрастающій успѣхъ промышленности и быстрое увеличеніе движимаго имущества нѣсколько уменьшаютъ опасность со стороны такой системы, которая совершенно погубила римское общество. Нужно признаться, что въ настоящее время эта опасность далеко не такъ велика. Во время мира, при либеральномъ и законномъ управленіи въ обществѣ работящемъ, собственность движимая, если и не такъ прочна, по крайней мѣрѣ на столько же вѣрна какъ и собственность поземельная; земля представляетъ уже теперь только одинъ видъ богатства. Поземельная монополія уже не препятствуетъ распространенію другихъ богатствъ. Постоянно накопляющаяся масса движимой собственности мало по малу уменьшаетъ стоимость земли. Земледѣліе все постепенно сливается съ промышленностью и при такомъ новомъ порядкѣ вещей кажется нельзя опасаться прежнихъ бѣдъ.

Тутъ не мѣсто разсуждать объ экономическихъ и политическихъ послѣдствіяхъ этой системы; я ее считаю худой. Этимъ способомъ совершенно уничтожается классъ работниковъ-собственниковъ, которые въ средніе вѣка составляли силу Англіи, и которыхъ постоянно считали главнымъ нервомъ государства. Общественная нравственность страдаетъ вслѣдствіе искуственнаго образованія класса лицъ сильно богатыхъ, которые всегда съумѣютъ извлечь выгоду изъ своихъ достоинствъ и никогда не пострадаютъ отъ своихъ недостатковъ. Монополія вещъ дурная сама по себѣ, но она тѣмъ болѣе вредна, когда она лишаетъ власти и вліянія такихъ лицъ, которые проложили себѣ путь собственнымъ трудомъ и собственными способностями.

Но, я повторяю, нельзя такъ легко осуждать систему, освященную уваженіемъ и процвѣтаніемъ цѣлой націи. Указывая на Англію, я хотѣлъ только объяснить, что равенство не всегда составляетъ

существенное условіе свободы; въ Англіи крайняя свобода уживается съ крайнимъ неравенствомъ.

Вы поймете теперь, что по отношенію къ Англіи можно притди къ самымъ различнымъ заключеніямъ, смотря потому съ какой точки зрѣнія будутъ ее разсматривать. Если обращать вниманіе только на то, что произвелъ принципъ свободы, тогда Англія окажется страной замѣчательной, нѣтъ другой страны, гдѣ бы свобода отдѣльныхъ лицъ была лучше гарантирована противъ всякаго насилія и болѣе уважалась властью. Собственность пользуется тамъ наибольшимъ уваженіемъ. Англійскій гражданинъ болѣе свободенъ, нежели гражданинъ французскій, личность его и имущество болѣе защищены, нежели въ Америкѣ. Можно сказать, что вслѣдствіе крайняго неравенства, свобода поддерживается тамъ со всей энергіей со стороны привилегированныхъ классовъ. Если же мы будемъ искать равенства въ Англіи, то увидимъ совершенно другую картину. Намъ покажется, что мы погрузились въ полный феодализмъ. Равенства тамъ не существуетъ нигдѣ. Въ обществѣ какъ и въ государствѣ и въ правахъ еще болѣе нежели въ законахъ все раздѣлено на классы, и распредѣлено по разрядамъ, какъ во время крестовыхъ походовъ. Загляните въ журналъ, дворянству тамъ отведено особое мѣсто, его браки, рожденія дѣтей составляютъ цѣлыя событія, также и всѣ его праздники, торжественные пріемы и пр. Два вѣка тому назадъ въ Европѣ, какъ и въ Америкѣ, все стремилось къ равенству; въ Англіи же по видимому удержались старые порядки, ни дворянство ни духовенство не потеряли своихъ привилегій. Внѣшняя обстановка дѣйствительно осталась таже, но это нисколько не помѣшало свободѣ развиваться.

Мы видѣли общество свободное, основанное на неравенствѣ и сдѣлавши даже это неравенство существеннымъ условіемъ своей свободы. Въ Англіи какъ и въ другихъ мѣстахъ указываютъ на горькій опытъ нашихъ революцій, чтобы доказать невозможность проведенія нашей системы. Къ счастью Америка въ состояніи доказать, что равенство можетъ развиваться и содѣйствовать всеобщему благу, нисколько не нарушая свободы. Этотъ примѣръ долженъ возбудить въ насъ мужество и поддержать вѣру въ тѣ принципы, которые были провозглашены нашими отцами.

ЧТЕНІЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ.

Очеркъ политичсекаго и гражданскаго устройства колоній.

2. ГРАЖДАНСКОЕ УСТРОЙСТВО.

(Продолженіе)

Мм. Гг.

Чтобы лучше понять принципъ равенства Соединенныхъ Штатовъ, чтобы отличить его отъ принципа свободы, съ которымъ его часто смѣшиваютъ, мы вышли за предѣлы Америки и изучили сначала Англію; такъ какъ въ этой странѣ равенство не проникло еще въ нравы, то именно въ ней намъ легко было узнать что можетъ дать свобода сама по себѣ безъ всякой посторонней примѣси.

Въ тоже время мы старались уяснить тѣ причины, которыя препятствовали развитію равенства въ Англіи, не смотря на то, что равенство вообще свойственно человѣческой натурѣ и съ успѣхомъ образованности постоянно одерживаетъ верхъ, если не встрѣтитъ какихъ либо внѣшнихъ препятствій. Исторія показала намъ, отчего на почвѣ завоеванной Вильгельмомъ не было мѣста равенству и отъ чего тамъ напротивъ и люди и земли подчинились военной іерархіи. Мы видѣли, что этотъ феодализмъ мало по малу не уничтожился, а переродился въ аристократію, т. е. въ такую систему, которая одна только не уживается съ равенствомъ (монархія часто уживалась съ нимъ); наконецъ мы видѣли какъ съ перваго же дня ловкое и преданное отечеству дворянство соединило тѣсно свои интересы съ интересами народа, такъ что въ настоящее время и публицисты и ученые защищаютъ такое соціальное устройство, благодаря которому Англія достигла свободы внутри и безграничнаго могущества извнѣ и завладѣла притомъ торговлей и морями.

Америка представляетъ намъ зрѣлище совершенно противоположное; съ перваго же дня тамъ воцаряется равенство. Переселенцы установили его не по особенной привязанности къ нему, напротивъ они были достаточно проникнуты англійскими идеями, чтобы отнестись съ недовѣріемъ къ неизвѣстному имъ принципу. Сами обстоятельства и различныя нужды при первоначальномъ водвореніи породили и поддержали равенство. Въ этомъ отношеніи религія конечно играла не малую роль, пуританизмъ значительно способствовалъ такому перевороту; но можетъ быть не тутъ слѣдуетъ искать главную причину, которая доставила торжество главному принципу. Еще менѣе слѣдуетъ искать объясненія этой причины въ какой нибудь политической теоріи. При возникновеніи американскаго общества ничего не было напередъ задумано и систематизировано; равенство явилось тамъ не какъ результатъ философскихъ ученій, которыя наука часто вноситъ въ законодательство. Равенство установилось въ Америкѣ совершенно естественнымъ путемъ, такъ же точно какъ феодализмъ явился въ Англіи за шесть вѣковъ передъ симъ. Случайная необходимость играла болѣе важную роль, нежели мудрость человѣческая.

Главное обстоятельство, которое придало англійскому обществу совершенно особенный характеръ іерархической подчиненности, это неправильное раздѣленіе всей земли, постоянно поддерживаемое и законами и нравами.

Въ американскомъ же обществѣ отличительной чертой является равенство въ распредѣленіи земли; а это равенство было прямымъ слѣдствіемъ колонизаціи.

Въ новомъ свѣтѣ не было многочисленнаго населенія, привязаннаго къ землѣ и такого работящаго, каковы были англо-саксы; тамъ была просто горсть дикихъ, на столько чуждыхъ цивилизаціи побѣдителей, что они не могли принять ее и исчезли передъ пришельцами, оставляя имъ свободное поле дѣятельности.

Вслѣдствіе такого различія первоначальныхъ условій каждое изъ помянутыхъ обществъ и получили совершенно своеобразный характеръ.

Если бы въ Америкѣ земля была занята народомъ, земледѣльческимъ какъ въ Англіи, тогда непремѣнно произошло бы подчиненіе

побѣжденныхъ: каждый побѣдитель сдѣлался бы феодальнымъ владѣльцемъ и завелъ бы своихъ васалловъ и слугъ, которые удовлетворяли бы его нуждамъ и прихотямъ. При такой организаціи ничто не могло бы укротить заносчивости первыхъ авантюристовъ, ни Раллей, ни Кларендонъ, ни Шевцбюри не смутились бы этимъ, потому что Локкъ допускалъ еще подобное общество. Отсутствіе равенства, субординація земляныхъ участковъ, сосредоточеніе ихъ въ извѣстныхъ фамиліяхъ—все это были любимыя идеи той эпохи и переселенцы ни за что не отказались бы отъ нихъ, особенно южные, которые во всемъ старались подражать Англіи.

Если система эта не успѣла водвориться, такъ это потому что она нашла препятствіе въ естественныхъ условіяхъ болѣе дѣйствительныхъ нежели всякія идеи и предразсудки, занесенные туда изъ Европы.

Вся страна представляла изъ себя пустыню и лѣса. Чтобы извлечь пользу изъ нея, нужно было приняться за черную работу. Тамъ не было, какъ въ Англіи во времена Вильгельма, земель обработанныхъ, съ которыхъ можно было прогнать однихъ хозяевъ, чтобъ замѣнить ихъ новыми; не было и рабовъ, которые пошли бы работать на побѣдителей и рѣшились бы потомъ и кровью обогощать нѣсколькихъ счастливцевъ. Нужно было все начинать съизнова и, если можно такъ выразиться, нужно было созидать общество. На первыхъ страницахъ библіи вы можете прочесть исторію первыхъ временъ Америки. Каждый, дворянинъ онъ или крестьянинъ, брался за топоръ и за плугъ, чтобы самому прокормить и одѣть себя своимъ собственнымъ трудомъ. При такой обстановкѣ всѣ равны другъ передъ другомъ—это равенство вынужденное; мудрено допустить, чтобы люди, живущіе собственнымъ трудомъ, когда нибудь обращали вниманіе на свое званіе и происхожденіе.

Слѣдствіемъ такого поземельнаго устройства явились два обстоятельства вполнѣ благопріятныя равенству, — во первыхъ земля раздѣлилась совершенно по-ровну, такъ какъ каждый самъ обрабатывалъ свой участокъ. Неравное распредѣленіе земли возможно только тогда, когда легко располагать чужими руками. Во вторыхъ въ Америкѣ не было крупныхъ собственниковъ и фермеровъ;

земля была доступна каждому, часто ее предлагали даже даромъ; кто же послѣ этого согласится работать на другаго? Въ странѣ, гдѣ не было еще промышленности, торговли, достаточнаго населенія и средствъ, кто рѣшился бы отдать свою землю въ распоряженіе кого-либо другаго; кто не постарался бы приберечь плоды своихъ трудовъ для себя самого?

Когда колоніи отдѣлились отъ метрополіи онѣ далеки были отъ того, чтобы пускать въ оборотъ свои первоначальныя владѣнія; они еще не касались той имперіи, которую только что отняли отъ индѣйцевъ и французовъ.

Всѣ эти земли были уступлены федеральному правительству, и съ этого времени, не смотря на большой приливъ переселенцевъ, только самая незначительная часть земель подверглась продажѣ. Такимъ образомъ не только въ настоящее время Соединенные Штаты представляютъ изъ себя цѣлую націю работниковъ собственниковъ, но даже и предвидѣть нельзя, когда это условіе измѣнится; неравенство должно сначала привиться къ нравамъ, прежде чѣмъ взойдти въ законодательство. Это еще ничего не значитъ, что большія богатства попадаются въ большихъ центрахъ, каковы Бостонъ, Нью-Іоркъ, Филадельфія; все это исключенія, не имѣющія никакого значенія. Эти богатые купцы не могутъ задавать тона въ такой громадной странѣ, гдѣ и понятія не имѣютъ о сельскомъ барничѣ; тамъ подъ фермеромъ разумѣютъ независимаго собственника, а не того кто обработываетъ чужую землю.

Чтобы вполнѣ уразумѣть какъ дорого должно быть равенство для американца, взглянемъ на его исторію. Посмотримъ какія трудности ему нужно преодолѣть, чтобы сдѣлаться собственникомъ, какова жизнь, которую онъ ведетъ на землѣ, завоеванной его собственнымъ трудомъ, какова помощь, которую онъ ожидаетъ отъ себѣ подобныхъ и отъ государства; тогда мы поймемъ каковъ былъ духъ первыхъ переселенцевъ. Время конечно мѣняетъ нравы и идеи; но природа все остается таже, борьба съ нею не менѣе трудна, по этому всѣ наши заключенія будутъ совершенно правильны.

Представьте себѣ переселенца, который желаетъ поселиться на западѣ со всѣмъ своимъ семействомъ: онъ уѣзжаетъ, беретъ съ собою немного скота, нѣкоторые инструменты, немного провизіи, сло-

вомъ все то что необходимо на первый разъ. Первая забота колониста отыскать мѣсто, на которомъ онъ могъ бы засѣять; онъ обращается къ завѣдывающему общественными землями, чтобы узнать какія земли подлежатъ продажѣ. Эти земли всегда размежеваны въ Америкѣ по одной и той же системѣ, которая напоминаетъ поземельное устройство римлянъ. Извѣстно, что у римлянъ когда нужно было размежевать общественныя земли (по требованію аграрныхъ законовъ), тогда землемѣры (agrimensores) проводили сначала одну линію съ сѣвера на югъ (cardo), затѣмъ подъ прямымъ угломъ линіею (decumanus), наконецъ проводили нѣсколько новыхъ линій паралельныхъ первой (cardo maximus) и второй (decumanus maximus); этимъ способомъ вся земля раздѣлялась на извѣстные участки, которые и давались колонистамъ.

Такъ же точно и въ Америкѣ; землемѣры отмежевываютъ квадратъ, каждая сторона котораго имѣетъ шесть англійскихъ миль, такимъ образомъ весь участокъ заключаетъ въ себѣ тридцать шесть квадратныхъ миль. Это и составляетъ *township*, о которомъ мы упомянули выше: онъ принятъ за единицу въ Соединенныхъ Штатахъ ([1]). *Township* въ свою очередь дѣлится на тридцать шесть равныхъ квадратиковъ, изъ которыхъ каждый заключаетъ въ себѣ шесть сотъ сорокъ акровъ. Каждая изъ этихъ частей обозначена на планѣ особенной цифрой; шестнадцатая часть всегда предназначается на расходы по школѣ. Каждая такая часть впослѣдствіи подраздѣляется еще на четыре, а иногда и на восемь частицъ въ сто или восемдесятъ акровъ.

Цѣна акра при немедленной уплатѣ одинъ долларъ съ четвертью; такъ что за сто или за двѣсти долларовъ, т. е. за пятьсотъ или тысячу франковъ переселенецъ дѣлается собственникомъ земли, которую самъ онъ выбралъ, и которая заключаетъ въ себѣ отъ тридцати двухъ до шестидесяти четырехъ гектаровъ.

Но какова же земля, которую ему продаютъ такъ дешево, въ какомъ положеніи онъ находитъ ее? Ему приходится одолѣть очень важныя трудности, передъ которыми французъ обыкновенно отступаетъ.

([1]) Смотри десятую лекцію.

Эта страна представляетъ изъ себя дремучій старинный лѣсъ, отдаленный отъ всякаго жилища; подспорья нѣтъ никакого, переселенецъ долженъ самъ сдѣлать все, не ожидая ни отъ кого ни отъ государства, ни отъ частныхъ лицъ.

Прежде всего ему нужно построить себѣ жилища, которыя походятъ на грубые швейцарскіе шалаши. Первыя попавшіяся деревья срубаютъ, кладутъ ихъ горизонтально одно надъ другимъ, соединяютъ поперечными связками и жилище готово. Счастливъ тотъ, у кого вблизи найдется пильный заводъ, гдѣ можно бы было достать дранки, чтобы покрыть ими крышу. Комкомъ грязи затыкаютъ скважины въ деревѣ; изъ камней складываютъ печь, вмѣсто пола настилаютъ нѣсколько досокъ и въ такомъ домѣ помѣщается цѣлая семья, нерѣдко избалованная европейскимъ благосостояніемъ. Но это не все; нужно воздѣлать землю. Съ помощью топора и огня истребляютъ сначала вѣковыя деревья; корни остаются за недостаткомъ рукъ и надлежащихъ инструментовъ; переселенецъ вскапываетъ землю и бросаетъ въ нее нѣсколько сѣмянъ ржи или кукурузы, да сажаетъ немного картофеля, чтобы прокормить себя въ первую самую трудную пору.

Теперь слѣдите за этимъ человѣкомъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ: если лихорадка не уничтожитъ его, если онъ устоитъ противъ тѣхъ вредныхъ міазмовъ, которые заражаютъ воздухъ вслѣдствіе разложенія растительныхъ веществъ, накопленныхъ вѣками, тогда вы увидите предъ собою человѣка, который напомнитъ намъ Робинзона на его островѣ.

Колонистъ удовлетворяетъ самъ себѣ, не заботясь объ остальномъ человѣчествѣ; онъ питается рожью, имъ же посѣянной, скотомъ, имъ же воспитаннымъ, дичью, имъ же застрѣленной, и рыбой, имъ же наловленной. Одеждой ему служитъ шерсть или кожа съ его же стада, причемъ жиръ становится для него источникомъ свѣта; онъ куритъ табакъ, который самъ посѣялъ, яблоки даютъ ему питье, водку, сахаръ, кофе—все это онъ самъ готовитъ. Этотъ человѣкъ живетъ, какъ въ былыя времена патріархи живали безъ денегъ, безъ богатства, а все-таки въ довольствѣ.

Мало по малу проникаетъ туда цивилизація, страна пронизывается болѣе удобными путями, населеніе увеличивается, хлѣбъ на-

чинаютъ продавать, скотъ вывозятъ. Прежній шалашъ замѣняется кирпичнымъ или каменнымъ домомъ и вмѣсто несчастнаго переселенца мы видимъ счастливаго собственника.

Вы спросите, каковъ характеръ этого индивидуума? очевидно подобно древнимъ римлянамъ онъ уважаетъ только тѣ достоинства, которыя самъ себѣ выработалъ: трудъ, экономію и терпѣніе; онъ суровъ, но честенъ, привязанъ къ землѣ, которую онъ выработалъ и независимъ отъ людей, въ которыхъ онъ не нуждается, да которыхъ онъ и не знаетъ.

Соедините теперь большое число этихъ мелкихъ собственниковъ, образуйте изъ нихъ одинъ народъ и попытайтесь навязать этому народу англійскія учрежденія, разскажите ему о наслѣдственномъ дворянствѣ, о правѣ первородства и пр. онъ не пойметъ васъ; учрежденія эти не только не подходятъ къ нему — они были бы просто вопіющею несправедливостью и притѣсненіемъ.

Къ чему дворянство въ странѣ, гдѣ трудъ и собственность уравниваютъ всѣхъ? къ чему право первородства тамъ, гдѣ всѣ дѣти принимаютъ одинаковое участіе въ ихъ общемъ достояніи? Къ чему учрежденія, способныя развить только лѣнь въ такой странѣ, гдѣ все общество имѣетъ одну цѣль—трудъ?

Вы видите, что въ такомъ обществѣ можетъ выработаться только политическое и гражданское равенство; исключите примѣры богатства и бѣдности въ нѣкоторыхъ портахъ, напоминающихъ Европу, и вы увидите, что огромное большинство американцевъ состоитъ изъ собственниковъ, которые собственнымъ трудомъ обработываютъ свою землю; въ обширныхъ областяхъ западныхъ почва очень недавно воздѣлана, тамъ едва насчитываютъ второе поколѣніе плантаторовъ. Цинцинати, столица запада, въ которой теперь сто тысячъ жителей, въ 1800 году была деревней въ шесть сотъ или семь сотъ, въ 1810 ихъ было 2500, а въ 1820 — 10000. Прибавьте къ тому, что въ Огайо есть еще три миліона акровъ годныхъ къ обработкѣ, въ Индіанѣ—девять миліоновъ, въ Иллинойсѣ—шестнадцать, въ Мичиганѣ—восемь, въ Іовѣ и въ Висконсинѣ — шесть; однимъ словомъ колонизація только что начинается.

Перенесемтесь теперь къ началу плантаціи въ такую эпоху, ког-

да трудностей еще было больше, когда поселенцы были еще болѣе уединены, когда общество можно было найдти только за моремъ; предположите, что у этихъ переселенцевъ и идеи англійскія и привычки, не очевидно ли, что въ виду совершенно новой обстановки идеи ихъ измѣнятся и забудутся тѣ привычки, которыя могли существовать только въ совершенно другой общественной средѣ.

Это фактъ неизбѣжный, онъ подтверждается вполнѣ колоніальными законами.

Между этими законами наиболѣе интересны тѣ, которые опредѣляютъ права наслѣдства. Во всѣхъ странахъ эти законы играютъ очень важную роль, потому что съ помощію ихъ законодатель распредѣляетъ богатства, а отъ большаго или меньшаго сосредоточенія богатства зависитъ аристократическій или демократическій характеръ управленія. Примѣръ Франціи представляетъ наилучшее доказательство; вотъ пятьдесятъ лѣтъ какъ дѣйствуетъ гражданскій кодексъ Наполеона и французское общество уже совершенно переродилось, духъ демократизма развился въ насъ до того, что намъ уже трудно понимать нашихъ отцовъ. Революція въ этомъ отношеніи такъ глубоко пустила свои корни, что даже тѣ, кому не нравится республика, мечтаютъ о демократическихъ учрежденіяхъ, т. е. хотятъ чего-либо въ родѣ бельгійской монархіи, которая есть ничто иное какъ демократія съ наслѣдственнымъ президентомъ. Такое положеніе вещей порождено не тѣми десятью конституціями, которыя давно уже исчезли, а именно кодексомъ. Только ему обязана Франція своимъ уравненіемъ.

Законы о наслѣдствѣ вліяютъ очень сильно, они составляютъ переходъ отъ права государственнаго къ праву гражданскому, а чрезъ посредство гражданскаго права они дѣйствуютъ на нравы, на весь общественный строй. Благодаря этому двойственному характеру, они служатъ историку и философу термометромъ, по которому можно опредѣлять состояніе общества въ данный моментъ.

Колоніальные законы о наслѣдствѣ покажутъ намъ какимъ образомъ этотъ новый принципъ равенства измѣнилъ привычки метрополіи.

Англійскіе законы совершенно феодальные и аристократическіе по характеру объясняются только своимъ происхожденіемъ; земля

была лэномъ, который долженъ былъ поставлять военную силу, въ виду этого все было сочтено въ тотъ день, когда лэнъ сдѣлался наслѣдственнымъ; кровь была нипочемъ, ее нельзя было бы щадить, иначе это ослабило бы общество.

Исходя изъ того принципа, что военная служба нераздѣльно соединена съ лэномъ, нужно было заботиться о цѣлости лэна, раздробленіе его могло бы ослабить службу. А такъ какъ лэнъ былъ нераздѣлимъ, то одинъ только изъ дѣтей могъ владѣть имъ съ обязанностію помогать другимъ; этимъ преимуществомъ долженъ былъ пользоваться старшій, какъ наиболѣе способный носить оружіе. Исключеніе дочерей изъ наслѣдства объясняется легко, отъ послѣднихъ нельзя было ожидать военныхъ услугъ.

Право первородства и исключеніе женщинъ, вотъ что порождаетъ феодализмъ въ своей первоначальной суровости.

Когда феодализмъ породилъ аристократію, закрѣпивъ землю въ однѣхъ рукахъ, тогда идея семейства замѣнила собою принципъ военной службы и придало наслѣдству совершенно особенный характеръ. Имущество стало принадлежать потомкамъ того, кто первый его пріобрѣлъ. Земля была не разлучна съ семействомъ; всякій владѣлецъ только временно пользовался имъ, какъ король напримѣръ, который можетъ извлекать извѣстныя выгоды отъ своего королевства.

Отсюда произошли нѣкоторыя правила, которыя въ настоящее время удивляютъ насъ: отецъ и мать исключены изъ наслѣдства; потому что еслибы земля досталась имъ, она осталась бы въ ихъ рукахъ и они получили бы право отдавать ее и получать обратно. Наслѣдство обращаетъ вниманіе на происхожденіе, а не на личности: предки болѣе отдаленные предпочитаются болѣе близкимъ, если послѣдніе не происходятъ изъ одного общаго корня; право субституціи совершенно стѣсняетъ землевладѣніе, однимъ словомъ все подчинено строгой регламентаціи, все ведетъ къ тому, чтобъ поддержать принципъ семейства. Вотъ каковъ духъ англійскаго законодательства.

Въ колоніяхъ трудно было удержать подобный порядокъ въ виду пуританскихъ идей, столь сродныхъ христіанскому равенству и въ виду того неизбѣжнаго равенства, которое проистекало изъ

самаго способа обработки земли. Вы увидите какъ у людей одной и той же расы разница обстановокъ (а также и религіозныхъ идей) породила самыя разнообразныя учрежденія.

Южныя плантаціи, включая сюда и Виргинію, сдѣлались колоніями рабовъ? тамъ какъ и въ Англіи образовался классъ людей еще съ большими преимуществами: они бездѣйствовали, пока другіе на нихъ работали. Значитъ легко было остаться вѣрнымъ привычкамъ метрополіи. Въ эпоху революціи поземельная собственность на югѣ раздѣлена была на большіе участки, принадлежавшіе прежнимъ плантаторамъ. Младшія линіи зависѣли отъ старшихъ, такъ что послѣдніе пользовались прерогативами англійскихъ феодаловъ.

Существованіе аристократіи очень понятно тамъ, гдѣ господствуетъ рабство, если нѣтъ высшей деспотической силы, которая была бы въ состояніи уровнять все; вотъ почему въ Виргиніи еще сильнѣе отстаивали право субституцій чѣмъ въ Англіи, и въ 1705 году отмѣнили тотъ законъ, по которому въ метрополіи устранялось иногда распоряженіе завѣщателя и имѣніе, подлежавшее субституціи, поступало въ продажу.

На сѣверѣ, гдѣ самый климатъ возсталъ противъ рабства, гдѣ свободный землепашецъ самъ справлялся съ пустыней, нравы англійскіе были отвергнуты, и въ Новой-Англіи, исключая *Rhode-Lsland*, введено было распредѣленіе наслѣдства между всѣми дѣтьми по-ровну съ тою только разницею, что старшій получалъ двойную часть, какъ по закону Моисееву. При такомъ измѣненіи дѣйствовала уже не идея аристократизма, а чисто религіозная.

Мэриландъ съ 1715 года и Пенсильванія съ самаго дня своего учрежденія признали принципъ равенства въ порядкѣ наслѣдованія; Нью-Іоркъ и Нью-Джерсей, королевскія провинціи, сохранили англійскіе порядки до самой революціи, но хотя въ этихъ провинціяхъ часть населенія, родомъ голландцы, и приняло на себя роль крестьянъ и извѣстными взносами потворствовало выгодамъ крупныхъ землевладѣльцевъ, но и тутъ англійскій законъ былъ только по неволѣ допущенъ; на другой же день послѣ революціи онъ исчезъ. Одинъ процесъ, происходившій въ 1727 году показываетъ намъ до какой степени дорога была идея равенства для

сѣверныхъ поселенцевъ. Уложеніе Коннектикута, какъ и всѣ другія, постановляло, что колоніальному собранію принадлежитъ власть законодательная съ тѣмъ однако, чтобы вновь издаваемые законы не противорѣчили законамъ Англіи. Основываясь на этомъ, въ совѣтѣ короля поднялся протестъ противъ того закона, который уравнивалъ наслѣдственныя права сыновей и дочерей; законъ этотъ былъ уничтоженъ.

Такое рѣшеніе огорчило Коннектикутъ и сосѣднія провинціи, по настоянію колоніальныхъ агентовъ и по всеобщему требованію декретъ былъ взятъ назадъ и законъ возстановленъ. Такимъ образомъ рѣшено было, что мѣстная законодательная власть могла сама измѣнять права наслѣдства, не нарушая этимъ тѣхъ законовъ метрополіи, которые были признаны въ колоніяхъ, но не указаны.

Во всѣхъ провинціяхъ, гдѣ преобладалъ равный раздѣлъ наслѣдства, всѣ земляные участки раздѣлились на фермы средней величины; такое повсемѣстное равенство собственности породило экономію и трудъ, слѣды которыхъ проглядываютъ въ правахъ, законахъ и администраціи колоній. Напримѣръ общинное устройство Новой-Англіи возможно было только въ такой странѣ, гдѣ каждый былъ собственникомъ и заинтересованъ въ соблюденіи порядка и законности. Въ этомъ отношеніи нельзя не замѣтить той связи, которая существуетъ между порядкомъ землевладѣнія и характеромъ управленія. Какъ бы мы не называли страну—имперія, республика, монархія, если большая часть ея жителей собственники, если богатства распредѣлены до извѣстной степени равномѣрно, то общество непремѣнно обратится въ демократію, въ самомъ лучшемъ смыслѣ этого слова; демократія тѣмъ отличается отъ демагогіи, что въ первой все управленіе находится въ рукахъ мелкихъ собственниковъ, а во 2-й, напротивъ, въ рукахъ тѣхъ кто ничего не имѣетъ. Государственные люди Америки во время революціи очень хорошо поняли всю силу законовъ о наслѣдствѣ. Джеферсонъ, который, можно сказать, представляетъ восхищеніе принципа равенства въ Америкѣ, на другой же день послѣ революціи предложилъ общему собранію въ Виргиніи отмѣнить законъ о правѣ первородства, а также субституціи.

Его цѣль заключалась въ томъ, чтобы уничтожить патриціатъ,

который образовался мало по малу въ колоніяхъ подъ вліяніемъ аристократическихъ законовъ. Въ самомъ дѣлѣ, нѣсколько семействъ, въ рукахъ которыхъ сосредоточились всѣ владѣнія, должны были имѣть огромное вліяніе по своему богатству. Между ними губернаторъ избиралъ членовъ совѣта, а надежда на такое отличіе обыкновенно привязывала къ королю все высшее сословіе. Въ частыхъ ссорахъ, возникавшихъ между губернаторомъ и народомъ, крупные собственники были достаточно сильны, чтобы доставить торжество монархическому принципу; ихъ легко было расположить въ пользу короля. Джеферсонъ не хотѣлъ вовсе прибѣгать къ силѣ, не хотѣлъ нарушать естественныхъ правъ, но хотѣлъ, напротивъ, дать имъ полную силу; согласно его выраженію онъ стремился къ тому, чтобы уничтожить привилегіи аристократіи и богатства, потому что съ ними соединено больше опасности, чѣмъ блага для общества. Въ правильно организованной республикѣ всѣ пути должны быть открыты для аристократовъ по достоинству и по таланту; это двѣ силы, которыя должны руководить судьбами общества, природа распредѣлила ихъ по-ровну между всѣми людьми (1).

Эта мысль совершенно вѣрная; идея уничтожить аристократію и помѣшать тому, чтобы кто бы то ни было выдавался изъ общаго уровня, это просто фантазія демона; тутъ говоритъ зависть, которая выдаетъ себя за республиканскую добродѣтель. Истинная демократія не признаетъ наслѣдственныхъ преимуществъ, она сама дѣло правленія признаетъ доступнымъ для всѣхъ, возвышаетъ то что само по себѣ высоко и такимъ образомъ отдается въ руки дѣйствительной аристократіи, т. е. людямъ лучшимъ, наиболѣе способнымъ, а не тѣмъ, кто хвалиться богатствомъ или происхожденіемъ.

Законъ Джеферсона, уничтожившій субституцію, а также право первородства и преимущества мужскаго пола, совершенно соотвѣтствовалъ предположенной цѣли, т. е. уничтожилъ неравенство, которое часто преобладало въ Виргиніи. Этотъ законъ, не только измѣнилъ порядокъ землевладѣнія и раздѣлилъ участки на бездну

(1) Tucker, Life of Jefferson, I, 97.

мелкихъ, но даже сильно подѣйствовалъ на общественное мнѣніе, такъ что въ настоящее время, отецъ рѣдко рѣшится предпочесть одного сына другимъ; это одинъ изъ поразительныхъ примѣровъ, который ясно показываетъ вліяніе имущественныхъ законовъ; измѣняя распредѣленіе богатства и вводя равномѣрное раздѣленіе земли, законы эти развиваютъ гражданское равенство и поселяютъ ненависть къ привилегіямъ [1].

„Вліяніе такого измѣненія въ распредѣленіи собственности оказываетъ огромное вліяніе, говоритъ біографъ Джеферсонъ Тукка, профессоръ нравственной богословіи въ Виргиніи; въ настоящее же время нѣтъ особаго класса людей, владѣющаго крупными наслѣдствами и гордо возвышающагося надъ другими; большая часть богачей пріобрѣла богатство, благодаря своимъ талантамъ и промышленности, и всѣ почти довольствуются скромными издержками, не допуская себя до роскоши."

„Въ Виргиніи бывало много лицъ, которыя разъѣзжали въ экипажахъ шестью лошадьми; теперь ужъ и не увидишь такого экипажа. До революціи вѣроятно вдвое и втрое больше ѣздили четверкой, чѣмъ теперь, за то число каретъ въ двѣ лошади въ настоящее время въ 10 и 20 разъ больше нежели было прежде. Нѣкоторыя семейства могли гордиться тѣмъ, что серебра у нихъ больше, чѣмъ въ любомъ теперешнемъ домѣ, но за то общее количество серебра увеличилось въ 20, если даже не въ 50 разъ."

Исторія Виргиніи въ нѣкоторой степени представляетъ исторію Франціи. Въ самомъ дѣлѣ, правильное распредѣленіе богатства ведетъ за собой быстрое его увеличеніе, потому что оно заставляетъ богатаго работать, а въ бѣдномъ поддерживаетъ больше надежды на успѣхъ; и тотъ и другой болѣе близки къ общему уровню, который отдѣляетъ бѣдность отъ богатства, такъ что бѣдный можетъ расчитывать разбогатѣть, а богатый не бояться обѣднѣть. Вслѣдствіе этого количество труда значительно увеличивается, а такъ какъ трудъ вмѣстѣ съ тѣмъ есть орудіе богатства, то въ

[1] Объ этомъ смотри мое сочиненіе Histoire du droit de propriété. Paris, 1839.

обществѣ чрезъ это возвышается степень довольства, независимости и нравственности; и политика и экономія выигрываютъ.

Я вамъ сейчасъ показалъ какое вліяніе имѣютъ законы на общественные нравы, и какъ, въ свою очередь, общественные нравы отражаются на законахъ; полная свобода завѣщанія, заимствованная американцами у англичанъ и достигшая въ обѣихъ странахъ различныхъ результатовъ, доказываетъ какъ жестоко ошибаются тѣ, которые придаютъ исключительное значеніе законамъ, не обращая вниманія на сферу, въ которой они вырабатываются. Завѣщаніе не принадлежитъ къ числу феодальныхъ установленій; напротивъ того, оно доказываетъ реакцію со стороны свободнаго духа; оно заимствовано въ каноническомъ правѣ, куда перешло еще изъ римскаго права. Германское право не знало завѣщаній: одинъ Богъ можетъ сдѣлать меня наслѣдникомъ — вотъ принципъ, который феодализмъ унаслѣдовалъ отъ варваровъ, онъ сохранилъ его, переродившись въ аристократію. Собственность принадлежала не столько отдѣльному лицу, сколько цѣлому семейству настоящему и будущему; понятно, что временной владѣлецъ не могъ располагать ею.

Завѣщаніе, напротивъ, предполагаетъ полное признаніе индивидуальной собственности. Не обращая вниманія на то, какъ досталась собственность, законъ дозволяетъ пользоваться и даже злоупотреблять ею по своему усмотрѣнію, это моя вещь и дѣти мои тогда только имѣютъ право на нее, когда я самъ передамъ ее имъ. Таково завѣщаніе по закону англійскому и американскому: оно представляетъ собою торжество индивидуальной свободы, это абсолютная свобода. Какимъ образомъ въ Англіи, гдѣ непрерывность семейства составляетъ главное стремленіе закона, могли допустить такую безграничную свободу въ собственникѣ (по крайней мѣрѣ въ имуществѣ не подлежащемъ субституціи); какъ, съ другой стороны, допускаютъ такой произволъ отца семейства въ Америкѣ, вмѣсто того, чтобы сразу установить равенство и такимъ образомъ поддержать естественныя права семейства, какъ дѣлаетъ наше законодательство? Вѣдь завѣщаніе есть или аристократическое или демократическое установленіе, если оно пригодно для одной страны, то должно быть пагубно для другой?

Это соображеніе правдоподобно но не вѣрно; оно основано на

заблужденіи тѣхъ, которые думаютъ, что законъ дѣйствуетъ независимо отъ духа того народа, который его придерживается. Нравъ, напротивъ, имѣетъ такое огромное вліяніе, что одинъ и тотъ же законъ въ двухъ странахъ, даетъ совершенно противуположные результаты.

Въ Англіи, гдѣ все стремленіе разбогатѣвшаго негоціанта состоитъ въ томъ, чтобы водворить свое семейство въ нѣдрахъ аристократіи, гдѣ первый долгъ дворянина, чтобы поддержать блескъ своего дома, там свобода завѣщанія наиболѣе благопріятствуетъ аристократическимъ стремленіямъ; замѣтьте, что тоже самое было и въ Римѣ, гдѣ такая свобода существовала во всей силѣ.

Въ Америкѣ завѣщаніе не уничтожаетъ равенства; нравы тамъ болѣе сильны нежели законы, и они-то не позволяютъ злоупотреблять свободой. Напротивъ того, отцовская власть пользуется ею совершенно произвольно, тогда какъ у насъ эта свобода ограничена закономъ. Свободное распоряженіе имуществомъ служитъ важнымъ двигателемъ человѣка, оно дѣлаетъ его неограниченнымъ господиномъ того, что ему принадлежитъ не только во время жизни, но даже послѣ смерти. Тутъ нечего опасаться неравенства, потому что мысль создать семейство въ Соединенныхъ Штатахъ, была бы химерой: субституція тамъ не существуетъ, земля не даетъ ни власти, ни преимущества. Естественныя права не нарушаютъ интересовъ политическихъ, свобода завѣщаній не представляетъ никакой опасности.

Принципъ равенства восторжествовалъ, измѣнивъ порядокъ наслѣдства и самый порядокъ завѣщанія: вглянемся глубже и мы увидимъ, что всѣ имущественные законы подверглись значительному измѣненію.

Англійское законодательство стремится къ тому, чтобы закрѣпить землю въ однѣхъ рукахъ и помѣшать переходу ея въ другое семейство; таковъ же былъ духъ и нашихъ законовъ; кое что перешло и въ кодексъ; напротивъ того въ странѣ, гдѣ съ землей не соединены никакія политическія привилегіи, законодательство стремится къ тому, чтобы сдѣлать собственность доступной для каждаго и облегчить отчужденіе ея и передачу. Земля служитъ въ торговлѣ обыкновеннымъ орудіемъ производительности.

Англійскій законъ очень затрудняетъ продажу поземельныхъ участковъ; стѣсненіе это имѣетъ двойную причину: съ одной стороны, надо придерживаться очень сложныхъ и мелочныхъ соображеній, которыя давно утратили всякій смыслъ, съ другой же стороны (и это очень важно) законъ вооружается противъ каждаго, кто удаляетъ собственность изъ рукъ семейства, будь онъ покупщикъ или продавецъ.

Войдти во владѣніе какимъ нибудь имуществомъ въ Англіи чрезвычайно трудно; злоупотребленія со стороны продавца очень возможны, такъ что покупщики нерѣдко останавливаются передъ препятствіями, которыя трудно пріобрѣсть. Даже при полномъ желаніи и искренности продавца трудно войдти въ свои права, потому что они никогда не дѣлаются гласными, и никогда нельзя быть увѣреннымъ въ ихъ ненарушимости.

Такимъ образомъ аристократизмъ закона дѣлаетъ всякую собственность шаткой, исключая послѣдственной. Всѣмъ жертвуютъ для того только, чтобы поддержать семейство.

Тоже самое можно сказать и про ипотеку. Кредиторъ, преслѣдующій своего должника, признается врагомъ общества; его преступленіе состоитъ въ томъ, что онъ нарушаетъ право собственности семейства. Англійское законодательство все проникнуто этимъ духомъ. Оно не терпитъ гласности. Всѣ старанія лорда Бругама, который старался завести публичные реестры для продажи и залога имущества, кончились ничѣмъ; тоже было въ прежней нашей монархіи, и все это изъ опасенія подорвать кредитъ дворянства, раскрывъ плачевное состояніе вещей, а особенно изъ желанія закрѣпить за семействомъ тѣ владѣнія, которыя служатъ ему поддержкой (1).

Въ Америкѣ, для передачи имуществъ, съ самаго перваго дня, принята простая система, которая обезпечиваетъ обѣ стороны.

---

(1) Въ настоящее время все это измѣняется въ Англіи; духъ демократизма развивается и вноситъ въ законы равенство. Отсутствіе равенства скоро останется въ однихъ только нравахъ, да и оттуда, наконецъ, будетъ выгнано.

Контрактъ, выраженный въ самой короткой формѣ, удостовѣренный двумя свидѣтелями и скрѣпленный полицейской властью, вносится въ публичную книгу. Это внесеніе и служитъ выраженіемъ заключеннаго обязательства; кромѣ этого не требуется никакихъ формальностей, никакихъ феодальныхъ церемоній, которыя только усложняютъ самый простой контрактъ. Такая форма принята во всей Америкѣ; и мы примемъ ее, по крайней мѣрѣ въ ея главномъ принципѣ, я разумѣю гласность; но, къ величайшему преимуществу Америки, расходы по продажѣ тамъ очень не велики, тогда какъ у насъ всякая передача правъ на имущество, сопряжена съ большими расходами, которые косвенно способствуютъ тому, чтобъ препятствовать продажѣ или по крайней мѣрѣ стѣснять обращеніе большей части имуществъ.

Эти законы, равно какъ и законы о наслѣдствѣ, представляютъ собою остатокъ феодолизма. Они оправдывались въ то время, когда владѣлецъ отчуждая свое имущество, передавалъ вмѣстѣ съ нимъ какія нибудь права; въ настоящее же время это просто обратилось въ налогъ, который только стѣсняетъ въ экономическомъ отношеніи и совершенно противурѣчитъ той цѣли, къ которой должно стремиться законодательство. Эти законы разоряютъ мелкихъ владѣльцевъ, и вмѣсто того, чтобы способствовать производительности, они только задерживаютъ ее.

Съ самаго перваго дня Америка ввела у себя гласность въ ипотечныхъ дѣлахъ и облегчила отчужденіе недвижимаго имущества. Это два обстоятельства, которыя не представляютъ никакихъ затрудненій тамъ, гдѣ собственность не имѣетъ политическаго характера.

Если мы сравнимъ теперь всѣ три страны и резюмируемъ наши замѣчанія, мы увидимъ, что въ Англіи отсутствіе принципа равенства повело за собою огромное бѣдствіе, и что всего опаснѣе для государства, породило крайнюю нищету, наряду съ крайнимъ богатствомъ. Свобода политическая еще не разрѣшаетъ соціальной задачи, которая состоитъ въ томъ, чтобы создать счастье для всѣхъ, на сколько это возможно, во всѣхъ человѣческихъ обществахъ. Во Франціи существуетъ полнѣйшее равенство, но свобода тамъ не организована, такъ что общество наше демократично по

своимъ гражданскимъ законамъ, но далеко не по учрежденіямъ. Оно не обладаетъ само собой, у него нѣтъ привычки самому дѣлать свои дѣла, а въ этомъ-то и состоитъ настоящая свобода. Какое бы правительство ни было во главѣ Франціи оно всегда стѣсняетъ свободу и совершенно душитъ ее централизаціей. Мы знакомы съ тѣми смутами и съ тѣмъ волненіемъ, которыя ведетъ за собой свобода, а ея истинныхъ благъ мы не знаемъ. Америка болѣе соотвѣтствуетъ условіямъ человѣческой натуры: законодатель самъ, прежде всего, уважаетъ эти условія и, такимъ образомъ, примиряетъ равенство съ свободой. Самое воспитаніе, по возможности, уравниваетъ всѣхъ. Учрежденія тамошнія чужды привилегіи; наконецъ свободѣ предоставляется тамъ организовать на пользу общую естественную аристократію и предоставляетъ самымъ способнымъ людямъ руководить всѣмъ обществомъ.

Вы теперь знаете, что гражданскія и политическія права суть результатъ нравовъ, идей и нуждъ извѣстной страны; отдѣлять законы отъ этой среды, значитъ преграждать путь къ ихъ пониманію. Этотъ принципъ былъ, можно сказать, душою нашихъ лекцій, это былъ свѣточь, который способствовалъ намъ въ изученіи быта колоніи. Эта объясняетъ почему исторія играла такую важную роль въ нашихъ изысканіяхъ. Воодушевляя прошедшія, воскрешая забытыя поколѣнія, со всѣми ихъ страстями и идеями, исторія даетъ намъ ключъ къ уразумѣнію ихъ кодексовъ и къ раскрытію истиннаго духа ихъ законодательствъ. Каковъ же былъ этотъ духъ въ Америкѣ? Съ самаго перваго дня два слова выражали его: два слова, которыми Вольтеръ благословлялъ внука Франклина: God and liberty,—религія и свобода!“—

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

СОДЕРЖАНІЕ.
